Б. И. Иванов

История Клуба-81

Издательство Ивана Лимбаха

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга воспоминаний Б. И. Иванова (1928–2015) – прозаика, публициста, культуролога, одного из создателей литературного Клуба-81, полна живых свидетельств и документов, ярко характеризующих культурную жизнь Ленинграда 1980-х годов – не столь далекого, хотя и ускользающего от нас времени, уже ставшего историей.

Борис Иванович Иванов – дипломант Анциферовской премии, лауреат Премии Андрея Белого, премий журналов «Знамя» и «Новый мир»; подлинный хронист эпохи самиздата.

Книга адресована литературоведам, историкам, социологам и широкому кругу читателей, интересующихся новейшей отечественной литературой.

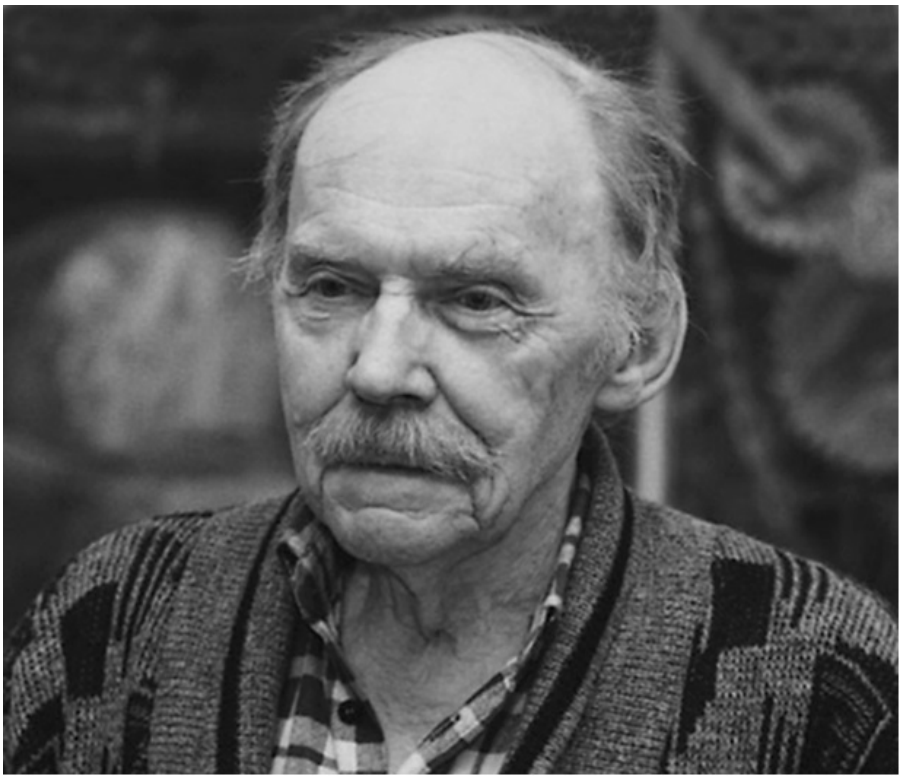
- Б. И. Иванов
  -
  - Хроника
  - Введение
  - 1980 год
  - 1981 год
  - 1982 год
  - 1983 год
  - 1984 год
  - 1985 год
  - 1986 год
  - 1987 год
  - 1988 год
  - 1989 год
  - Борис Рогинский
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107

Б. И. Иванов
История Клуба-81



Хроника

1979 год

16 сентября. В Ленинграде состоялась 1-я конференция культурного движения, организованная соредакторами журнала «Часы» Б. Ивановым и Б. Останиным.

Октябрь. В Ленинграде вышел альманах «Женщина и Россия». Составители Т. Горичева, Н. Малаховская, Т. Мамонова.

Осень. К. Бутырин и С. Стратановский начали выпускать журнал критики и полемики «Диалог».

22–23 декабря. Прошла 2-я конференция культурного движения.

1980 год

Май. Г. Григорьева и Н. Лазарева выпустили первый номер журнала «Мария».

Май–июль. Эмигрируют Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Н. Малаховская, Т. Мамонова.

1981 год

Апрель. Начались переговоры литераторов с представителями КГБ и ССП об учреждении независимого творческого объединения (впоследствии – Клуб-81).

14–17 ноября. В расселенном доме 1/3 на Бронницкой улице состоялась большая квартирная выставка ТЭИИ (Товарищества экспериментального изобразительного искусства).

Осень. Вышел первый номер литературно-критического журнала «Обводный канал». Редакторы С. Стратановский, К. Бутырин, Б. Рохлин.

30 декабря. Общее собрание Клуба-81 утвердило устав и избрало правление: И. Адамацкий (председатель), С. Вовина, А. Драгомощенко, Б. Иванов, Н. Подольский, С. Стратановский.

1982 год

6 января. Вечер поэзии, организованный Клубом-81 в музее Ф. М. Достоевского. Выступали А. Драгомощенко, Е. Игнатова, В. Кривулин, О. Охапкин.

26 января. Первый вечер прозы Клуба-81 в музее Ф. М. Достоевского. Выступали Б. Дышленко, Е. Звягин, Б. Кудряков, Б. Улановская, Ф. Чирсков.

23 марта. Вечер в Клубе-81, посвященный изобразительному искусству Ленинграда. Выступили Ю. Новиков, Е. Барбан, М. Иванов, И. Иванов, В. Кривулин.

27 апреля. Вышел первый номер информационного бюллетеня Клуба-81 «Регулярные ведомости». Редакторы В. Долинин, С. Коровин.

11 мая. Вечер московских поэтов в Клубе-81: Б. Кенжеев, Ю. Кублановский, В. Лен, Д. Пригов, Л. Рубинштейн, О. Седакова.

14, 22 июня. Арестованы В. Долинин, Р. Евдокимов.

Со второй половины года мероприятия Клуба-81 проходят на улице Петра Лаврова, 5.

Сентябрь. Вышел первый номер журнала «Молчание». Редактор Д. Волчек.

26 октября. Вечер памяти Леонида Аронзона. Выступили А. Альтшулер, В. Кривулин, Е. Шварц, Вл. Эрль.

10 ноября. Умер Л. Брежнев. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Ю. Андропов.

14 декабря. Вечер переводческой секции Клуба-81: В. Антонов, Е. Зелинская, В. Кучерявкин, Б. Останин, С. Хренов.

23 декабря. Вечер джаза в музее Ф. М. Достоевского: С. Курехин, В. Чекасин, Б. Гребенщиков.

1983 год

22 февраля. В Доме писателя вечер поэтов Клуба-81. Выступили О. Бешенковская, А. Драгомощенко, Е. Игнатова, В. Кривулин, Б. Куприянов, В. Нестеровский, О. Охапкин, Е. Шварц, Э. Шнейдерман.

23 февраля. При Клубе-81 учреждена театральная студия Э. Горошевского.

4 марта. На общем собрании клуба обсуждалось коллективное письмо в защиту арестованного В. Долинина. После дискуссии письмо подписали 22 человека. Долинин остался членом клуба.

8–10 апреля. В Клубе-81 прошла конференция «Культура и традиция», с докладами выступили Б. Иванов, В. Кушев, Э. Горошевский, С. Бернадский, В. Кривулин, М. Берг и другие.

23 мая. В Клубе-81 с лекцией о Достоевском выступил Г. Померанц.

14 июня. В Клубе-81 состоялся литературно-музыкальный вечер. Выступили С. Курехин и Б. Гребенщиков, певица В. Пономарева, американский квартет саксофонистов ROVA.

1984 год

18 января. В «Ленинградской правде» опубликовано письмо художника И. Синявина. Предисловие написал Ю. Андреев. Протест членов клуба.

9 февраля. Умер Ю. Андропов. Генсеком ЦК КПСС становится К. Черненко.

3 мая. В Доме писателя состоялся вечер прозаиков Клуба-81.

Лето. Начал выходить сборник секции переводчиков «Предлог». Редакторы С. Магид, С. Хренов.

1985 год

10 марта. Умер К. Черненко.

11 марта. Генеральным секретарем ЦК КПСС избран М. Горбачев.

15 марта–10 апреля. 6-я выставка ТЭИИ.

Весна. В Клубе-81 прошла конференция «Искусство XX века – итоги и перспективы». С докладами выступили Г. Беневич, А. Шуфрин, Б. Иванов, Е. Пазухин.

17 октября. Вечер памяти Л. Аронзона и А. Морева.

Декабрь. В Клубе-81 трехдневный симпозиум «Пути культуры 1960–1980-х годов». С основным докладом «Молния и радуга», вызвавшим оживленную дискуссию, выступили А. Кобак и Б. Останин.

Вышел литературно-художественный сборник «Круг». Составители Б. Иванов, Ю. Новиков.

1986 год

25 февраля–6 марта. XXVII съезд КПСС. М. Горбачев назвал брежневское правление «эпохой застоя».

30–31 мая. В Клубе-81 прошла конференция, посвященная неофициальному культурному движению.

Май. Образован Ленинградский центр творческой инициативы (ЛЦТИ) при городском комитете ВЛКСМ.

19 октября. На Владимирской площади прошел митинг в защиту дома Дельвига.

13–14 декабря. Состоялось отчетно-выборное собрание Клуба-81 в присутствии П. Коршунова и Г. Бариновой. В ответ на требование Коршунова прекратить участие в «антисоветских» зарубежных журналах члены клуба потребовали начать выпуск малотиражных литературных изданий и опубликовать «Круг-2».

Начал выходить журнал «Красный щедринец». Основатель и редактор Б. Иванов.

1987 год

14–25 января. Прошла 9-я выставка ТЭИИ, без отборочной комиссии. Выставку посетили 50 000 человек.

27–28 января. Пленум ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике». Провозглашена политика гласности.

2–4 февраля. Творческая лаборатория «Поэтическая функция» провела 1-ю конференцию «Новые языки в искусстве».

20 февраля. На заседании круглого стола журнала «ЭКО» в Центральном экономико-математическом институте в Москве принято решение о создании клуба межпрофессионального общения «Перестройка» для проведения дискуссий по проектам новых законов.

14 марта. В Клубе состоялась дискуссия на тему «Новое искусство в современной ситуации» с участием литераторов,

художников, искусствоведов, музыкантов. В числе выступавших: И. Адамацкий, В. Герасименко, М. Иванов, А. Ковалев, С. Ковальский, Л. Кузнецов, Б. Митавский, Ю. Рыбаков, Ю. Шевчук.

21 марта. На городском форуме в память о снесенной 18 марта гостинице «Англетер» принята резолюция о создании культурно-демократического движения (КДД).

28 марта. В ДК имени Ильича состоялась учредительная конференция Совета по экологии культуры.

12 апреля. Создано экологическое объединение «Дельта». Руководитель П. Кожевников.

18 мая. Исполком Ленсовета утвердил «Временные правила о порядке проведения собраний, митингов, шествий…»

Май. Образован ленинградский межпрофессиональный клуб «Перестройка».

Июль. Вышел первый номер журнала «Вестник совета по экологии культуры». Редактор М. Талалай.

Август. Зарегистрирован клуб «Перестройка» при Правлении Ленинградского экономического общества.

22 октября. И. Бродскому присуждена Нобелевская премия.

24–25 октября. В Клубе-81 состоялась первая встреча редакторов и представителей независимых изданий Ленинграда, Москвы и Риги.

13 ноября. Учредительное собрание Ленинградского клуба «Перестройка». Избрано правление: Л. Гольдштейн, Б. Лукин, В. Монахов, В. Рамм, А. Сунгуров, А. Филиппов, А. Ющенко.

18 ноября. В Клубе-81 прошел вечер, посвященный присуждению И. Бродскому Нобелевской премии.

9 декабря. В Клуб-81 прошел вечер, посвященный памяти А. Галича.

Декабрь. Создан Координационный совет демократических организаций Ленинграда (Ю. Рыбаков, Е. Подольцева, В. Рамм, В. Монахов, М. Макаревич, И. Сошников, Ю. Нестеров).

1988 год

1–5 февраля. В Москве состоялась 2-я конференция «Новые языки в искусстве».

26 апреля. На заседании клуба «Перестройка» В. Тягушев предложил начать организацию Народного фронта Ленинграда.

7–8 мая. В Москве на квартире С. Григорьянца состоялась вторая встреча редакторов независимых изданий Москвы и Ленинграда. Принята декларация Клуба независимой печати.

8 июня. В ДК имени Ильича создан Инициативный комитет Народного фронта Ленинграда.

14 июня. В Юсуповском саду состоялся первый массовый митинг, посвященный памяти жертв политических репрессий.

Выступали В. Долинин, Н. Катерли, Ю. Рыбаков, Е. Зелинская, В. Кривулин, Г. Лебедев. Объявлено о создании ленинградского «Мемориала».

25 июня. По инициативе Б. Иванова проведено первое в Ленинграде массовое шествие в поддержку демократических преобразований. Колонна прошла от концертного зала «Октябрьский» до Смольного, где состоялся митинг.

14 сентября. В Клубе-81 состоялось учредительное собрание Общества христианского просвещения. Инициаторы: Е. Пазухин (председатель), Б. Иванов.

25 сентября. Создана организация «За Народный фронт» (около 50 человек). Члены Координационного совета: А. Голов, Б. Иванов, Н. Корнев, С. Магид, Ю. Нестеров, А. Серяков, В. Лужбин.

19–20 ноября. В Москве по инициативе Клуба независимой печати прошла третья встреча редакторов и представителей независимых изданий.

11 декабря. В клубе состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня рождения А. Солженицына. Выступали Г. Анищенко, А. Гурьянов, Б. Иванов.

1989 год

4 января. «Выборы-89» утвердили предвыборный список из 35 человек (Д. А. Гранин, М. М. Чулаки, В. Г. Рамм, В. Н. Монахов, А. А. Дольский, Б. Н. Никольский, П. С. Филиппов, М. Е. Салье и другие).

8 января. В Гавани открылась художественная выставка «От неофициального искусства – к перестройке».

1–4 февраля. В Ленинграде состоялась 3-я конференция «Новые языки в искусстве».

26 марта. Выборы народных депутатов СССР. В Ленинграде потерпели поражение ведущие партийные и советские работники.

Март. Совет по экологии культуры по инициативе М. Талалая основал Общественную библиотеку-архив самиздата.

11–14 апреля. В Центральном лектории общества «Знание» прошла конференция «Независимая культура Ленинграда 1950 – 1970-х годов». С докладами выступили Б. Иванов, Вл. Эрль, В. Уфлянд, В. Долинин, С. Ковальский и другие.

25 апреля. Пленум ЦК КПСС. Критика М. Горбачева. Выход из состава ЦК 110 его членов, кандидатов, членов Ревизионной комиссии.

Апрель. Вышел первый номер информационного бюллетеня «Северо-Запад».

25 мая–9 июня. I Съезд народных депутатов СССР.

12 июля. Первым секретарем Ленинградского обкома КПСС избран Б. В. Гидаспов.

9–13 августа. В ленинградском Доме композиторов проведена международная летняя школа «Язык – сознание – общество».

Август. Образован Христианско-демократический союз Ленинграда.

7 ноября. Колонна демократических сил (30 000 человек) прошла от Пионерской площади до Дворцовой.

21 ноября. Пленум Ленинградского горкома и обкома КПСС. Б. Гидаспов выступил против «левых радикалов из ЛНФ».

Декабрь. Художник Тимур Новиков основал Новую академию изящных искусств.

На Пушкинской, 10, начинает формироваться Товарищество независимых художников, музыкантов, актеров.

Введение

Согласно официальной идеологии советский социалистический строй являлся самым передовым и самым демократическим в мире. Его цель: проложить путь в светлое будущее человечества – коммунизм. Отсюда следовало: только контрреволюционные элементы, враги трудящихся и люди, потерявшие здравый рассудок, берутся оспаривать эту доктрину; назовем ее *Утопия-1*[1].

Активная часть граждан страны *возвращение к ленинским нормам*, объявленное на XX съезде КПСС в 1956 году, понимала иначе: *необходимость демократизации страны и обуздания бюрократического произвола. Они верили, что именно при народовластии раскроются политические, экономические и культурные потенции социализма*; эту веру назовем *Утопия-2*.

В этом различном понимании послесталинского будущего страны были заложены основы двух не уживающихся друг с другом утопий[2].

> *В Ленинградский областной комитет КПСС*
> *от несоюзной творческой интеллигенции Ленинграда*
>
> В связи с Постановлением ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» предлагаем осуществить некоторые мероприятия, которые подготовят условия для нормального течения культурных процессов. К таким мероприятиям мы относим следующие:
>
> – организацию при Ленинградском отделении Союза советских писателей и Союза советских художников Советов по работе с творческой молодежью.
>
> В состав этих Советов должны войти как представители творческих организаций, так и представители несоюзной молодежи. Предложить редколлегиям журналов, издательств, выставкомам и художественным советам расширить свои составы за счет представителей Советов с тем, чтобы более полно представить творчество нового поколения советской творческой интеллигенции;
>
> – создание общественной редколлегии, подготавливающей к печати выпуски (типа квартального альманаха), которые будут знакомить читателей с духовными проблемами современного человека и поисками новых форм их художественного выражения;
>
> – выпуски (условное название «Горизонт») могут издаваться на финансовой и технической базе журнала

«Аврора», или «Звезда», или какого-либо издательства в качестве литературного, критического, иллюстративного приложения. Эти издания должны существовать в рамках культурно-литературной критики, а не административного давления. Идея такого экспериментального издания в общих чертах обсуждалась на встрече несоюзной творческой интеллигенции с редактором журнала «Аврора» т. Торопыгиным в конце прошлого года;

– возобновление устных выступлений молодых поэтов и прозаиков в Доме Союза писателей, в Домах культуры на предприятиях, по радио и телевидению.

Бюро пропаганды Ленинградского отделения ССП в соответствии с Постановлением ЦК КПСС необходимо значительно расширить списки поэтов, прозаиков, искусствоведов, которых бюро привлекает для устных выступлений перед трудящимися города и области.

Прием в профсоюзную организацию ЛО ССП необходимо расширить. Условием для приема должны быть две-три рекомендации членов Союза писателей без каких-либо других ограничений.

Мы считаем, что представители несоюзной творческой интеллигенции должны иметь возможность в любой момент обсудить злободневные вопросы и взаимные претензии с конкретными представителями ленинградской партийной и советской организации. По нашему мнению, это создаст необходимые условия для конкретной совместной работы.

На наш взгляд, реализация этих мероприятий позволит сделать первые шаги по нормализации культурного процесса и тем самым значительно расширить идейный, содержательный горизонт культуры советского народа, сделать ее более мощным инструментом духовного и социального прогресса.

27 октября 1976 года

Но возникшие самиздатские журналы стали брать на себя функцию представительства – литературной группы или явлений, притягивающих к себе людей и другие интересы. Факт существования такого самовольного издания сам по себе привязывал интересы тех, кого тяготил режим Страны Советов. Меня, издателя и редактора «Часов», интересовали все проявления творческого выхода за проволоку казенной идеологии. Уже в первых номерах «Часов», помимо поэзии и

прозы, были опубликованы критика, философия, статьи об изобразительном искусстве, сама ситуация просила нового названия – не неофициальное, а «независимое культурное движение».

В условиях тоталитарного государства возникла нужда в представительствах, которые предложили бы культурному движению такие формы организованной деятельности, которые возьмут на себя общие для культурной среды заботы. Для литераторов это прежде всего проблемы издания, публичных выступлений и общения и, конечно, защиты от политических преследований. Во второй половине 1970-х годов известная мне среда независимых литераторов уже вышла из юношеского возраста. Ее развитие, взросление, формирование, как правило, состояло из «поиска себя» в широком поле образцов мировой культуры, отвечающих индивидуальным творческим запросам. Неофициальный литератор защищал свою автономность от посягательств власти, начальства, семьи и ревниво относился ко всему, что, как ему казалось, посягает на его свободу. Между крайним индивидуализмом в художественной среде и необходимостью объединения этой среды в общих интересах, очевидно, было противоречие. Если добавить к этому страх перед КГБ, рассматривающего официально несанкционированные организации если не как антисоветские, то, в любом случае, как подлежащие немедленному прекращению, то понятно, почему до середины 1970-х годов культурное движение было стихийным. При взгляде сверху оно представляло собой конгломерат домашних кружков, групп, открытых «домов», где можно было пообщаться.

В редакционном заявлении журнала «Часы» (№ 28) я писал:

> Накануне 1981 года попытаемся обозначить некоторые новые моменты в культурном движении, которые сегодня если еще не всегда встречают признание, но близки к тому, чтобы стать очевидными. Все настойчивее в культурной среде оспаривается разделение культуры на официальную и неофициальную. «Культура – одна» – таково сегодня убеждение многих литераторов, художников, философов, по их мнению, следует устранить последствия этого деления, исторически возникшего, но ныне мешающего более широкому взгляду на действительность, сущность культуры и творчества.
>
> Культура – одна, ибо критерии достижения в культуре не зависят от устройства социума и положения

в нем автора. Но, очевидно, оппозиция *конформизм-нонконформизм* в последнее время ослабела… Что способствовало этой перемене? Во-первых, к нонконформизму привыкли, привыкли как к объективности, как к культурно-общественному явлению. Выставки независимых художников стали частью культурной жизни столиц. Во-вторых, неофициальные издания вошли в круг чтения многих людей.

Если прежде участники культурного движения для того, чтобы обратить на себя внимание, прибегали к публичным акциям, то теперь оценка личности, как никогда, связана с оценкой их творчества.

1980 год

Уже несколько месяцев мы с Борисом Останиным думали о том, как быть с конференцией культурного движения. Две мы провели в 1979-м[3], вторая оказалась особенно представительной и удачной[4].

Докладчиками на конференции были участники *культурного движения,* которое стало в их докладах предметом анализа и прогнозов. Движение вышлоиз пеленок молодежных кружков 1950–1960-х годов и перестало быть творчеством одиночек. Оно имело свою историю, оставившую след в поэзии и прозе, своих гениев и свое мировоззрение, потери на пути к личной независимости и свободе творчества и опыт коллективного сопротивления.

Искусствовед и переводчик Виктор Антонов выступил на 2-й конференции с докладом «Неофициальное искусство: развитие, состояние, перспективы». В докладе получила характеристику неофициальная художественная жизнь Петербурга и Москвы – социальное положение художников, их эстетическая ориентация, быт, настроения. «Они недовольны и не согласны… настаивают на разрешении свободно показывать и реализовать свои работы, обсуждать художественные проблемы, объединяться в творческие группы, получать мастерские и некоторые государственные льготы. Как видим, преобладают сугубо художественные и уравнительные притязания». Антонов говорил об аполитичности художников. Моральные ориентиры – эскапизм, эмиграция. Он считает, что «первый и решающий шаг в превращении неофициального искусства в контролируемое» уже сделан, имея в виду, очевидно, разрешение на организацию выставок в государственных залах при соблюдении трех табу: «политика, религия, порнография». Предсказывал сближение государственного и независимого искусства. Утопия-1, считает В. Антонов, начинает сбываться.

Не менее обобщающим было выступление поэта Виктора Кривулина. Независимые литераторы, как и художники, выработали свой собственный язык за пределами государственного искусства. Поэт говорил: «Предсмертное пророчество Анны Ахматовой о новом расцвете русской поэзии оправдывается». И оспорил смысл выражения «вторая культура» по отношению к «неофициальной», которая является «достраивающей… обнаруживаемый через язык мир». «Читатель новой литературы не воспринимает текст стихотворения и его автора раздельно, – произошло образование *человеко-текста*».

Иначе говоря, за каждым ее произведением стоит поступок человека, берущего ответственность за свою позицию, воспринимаемую литературным начальством как враждебную. Рост самосознания, плюрализм эстетических платформ, способность к коллективным действиям (Кривулин подробно изложил историю поэтического сборника «Лепта») – так он обрисовал значимость неофициальной культуры.

Оба докладчика назвали десятки имен художников и литераторов Петербурга и Москвы – фаворитов движения. Учреждение «часовщиками» Премии Андрея Белого свидетельствовало о том, что в неофициальной культуре возросла значимость таланта и профессиональных достижений.

Выступление Б. Останина «Журнал „Часы“ и его авторы» подтверждало расширение фронта движения. Материалы журнал получал, среди прочего, от участников Религиозно-философского семинара, который работал уже шесть лет, от участников домашнего семинара на квартире Сергея Маслова, объединявшего видных правозащитников Револьта Пименова, Эрнста Орловского, Льва Копелева, оппозиционно настроенных математиков, физиков, с 1979 года выпускавших машинописный журнал «Сумма», от Ефима Барбана – редактора журнала джазового клуба «Квадрат». К этому времени вышло 20 номеров «Часов», число авторов превысило сотню. Публикации разнесены по разделам «проза», «поэзия», «драматургия», «критика», «изобразительное искусство», «философия», «переводы», «публикации», «хроника», – из подполья на свет стала выходить молодая, полнокровная, саморазвивающаяся гуманитарная культура.

Названия других докладов говорили сами за себя: Борис Гройс «Зачем нужен художник?», Иосиф Бакштейн «*Вторая культура* глазами социолога», Галина Григорьева «Первые уроки нынешнего феминизма», Борис Иванов «Историческая параллель: нонконформист современного культурного движения и *лишний человек* в русской литературе». Общее *лишнего человека* XIX века с нонконформистом – их конфликт с обществом. Аналогия обнаруживается в области культуры – *лишний человек* также преодолевал табу, наложенные на сферу творчества и гласности. Конфликт разворачивается между традиционной культурой, поддерживаемой государством и академическими институтами и получившей название официальной, и новыми культурными течениями – *неофициальными, неподцензурными, независимыми, оппозиционными* и др.[5]

В докладе говорилось, что новое творчество воспринимается традиционалистами как покушение на «святая святых», профанация, издевательство, оно объясняется «порочностью его

создателей, или патологией, или предательством – или всем этим вместе взятым. Новые культурные движения также не скупятся на филиппики и рассматривают старую культуру как извращающую суть самого творчества». Приближаясь к складывающейся ситуации в стране, я говорил: «не всегда должна победить одна из сторон», «новых не расстреливают у *кирпичной стены*, им оставляют чердаки и *салоны отверженных*. Им не запрещают надеяться. Ревнителей старого не судят трибуналы. Им оставляют право на гордость и веру в собственную правоту».

Культура переходила в новую стадию развития, с новыми принципами интеграции с уже пройденными этапами. Я предсказывал реализацию Утопии-2, которая утрачивала признаки утопии вместе с нарастающим кризисом «развитого социализма». В рамках конференции была вручена независимая Премия Андрея Белого прозаику Борису Кудрякову, поэту Елене Шварц, по номинации критика – Евгению Шифферсу.

Конференции готовились и проводились конспиративно, но читатели журнала «Часы» получали полные отчеты о выступлениях – материалы первой публиковались в № 20, 21, второй – в № 21, 23, 24. Информация о конференции через вторые-третьи руки просочилась в эмигрантский журнал «Посев»[6].

Конференции были восприняты властями как беспримерная наглость – мы присвоили себе права парторганов высшего ранга – свободно обсуждали философские и культурные проблемы страны и бесконтрольно предавали материалы конференции гласности. Вместе с тем культурное движение определяло себя не как воинствующую оппозицию, а как *автономное культурное направление.* Травматический опыт нашей страны был таков, что аномальный стала сама мысль… о революции. Призывать сограждан к разрушению и разорению государства, перевернуть все с ног на голову, а самых озлобленных, невежественных, отличившихся в этом погроме поставить во главе всего и вся?!!

Успех подпольных конференций лишний раз показал, что у КГБ в нашей среде нет надежных источников информации, что было обусловлено биографиями ее участников. Чтобы в ней оказаться, человеку нужно было пережить разочарование в советской действительности и начать сторониться того, что ставило от нее в зависимость. Не только сторониться, но и найти тех, кто ощущал себя таким же *лишним* человеком, найти – и поделиться с ними своими мыслями и переживаниями, для чего требовалась определенная смелость. И через них узнать, что новые «лишние» уже сумели создать *свою* литературу, *свое* изобразительное искусство, убеждены в возможности других философских убеждений и религиозных истин, не одобряемых

властью. Эта среда освоила способы социального выживания и правила политической гигиены. И даже если ты сам не взялся за перо или кисть, ты уже начал осваивать язык новой среды, знаешь ее фаворитов и жертвы, разделяешь ее нравы и традиции. Что может предложить гэбист человеку, который по своей воле, по органике своего развития прошел этот путь, на каждом шагу встречая соблазны остаться таким, как все!..

1980 год – год Олимпийских игр – не обещал быть спокойным. Надзирательные органы вели чистку нежелательных элементов, особенно масштабную в Москве и Ленинграде. Диссидентов либо арестовывали, либо под угрозой ареста выдавливали в эмиграцию, либо серьезно предупреждали, проводили обыски. В. Кривулин сказал, что журнал «37» переждет это время, но подобная осторожность не помешала властям выслать из СССР прежде всего тех, кто был ориентирован на Запад. В первой половине 1980 года страну покинули Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Н. Малаховская,Т. Мамонова, Л. Рудкевич, позднее была арестована активистка женского движения Н. Лазарева.

Я считал, что «Часы» должны «ходить» при любой политической погоде.

Время шло. Пора было определиться, когда и где пройдет очередная конференция. Мы с Останиным знали, что некоторые ленинградцы и москвичи уже подготовили доклады, но было ясно: КГБ сделает все, чтобы не допустить наше «сборище». А «накрыть» нас было просто, поскольку мы с Останиным всегда на виду. Обозначить место проведения – значит попасть в ловушку. В 1979 году о месте конференции за день до ее начала знали лишь пять человек, и каждому было известно, кого, в том числе Кривулина и Горичеву, он должен завтра привести по такому-то адресу. Ко всему прочему, было неясно, кто из владельцев большой отдельной квартиры рискнет ее нам предоставить. А. Алонсо, хозяйка квартиры на Малой Монетной, уже получила предупреждение, что расстанется с ней, если еще раз использует «не по назначению». О возможности таких последствий мы обязаны были хозяевам сообщить.

Как только на свет появилось независимое искусство, открылась жуткая правда – ни у личности, ни у общества нет собственного места: страна оккупирована – все, чем человек пользуется, ему не принадлежит, он – жалкий арендатор, со всех сторон ограниченный властью. Можно было собрать участников за городом, на поляне – так проводили свои встречи баптисты и барды-песенники, – но и там, мы знали, участников разгоняют и ловят, перехватывают в вагонах электричек. Художники

организовывали выставки если не на квартирах, то на пляжах, на улице… Перспективы культурного движения были намертво связаны с борьбой за «право на пространство существования». «Московская бульдозерная выставка» была замечательна как раз тем, что показала: культурное движение способно завоевывать плацдармы. Но если наша цель не маскироваться, а выйти на «солнечную сторону улицы», то не начать ли нам поиски культпросветучреждения – заводского клуба, Дома культуры или библиотеки, которое можно заинтересовать предложением организовать в нем работу – что-то вроде литературного кружка или клуба, с условием самодеятельного руководства?

Я предполагал, что такой клуб может функционировать в границах той «зоны свободы», которую отвоевали у режима самиздат и независимые художники. Одним словом, нужно ввязаться в сражение, а «там будет видно»[7]. Эту тему мы обсудили с И. Адамацким и Ю. Новиковым.

Наши поиски начались среди знакомых, работавших в учреждениях такого рода, и посещения их администраций. Разумеется, никакой служащий просветительского фронта не стал бы с нами разговаривать, если бы был осведомлен, что мы – «неофициалы», занимаемся самиздатом, более того, посчитал бы своей обязанностью «сообщить куда надо». В ДК хлебопекарной промышленности со мной разговаривать не стали, им нужен был человек с книжкой Союза писателей. В другом ДК на Обводном канале, где на всех этажах стояла мертвая тишина, а двери помещений были закрыты, я услышал человеческую речь. Открыл дверь и увидел настолько перепуганных женщин, что они не могли понять, о чем я, собственно, их спрашиваю…

Между тем прошел слух, что в Москве начались переговоры с властью о создании клуба для группы независимых литераторов. Борис Останин специально выезжал в столицу, но ничего определенного не узнал: переговоры действительно имели место, однако затянулись, и группа перестала доверять переговорщику.

И вдруг слово «клуб» прозвучало совсем рядом. Виктор Кривулин рассказал, что сотрудник КГБ подкараулил его в кофейне на Садовой, куда он зашел в обеденный перерыв, и заставил подписать предупреждение: выпуск журнала «Северная почта» должен быть немедленно прекращен[8]. Взамен гэбист предложил компенсацию: разрешение создать клуб поэтов, в котором Кривулин мог бы играть главную роль. ЛО ССП получит соответствующее указание. Кривулин от «компенсации» отказался. На мой вопрос: почему? – ответил так: «А зачем мне это нужно? Возможно, мне придется скоро эмигрировать».

Тогда я предложил поступить следующим образом: он

является в секретариат ЛО ССП с нами, «часовщиками», и заявляет, что лично он иметь дело с клубом не будет, но есть литераторы, которые в его создании заинтересованы, и укажет на нас. В итоге договорились, что я составлю разработку идеи клуба и приведу на Пионерскую, где Кривулин тогда жил, тех, кто войдет в делегацию для переговоров в СП. Составил проект творческого объединения, предвосхитивший устав будущего Клуба-81, и с друзьями пришел на Пионерскую. Там выяснилось, что Кривулин клубом заниматься по-прежнему не хочет и не желает, чтобы им занимался кто-то другой. При этом он хотел, чтобы текст проекта остался у него как охранная грамота – при угрожающей ситуации он его предъявит. Все это было несерьезно.

1981 год

Организационные проблемы конференции так и не были решены, и идея клуба повисла в воздухе. Было очевидно, что власти сделают все, чтобы не допустить конференции. Между тем кое-какая подготовка стихийно протекала и без нас – поступили предложения о нескольких докладах. Нужно было придумать новый конспиративный ход, который не позволил бы властям сорвать конференцию, однако идеи на этот счет так и не появились.

В эти проблемы мы с Останиным не посвящали даже коллег по журналу. Тем более нельзя было вести речи о конференции на квартире Кривулина – несдержанность ее хозяина на язык, давнишнее подозрение, что его жилье прослушивается, я принимал за непреложный факт. Узнав, что мой товарищ разговаривал с Кривулиным на эту тему, я понял: нас ждут неприятности.

Через два-три дня к Останину пришли два сотрудника и, не застав его дома, оставили повестку с вызовом в районный отдел КГБ. Часа два мы ходили взад-вперед по Невскому и обсуждали, как вести себя Останину на встрече. Решили, что следует прямо заявить о мотивах и целях нашего поведения. Идейные посылки всегда играли в моей жизни важную роль и вполне подходили для моего товарища, хотя и по другой причине: эмоциональной непосредственности. По существу нужно было сказать: если в судьбе независимых художников появился просвет и они получили право на проведение выставок, то у литераторов никаких прав на контакты с читателями нет, и они теми или иными способами будут искать выход из своего нестерпимого положения. Стоит упомянуть о литературном клубе, который мог бы создать перспективу для легализации общения неофициальных литераторов.

Как и ожидалось, гэбист повел разговор о конференции. Предупреждение было сделано резкое: «Мы долго терпели феминисток, но они не вняли нашим увещаниям, и мы решительно с ними покончили. Не будем терпеть и вас»[9]. Прозвучала фраза, которая давала понять, в чем чекисты видят главную проблему: «неофициальная культура – это хаос». (То ли дело союзы писателей, художников, композиторов, которые следовали руководящим указаниям власти!) В ответ Останин рассказал о ненормальном положении целых поколений ленинградских писателей, сказал и о клубе и получил заверение, что эта часть беседы будет доведена до руководства.

Ситуация сложилась занятная. КГБ раздражала хаотичность, бесформенность неофициальной культуры. А чем же занимались мы – «часовщики», организуя периодический самиздат, конференции, учредив Премию Андрея Белого, изыскивая возможность создать независимый литературный клуб, как не тем, чтобы придать культурному движению структурность, как не установить открытые отношения с читательской аудиторией! (Через год после создания клуба я услышу упрек в том, что мы занимаемся созданием «параллельной структуры», то есть хотим противопоставить советским учреждениям свои, им враждебные и неуправляемые. Ошибку венгерских и польских властей в борьбе с демократическими движениями идеологи КПСС усмотрели в том, что те допустили образование и существование «параллельных структур».)

Поставим вопрос прямо: спокойна ли была у нас совесть, подкидывая идею клуба ГБ и, таким образом, полагаясь на содействие этого учреждения нашим планам? Приходилось слышать: «Русские интеллигенты *никогда* не обращались к жандармам, никогда не вступали с тайной полицией в контакт!»

Высокопарная неправда! В архивах царской жандармерии груды писем от этой самой интеллигенции, немало их и в архивах ЧК–ГПУ–КГБ. Преодолевая свой страх и неприязнь, люди устно и письменно выступали в защиту жертв авторитарных режимов, требуя для общества демократических прав, а для жертв – гуманного отношения. Немало таких защитников было чекистами уничтожено, сотни «подписантов», выступивших в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, И. Бродского, А. Солженицына, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и других, подверглись преследованиям[10].

Итак, и КГБ, и «неофициалы» хотели видеть культурное движение *организованным* и при этом использовать организационное оформление движения с прямо противоположными, чем у нас, целями.

«Часовщики» уже выступали в роли общественных представителей движения, выпуская журнал «Часы», организуя конференции, и были готовы представлять и защищать интересы неофициалов перед любой инстанцией, прежде всего перед КГБ – наиболее жестоким учреждением, которому партийное руководство вменило в обязанность нейтрализацию культурного движения.

Заблуждались ли мы относительно тех целей, которые власти будут преследовать, если пойдут навстречу нашим планам? Нет. Мы не были новичками культурной оппозиции. Игорь Адамацкий дважды проходил по делу Револьта Пименова в 1956 и 1970

годах, был исключен из аспирантуры Пушкинского дома. Юрий Новиков, еще юношей, за попытку перехода государственной границы отбыл срок, в 1970-е годы был уволен из научного отдела Русского музея за выступление в поддержку художников-неофициалов в клубе «Эврика». С культурным движением я был связан уже около пятнадцати лет[11].

«Часовщики» подошли в это время к главной проблеме независимой литературы – к обретению статуса легитимной институции: в случае удачи клуб мог стать первой организацией, подобных которой в стране не было более полувека. Ситуация стала напоминать движение двух армий, которые маневрируют согласно получаемой от разведок информации, своей цели еще не добились, но готовы для генеральной битвы, рассчитывая выйти из нее победителем. Однако, помимо решимости сторон, необходимо их согласие на то поле, где произойдет сражение. Обе стороны сошлись на том, что таким полем должен стать некий КЛУБ.

Время шло. «Часы» ходили. Я работал в котельной, посещал Публичку: уже несколько лет меня привлекали события европейской Реформации – история освобождения национального развития от оков Церкви и абсолютизма[12]. Я находил совпадения моральных мотивов в действиях протестантов, дореволюционной русской интеллигенции и советских диссидентов. Каждый преданно служил: Лютер – Католической церкви, декабристы – царю, А. Солженицын и А. Сахаров – господствующей власти, с ее следованием учению марксизма-ленинизма, а потом обнаруживали, что те, кто должен был представлять сакральную сущность проповедуемых моральных истин, оказывались воплощением греха, не «отцами» своему народу, а его бездушными правителями, вместе с теми всесильными институтами, которые они возглавляли.

Реформатор выступает как живой носитель «катехизиса» и сокрушитель извратившихся институтов. Достоевский, Толстой, Солженицын, Сахаров и многие их сторонники были такими же «катехизисными» личностями, как Лютер, Кальвин, Кромвель, Савонарола… Я сопоставил западноевропейскую Реформацию с состоянием нашей страны и пришел к убеждению: по многим признакам страна вступала в стадию *реформации.*

«Северная почта» и «37»

Ультиматум властей о немедленном прекращении выпуска журнала «Северная почта» добивал один из самых деятельных

идейных и духовных центров культурного движения Петербурга, группировавшийся вокруг журнала «37». В его истории отразились внутренние противоречия движения.

Если поначалу издание олицетворяло единство христианского религиозного самоопределения и культурных поисков нового поколения и готово было участвовать в объединении всех сил, участвующих в культурной реформации[13], то вскоре раскол произошел в самой редколлегии «37» по линии «православное воцерковление – литература и искусство». Произошло тематическое разделение номеров, а значимость своего существования издатели связали с признанием журнала на Западе со всеми вытекающими последствиями: детективными эпизодами отправки текстов за границу, ожесточенным давлением КГБ, отпугивавшим одних авторов и привлекавшим других, прежде всего тех, кто собирался эмигрировать.

Эмиграция – вынужденная и по собственному решению – Т. Горичевой, Н. Шарымовой, Л. Рудкевича, Б. Гройса, С. Дедюлина (он был редактором и издателем журнала «Северная почта»), уход по идейным мотивам из редколлегии В. Антонова и Е. Пазухина – опустили занавес над сценой, где пять лет блистали яркие, талантливые представители питерской независимой культуры. «К тому времени, когда началось явное кагэбистское преследование журнала, многие его читатели, к сожалению, оказались на Западе. Эта ситуация гораздо более страшная, нежели угрозы органов. Уехали и основные наши авторы. „37“ вынужден был закрыться, потому что изменилась культурно-общественная ситуация», – такой итог подвел В. Кривулин[14].

В какой-то работе Ленина я прочел, что миллионные повторения явлений обучали человечество познавать мир. Вождь принимал наших предков за идиотов – кошку достаточно пару раз ткнуть носом в место, где она нагадила, и она начнет проситься на улицу. По моей «теории», двухразовое повторение нового явления – *тенденция*, трехразовое – *закономерность*. В том, что в Москве и Петербурге власть заговорила о клубах, бесспорно, прорезывалась тенденция: заманить на свою территорию неофициалов и обложить их оброком послушания – по-народному: «обломать рога»… Цель и условия сделки Кривулину были объявлены, плату за еще не созданный клуб уже взяли натурой – журналом «Северная почта».

И вдруг успех! Игорь Адамацкий (он преподавал русский язык и литературу в школе рабочей молодежи) обратился с предложением создать литературный клуб при библиотеке Дома учителя, и оно было принято с условием представить справку от Комиссии по работе с молодыми авторами при ЛО ССП. В справке

должно быть указано, что комиссия доверяет И. Адамацкому руководство литературным кружком. И справку он получил. Казалось бы, можно трогаться в путь, но мы жили в стране развитого тоталитаризма: Адамацкому было предложено явиться с другими инициаторами кружка-клуба в кабинет директора Дома учителя… «для досмотра». Вероятно, в стране, где с энтузиазмом граждан давно уже покончено, мы и впрямь выглядели подозрительно. Оглядев Адамацкого, Новикова и меня бесцеремонным взглядом, директриса потребовала, чтобы мы предоставили свои полные ФИО, телефоны и адреса… Мы вышли из особняка Юсуповых с тревогой за успех нашего дела. А через два дня в моей квартире зазвонил телефон:

– Борис Иванович, с вами говорит сотрудник Комитета госбезопасности Соловьев. Хотелось бы обсудить интересующую вас тему.

Нетрудно было догадаться, какую тему со мной собираются обсуждать, но разведку все же предпринял:

– Откуда вы знаете, какая тема меня интересует? – Это не телефонный разговор, – уклонился Соловьев.

– Предлагаю встретиться.

Я не сомневался в том, что Соловьев, как в случае с Кривулиным (именно он летом сделал поэту предупреждение), потребует от меня прекратить выпуск «Часов» и, как компенсацию, разрешит создать литературный клуб под крышей официального надзора. Но как пять лет назад, когда я только затевал «Часы», журнал превосходил по своей ценности меня как личность. Я – всего лишь его «привратник», и это не метафора: «Часы» были призваны открыть свои страницы для многих талантливых людей, жаждущих контакта с читателями. «Часы» вместе с тем отмеряли и должны отмерять НАШЕ ВРЕМЯ, которое *уже наступило*. Главные его инструменты – культурный уровень, реализм, свободная личность.

Коммунистические мифы были обязаны своим существованием исключительно дезинформации, дезинтеграции граждан и атмосфере страха. Но эти три опоры режима на моих глазах хирели – приближалась пора больших перемен. Я написал цикл статей «Реализм и личность» (их публикация началась в «Часах» летом 1981 года)[15] и статью «Три стадии в развитии культурных формаций». Это не были академические монографии. Интеллигенция работает в другом жанре. Ее исторические задачи: прояснять причины общественных болезней до получения ясного, реалистического диагноза – ответа на вопрос «что делать?». Что же значу я там, где непримиримо столкнутся силы консерватизма и жажда перемен! Ничего, если не считать своего скромного

долга не забывать «заводить „Часы“».

Я не подчинюсь требованию закрыть журнал. ГБ, разумеется, не потерпит подобного вызова. Похоже, идея клуба лишь приблизила перспективу моей посадки. Мы обсудили этот вариант с Останиным. Останин был готов без меня продолжить издание журнала, даже придумал ему новое название – «Куранты». Перед глазами был пример «Хроники текущих событий»: выпускающих ее отправляли за проволоку, но им на смену приходили другие.

Встреча состоялась в здании Куйбышевского райкома КПСС, где тринадцать лет назад я положил на стол партбилет. Но теперь я жил в стране, меняющейся изнутри. Приметы нового времени я видел уже в том, что вхожу в этот дом не как одиночка-протестант, а как человек, собирающийся говорить от лица целого движения. Времена менялись, но СССР как был, так и остался во «главе всего передового человечества», и во имя этой миссии в Восточной Европе стояли танковые армады, шла война в Афганистане, в Мордовии функционировали лагеря для политзаключенных, в город Горький сослали академика А. Сахарова, а капитан КГБ В. Соловьев должен был внести свой вклад в эту всемирно-историческую миссию.

В конце лестницы глухая дверь. Глазок – выходит охранник, похожий на бывшего телохранителя. Широкий коридор, по нему навстречу спешит мужчина, который, судя по виду, мог преподавать и научный коммунизм, и приемы самбо. В коридор с обеих сторон выходят двери. Их много. За дверями небольшие комнатки, как видно, для конфиденциальных бесед. Создалось впечатление, что я нахожусь на территории администрации торопливо работающего предприятия.

Соловьев почти без паузы:

– Перед нами поставлена задача покончить с самиздатом и тамиздатом…

Замечательное начало разговора на «интересующую меня тему»! Замечательная перспектива увлекла умы чекистов! Я оборвал подготовленную речь офицера о «мерзких происках тамиздата»:

– Тамиздат меня не интересует…

– Ой ли?..

– Кто-то где-то что-то издает – это не по моей части. Меня интересует, что происходит *здесь*, что можно увидеть своими глазами и потрогать своими руками. Так вот, что касается самиздата, скажу откровенно, вы ставите перед собой утопическую задачу.

– Как так! Что в ней утопического?!!

– Все! Вы не можете людям запретить брать бумагу и писать то, что им заблагорассудится. Не можете препятствовать дать написанное жене, приятелю, знакомому… Вот вам и самиздат. Мы с вами, Владимир Петрович, сейчас на тему самиздата спорим, а в это время – не сомневайтесь на этот счет! – люди сочиняют прозу, стихи, не испрашивая ни у кого разрешения. Соберут написанное под одним переплетом – вот вам и самиздатский журнал!

– А какой вы видите выход?

Этот вопрос мне понравился – разговор приобретал деловой характер – и развеселил: я чуть ли не половину жизни потратил на то, чтобы найти выход из положения, которое создала в Стране Советов власть.

– Выход несложный: начать публикацию произведений, которым сейчас нет другого места, кроме как в самиздате и тамиздате. Ничего страшного, поверьте, не произойдет. Выставки неофициальных художников проходят – и ничего: нормальные культурные события. А как боялись! Сколько милиции собрали к ДК Газа и «Невский» на первые выставки!

– Мы не боялись. Это милиция перестраховывалась. Значит, вы не отрицаете наличие позитивных перемен?

– Не отрицаю. Если бы я не видел перемен, если бы не верил, что либерализация в стране возможна, я не был бы здесь. Только не говорите о том, что у нас есть свобода слова и свобода печати, иначе я скажу – вы лжете. Если я скажу, что свободы у нас нет, вы скажете, что я клевещу на наш «общественно-политический строй», и подберете статью Уголовного кодекса. Давайте говорить так: в стране существует некоторая степень свободы. И мы, неофициалы, присвоили себе бóльшую степень, чем остальные. Если вы относитесь к этому факту как к положительному явлению, у нас для разговора есть общая тема, если нет – не будем зря тратить время.

На протяжении всего разговора я не давал Владимиру Петровичу и щелки, чтобы вставить идейку насчет ампутации «Часов». После прямо заявленной позиции мой собеседник перестал прибегать к риторике, начался, что называется, обмен мнениями. К своему удивлению, я обнаружил, что мой собеседник – приверженец демократии. Это был либо его дипломатический финт, либо в головах сотрудников КГБ царил сумбур. В самом деле, как можно совмещать преследование сам– и тамиздата с демократическими симпатиями? Нельзя исключить и другое объяснение: мой собеседник имел о демократии весьма специфические представления. Так или иначе, я попробовал расширить поле согласия.

– Ведь была при Хрущеве «оттепель»! Сколько молодых талантливых писателей тогда успели войти в литературу, сколько замечательных вещей было опубликовано!

– Что говорить о Хрущеве? Он наделал много ошибок.

– Вы имеете в виду «Закрытое письмо к съезду»? Но «Архипелаг Гулаг» все равно был бы написан.

– Только не называйте Солженицына! Откуда он взял сорок миллионов? (Соловьев имел в виду число жертв репрессий, приведенное Солженицыным в «Архипелаге».)

– Опубликуйте реальные цифры.

– Мы не считаем, что это нужно делать.

– Напрасно. Правда священна!

– По этому вопросу мы с вами расходимся.

Я сказал, что смягчить остроту конфликта между неофициальной литературой и официальной мог бы клуб, который предоставил бы возможность людям собираться, читать и обсуждать свои произведения.

– Вы готовы изложить свои предложения письменно и передать мне?

– Разумеется. Но, Владимир Петрович, имейте в виду, на следующей встрече вы будете говорить с другими людьми.

– Это почему же?

– Мы ведь с вами обсуждаем не мои личные проблемы, а проблемы большого культурного и общественного значения. В их решении заинтересованы многие люди. Да и вам, думаю, полезно познакомиться с некоторыми из них. Вы не откажетесь от встречи, если придут, скажем, пять человек?..

Сделаю отступление. Я не забыл неудачу переговоров в Москве. Там от группы литераторов выступал один человек. Но приватность переговоров индивида с гэбистами чревата осложнениями, даже если человек, выступающий в защиту общественных интересов, вел себя достойно. А кто, собственно, мог подтвердить, что он вел себя именно так, а не иначе? Что могло освободить его от унизительных подозрений? И тот, кто взял на себя инициативу и риск отстаивать коллективный интерес перед властью, оказывался лишенным доверия товарищей, без которого невозможно было создать морально стойкую коалицию[16].

Вернемся к беседе. Мои слова о том, что в следующий раз Соловьеву придется встречаться с целой группой литераторов, вывели капитана из равновесия:

– Пусть приходят хоть десять! – запальчиво отреагировал он.

Осталось только попрощаться. Как в пьесах, Соловьев произнес заключительный монолог. Он был искренне взволнован,

когда говорил, что дорога к демократии, которую *мы должны пройти*, – узкая и трудная, каждая ошибка будет нам дорого стоить, и мы можем упустить *последнюю* возможность.

В ответ я улыбался и успокоительно повторял:

– Ничего, пройдем… Мы же взрослые люди!.. Дорогу осилит идущий…

Позднее я так реконструировал события, предшествующие встрече с Соловьевым. Капитан Соловьев, исполнительный и инициативный сотрудник 5-го отдела, пришел к выводу (как и все Управление КГБ), что при хаотическом состоянии *независимой культурной среды* власть не в состоянии ее контролировать, не в силах пресечь циркуляцию в городе там– и самиздата. Творческий люд, осевший в дворницких, котельных, сторожках, опускать ниже некуда, следовательно, административные преследования в этой ситуации ничего не дают. Под классификацию «антисоветская политическая деятельность» тоже не подвести – культурное движение развивалось в иных, не антиидейных, а эстетических и ценностных направлениях. Вот пример: ленинградский художник отправляется на скандальную московскую выставку с холстом, на котором нет ничего, кроме изображения двух оранжевых шаров. На вопрос иностранных журналистов: кто ваши учителя? – отвечает: Будда и Христос. Что с этим умником делать! Раздавить самосвалом, засадить в мордовские лагеря, уничтожить картины? Уничтожили, разорвали, сожгли. Завтра на своем чердаке он нарисует картину с тремя шарами и добавит к своим учителям Сенеку…

Соловьев, получив информацию о подозрительных инициаторах создания литературного объединения при Доме учителя, вступил со мной в переговоры. У властей к этому времени был разработан план: всем активным группам самиздатчиков предложить войти в подконтрольные организации, где им будут предоставлены условия для общения, профессиональные критики помогут им занять правильные идейные и эстетические позиции, будут готовить к вступлению в Союз писателей. Тех, кто будет использовать эти клубы в антисоветских целях, из организаций изгонять, из страны выселять и пр.[17], как уже были аннулированы журналы феминисток «Женщина и Россия» и «Мария», «Община» (редактор В. Пореш арестован), «Северная почта» (редакторы С. Дедюлин и В. Кривулин).

Соловьев проявил определенную смелость, предложив начальству легализовать ленинградскую неофициальную литературу в рамках клубной структуры, полагая, что вслед за этим удастся ее оседлать. (В городе уже существовал

привлекательный для чекистов Клуб молодого литератора, тихое заведение примерного поведения, в котором стареющая молодежь ожидала приема в ССП «за выслугу лет»).

План был одобрен на самом высоком уровне. Во всяком случае Олег Калугин, в то время заместитель начальника УКГБ по Ленинграду и области, десять лет спустя заявил о своей причастности к санкционированию идеи клуба. Консультации также проводились с секретарем обкома КПСС по идеологии Захаровым, вскоре он перешел работать в центральный аппарат ЦК КПСС, его место заступила Г. И. Баринова – тогда секретарь Дзержинского райкома КПСС. Именно через нее строились отношения клуба с обкомом КПСС.

Клуб, как в случае с Кривулиным, должен был пойти в обмен на прекращение выпуска журнала «Часы». Это требование Соловьев обязан был объявить в ультимативной форме. Но после того как в самом начале разговора я назвал план чекистов покончить с самиздатом утопическим, Соловьев, чтобы не сорвать переговоры, тему журнала обошел, что привело встречу к несколько другому результату, о чем капитан, как выяснилось позже, своему начальству не доложил.

Никаких тайн! Несколько дней на разных квартирах со всеми подробностями я рассказывал о состоявшейся беседе. Идея клуба, которая обсуждалась вполголоса только нашей троицей, в мгновение ока разлетелась в среде ленинградских неофициалов и нашла поддержку даже у самых осторожных: «Хуже не станет. А там видно будет».

Излагать свои соображения Соловьеву я не стал. От слов нужно немедленно переходить к прямым действиям, как перешли художники, – не доказывать необходимость клуба, а создавать его. Пишу «Устав горкома литераторов при ЛО ССП» и к нему «Пояснения». Скромное объединение сочинителей, собирающихся почитать друг другу свои вещи и поговорить о них (таким мы с Адамацким и Новиковым видели наш клуб), превращается под моим пером в творческую профессиональную организацию с фиксированным членством, с независимым правлением, избираемым большинством голосов, и правами издательской инициативы. В «Пояснении» на двух страницах излагался программный аспект культурного движения.

Выдержки из «Пояснения к проекту устава горкома литераторов при ЛО ССП»

В последнее десятилетие в области литературного творчества сложилось неудовлетворительное положение. Многие авторы, безусловно талантливые, чье творчество

вызывает горячий интерес читателей, по тем или иным причинам утратили даже надежды увидеть свои произведения опубликованными издательствами и журналами. И это в то время, когда значительную часть печатной продукции составляют произведения низкого культурного уровня, с нулевым коэффициентом новизны и по форме, и по содержанию. Литературное ремесло вытесняет литературу как искусство. Катастрофически понижается уровень и значение литературной критики… Одним словом, сложилась ситуация, которая на руку только халтурщикам.

На этом фоне произведения, отмеченные мастерством, глубиной мысли, искренностью, раскрывающие неизвестные стороны нашей действительности, часто воспринимаются как претенциозные, сомнительные и даже опасные. Во имя *общедоступности* литературной продукции издательства и редакции жертвуют развитой дифференцированностью советского читателя. В этой обстановке читательские запросы начинает во все большей мере удовлетворять самиздат, включающий, помимо стихов и прозы, литературоведческую и искусствоведческую критику и переводы.

Возникли *неофициальное искусство* и *вторая литературная действительность*, определилась дифференциация: официальный и неофициальный литератор – явление совершенно небывалое в истории русской литературы. Здесь нет места говорить обо всех последствиях – социальных и культурных, – укажем лишь на одно: эта ситуация получает острое отражение во многих произведениях неофициальной литературы. И, очевидно, воссоединение литературы в одну отечественную невозможно, пока талантливые литераторы остаются за бортом нормальной культурной жизни.

Горком литераторов при ЛО ССП, проект которого предлагается ниже, есть, по нашему мнению, верный и необходимый ответ, по крайней мере, на часть вопросов, которые ставит перед нами время. По нашему мнению, руководство ЛО ССП и неофициальные литераторы должны в самокритичном и доброжелательном диалоге разрешить сложившуюся ситуацию в пользу советского читателя, в пользу талантливых авторов, в пользу русской словесности.

Для всех непосредственно заинтересованных в этом деле лиц примером может служить перемена настроений в среде неофициальных художников после того, как они получили определенное признание и право на отдельные и смешанные (с членами ЛОСХа) выставки. Это признание не зафиксировано в каком-либо нормативном акте, отсюда неуверенность официальных представителей и нервозность неофициальных художников при контактах, приводящих к разного рода инцидентам, но важно: этот опыт в принципе удовлетворителен, что подтверждают мнения с обеих сторон.

Горком литераторов при ЛО ССП, по нашему мнению, должен:

– объединять литераторов, произведения которых отвечают общим профессиональным критериям,

– ориентировать своих членов прежде всего на проблемы творчества и задачи современного искусства,

– обладать правом составлять отдельные сборники из произведений членов горкома литераторов и правом рекомендации к публикации тех или иных произведений отдельных авторов и их книг,

– предоставлять членам горкома защиту от обвинений по закону о тунеядстве.

На наш взгляд, в круг обязанностей членов горкома литераторов не следует включать такие обязательства, которые прямо или косвенно содержат указания, каким художественное творчество должно быть. Литератор – гражданин, и он обязан подчиняться законам государства, а не цеховым требованиям, так и личное достоинство не должно определяться цеховой моралью. Считаем возможным указать отдельным пунктом обязательство каждого члена горкома во всех вопросах печатных публикаций, как на территории Советского Союза, так и за рубежом, руководствоваться установленными правилами.

Под текстом поставили свои подписи: И. Адамацкий, В. Антонов, Л. Арцыбашева, И. Беляев, Э. Горошевский, А. Драгомощенко, Б. Дышленко, Б. Иванов, Ю. Колкер, С. Коровин, В. Кучерявкин, А. Миронов, Т. Михайлова, В. Нестеровский, Ю. Новиков, Б. Останин, Н. Подольский, С. Сигитов, Г. Сомов, П. Чейгин, Ф. Чирсков, С. Шефф, Ел. Шварц, Э. Шнейдерман – 24 человека. Через неделю число подписей возросло вдвое.

Во дворец Белосельских-Белозерских отправились И. Адамацкий, Ю. Новиков, Э. Шнейдерман. Мне рассказали, что в первую минуту, когда капитан увидел перед собой устав литературного объединения, подписанный десятками фамилий, он занервничал.

> ***По воспоминаниям Эдуарда Шнейдермана:***
> *Соловьев сразу заявил, что поддерживает мысль о создании клуба, ибо контроль над отдельными литераторами требует слишком много внимания, отвлекает много сил. «Нас заботит утечка произведений на Запад». Пожаловался на Кривулина: «Телефонные звонки из США, переговоры с Горичевой, передает сообщения, которые потом идут в эфир». Ему уже известен проект устава клуба* [18] *. Чтобы не вспугнуть Союз, советовал не показывать «Пояснения» к уставу как резкие и не поднимать вопрос о печати. Мы возражаем: «Без публикаций проблема не будет решена…»*

Преамбула, пожалуй, сыграла даже большую роль в жизни клуба, чем устав. В ней была проведена та граница, которая принципиально отделила его от Союза писателей, от его руководящих структур и его политики. В сущности, мы были синдромом его начавшегося кризиса, тогда как задача наших «воспитателей» заключалась в том, чтобы вовлечь членов объединения в конкуренцию за прием в Союз писателей. Преамбула намечала другую модель творческого поведения – поведение свободной личности.

> **Из воспоминаний И. Адамацкого:**
> Переговоры длятся более часа. Стороны приходят к соглашению, что есть проблема, есть добрая воля к ее разрешению. Дух переговоров – корректность. Две-три заминки, одна из которых – готовый начаться спор о сущности социалистического реализма. Но Соловьев уходит от вопроса…

Это не по его ведомству. Звонит в секретариат ЛО ССП. С Невского «группа контакта» отправляется на улицу Воинова. По пути присоединяется Аркадий Драгомощенко, который на встречу с Соловьевым опоздал.

Встретил делегацию Вольт Суслов. Никаких претензий к уставу, никаких замечаний, никакого любопытства. Заявил, что секретариат выделит своего представителя, который будет решать все вопросы взаимоотношений Союза с клубом. Одним словом,

раз начальство велело усыновить неофициалов, так и сделаем. Могли бы приказать и нечто более экзотическое. Когда с советским человеком поговорит человек из Большого дома, в его поведении еще некоторое время угадываются следы легкого сотрясения мозга.

Теперь, помимо меня, «группа контакта» информировала неофициальный Ленинград о происходящих незаурядных событиях. Приподнятое настроение выразилось в сочинении новых текстов устава. Авторы были единодушны в одном: наше детище не должно называться «горкомом»: «горкомы», «обкомы», «завкомы, «парткомы» – это из языка партийной бюрократии. Да будет «клуб»!

Однако проходили недели и месяцы – представитель ЛО ССП не появлялся. Наверху, можно было подумать, начались сомнения в нужности клуба, но, когда В. Суслов предложил нам самим назвать, кого мы хотели бы видеть в роли официального представителя ССП, стало понятно, как далеко разошлись пути официальной и независимой литературы. Последним писателем, который мог бы возложить на себя эту ношу с пониманием наших задач, был Давид Дар. Но в 1977 году, вернув властям свои боевые награды и членский билет Союза писателей, он под давлением КГБ эмигрировал[19]. Я позвонил Якову Гордину. Предложил встретиться на улице: понимал, что близость с неподцензурными писателями не добавляла благонадежности кому бы то ни было.

Гордин сказал, что для кураторской роли он не годится, – и был прав – в его биографии были эпизоды, которые делали его в глазах властей *не своим*. Между тем положение клуба будет во многом зависеть от политической репутации куратора. В качестве кандидатов числились еще два имени – поэтесса Майя Борисова и названный при встрече с Вольтом Сусловым Юрий Андреев. Предпочтительнее была кандидатура Майи Борисовой, написавшей замечательно смелую и бескомпромиссную рецензию на сборник «Лепта»: «вот поэзия, которую читатели давно ждали», но ее телефон молчал. Мне сказали, у нее тяжелые жизненные неурядицы. Оставался Андреев, его имя я услышал от Абрамкина.

В 1978 году москвич Валерий Абрамкин нашел меня. Его интересовали вопросы, связанные с выпуском машинописного журнала, – организационные и технические, а также с его распространением. О плане группы, в которую он входил, – выпускать общественно-политический журнал «Поиски» он не сказал ни слова[20]. Зато подробно рассказал о Всесоюзном клубе самодеятельной песни, о слетах, собиравших тысячи и тысячи молодых людей со всей страны, о взлетах и падениях клуба. О

том, чем власти могут привлечь неофициала на свою сторону, показала история этого клуба.

Клуб возник на волне стремления молодежи, в основном студенческой, к общению. В этой среде особой популярностью пользовались самодеятельные барды с песнями студенческой и туристической традиций. В 1967 году объединенные вузовские клубы песни под патронатом Московского горкома комсомола и Московского совета по туризму провели первый слет самодеятельной песни, клубу предоставили помещение, было дано заверение о наделении клуба правами юридического лица. Но уже в 1968 году начались конфликты активистов движения с кураторами от МГК ВЛКСМ, а в 1969-м последовало запрещение деятельности КСП, помещение приказано было покинуть, слеты прекратить. Начался подпольный период в истории клуба – тексты песен не «литовались» (жаргон того времени), места слетов от власти скрывались.

В 1975 году (заметим, после «бульдозерной выставки») Горком комсомола предложил лидерам КСП вернуться к сотрудничеству, однако новый конфликт был неизбежен. Лидеры КСП разделились на тех, кто отстаивал полную независимость движения, и тех, кто соглашался литовать песенный репертуар в обмен на легализацию деятельности. Независимых возглавил В. Абрамкин. За ним началась слежка, последовали запугивания, задержания на улице, неприятности на работе. Некоторые в таком положении отступали, некоторые связывали запреты и преследования с пороком самой системы и переставали видеть смысл в том, чем они занимались прежде, – и встали на путь борьбы.

В рассказе Валерия несколько раз мелькнула фамилия некоего Юрия Андреева.

> *Андреев Юрий Андреевич*
>
> (1930, Днепропетровск – 2009, Санкт-Петербург) – советский литературовед, прозаик, член коммунистической партии с 1956 года, окончил филологический факультет ЛГУ (1953). Докторская диссертация – «Революция и литература» (1973). Печатается с 1955 года. Опубликовал повесть о спортсменах «Республика Самбо» (1964), роман «Багряная летопись» (1968, совместно с Г. А. Вороновым), посвященный Гражданской войне. Автор работ «Русский советский исторический роман: 20–30-е годы» (1962), «Революция и литература» (1969), «Наша жизнь, наша литература» (1974), «Движение реализма»

(1978), исследования по советской литературе.

О Юрии Андреевиче я кое-что знал не только от Абрамкина – в 1977 году в Лондоне вышла книга «Записки незаговорщика» Ефима Эткинда, одного из *новых* российских интеллигентов, поставивших гражданский долг выше забот о своем официальном служебном положении. Через два-три года после издания книги у меня оказалась ее фотокопия. В главе «Роман одного романа» автор рассказывал о судьбе рукописи своей книги «Материя стиха», в которой Ю. Андреев, как ее рецензент, сыграл свою роль.

Е. Эткинд пишет: «Я… узнал, что моя рукопись – у Юрия Андреева, молодого волка, прославившегося незадолго до того критической статьей в „Литературной газете“ о сталинистском романе Вс. Кочетова „Чего же ты хочешь?“; эта статья свидетельствовала о либеральных взглядах критика, если бы не была заказана ему начальством, для которого Кочетов с его романом-памфлетом был чересчур откровенен. Юрий Андреев казался мне удачливым карьеристом; ждать от него было нечего, кроме разгрома». Однако профессора ожидал сюрприз. Книга получила оценку выше всех ожиданий, рецензия воспрепятствовала желанию издательства ее зарезать. Вместе с тем претензии рецензента к *материи стиха* по всем содержательным моментам были таковы, что свет она могла увидеть лишь «после серьезной доработки». В борьбе за свою книгу Эткинд ссылался на хвалебную часть рецензии, а оппоненты – на указанные недостатки.

Итак, из литературной энциклопедии я узнал: Ю. Андреев закончил филфак ЛГУ чуть раньше меня. Опубликовал множество книг и статей о текущей советской литературе: «Наша жизнь, наша литература» (1974), «Портреты и проблемы современника» (1977), «Движение реализма» (1978), «Летопись нашей эпохи: социалистический образ жизни и советская литература» (1979) и другие по сходной тематике. Задачи *партийной критики*, которой Андреев отдавал свои силы, сводились к сторожевым обходам цехов советской литературы, к выяснению, насколько добросовестно выполняются планы идеологического руководства: где недорабатывают, кто преуспел, что «инженеры человеческих душ» проглядели из того, что создает «живая, в высшей степени динамичная, бурно развивающаяся жизнь, творчество масс».

Заказываю в библиотеке самую крупную работу Андреева «Революция и литература». Она производит впечатление объемом привлеченного материала, встречаю неизвестные мне имена писателей и названия книг. Перед читателем, несмотря на

эмиграцию, гибель от голода, ссылки, расстрелы – об этом автор, понятно, не пишет, – 1920-е годы раскрываются цветущим полем русской словесности: множество журналов, направлений, дискуссий. А дальше?.. Текст Ю. Андреева становится все менее внятным, начатые темы обрываются. Все верно: соцреализм как идеологическая система управления культурой входит в литературу партийной риторикой, статьями-доносами, прекращением выхода журналов и ликвидацией независимых издательств. Идет сворачивание литературы как живого культурного процесса, а автору приходилось все это оправдать. Получалось плохо.

Позднее в одном из разговоров Ю. Андреев сказал, что к его монографии были предъявлены многочисленные придирки, но даже после переработок и словесной маскировки факты, приведенные в книге, говорили сами за себя. В его биографии угадывалась атмосфера «оттепели», когда многие талантливые студенты и аспиранты непременно хотели писать дипломные сочинения и диссертации о Пастернаке, Ахматовой, Пильняке, Бабеле, Артеме Веселом и других замалчиваемых при Сталине авторах. И писали, но, когда дело доходило до публикаций и защит диссертаций, Андреев и другие молодые литературоведы проходили школу жесткой идеологической муштры: или с партией – или за бортом советской литературы. В книге читаем: «Именно ясного и широкого научного мировоззрения прежде всего не хватало Артему Веселому при том обилии впечатлений и эмоций, которое было характерно для него». А у кого оно было? У Троцкого? Бухарина? Каменева? Кирова? У Платонова, Заболоцкого, Булгакова?.. У кого? – Только у товарища Сталина.

В это время я с любопытством следил за кампанией «разоблачения» теории «реализма без берегов» Роже Гароди – видного представителя еврокоммунизма. Идеологи КПСС пытались найти убедительную альтернативу этой теории, увернуться от обвинений в нормативности эстетики соцреализма и догматизме, в его заведомой ограниченности и, следовательно, в неизбежной и бесславной кончине. Авторитетный теоретик Д. Марков объяснял культурной Европе, что соцреализм не ограничивает, а, напротив, многократно расширяет возможности самореализации личности. Наш будущий куратор принимал участие в этой дискуссии, в которой соцреализм нашел свое укрытие в положениях: «о жизни нужно судить по законам самой жизни», а подлинный реализм заключается «в изображении жизни в формах самой жизни». Это писалось тогда, когда советская *жизнь* уже *оформилась* в тоталитарное государство, контролируемое гигантской бюрократической машиной[21].

И наш клуб мог обрести место под солнцем, лишь будучи привязанным к этой «машине» – к ССП, Обкому КПСС, КГБ. Юрию Андрееву предстояло стать в клубе ее представителем.

Осенью 1981 года Вольт Суслов сообщил, что Андреев согласился выполнять полномочия представителя ЛО ССП в клубе. Мы с Адамацким договариваемся по телефону с Андреевым о встрече. Долго торчим в вестибюле Пушкинского Дома. В секторе, где он работает, к телефону никто не подходит. Предлагаю встречу перенести. Адамацкий не согласен, уверяет, что сегодня нам должен сопутствовать успех. По китайской «Книге перемен» день благоприятен для тех, кому есть «куда выступить». А мы уже «выступили». Андреев отыскивается. Поднимаемся под самую крышу. В помещении, заставленном скучными столами и стульями, где размещается «идеологический отдел» Пушкинского Дома, встречаемся с человеком, рядом с которым просуществуем пять бурных лет.

Впечатления противоречивые, но скорее положительные. Он ничуть не похож на истонченных книжным образом жизни представителей филологической науки. Короткая стрижка, торчащие уши, в походке неуклюжесть борца, выходящего на ковер, что не случайно – имеет спортивный разряд по самбо. Очевидный плюс: быстро думает, сразу увидел практическую задачу в создании клуба – получить помещение. Дает понять, что он тоже относится к людям, которым не раз перекрывали кислород. Я сказал, что читал его книгу «Революция и литература» и узнал из нее много нового. Он эмоционально высказался по поводу тех, кто обвинял его труд в разных грехах. Был у него замысел написать об Александре Солженицыне, но «старшие товарищи не одобрили».

Но насколько ему будет близко творчество неофициалов, оппозиционное к официальной культуре? Вручаю Андрееву устав клуба. Подчеркиваю, что его текст никто из официальных лиц не оспаривал. Предчувствовал, что наш устав – камень, который нельзя шевелить. Андреев пригласил нас к себе.

Через несколько дней мы втроем – я, Игорь Адамацкий, Аркадий Драгомощенко – навестили Андреева. На автобусной остановке подготавливаю коллег к дискуссии: «Друзья, мы должны до конца отстаивать самодеятельное управление клуба. Опыт учит: официал, даже не имея на то специального намерения, доведет до маразма любое живое начинание. Лучшая формулировка взаимоотношений клуба с Союзом писателей: „Клуб создается при ЛО ССП и осуществляет свою работу в контакте с представителем Союза“. Но можно согласиться с формулой о совместной работе правления клуба с его

представителем», – я говорю это, не забывая судьбы Всесоюзного клуба самодеятельной песни.

Андреев встретил нас радушно. Большая домашняя библиотека, уникальная коллекция магнитофонных записей самодеятельной песни, весь Высоцкий. Похоже, в наш устав он не заглядывал, эту тему обошел стороной. Я попытался предупредить его ошибку: «Юрий Андреевич, неверно думать, что мы, неофициалы, трудновоспитуемые. Мы хуже того – неперевоспитуемые. И в этом наше главное достоинство». (Как бы отразились отношения Андреева ко мне и к клубу, если бы я не стал скрывать, что мне известна его роль в расколе КСП – Клуба самодеятельной песни?)

Из того, что я узнал и мог почувствовать при встрече: Ю. Андреев принадлежит к послевоенному послесталинскому поколению – к тем, у кого Сталин не вызывал ностальгических воспоминаний, кого стали называть «молодыми шестидесятниками». Комсомол, думаю, не был для него скучной назойливой организацией. Он оказался среди тех, для кого комсомол стал школой, в которой ученики проходили курс вхождения в систему – получать от партийных организаций поручения и выполнять их, «жить в коллективе» и разделять с ним ответственность, входить в составы комсомольских бюро и разных штабов – комсомольских патрулей и летних стройотрядов. Занимался популярной среди молодых людей борьбой самбо. В этой среде был высок авторитет комсомольской молодежи 1930-х годов: романтической, стойкой, антимещанской.

Он – один из миллионов молодых людей, которые могли бы поддержать крутые перемены в годы хрущевского утопизма. Им нужно было отпустить вожжи, а не растрачивать свой романтизм и энергию на мелочевку *комсомольских дел* и партийных поручений. Хрущев попробовал административно взнуздать секретарей обкомов, которые его и предали, а мог бы рискнуть – поставить на тогдашнюю профессиональную интеллигенцию, честолюбивую молодежь, которая на рубеже 1950–1960-х была насквозь советской. Ее зачисляли в номенклатуру, но лишь круто обкатав на поворотах и ступеньках карьеры.

Политический инстинкт Горбачева через два десятилетия подсказал, кто будет служить опорой его «перестройки», но застойная геронтократия уже успела дискредитировать советскую власть по всем критериям. В стране, казалось, нет более важных забот, чем юбилейные. В Союзе писателей средний возраст членов приблизился к семидесяти (!) годам. Режим угробил молодой идеализм целого поколения. Вперед вышел народ мелкий, из породы «амбарных котов».

Этим объясняется и серьезный интерес Андреева к литературе 1920-х годов, к бардовской песне, насыщенной протестными мотивами и демократической по духу. В своем конструктивном ядре шестидесятник – человек, ценящий искренние и простые чувства, товарищество. Несмотря на профессорский статус и идеологическую направленность деятельности, он был прост, даже несколько примитивен – тоже от шестидесятничества, для которого все умозрительные постройки были от лукавого. Андреев в мир литературы и культуры углубился не более чем в спорт, от спортивной физиологии перешел к органическим способам питания и образу жизни. В 1980-е годы он – практикующий экстрасенс (в некотором роде сверхшестидесятник). Как о шестидесятнике, о нем нужно судить не только по достигнутому служебному положению, но и по тем возможностям, которые в нем были заложены и остались подавленными.

В поступках Юрия Андреева бросалась в глаза двойственность: смелые порывы – и следование *правилам игры*. Он был искренен и когда писал хвалебные строки о книге Е. Эткинда, и когда упрекал автора в идеологической ущербности. У меня нет сомнений в том, что Клуб самодеятельной песни привлекал его свободным духом, но он, как и другие деятели ВЛКСМ, так же искренне делал все, чтобы поставить творчество под цензурный контроль. Отвечать на вопрос, получал ли он удовольствие, укрощая творческую стихию других, которую некогда его принудили укрощать в себе, не имеет смысла, как не имеет смысла вопрос, верил ли Д. Гранин в воспитательный эффект своих рассказов и романов. Но то, что Андрееву, как официалу, нельзя полностью доверять судьбу общественных инициатив, мне было ясно.

13 ноября. Вместе с Адамацким направляемся в музей Достоевского. Директор музея Белла Нуриевна Рыбалко – давнишняя знакомая Андреева. Там в семь вечера начнется учредительное собрание нашего объединения. Там будут проходить многие дальнейшие наши мероприятия.

По дороге Адамацкий рассказывает, что ему приснился сон, будто бы он избран председателем клуба. – «Борис, поддержите мою кандидатуру, когда будут выборы председателя правления!»

Просьба неожиданная. Он знаком с нами – *часовщиками*, к которым отношу Б. Останина, Ю. Новикова, А. Драгомощенко, С. Коровина, – и это все, с кем из литераторов Адамацкий знаком. Последние десять лет он вел жизнь частного человека. Не было сомнения в том, что в правлении создаваемого клуба *часовщики* должны занять ведущее место: клуб – наша идея, мы имеем опыт

проведения коллективных акций, который в культурном движении был у немногих[22]. Учреждение литературной Премии Андрея Белого (1978), проведение конференций культурного движения (1979) демонстрировали взятую журналом «Часы» на себя роль. И клуб, я считал, должен взять на себя представительскую функцию если не всего движения, то, по крайней мере, различных неофициальных литературных кругов, что должно отразиться на составе его правления.

Прежде всего в правление должны войти из группы К. Бутырина – С. Стратановского, выпускающей самиздатский журнал «Диалог», и от литераторов, группирующихся вокруг Виктора Кривулина. В первой группе предпочтителен С. Стратановский – тогда уже известный поэт, обязательный в личных отношениях, во второй – Наль Подольский, имеющий важные для совместной работы качества, взвешенность оценок людей и ситуаций и прямодушие. Одним словом, я видел в правлении подобие демократического микропарламента.

Выдвижение на первую роль в клубе человека малоизвестного могло многим показаться – и показалось – странным, но я уловил положительные стороны такого нетривиального решения: оно сводило к нулю температуру возможной внутриклубной конкуренции; при малоизвестном председателе повышался авторитет правления как коллектива, – к тому же у Адамацкого было немало деловых достоинств, которые мои коллеги в скором времени смогут оценить.

На том собрании, на которое мы спешили, выборы не состоялись, но, когда в январе на собрании все упомянутые кандидаты были названы, все они, включая Адамацкого, получили поддержку (сны, как видим, бывают в руку). На протяжении шести лет результаты ежегодных выборов существенных изменений в состав правления не вносили. Каждый, кто знаком с неофициальной художественной средой – самолюбивой, эмоционально взрывной, склонной к ультимативным заявлениям, болезненно реагирующей на любое, даже мнимое умаление своей личной значимости, – способен оценить этот успех внутриклубной политики.

Едва мы вошли в вестибюль музея, как почувствовали наэлектризованность атмосферы – обычная реакция неофициалов на представителей власти, в которых они видели узурпаторов прав. Вспомнился знаменитый вечер ленинградской интеллигенции в январе 1968 года, когда Дом писателя был переполнен *своими* – ни одного официального лица. Уже тогда *естественную* границу между официозом и культурной оппозицией не видел только слепой. Теперь *свои* собрались в

Кузнечном переулке. Сергей Коровин взял на себя полицейские функции: пьяных и случайных лиц на собрание не пускать. Рядом «Сайгон», многие из праздношатающейся публики хотели бы «побалдеть» на этой встрече.

Появляется Юрий Андреев. То, что он говорит, выводит меня из себя: «Давайте устав не обсуждать, познакомимся – и на первый раз достаточно. Устав предварительно нужно согласовать в Союзе писателей». В ответ кричу Коровину: «Сергей, объявите, никакого собрания не будет, будем расходиться! Все! Разговор закончен!» Андрееву заявляю: «Я не хочу оказаться в положении лгуна, мы приглашали литераторов-коллег обсуждать устав. А вы предлагаете устроить беспредметную говорильню. Либо мы проводим обсуждение устава, либо расходимся».

Я не могу объяснить Андрееву очевидную для меня вещь: клуб, который нами мыслится как клуб, объединяющий весь спектр литературной самиздатской оппозиции, не примет устав, сочиненный для нас в писательской богадельне. Это значит планировать раскол при самом зарождении клуба, и если под знамена ССП кто-нибудь и поспешит, то это будет ничтожная в количественном и творческом отношении публика. Готово было сбыться мое предупреждение: «официал любое живое начинание способен довести до маразма».

Отказаться от проведения собрания Андреев просто так не может: это будет воспринято в глазах Обкома, секретариата ЛО ССП – всей номенклатуры, задействованной в этом деле, как его личная неспособность решать проблему, за которую он берется. В маленькой комнатушке мы долго препираемся. Я говорю: «Чего вы боитесь? Если наш устав, подписанный сорока литераторами, с вашей точки зрения, требует изменений, говорите, доказывайте с трибуны свою правоту. Чего прятаться за спину Союза писателей!» Андреев уступил.

Зал переполнен. Зарегистрировалось пятьдесят человек, набилось народу раза в два больше. Причина понятна – страх «засветиться». Пугливые давно уже утверждают, что клуб – провокация КГБ: всех перепишут, ко всем будут приняты меры. Игорь Адамацкий в роли ведущего собрания осваивает будущую роль официального председателя клуба. Юрий Новиков кратко рассказывает об итогах переговоров «группы контакта» с властями. Очередь за представителем Союза писателей. Становится ясно, какой устав мы получили бы из рук этой организации. Во-первых, там появился бы пункт о приверженности членов клуба «методу социалистического реализма». Во-вторых, представитель Союза был бы наделен званием «художественного руководителя» неподцензурной,

самиздатской, оппозиционной по существу петербургской литературой.

Речь Андреева вызвала бурю негодования. Поэт Охапкин протодьяконским голосом заговорил о «русской литературе, залитой кровью». Михаил Берг потребовал, чтобы продукция Лениздата на 90 процентов состояла из произведений неофициальной литературы. Андреев допустил бестактность – предлагать свое «художественное руководство» литераторам зрелого возраста, многие из которых уже имели имя. На этом собрании он должен был понять, что перед ним коллектив, осознающий свои интересы и выдвигающий требования, на которых будет настаивать. Я предупреждал, что устав нельзя трогать, говорил, что ему придется иметь дело с *невоспитуемыми* людьми.

С юмором вспоминает Наль Подольский:

В программной речи куратор клуба Юрий Андреев сказал, что все мы – писатели с непростой судьбой, но теперь у нас есть шанс. При этом он прямо на ходу начал проводить воспитательную работу и попытался посеять в нас почтение к советской литературе:

– Ведь никто из вас не может назвать в XX веке более великого произведения на русском языке, чем «Тихий Дон» Шолохова!

Эта сентенция вывела из спячки Олега Охапкина, который бесцеремонно и зычно заявил:

– Ну, знаете, если вы будете нас оценивать по принципу сходства с Шолоховым, мы не сработаемся.

Андреев с установкой на взаимопонимание миролюбиво пояснил:

– Ну почему же обязательно с Шолоховым? Есть много других прекрасных писателей. Я, например, люблю Маркеса, хотя он не похож на Шолохова.

На этот раз притворно возмутился Владимир Эрль:

– То есть как не похож? Еще как похож!

Чтобы продолжить собрание, аудиторию пришлось успокаивать. В своем выступлении я сказал: «Нонконформизм выжил, но еще не решил проблемы, которые его породили».

Первое собрание имело в судьбе клуба исключительное значение. Был одобрен устав, предельно широко в тех условиях трактующий задачи и права объединения. Андреев, очевидно, проинформировал начальство о том, как проходило собрание, и начальство решило не настаивать на включении в учредительный документ положения о соцреализме. На втором собрании,

состоявшемся 6 января 1982 года, в устав была вписана формулировка, под которой каждый из нас мог подписаться (см. устав). На этом собрании отчетливо выделилась та часть литераторов, которая, с одной стороны, заявила о себе как неподдающейся давлению, с другой – не впадающей в истерическую экстрему. Эта часть образовала тот морально устойчивый центр, который позволил товариществу пережить Брежнева и Андропова, Черненко и нажим КГБ в первый период правления Горбачева.

УСТАВ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛИТЕРАТОРОВ

Клуб литераторов создается как творческое объединение при участии и руководстве Союза писателей (ЛО ССП РСФСР) и *исходит в своей деятельности из гражданских, патриотических устремлений, которые всегда определяли развитие великой русской литературы.* Ответственный представитель Союза писателей предлагается секретариатом ЛО ССП, участвует с правом решающего голоса[23] во всех мероприятиях клуба, рекомендует – с учетом мнения правления клуба – к печати отдельные произведения и сборники членов клуба.

ЦЕЛИ И ФОРМЫ РАБОТЫ КЛУБА

Содействовать повышению профессионального мастерства своих членов, способствовать публикациям произведений членов клуба и иным формам контактов членов клуба с читателями.

Формами работы клуба являются: обсуждение произведений членов клуба; лекции, доклады, семинары, дискуссии, посвященные проблемам литературы, искусства и других видов гуманитарной деятельности; выступление со своими произведениями в других клубах, литературных объединениях, домах культуры, на радио и телевидении; подготовка к печати индивидуальных произведений и коллективных сборников членов клуба.

СТРУКТУРА КЛУБА

Общее собрание членов клуба избирает правление в составе 7 человек сроком на год, устанавливает периодичность работы клуба, вносит изменения в устав, принимает (квалифицированным большинством) в члены клуба, исключает из членов клуба, выносит иные решения по вопросам, связанным с деятельностью клуба.

Правление избирает председателя правления; при непосредственном участии ответственного представителя Союза писателей планирует и организует работу клуба, контролирует выполнение устава, периодически (раз в год) отчитывается о работе общему собранию, назначает составителей коллективных сборников членов клуба, осуществляет творческие контакты с другими творческими организациями.

ЧЛЕНСТВО В КЛУБЕ

Членами клуба могут быть поэты, прозаики, драматурги, критики, переводчики, искусствоведы, чьи интересы связаны с литературой. Члены клуба должны быть авторами произведений, отвечающих высоким профессиональным требованиям.

Членам клуба выдается членский билет. Порядок приема в члены клуба: личное заявление в правление, знакомство членов правления с произведениями и обсуждение их, рекомендация общему собранию, прием в члены клуба большинством в две трети голосов (от числа членов клуба).

Член клуба выполняет устав и решения общего собрания, участвует в мероприятиях клуба, *во всех вопросах публикаций своих произведений руководствуется действующим советским законодательством*[24].

Несоблюдение устава ведет к предупреждению (сроком на год) и последующему исключению из членов клуба (простым большинством).

Принято общим собранием 6 января 1982 года.

Читая сегодня этот документ, замечаешь в нем неуклюжесть стиля и чуть ли не описки. Вариантов устава, как и названий клуба, было множество. Приведу некоторые из более чем двадцати предложений: «Импульс», «Дельта», «Движение», «Орфей», «Гипербола», «Лига», «Голос», «Ковчег», ЭОЛ (Экспериментальное объединение литераторов), «Круг», который

позднее был использован в названии сборника. В некоторых вариантах клуб наделялся правами самостоятельного юридического лица и участия в «любых – включая международные – конференциях, семинарах…» и т. д., в других брал на себя *защиту социальных прав своих членов*, я считал важным положение о приравнивании членства в объединении *занятости общественно полезной деятельностью*.

При обсуждении сталкивались две тенденции, одну из которых можно назвать максималистской, другую – почвенническо-прагматической. Для максималистов устав являлся своеобразным ультиматумом властям; отказ властей санкционировать появление такого объединения в глазах максималистов покрывалось тем вниманием, которое будет к нам привлечено на Западе. Почвенническо-прагматическая позиция, занятая *часовщиками*, подразумевала, что создание независимого литературного клуба (который будет сам решать, каким ему быть) уже само по себе было в Стране Советов событием небывалым, как небывалыми были и недавние выставки неофициальных художников. Давление творческой интеллигенции на власть способно вызвать эволюцию культурной политики системы. Если представить эту возможность в виде реальной перспективы, получаем страну, в которой путем подобных шагов пускают корни демократические институции – Утопия-2. Утопия это или нет – клубу предстояло проверить на практике.

На собрании было избрано правление, в которое вошли прозаик И. Адамацкий, поэты С. Вовина, С. Стратановский, А. Драгомощенко, искусствовед Ю. Новиков, прозаики Н. Подольский, Б. Иванов. Руководство секций было поручено: секцией поэзии – А. Драгомощенко и В. Кривулину, прозы – Н. Подольскому, критики – К. Бутырину и Ю. Новикову.

Мне хотелось узнать, почему среди вступивших в клуб не было Тамары Буковской, Владимира Ханана, Олега Охапкина, Владимира Эрля – поэтов и активных участников культурного движения. Встреча с ними прошла в котельной. Я сказал: «Вот устав! Что вы видите в нем такого, что требует от нас отступить от своих убеждений? А если такие требования в будущем предъявят, нам ничто не помешает клуб распустить». Аргумент несогласных повторялся в весьма лаконичном виде: «Мы не хотим вступать в организацию, к которой приложил руки КГБ». Не помню, в том разговоре или в другом ему подобном я сказал: «В нормальном обществе тайная полиция не занимается делами литературы. Но если КГБ запустил руки в наши дела, из этого не следует, что мы перестанем ими заниматься. Яйца должны продаваться в гастрономе, но если их будут продавать в аптеке,

мы пойдем куда? – в аптеку!»

Насколько серьезно КГБ отнесся к своим видам на клуб, свидетельствует то, что по меньшей мере двух литераторов: Е. Звягина и Н. Подольского – они рассказали об этом позднее – начальство на работе вызвало, чтобы сообщить о создании клуба и посоветовать в него вступить. Ситуация забавная – в то время как я вел «разъяснительную работу» с неофициалами, не вступившими в клуб, сотрудники КГБ и инструкторы обкома КПСС проводили ее тоже. Курьезность этого факта свидетельствует о том, насколько обе стороны были уверены в своем успехе!

В масштабах всей страны сходная ситуация повторилась в годы перестройки, когда кремлевские реформаторы призвали «прогрессивную общественность страны» совместными усилиями с партией преодолеть инерцию застоя, когда гласность пробудила просвещенную общественность, которая перехватила инициативу перестройки, перешагнула реформаторов и объявила о полной реконструкции страны. Наступит время, когда Клуб-81 также перешагнет идеологов и исполнителей Утопии-1.

Кто они, члены клуба, по возрасту, образованию и трудовой занятости?

Приведу данные на конец 1981 года. Средний возраст литераторов равнялся 34 годам. Например, В. Кривулину – 36, Е. Шварц – 33, Б. Улановской – 39, В. Кушеву – 42, Н. Подольскому – 46, Б. Иванову – 53.

60 членов клуба имели высшее образование: гуманитарное законченное – 37, незаконченное – 6, техническое – 14 и 3 соответственно.

По роду занятий половина числилась сторожами, пожарниками, 26 человек отдали предпочтение обслуживанию городских котельных. Другая половина к моменту поступления в клуб делала контркарьеру – опустилась по статусу на несколько ступеней, отыскивая занятия с меньшей зависимостью от службы и предоставлявшие больше свободного времени (среди них два кандидата наук – Наль Подольский и Владислав Кушев).

51 член клуба на момент вступления в клуб имели публикации в самиздате, некоторые – и в тамиздате. Примерно 10 человек, публикаций не имевших, были приняты в клуб по рекомендациям известных неофициальных писателей.

За пять лет в объединение было принято 10 человек, примерно восьмая часть к основному составу клуба.

1982 год

Первые месяцы работы клуба Игорь Адамацкий назвал «незабываемыми». 25 декабря 1981 года в зале музея Ф. Достоевского прошел первый литературный вечер, за ним через каждые две недели следовали другие. Люди рвались послушать стихи Е. Шварц, А. Миронова, В. Кривулина, С. Стратановского, Е. Игнатовой, О. Охапкина и других поэтов, гениального Сергея Курехина, чьи музыкальные композиции в помещении ДК Ленсовета уже произвели фурор. Он выступал с блестящим саксофонистом В. Чекасиным и группой Б. Гребенщикова «Аквариум» на фоне грубой сети, связанной из толстых веревок. Тут же, в вестибюле музея, были выставлены работы независимых художников.

Стульев не хватало. За порогом музея оказывались десятки людей. Оградиться от близкого «Сайгона» было невозможно. Как остановить господина с таким родственным выражением глаз, который называет своими друзьями известных членов клуба. Он вежливо поблагодарит за пропуск и протащит пару *фаустов*, которые *раздавит* в туалете с такими же завзятыми выпивохами. И вот уже видишь его в зале – своей бузой он хочет привлечь к себе внимание. Таких выставляли, их это возмущало: «Ну как же – из храма искусства изгоняют свои же!»

Парад продолжил прозаик Борис Кудряков, только что отмеченный Премией Андрея Белого, он читал, развертывая бумажный рулон, свои сюрреалистические тексты. Эстрада любит вольности, развлекающие публику, – ему горячо аплодировали. Представить публике нужно было и секцию критики. Некоторое время я колебался, какую тему избрать для своего выступления. Я работал тогда над большой статьей «Стадиальность в развитии культуры», основные ее положения были мне ясны, я решил изложить их публично.

Убеждение в том, что Советский Союз вступил в эпоху реформации, посетило меня давно. Я основывался на признаках европейской Реформации – начало коррозии авторитета политических институтов, священных текстов, харизмы власти, на которых базируется первая стадия развития общества, получившая название (у Макса Вебера и других) «традиционной». В реформационном процессе решающая роль принадлежит *катехизисным личностям* – это было моим открытием. Вначале традиционные установления проникают во все сферы существования общества и порождают тип *катехизисной личности*, полностью посвящающей себя служению им. На своем

пути *катехизисная личность* обнаруживает, что многие люди уклоняются от требований традиций, более того – не следуют им даже те, кто по положению и званию призван быть моральным образцом и авторитетом. Почтение к верховной власти сменяется критическим анализом, анализ – требованием перемен. Носители *катехизисного сознания* произносят сакраментальное: «Я здесь стою и не могу иначе!» (Лютер), «Не могу молчать!» (Толстой), «Жить не по лжи!» (Солженицын), правозащитники требуют соблюдать заявленные в Конституции права и т. п. Реформация начинается с кризиса политических институтов (религиозных, светских или тех и других, как в России), их смена становится целью реформации.

В своем докладе я не назвал имена великих реформаторов-современников Александра Солженицына и Андрея Сахарова, не говорил о том, что духовные вожди и институты советской власти дискредитировали себя, но сказал, что страна, в которой мы живем, уже вступила в эпоху реформации.

Первый конфликт с КГБ вызвало выступление Наля Подольского: он прочел главу из повести, в которой, помимо прочих петербургских типов, был выведен стукач. На наших вечерах Адамацкий обратил внимание на мужчину средних лет, на общем фоне клубной аудитории выглядевшего *госслужащим.* Вскоре мы с ним познакомились: «Коршунов Павел Николаевич».

Он – офицер 5-го отдела – вызвал Н. Подольского к себе для внушения: тот, кого обыватели называют «стукачом», выполняет свой гражданский долг, стоит на страже государственной безопасности.

Узнав об этом, правление клуба направило в комитет протест, в котором заявило, что, если выступления в клубе будут подвергаться цензуре, существование клуба теряет всякой смысл.

Коршунов обещал не вмешиваться в наши внутренние дела, а мы согласились перед выступлениями *на чужой территории* давать тексты на просмотр Ю. Андрееву. Помещение Клуба-81 на улице Петра Лаврова, 5, стало «Монако свободы», – так вскоре окрестили завоеванное пространство.

В первые месяцы особенно ощущалось, как нуждались литераторы в общении со слушателями, – обычные жалобы тех дней: «Когда же мне дадут возможность выступить!» Составили список очередности выступающих.

Я, казалось бы, должен был знать если не всех, то, по крайней мере, очень многих – пятый год выпускал «Часы», участвовал в работе Религиозно-философского семинара, – круг моих знакомств в неофициальной среде был весьма широк, и тем не менее на каждом вечере встречал новые лица. Привлеченные

литературными вечерами из тени выходили *дети андеграунда*.

В круге больших надежд. Сборники X, Y, Z, W

В марте на литературном вечере Андреев делает заявление: издательство «Советский писатель» объявило о своей готовности оперативно выпустить сборник произведений членов Клуба-81 объемом в 22 печатных листа. Подумать только – официальное издательство будет издавать неофициалов! Утопия-2, кажется, начинает приобретать реальные очертания[25].

Я считал, что любой публичный успех объединения ни в коем случае не должен порождать внутриклубные конфликты. Доверить составление сборника какому-либо клубному авторитету значило бы занести в коллектив бациллы ссор и интриг. Во избежание сего на очередном собрании принято «Положение о порядке составления клубных сборников».

> **И. Адамацкий:**
>
> 16 марта 1982 года было принято «Положение о порядке составления сборников произведений членов Клуба-81».
>
> Через неделю, а именно 23 марта, начался сбор текстов; к концу марта уже имелось в наличии 760 страниц машинописи двадцати поэтов и девятнадцати прозаиков.
>
> Все помнят эти месяцы восторга – собирание текстов, собирание денег на перепечатку, доставание денег, бумаги, копирки. То были веселые хлопоты – как переезд на новую квартиру.
>
> К 16 августа объем собранных рукописей достиг 1000 страниц, к середине сентября – 1200.

Многие члены клуба принимали участие в рецензировании поступивших произведений: Кривулин, Стратановский, Адамацкий, Подольский, Улановская, Бешенковская и другие. Большинство авторов впервые встретились с письменно сформулированным анализом своих произведений.

Уже весной поступающие произведения мы стали распределять по четырем сборникам под литерами *X, Y, Z, W*. В сборнике *X* поэзию представляли В. Кривулин, Е. Шварц, С. Стратановский, А. Драгомощенко, прозу – Б. Дышленко «Антрну», Н. Подольский «Повелитель теней», В. И. Аксенов «Понедельник, 13 сентября». В раздел критики и искусствоведения предполагалось включить статьи «„Черные доски“ Владимира

Овчинникова» Ю. Новикова, интервью с художником В. Гаврильчиком, статью Д. Панченко о поэзии Елены Шварц «Одежды Кинфии». В раздел «Публикации» – стихи Роальда Мандельштама, его имя открывает список выдающихся поэтов послесталинской независимой поэзии. Он умер, так и не увидев свои стихи опубликованными.

В сборнике *Y* предполагалось опубликовать стихи О. Бешенковской, П. Чейгина, О. Охапкина, прозу Б. Улановской, Б. Кудрякова, И. Беляева, в разделе критики – интервью с художником Ю. Дышленко, новаторскую работу Е. Барбана о джазе, статью Б. Останина об Александре Кушнере. В отделе «Публикации» читатель прочел бы в переводе с английского работу В. Набокова «Николай Гоголь». В других составленных сборниках также были представлены авторы и произведения, которые через пять-десять лет будут опубликованы.

Каждый должен знать: все получат возможность предложить свои вещи и влиять на состав будущего издания. Все проекты сборников будут представлены общему собранию клуба. Могло показаться, что Положение излишне формализует, бюрократизирует отношения внутри клуба, на деле оно уравнивало права членов клуба.

Вскоре стало очевидно: размеры планируемого клубного сборника были слишком малы.

Тексты концентрировались у руководителей секций, кратко рецензировались, о трех китах негласного цензурного кодекса все знали: к публикации не допускаются 1) религия (*кресты и прочее божественное*); 2) порнография (имелась в виду эротика в любой дозе); 3) так называемый антисов – расплывчатое понятие, которое вполне можно было заменить словцом из Салтыкова-Щедрина «посягательство». Авторы, посягающие решать проблемы, порученные историей «диктатуре пролетариата» и передоверенные трудящимися верхушке КПСС, конечно, не могли рассчитывать на уважение к своему литературному труду.

В то время, пока секции были поглощены заботой, как лучшим образом представить свой раздел в сборниках, Ю. Андреев выяснял в «высших сферах» реальные перспективы будущих изданий. Как и следовало ожидать, творцы и исполнители Утопии-1 немедленно задумались о том, как бы поменьше заплатить за будущую лояльность непослушных литераторов. С повестки дня был снят вопрос о публикации в газетах какой-либо информации о клубе, – объяснение: на клубные вечера полгорода сбежится. Наш куратор, с одной стороны, был поражен «гуманистическим отношением к клубу самых высоких партийных товарищей», с другой – «не лучше ли

всего первый сборник пропустить через Горлит, подчеркнув, что издание экспериментальное, и опубликовать его тиражом в 200 экземпляров».

Идея малотиражного издания трудов клуба не казалась большинству его членов их умаляющей. Напротив, при публикациях в таком масштабе появлялась возможность непосредственного влияния клуба на качество, главное – опубликовать одновременно все четыре сборника. В лице издательства «Советский писатель» мои коллеги видели высокомерного идеологического монстра, который слыл производителем лучшей литературной продукции в стране. Правление в начале сентября посылает в секретариат правления ЛО ССП письмо:

> Правление клуба предлагает опубликовать данные сборники ненаборным способом (ротапринт, ксерокс) в качестве предварительного пробного издания Клуба с обозначением их правового статуса; такое издание, хотя и неудовлетворительно, с точки зрения авторов, тем не менее введет их произведения в границы, установленные законом, и затруднит их безнаказанное использование, позволит противостоять кривотолкам и необоснованным слухам, может послужить материалом для критического анализа.

Это письмо было дипломатическим демаршем против обвинений в продолжающихся публикациях наших коллег в эмигрантских журналах – мы вставали на защиту своей интеллектуальной собственности. Но, с точки зрения власти, реализация этого предложения создавала прецедент раскола тоталитарного единства гигантской иерархической пирамиды, в которую будет внедрен жучок, который, как считали идеологи, начнет подтачивать эту египетскую постройку. «Узкая дорога к демократии» плохо просматривалась в зарослях бюрократического леса.

Разумеется, ротапринтные издания со временем ушли бы в прошлое, зато был бы приобретен опыт позитивного решения вопроса, действительного сотрудничества власти с новыми культурными явлениями. За несколько лет такого компромисса, распространенного также на сферу театра, изобразительного искусства, кино, музыки, философии, конфликт между властью и интеллигенцией не достиг бы той остроты, которая в итоге привела к катастрофе всю систему, не подготовив внутри ее политиков, способных к интегральному мышлению. Нас терпели, нас изучали – для того, чтобы в конце концов уничтожить. Проект

эволюционного врастания страны в современный мир М. Горбачеву и его сторонникам не удался.

В ответ на наши предложения последовали сетования, что секретариат ЛО ССП множительной аппаратурой не распоряжается, и – вообще – советской литературе катастрофически не хватает бумаги. Еще бы! Я подсчитал, что только один лживый и бездарный роман Г. Холопова «Докеры», переиздания которого следовали одно за другим, а общий тираж достиг полутора миллионов (не считая изданий на языке народов СССР), отнимает у читателей сотни и сотни совершенно необходимых книг. (Для сравнения: средний тираж издаваемых в США романов составлял тогда 6 тысяч экземпляров.) Было у ЛО ССП и другое возражение: если начать издание произведений членов клуба малотиражным способом, не возжелают ли другие ЛИТО города получить такую же возможность?..

«Регулярные ведомости»

Я завел разговор об издании специального клубного информационного издания. За дело взялись Сергей Коровин и Вячеслав Долинин, придумавшие бюллетеню название «Регулярные ведомости». Первый номер вышел в конце апреля 1982 года. Издание так определило свои задачи:

«Настоящее издание раз в месяц будет помещать сообщения о всех состоявшихся клубных собраниях, чтениях, докладах, публикациях, знакомить с протоколами и прочими документами, репортажами и отзывами. Кроме того, «Регулярные ведомости» предоставляют свои страницы членам клуба для высказываний, предложений, критических замечаний, писем и пр., имеющих цель способствовать работе клуба».

В первом номере были опубликованы «Предыстория и начало Клуба-81» – обзор событий, предшествовавших учреждению клуба, первых его собраний и литературных вечеров; в качестве приложения были напечатаны первоначальный проект устава объединения, устав клуба, принятый общим собранием, список литераторов, присутствовавших на первом заседании объединения 30 ноября 1981 года, положения « О порядке приема в члены Клуба-81» и «О порядке составления сборников произведений членов Клуба-81». Обзор подготовил И. Адамацкий. Помещены тезисы доклада Е. Барбана «Новый джаз в современной культуре», прочитанного на собрании клуба 23 февраля.

В статье «Клуб: Внутри и вокруг» я взял на себя ответственность сформулировать позицию правления по тем

моментам, по которым в клубе были альтернативные точки зрения. Необходимо было убедить коллег-неофициалов в том, что устав клуба – это не бумажка, не отличающаяся от лицемерных нормативных документов партийно-государственной бюрократии, а документ, способный обеспечить демократическое решение всех возникающих перед объединением проблем. Об этом стоило сказать потому, что до клуба литераторы имели опыт либо обособленного, затравленного существования, когда до их мнения никому не было дела, либо ощущали себя принадлежащим к кружковому сообществу, обычно группирующемуся вокруг одного-двух лидеров. У лидеров кружков чаще, чем у других, встречались симптомы элитаристского сознания, с чем движение независимых литераторов уже столкнулось при составлении сборника «Лепта». Тогда в моде было составлять «тройки», «пятерки» и «семерки» – списки первых лиц питерской поэзии, очевидно зависящие от того, кто их составлял. Клуб же был *общественной организацией,* представляющей интересы всех ее членов.

«Для членов правления очевидно, – писал я, – что не стоило создавать творческую организацию, которая бы состояла из посредственностей. Было очевидно и то, что клуб не стоило создавать ради трех-пяти литераторов. По мнению правления, клуб составляет талантливое большинство. Клуб как целое может отличить талантливое от неталантливого, не будет аплодировать посредственности и поносить выдающееся… Поэтому правление не испытывает боязни перед большинством клуба, не стремится – ни прямо, ни косвенно – ставить членов клуба в положение лишь *регистраторов событий*, и не опасается, что члены клуба могут дискредитировать культурную значимость того явления, которое они так или иначе представляют… По мнению правления, клуб… представляет неотъемлемую часть отечественной литературы, базирующуюся на более широкой традиционной почве, чем официально признанная, более критично осмысливает жизненный опыт современника, тематически своеобразную и более принципиальную во взгляде на творчество с точки зрения постоянного обновления».

О другой точке зрения: «По мнению элитаристов, большинство клуба состоит из посредственностей, весом обладает лишь творчество немногих… отсюда ультимативность тона, отсюда стремление выдать мнение двух-трех членов клуба за мнение истинное и не допускающее возражения высказывание о том, что отношения внутри клуба нужно строить не на равном уважении личности каждого члена клуба, а на исключениях… Элитаристская позиция неизбежно приводит к идее, что, помимо

демократической структуры клуба, существует элитарный синклит, который должен определять *политику* клуба».

С этой статьи началась моя полемика с Виктором Кривулиным, которая продолжалась все годы существования клуба и временами вспыхивала в 1990-х годах. Причина оставалась прежней. Поэт, занимая по отношению к властям крайнюю из возможных публичных позиций, живо, как немногие, ощущал себя участником общения в том круге, к которому принадлежал и в котором хотел видеть себя лидером. Кривулин был исключительно популярен как поэт – он был поэтическим голосом независимой культуры, – при этом бросалась в глаза его способность не слышать других и предлагать фантастические, практически неисполнимые решения. Члены клуба ожидали от правления совсем другого – открытости, настойчивого достижения уставных задач, расширения и усиления влияния клуба в независимом культурном движении Петербурга.

Недовольные своим положением в клубе находили поддержку и утешение среди литераторов, которые по тем или иным причинам в клуб не вступили. В этой среде и создавалась большая часть той «румурологии» (суждений, основанных на сплетнях и слухах), о которой написал Н. Подольский. Одна из причин – аллергия некоторых людей к пребыванию в организации любого толка. Сами собрания и заседания с повесткой дня, председателем и регламентом убивали для них излюбленный кайф общения, при котором каждый говорит и читает что хочет, в любой момент можно сбегать за бутылкой, и прочее. Клуб серьезно повлиял на межличностные отношения. Некоторые неофициалы не сразу поняли, что для существования клуба необходимо освоить новые ответственные формы общения, без которых нельзя обеспечить равенство прав, взаимоуважение и доверие друг к другу.

Между тем творческие вечера продолжались: вечер 23 марта 1982 года был посвящен теме «Современное петербургское изобразительное искусство и литература». Экспромтом была организована выставка работ художников, с докладом выступили Ю. Новиков, С. Гершов, Игорь Иванов, Михаил Иванов, В. Кривулин и другие. В полемической схватке столкнулись крайние точки зрения на авангард и модернизм, на задачи и состояние современного независимого искусства.

11 мая снова аншлаг: многие петербуржцы впервые встретились со знаменитостями московской неофициальной поэзии – Бахытом Кенжеевым, Владиславом Леном, Дмитрием Приговым, Львом Рубинштейном, Ольгой Седаковой.

8 июня встреча клуба с группой «Аквариум»…

Из моего дневника:

От музея до станции «Владимирская» шел вместе с Ю. Андреевым, который в первые месяцы не пропускал ни одного клубного вечера. Некое высокое лицо, сказал Ю. А., не назвав его фамилии, меня предупреждает, чтобы «Иванов не зарывался».

В раздевалке музея Ю. А. сказал, что он, возможно, станет редактором альманаха «Молодой Ленинград». Я сказал, что он мог бы получить и более значительную должность.

Вскоре наш куратор занял в ЛО издательства «Советский писатель» кабинет главного редактора «Библиотеки поэта».

Ольга Бешенковская, впечатления о клубных вечерах (опубликованы в «Регулярных ведомостях»):

Вечера знакомств наступили после мучительно многолетних ночей в творческих одиночках и глухих дней… Отсюда несколько демонстративный пафос чтений, триумфальное щелканье фотокамер, вереницы желающих со стороны рынка попасть на «концерт»… Тень Федора Михайловича исподволь способствует нагнетанию петербургского драматизма, а наличие зала, как всегда, провоцирует на эстрадные фокусы… Вечера знакомств – по сути своей – попытка приоткрыть, что искал и что нашел каждый за многолетнюю ночь… Значит, пора переходить от дела к слову – то есть к разговору о прочитанном?.. Я против… Выпустят издательства книжки поэтов и прозаиков, рекомендованные секциями, правлением и куратором клуба, – обменяемся мнениями… А пока – будем благодарны друг другу и клубу за то хорошее, что услышали здесь, за духовность, которой отмечены лучшие из прочитанных произведений и которая, как мне кажется, как принцип объединила более пятидесяти розно и разно пишущих.

Вячеслав Долинин вспоминает:

В кинозале Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского насчитывалось 100 сидячих мест, желающих же в него попасть, как правило, было гораздо больше. С самого начала пришлось пойти на ограничение допуска на клубные мероприятия. Члены клуба проходили беспрепятственно, прочие посетители пропускались по заранее составленным спискам, утвержденным клубным правлением. В списки включались художники и литераторы, по разным причинам не вступившие в клуб, и почетные гости

(назову Олега Викторовича Покровского, патриарха неофициальной культуры, ученика художника Павла Филонова и близко знавшего поэта Роальда Мандельштама). За полчаса до начала вечера мы с Коровиным надевали синие нарукавные повязки, сшитые для нас специально И. Адамацким, – цвет и форма заимствованы у дружинников, охранявших храмы в дни церковных праздников, и занимали пост у входа в музей. Несмотря на ограничения, народу набивалось до двухсот человек. Те, кому место в зале не досталось, толпились в фойе. Помимо прочего, мы с Коровиным должны были преграждать дорогу пьяным. Однако любители выпить нашли выход – они проносили спиртное в музей и распивали его в туалете, на лестницах. Мы напрасно пытались убедить директрису музея Беллу Нуриевну Рыбалко, что пустая посуда, которую она находила в разных местах, оставлена экскурсантами, почтившими память великого писателя…

Мне передавали, что на вечерах замечают «странных лиц». Я реагировал на такие сигналы с полным равнодушием. Номера «Часов» уже не раз при обысках попадали в руки гэбистов; вполне возможно, что у кого-то из подписчиков журнала есть приятель, который не только читает сам, но и предоставляет возможность знакомиться с ним «специалистам». Через третьих лиц до меня доходили и угрожающие предупреждения.

Но разве не в том и заключается Утопия-2, чтобы на свой страх и риск, но с верой в успех раздвигать границы *свободы слова*! Пусть читают, пусть просвещаются, пусть привыкают к факту нашего существования. В России привычка – великое дело. Правда, твоя жизнь приобретает при этом несколько экспериментальный характер. Но и к этому можно привыкнуть.

Творческие вечера не требовали от правления особых хлопот, но вскоре конфликт клуба с директором музея Б. Рыбалко вышел за рамки местного значения. В старые меха тихого заведения вдруг влилась брага эмоционально взрывной силы с неакадемической наследственностью. И директриса, и правление клуба пришли к мнению: надо что-то делать. Музей удовлетворял наш клуб лишь отчасти – секциям и правлению собираться было негде.

И. Адамацкий, на которого легло решение этой проблемы, писал:

Уже с февраля 1982 года мы начали разговор о постоянном помещении для секционной работы клуба.

Речь шла о каком-нибудь полу– или полном подвале, при этом Союз писателей или его Литфонд выступит юридическим лицом-арендатором. От Суслова услышал, что аренда – это сложно, денег у СП мало… что из писателей это удалось сделать только Р. Погодину… Эти речи велись в то время, когда в городе был избыток подвальных и первоэтажных, никем не используемых помещений.

Март, апрель, май председатель клуба обследует ситуацию с нежилыми помещениями в Дзержинском районе. Он, школьный учитель, входил в канцелярии, как воспитатель к неуспевающим ученикам. От порога показывал, что о чиновниках ему все хорошо известно и он заранее знает, что они скажут: «Помещения, если где-то и есть, то информацию нужно получать в ЖЭК, выведывать у дворников, что сведения собираются не то в городских трестах, не то в специальных комитетах учета, при этом постоянно производится как перераспределение их функций, так и аттестация помещений… и пр., и пр.». Адамацкий упреждал чиновные советы и отказы. Вскоре они привыкли к его снисходительному тону, к неунывающей настойчивости, к анекдотам о бюрократах. У него появилась сочувствующая агентура. В коридорах и по телефону выдавалась «секретная информация». Решать особенно головоломную задачу ему пришлось и выбивая помещение для «Пятой студии» Эрика Горошевского, входящей в клуб как «филиальный коллектив».

И. Адамацкий:

Наконец в Дзержинский РК КПСС к первому секретарю Г. И. Бариновой приглашаются Ю. Андреев и я для получения ключей от полуподвала старого флигеля постройки 1789 года на П. Лаврова, 5. Там была трехкомнатная квартира…

Прежде чем вручить ключи, секретарь ведет беседу о литературе (ей нравится Пикуль), о том, с какими целями создан наш клуб: найти трех-четырех талантливых литераторов, остальных перевоспитать или попросту отсеять, – стандартная установка пастухов социалистической культуры!..

В продолжение целого года бесконечные хождения и звонки в Союз писателей (где очень мало денег), в райжилуправление, жилищный трест, в Литфонд (к Мустафаеву), который мог выдать то списанные стулья, то ведро белил. Ходил в подвал Дома писателей смотреть списанную мебель.

12 июня расширенное правление составляет документ:

> АКТ осмотра помещения по адресу: ул. П. Лаврова, д. 5, кв. 4[26].
>
> Мы, нижеподписавшиеся члены «Клуба-81, составили настоящий акт в том, что при обследовании настоящего помещения обнаружили следующее:
>
> входные двери находятся в состоянии негодности;
>
> отсутствует электросчетчик; электропроводка в аварийном состоянии;
>
> двери сняты с петель, одна отсутствует;
>
> газовая плита не укомплектована;
>
> оконные заполнения нуждаются в выборочном ремонте и застеклении;
>
> водозапорная арматура неисправна;
>
> штукатурка потолков и стен обветшала;
>
> нет почтового ящика;
>
> помещение захламлено и замусорено…
>
> 12 июня 1982 г.
>
> Адамацкий, Иванов, Новиков, Драгомощенко, Аксенов, Бутырин, Долинин, Коровин, Шнейдерман.

Попытки председателя убедить арендодателя, прежде чем оформить аренду на клуб, придать помещению более-менее благопристойный вид к успеху не привели. Правление правильно поняло свои функции. В течение двух недель мы сокрушили в помещении перегородки, заделали, как могли, пол, кое-что подштукатурили, вынесли горы мусора.

История клуба – смесь драматических и комических ситуаций.

> **И. Адамацкий, «Мелочи жизни»:**
>
> Пришел на субботник. Задача – сокрушить перегородки и сломать печь. Сижу, жду коллег. Слышу голос: «А где тут старушка живет, которая деньги под проценты дает?» Появляется Аркадий Драгомощенко с топором на плече. Этим топором и была выломана первая доска.

Адамацкий за несколько месяцев просьб и напоминаний получил крохи из того, что требовалось: столы, стулья, светильники. Я принес стул из дома и все восемь лет старался сидеть именно на нем. Игорь Смирнов, по профессии архитектор-проектировщик, убедил СМУ (строительно-монтажное управление), не лишенное благотворительных инстинктов, правда

не сразу – на следующий год, сделать ремонт более основательно и бесплатно. Бригадир потребовал за ремонт чисто литературную мзду – роман В. Пикуля, находящегося в ту пору в зените всенародной славы. Достать книгу можно было только по блату. Ю. Андреев «Фаворита» – именно его требовали штукатуры и маляры – «достал».

…Возникла парадоксальная ситуация: если «параллельные структуры» – независимые творческие союзы – в Восточной Европе создавались явочным порядком и были объявлены идеологами КПСС «контрреволюционными организациями», наш клуб стал «параллельной структурой» с помощью… КГБ. Подозрение на этот счет пришло в голову кому-то в обкоме КПСС уже через полгода существования клуба. Нас посетил профессор социологии, фамилию которого не помню. Я на заседание правления опаздывал, до моего прихода социолог, опытный профессионал, успел задать моим коллегам несколько вопросов. Не появись я вовремя, обкомовский разведчик получил бы следующий ответ: члены Клуба-81 видят свою задачу альтернативной Союзу писателей, политику которого считают для отечественной культуры пагубной, одним словом, разделяют идеи Пражской весны.

В самом деле, что хорошего могли сказать мои коллеги о ССП и партийном руководстве! Но ученый социолог ушел с другим выводом: да, члены клуба имеют претензии к ЛО ССП, особенно в той части, которая касается работы с молодыми литераторами, но верят, что возможны перемены к лучшему, и видят свое будущее в тесном сотрудничестве с Союзом писателей, если тот признает их запросы. После того как я изложил эти мысли, вопросы нашего гостя к правлению были исчерпаны.

Так мы начали заниматься политикой, основанной на следующем допущении: за скромными переменами, происшедшими после «бульдозерной выставки» по отношению к неофициалам, стоит искреннее стремление партийного руководства к либерализации и развитию демократических начал. Мы это стремление видим, связываем с ним свои надежды и верим, что наступит время, когда разделение культур на официальную и неофициальную утратит смысл. Эту интерпретацию ситуации мы навязывали официальным лицам как лучшую из возможных, как позволяющую нам требовать от них доказательства своего демократизма, а нам обещать свою полную лояльность, как только перевоспитание властей будет закончено. Во всех документах, в которых клуб обращался к властям, можно заметить эту ноту. Каждый раз я только тогда мог сдвинуть перо с места, когда представлял власть способной поддерживать свою

риторику о демократии практическими делами.

Дело Вячеслава Долинина

14 июня 1982 года позвонил Адамацкий и сообщил: сегодня утром арестован Долинин.

Решили обзвонить членов правления и уже вечером собраться на Петра Лаврова.

Вячеслав Долинин, который вращался в кругу людей, пробующих свои силы в литературном творчестве, уже года два принимал участие в работе редколлегии «Часов». В клуб на общих основаниях вступить не мог – литератором он не был. В конце марта, в связи с Долининым, меня встревожил один телефонный разговор. Человек, с которым я был едва знаком, спросил, не могу ли я связать его с представителем Фонда А. Солженицына в Ленинграде. Задавать такой вопрос открытым текстом по телефону мог только провокатор или, того не лучше, дурак. Не получив ответа, он с вызовом заявил, что знает, кто его свяжет с фондом, – Вячеслав Долинин.

При встрече с Долининым я рассказал об этом звонке. Как мне показалось, у него были и другие, неизвестные мне причины тревоги за свою судьбу. Предложил немедленно вступить в клуб. То, что клуб должен брать под защиту своих членов от политического преследования, для меня было аксиомой. Долинин засомневался: «Но я не литератор!» «Я буду рекомендовать вас как лучшую кандидатуру на должность клубного казначея».

В начале марта на общем собрании Долинин был в клуб принят. Он занялся сбором членских взносов и вместе с Сергеем Коровиным выпуском информационного бюллетеня «Регулярные ведомости» – название принадлежало ему. Мои подозрения оправдались, тот неприятный звонок был частью операции, в ходе которой, возможно, пытались зацепить и меня.

Если не ошибаюсь, Адамацкий в день ареста Долинина побывал на его квартире и поговорил с его убитой горем матерью. Она не знала, что ее сыну инкриминируется. При обыске чекисты обычно конфисковали рукописную продукцию, чтобы без спешки ее в своем департаменте изучить. Часть текстов, собранных для клубных сборников и находившихся в доме нашего коллеги, изъята не была.

Как проходил обыск, В. Долинин позже описал:

В 1981–1982 годах я работал сменным мастером участка треста «Теплоэнерго-3», на котором работали

члены клуба Владлен Гаврильчик, Аркадий Драгомощенко, Юрий Дышленко, Борис Иванов и Олег Охапкин, а также не вступившие в объединение поэты Ю. Колкер, В. Ханан и другие авторы самиздата. Весной я заметил за собой слежку. Запрещенную литературу из дома пришлось убрать. 14 июня, в семь сорок утра в дверь позвонили. От резкого звонка проснулся и сразу понял: пришли за мной. В дверях стояли три оперативника. Вслед за ними вошли бессловесные понятые. Начался обыск. К материалам, отпечатанным для клубных сборников, они даже не прикоснулись. Не интересовали их и поэтические подборки для антологии неофициальной поэзии Ленинграда 1950–1970-х годов [27] *. Среди бумаг обнаружили второй номер «Регулярных ведомостей». Накануне мы с Коровиным успели отпечатать бюллетень только в двух экземплярах. За день до обыска первый экземпляр я передал куратору от ССП Ю. Андрееву, за которым закрепилось прозвище Юрий Андропыч. Второй был тот, который держал в руках гэбист. Он полистал его и отложил в сторону: «Спасибо, это у нас уже есть».*

Обыск продолжался девять часов. У меня изъяли номер журнала «Новый мир» с «Одним днем Ивана Денисовича» А. Солженицына, книгу Оруэлла «Памяти Каталонии», первый томик парижского издания «Доктора Живаго», а также целый мешок литературного самиздата, в том числе несколько номеров журнала «Часы», «37», сборник прозы Михаила Берга и т. д. Кассу клуба при обыске не тронули. Уже в камере на Шпалерной (тогда Воинова), 25, я написал отчет о своей работе казначеем клуба и передал дела Коровину.

Правление не сомневалось: клуб должен выступить в защиту своего члена. Адамацкому было поручено периодически звонить П. Коршунову и напоминать, что члены клуба протестуют против ареста их коллеги. Я должен был написать письмо в КГБ по Ленинграду и области, в котором выразить также протест против вызова Наля Подольского на беседу в КГБ. Коршунов, который заступил на место В. Соловьева, при встрече внушал Подольскому, что осведомители органов, то есть «стукачи», это честные люди, выполняющие важные задачи по охране государственной безопасности. Бросать тень на эту категорию защитников отечества никому не позволительно, а в отрывке повести, которую Подольский читал в клубе, «защитник родины» изображен непривлекательно.

Выдержки из письма, направленного в Управление КГБ:

> Арест В. Долинина и предупредительная беседа с Налем Подольским вызвала среди членов клуба сильный резонанс. Это воспринято многими как начало преследований и арестов или – желание запугать членов клуба. Правление клуба, которое многое сделало для того, чтобы создать среди литераторов атмосферу спокойствия, преодолеть настроения нигилизма и отверженности и следующие из этих настроений действия, теперь получает заявления о выходе из состава клуба, о необходимости созвать общее собрание с целью самороспуска объединения.
>
> Мы не хотим ставить под сомнение объективность следственных органов – наша обязанность указать на сложность ситуации, в которой гуманность и вера в духовные силы человека могут привести к таким положительным следствиям, значение которых трудно переоценить. В составе клуба большинство людей впечатлительных и отзывчивых на каждое проявление доверия и милосердия. Правление готово, если будет сочтено возможным, встретиться с Долининым и предложить ему дать твердое и ответственное обещание не заниматься впредь какой-либо политической деятельностью… Мы хотели бы, чтобы была рассмотрена возможность товарищеского воспитания, а не уголовного наказания… Мы верим, что сложность и новизна этой проблемы не послужит препятствием всесторонне рассмотреть наше заявление.

К моменту написания письма было уже известно, что, кроме Долинина, арестованы Ростислав Евдокимов и Борис Манилович, к клубу отношения не имеющие, – все по одному делу. Сомнений не было, арест с клубом не связан, и тем не менее клуб должен в согласии с Утопией-2 вытащить Славу из-за решетки. Эта идеология была сформулирована в начале заявления:

> В конце прошлого года был создан Клуб-81. Его создание явилось ответом на ряд взаимосвязанных задач, из которых подчеркнем следующие:
>
> – существование в Ленинграде безусловно талантливых прозаиков, поэтов, переводчиков, критиков, которые оказались в стороне от нормального культурного процесса, – не имеют публикаций, не входят в ЛО ССП или другие творческие объединения,

– отражение в их творчестве положения писателя, художника, вообще талантливого человека, не находящего себе места в нашем обществе,

– публикация их произведений на Западе и неоднократные попытки создать творческие организации, помимо существующих в городе.

Далее говорилось, что создание объединения позволило «практически поставить вопрос о публикации членов клуба», «дало выход стремлению к общественной деятельности и вводило ее в круг культурных и творческих интересов». «Создание Клуба-81 весьма затруднило использование антисоветскими силами того клише, которым они в течение нескольких лет пользовались: *неофициальный литератор – противник существующего строя*. Их средства массовой информации после необъективных сообщений, появившихся вслед за созданием клуба, теперь старательно обходят факт его существования».

В письме создание клуба подавалось нами как наступление нового времени, как прекращение противостояния власти и неподцензурной литературы – писателей, отстаивающих свободу творчества, но не претендующих на власть. Только на платформе Утопии-2, считал я, наши отношения с властями вообще возможны. Мы ничем не собирались торговать, ни от чего не отказывались. Мы готовы идти вперед *по узкой дороге к демократии*. И с нами, и за нами готовы пойти не только неофициальные литераторы – все культурное движение. Под нашим, как я говорил, «зонтиком» нашли себе место – секция музыкантов и неофициальный театр. Журналы «Часы» и «Обводный канал» выходили и продолжали выходить.

Письмо вручали в приемной комитета. От правления в визите участвовали Адамацкий, Драгомощенко и я. От КГБ – Соловьев и Коршунов. Мы заявили, что арест Вячеслава Долинина создал ситуацию, из которой нужно выходить, если власти действительно хотят решить проблему неофициальной литературы. Коршунов выразил удивление, как это Долинин, не будучи литератором, оказался в клубе. Подобный аргумент я предвидел и охарактеризовал в письме и полемике нашего коллегу как человека с большими способностями литературного критика. Коршунов старался нас убедить, что арест Долинина никакого отношения к клубу не имеет, и просил объяснить это всем членам клуба.

В начале этой встречи произошла забавная сцена. Не успел я в приемной сделать двух шагов, как ко мне подошел В. Соловьев, шумно упрекая за то, что я продолжаю выпускать «Часы».

Выходило так, будто бы я нарушаю достигнутую с ним договоренность. Я догадывался, что клуб *должен был* пойти в обмен на журнал, но разговор во дворце Белосельских-Белозерских пошел таким неожиданным для него образом, что психологически он не мог ставить мне какие-либо условия. И правильно сделал, я просто повернулся бы на 180 градусов. Но Коршунову, который участвовал в разработке задания, он так и не сказал, что на встрече со мной даже не заикнулся о запрете на выпуск «Часов». И вот теперь, когда Коршунов узнал, что вышел 35-й номер «Часов» за январь-февраль 1982 года, он воспринял это как вызов своему ведомству, а Соловьев разыграл в его присутствии сцену своей непогрешимой исполнительности.

Коршунов хотел убедиться, что номер действительно вышел. «Мне пришлось напрячь своих ребят, чтобы достать ваш последний номер». Что же в этом номере сотрудник Пятого отдела прочел?

Он прочел повесть Наля Подольского «Кошачья история», в которой, наверное, ожидал найти что-нибудь компрометирующее «органы». Повесть вскоре окажется на Западе, будет отмечена Премией Даля, позднее будет издана массовым тиражом в России.

В разделе «Поэзия» журнал опубликовал две большие подборки Ольги Бешенковской и Владимира Шенкмана. Ничего хорошего о жизни в Стране Советов майор не узнал:

> А жизнь – всего лишь форма ностальгии
> По жизни, где какие-то другие,
> Сиреневые, может быть, дома…

Хуже того:

> Действительности нет.
> В действительности нет
> Ни дома, ни страны, ни ветки – воплотиться…

В. Шенкман мне запомнился стихами: « Я пустоты хочу, бескрайней пустоты, / Где нет истории, нет осени, нет слов». В подборке этого номера лирический герой его стихов также пытается вырваться из времени и пространства:

> В пространстве времени, как в метаанекдоте,
> Мы только босховские чудища, одни
> Немые призраки, и синее болото

Вот-вот сомкнется над твоею головой.

В разделе «Проблемы культуры» Коршунов прочел, что Советский Союз – это традиционное общество, «с образцовыми основоположниками, мощами, иконостасами и классическими оппозиционерами», о том, что «Россия так или иначе вовлечена в такие перемены, которые создают возможность для появления независимой творческой личности и реалистической культуры. Творческая личность не может возникнуть, иначе как подвергнув социум дегероизации, демистификации… Реализм приходит исторически как критическая волна, но эта критическая волна должна оздоровить и традиционные устои общества».

Из моей статьи «Реализм и личность» Коршунов мог узнать не только о закате коммунистической эпохи, но и об идеологии современной неподцензурной петербургской поэзии, о церемонии присуждения независимой литературной Премии Андрея Белого и о новых ее лауреатах.

Думаю, с захватывающим интересом он читал статью Юрия Новикова «Размышления после закрытия выставки на Бронницкой»[28]. Не надо было *напрягать своих ребят* – автор сам рассказал, когда была выставка, где проходила, и перечислил поименно всех ее участников, назвав тех, кто в квартирных выставках принял участие впервые; написал и сколько человек ее посетило. Статья выразила те настроения, которыми жило неофициальное искусство, уже ставшее важнейшим общественным институтом, без которого, писал автор, «наша бессобытийная жизнь становится бессмысленной». «Оно еще очень молодо, это искусство. Оно формируется на наших глазах, заполняя молодыми побегами безжизненное нагромождение валунов, развороченной глины и щебня, перемолотых движением ледника, замещая нежизнь – жизнью во всех ее жизненных противоречиях, противостоя энтропии, аккумулируя жизнетворную энергию в том, что сегодня кажется еще не искусством, но пульсирующими комочками прорастающей жизни».

В этом же номере опубликовано двадцатистраничное письмо в Министерство культуры СССР, отдел культуры при ЦК КПСС, заведующему отделом тов. Шауро В. Ф., под которым поставили подписи 69 художников[29]. Письмо замечательно тем, что шаг за шагом прослеживает, как культурная политика властей блокировала в искусстве все, что не служило ее господству.

Идеология Утопии-2 присутствует в письме со всей определенностью. В нем выражалась надежда, что конфликт

между официальной и неофициальной культурой при наличии доброй воли может быть преодолен.

> «В противном случае, – заявляли художники, – если в кратчайший срок ситуация не будет разрешена, мы будем поставлены перед необходимостью создать собственные организационные формы». Новиков, главный автор заявления, в приписке разъяснил принципиальную задачу послания: «Если стоило писать письмо, то письмо пространное, рассчитанное на то, что оно может пояснить дело и человеку, который знает о неприрученных художниках лишь понаслышке, апеллировать к многочисленным фактам, ставшим уже историческими. Письмо должно просвещать инстанции относительно того, что происходило в действительности. Стоило также учесть, что времена меняются не только для художников, но и для чинов».

Утопия-2 со всей ясностью демонстрирует бессмысленность подслушивания, подглядывания, бесперспективность дальнейшего блокирования независимого культурного движения. Власть, изолировав неофициальную культуру от возможности свободно общаться с современниками, принудила ее участников создавать и развивать свою печать, свои журналы, проводить свои выставки, конференции, концерты, выбирать тех, кому они доверяют защищать свои интересы. Власть, пользуясь суррогатными источниками информации из вторых-третьих рук, искажаемой в интересах ведомств, создала специальные подразделения, завела своих шпионов, организовала слежку за теми, кто не имел иной задачи, как гласно заявить о своем праве на открытое для всех творчество. У непредвзятого читателя журнал не мог не оставить впечатления цельного, сильного, уверенного в себе наступательного движения, которое не заискивает и не трепещет пред лицом сильных мира сего, выстраивает свою политику на постоянном натиске, заявлениях о своем праве на существование.

В том же номере журнала Коршунов мог прочесть ответ на письмо заместителя министра культуры СССР Г. А. Иванова от 15 февраля 1982, поражающее своей анемией:

> «Министерство культуры СССР полагает, что существующая в нашей стране система объединения художников и любителей искусства достаточно эффективно обеспечивает рост творческих кадров, развитие и пропаганду плодотворных творческих

тенденций». И в конце такой вот «системный» совет: «По нашему мнению, преодолеть все существующие противоречия могут и должны только они сами (то есть авторы письма) при объективной оценке своего труда и повышения требовательности к его результатам». Поразительная мысль: да, проблема есть, но ее может и не быть, если вы перестанете писать в инстанции, которые совершенны и предусмотрительны.

Утопия-1, как показывает ответ замминистра, не предполагает дискуссий на темы культуры. Есть «система», которая, как органчик в голове салтыковского героя, не только дает правильные ответы, но и «эффективно обеспечивает рост творческих кадров, развитие и пропаганду плодотворных творческих тенденций». Монтескье три века назад писал: «Сперва люди создают учреждения (системы), затем учреждения создают людей». Системы не думают, не переживают – в один прекрасный момент они просто разваливаются.

Прочитав «Часы», мог ли Коршунов требовать от меня прекращать выпуск журнала, который давал такое количество информации по его профилю, что он мог сразу же садиться за стол и писать отчет своему начальству? Коршунов попросил меня сделать его… подписчиком журнала! Но нет, за одним столом сидеть мы начали учиться, однако есть из одной тарелки еще рано.

Из записок И. Адамацкого «Внутри и рядом»:

26 июня

Беседа в приемной (КГБ) длилась около двух часов. Мы говорили, что вопрос о Долинине будет постоянной помехой нормальной работе клуба, что из этой ситуации нужно выходить, что слишком многое поставлено на карту и т. д. Неделю спустя я еще раз напоминаю Коршунову о Долинине, он мне говорит, что следствие будет долгим, что ничего определенного сказать заранее нельзя, выражает удивление, что мы собираемся выступать с общественной защитой. В июле я еще несколько раз напоминал Коршунову о Долинине и о ситуации с художниками: у них образовалось товарищество, им нужна выставка, у них сложилась инициативная группа, включая Новикова, Григорьева, Ковальского.

16 июля

…в помещении на Лаврова, 5, состоялась в моем присутствии встреча художников Григорьева,

Ковальского, Гиндпера с Коршуновым. Коршунов обещает поговорить в Управлении культуры об осенней выставке и просит поговорить с художниками, чтобы снять остроту напряжений, чтобы не было острых выпадов, чтобы на осенней выставке не было в первый день дипломатического корпуса и т.д. Напоминает, что конец всего предприятия – это конец его, Коршунова. «Тогда, – прибавляет он, – я пойду к вам работать сторожем».

Из записей И. Адамацкого:

Оценка Андреевым рукописей членов клуба, собранных для сборника:

Тиранин А. – тюремная тема, не столь интересная в наши дни (рассказ «Сепаратор»),

Коровин С. – в рассказе изображает всех подонками, все – гниль, все пропито, в жизни не осталось ничего светлого,

Козырева М. «Девочка перед дверью» – это скучно, без художественных выходов,

Кудряков Б. «Белый флаг» – рассказ построен на теме распада психики, на бездуховной, грязной среде,

Аксенов В. «Понедельник, 13 сентября» – снова лагерная тема, в рассказе она лишняя, ее убрать – и рассказ только выиграет,

Адамацкий И. «Каникулы в августе» – рассказ построен на социально отрицательном материале: из 2039 года появляется человек, ищет доносчика,

Берг М. Цикл рассказов – в тексте грубейшая неприязнь, ненависть к народу как к быдлу; изображение некоего супермена,

Беляев И. «Таксидермист, или Охота на серебристоухого енота» – для чего гофманиана? – чучело жуткого урода, который выкрикивает провокационные лозунги,

Звягин Е. «Напиться на халяву» – тема: жизнь наркоманов.

В позиции авторов нет представления о собственных ценностях. Злобное брюзжание по любому поводу, от которого освободился даже Солженицын. Ради чего? Тематически – нет новаторства. Художественно – монотонно. В перечисленных вещах нет одухотворенных целей, за которые можно было бы умирать. Необходимо у этих авторов попросить другие вещи. Или как-то

поработать с авторами, например, высветлить Аксенова. Не пройдет лагерная тема. Во многих текстах эстетическая установка не проходит. Например, рассказ Б. Иванова «Ночь длинна и тиха, пастырь режет овец». – Почему там бегство художника к Христу? Какая идея? Какая искра?

Сегодня запись кажется пародией, в действительности же пародией на литературоведческий обзор было выступление представителя ССП. Главное в его речи – просвещение присутствующих, о чем и как нельзя писать, – цензурный кодекс, которым руководствуются все функционеры, подвизающиеся на поприще социалистического реализма.

После этой заупокойной молитвы Андреев сказал, что он все-таки берется из четырех сборников составить один *проходной*, если какие-то вещи авторы заменят, а какие-то – подредактируют… Эта концовка в духе Утопии-2 стала вариантом продолжения совместной работы.

В клубном журнале «Регулярные ведомости» № 3 я поместил комментарий на выступление Андреева. Отметил: «Представления о *литературной норме* – норме в широком смысле этого слова – очевидно, не совпадают, но эти расхождения не настолько велики, как может представиться на первый взгляд». Общее в том, что ни в одном из произведений сборника «нет стремления эстетизировать зло… Структура этических ценностей общая и не ставится под сомнение, но авторы не считают своей задачей доказывать то, что само собой разумеется… они представляют читателей не первоклассниками, а зрелыми людьми… Автор в традиции, которой следуют многие прозаики нашего клуба, не резонер, он не выступает в роли судьи, произносящего окончательный приговор, авторская позиция – это методическое использование иронии, от легкой, как, например, у С. Коровина, и веселой и уверенной – у И. Адамацкого и В. Аксенова – до саркастической у М. Берга… На наш взгляд, если произведения упомянутых авторов, вызвавшие наибольшие упреки, рассмотреть с точки зрения сатиры, эти упреки автоматически превращаются в содержательную характеристику новой советской сатиры. И тогда *мрак* становится мраком тех явлений, которые писатель взял в качестве предмета изображения, а не мраком, в котором повинен он сам».

При складывающейся ситуации можно было принять одно из двух взаимоисключающих решений: или настаивать на поочередной публикации уже составленных клубом сборников и на примере конкретных вещей, с участием авторов, вести

полемику с Андреевым за каждую строчку, или предоставить составителю карт-бланш. Первое решение было принципиальнее, позволяло в случае успеха выпустить сборник оптимального достоинства. Но тогда неизбежно возникал конфликт между клубными составителями и авторами, которым в сборнике место не достанется потому, что объем издания уже определен – 22 печатных листа. Переложив составление на Андреева, мы уходили от неизбежных тяжелых внутриклубных конфликтов.

Выстраивание отношений клуба с Ю. Андреевым, секретариатом ЛО ССП, П. Коршуновым, с музеем Ф. Достоевского было заботой правления, и оно требовало массу времени. Реакция на происходящее у членов клуба была разной – от предложения воинственных демаршей против властей до тихого сервилизма. Нужно было предлагать коллективу в каждой ситуации такую позицию, которая сохраняла наши скромные завоевания. Нужно было всем объяснять, что правление делает для этого в данный момент. Поэтому присутствовать на заседании правления мог каждый.

Правление решило предоставить карт-бланш куратору и все спорные вопросы решать с согласия авторов.

Из записей И. Адамацкого:

4 августа вызван на допрос к следователю Черкесову (капитан). Разговор – два часа, а в протокол записать нечего. Позже узнал: Черкесов был недоволен тем, что я со своей стороны изучал его, переводя разговор на сопредельные юриспруденции области. В протокол записал: «Долинина знаю мало, а знаю как человека исполнительного, честного, щепетильного, хорошего литературного вкуса, с критическими литературными способностями…» и что-то еще в таком же духе. Еще раз подчеркнул, что арест Долинина плохо отзовется на клубе.

В истории ленинградской литературы была славная страница, когда несколько членов ССП выступили в защиту Иосифа Бродского. Сам Союз писателей осудил и Бродского, и его защитников. Клуб-81 как общественная организация впервые в Стране Советов выступил в защиту своего члена от политического обвинения.

Нам стало известно, что следствие заказало администрации «Теплоэнерго», где работал В. Долинин, отрицательную характеристику. И. Адамацкий отправился к начальнику участка и обвинил его в подтасовке фактов в угоду начальства. Начальник оправдывается: он характеристики не оформляет – это делает

отдел кадров. Председатель клуба звонит капитану Соловьеву: вы заказывали компрометирующую Долинина характеристику? Соловьев: «Ничего подобного! Мы запросили просто характеристику».

На участке, где работал Долинин, около половины операторов котельных были *наши*. Когда я работал там, в моей котельной иногда собиралось по пятнадцать-двадцать человек, все литераторы, все читают самиздат. У меня возник план: в случае отрицательной характеристики коллектив участка ее опротестует и выдвинет своего общественного защитника. Но для этого нужно было на участке провести профсоюзное собрание. Я встретился с профоргом, который только что занял эту должность, – гнуснейший тип «шестерки» из военных отставников. Он получил удовольствие, узнав от меня, что Чека действует и людей сажает.

Действия Адамацкого возымели результат – отдел кадров поручил составить характеристику руководителю участка И. П. Шкирко, который уважал Долинина за скромность и добросовестность. В итоге в деле нашего коллеги появилась положительная характеристика, которая по прейскуранту советского суда могла смягчить жесткость приговора.

Из записей И. Адамацкого:

26 ноября 1982 года, 16 часов

Приемная УКГБ. Присутствуют: хозяева – Коршунов и Соловьев, гости – Адамацкий, Новиков, Иванов, Драгомощенко, Коровин.

Для начала я зачитываю цитату:

Ю. А. Андропов (на Пленуме ЦК 22 ноября 1982 г.): «Во всех областях экономического и социального прогресса поставлены крупные и в значительной мере новые задачи», «необходимо дальнейшее развитие социалистической демократии в самом широком ее смысле, то есть все более активное участие трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами». Помимо клубных проблем, в первую очередь разговор о Долинине. Мы снова повторяем те же доводы, что и прежде: арест и осуждение Долинина – ошибочный шаг в неверном направлении.

Наши собеседники оказывались в двусмысленном положении, когда слышали от своих оппонентов директивные указания своего вождя о «дальнейшем развитии социалистической демократии».

Каждую неделю Адамацкий продолжал звонить Коршунову с

одним и тем же вопросом: «Павел Николаевич, когда Долинин выйдет на свободу?» Коршунов вначале не исключал такой поворот событий: «Лично меня это бы устроило». Но вскоре стал говорить, что следствие, скорее всего, затянется. А это значило, что в руках следствия стал накапливаться новый обвинительный материал и психологическое давление на подследственных усилилось.

Из записей Адамацкого:

Коршунов считает, что Долинин ведет себя легкомысленно, говорит больше, чем требуется, а следователь – человек, он должен записывать все.

Наконец дело дошло до связей Долинина с членами клуба.

В. Соловьев позвонил Адамацкому и сказал: «Следствие хотело бы вызвать на допрос ряд членов клуба, но мы убедили следователя ограничиться беседой с вами и Ивановым, привести вас поручили мне. Мы хотим избежать неадекватной реакции ваших товарищей по клубу и еще раз подтверждаем: Долинин проходит по делу, к клубу никакого отношения не имеющего». Из рук Соловьева Адамацкий получил повестку. Через несколько дней Адамацкий ответил на вопросы, заготовленные следствием, ответы были запротоколированы и подшиты к делу Долинина. Относительно меня Соловьев сказал: «Иванов проходит по протоколам допроса Долинина. Пусть мне позвонит. Иначе трудно будет удержать следствие. А так, может быть, поговорим, что-то решим полюбовно».

Вспомнил отца Сергия (Желудкова). В 1973 году его вызвали в Москву по делу П. Якира и В. Красина. Он навестил меня, чтобы посоветоваться, как вести себя на допросе, – он знал, что я знаком с диссидентскими рекомендациями на этот счет. Отец Сергий сказал, что будет говорить о Красине как человеке замечательном, честном, искреннем и т. д. Я его предупредил, что следователя меньше всего будут интересовать такие показания. Он будет требовать ответов на вопросы типа: вы получили от Красина такую-то книгу, вы были у него дома, когда происходила встреча Красина с американским журналистом таким-то, и т. п. В этом случае диссиденты советуют либо ссылаться на плохую память, либо представлять главным действующим лицом человека, недоступного для преследования: уехал, умер… Простой отказ от показаний может привести к уголовному наказанию. После возвращения отца Сергия из Москвы он о допросе рассказал. Меня рассказ потряс.

Ему, собирающемуся представлять подследственного в ореоле духовно-нравственных достоинств, следователь стал

зачитывать протоколы, в которых Красин детально рассказал, когда встречался с Желудковым, какие книги тот приносил, какие брал, что говорил, с кем познакомил. Желудков стал все горячо отрицать, предполагая, что протоколы липовые, а факты, хотя и правдивые, никак не могли быть полученными от преданного диссидентскому делу и близкого ему человека. Тогда ему было зачитано распоряжение чуть ли не Андропова, в котором заявлялось, что органы не станут подвергать наказанию тех людей, имена которых Якиром и Красиным будут названы. От Желудкова требуется лишь одно – подтвердить показания Красина, за себя он может не беспокоиться. Но отец Сергий снова отказался подписывать протокол.

И тогда произошло то, что не могло не потрясти: в кабинет ввели самого Виктора Красина, который стал просить своего духовника подтвердить свои признания. Это поможет быстрее закончить следствие, а чистосердечное признание Красиным своей вины облегчит ему наказание. «За себя не беспокойтесь, вас к делу КГБ не привлечет». Когда Желудков и на этот раз подтвердить показания Красина отказался, я не удержался: «Почему! Отец Сергий, он же просил вас!» – «Нельзя соглашаться с поступками человека, когда он совершает их во время духовной слабости…»

Я не стал звонить Соловьеву. В самом деле, о чем я мог договариваться с капитаном полюбовно! Если следователь хочет допросить меня, пусть вызывает в установленном порядке – шлет повестку… Прошло время. Соловьев напомнил о своем предложении: «Борис Иванович, почему вы не откликнулись на мое предложение?» Я сказал, что ценю в отношениях с людьми правдивость и искренность: «Но я бы не мог быть правдивым и искренним, отвечая на ваши вопросы о Долинине».

14 декабря в музее Ф. М. Достоевского – первый вечер провела секция переводчиков. С чтением переводов выступили Виктор Антонов, Елена Зелинская, Владимир Кучерявкин, Борис Останин, Сергей Хренов.

Из записей Адамацкого:

Когда мы выразили беспокойство за судьбу «Круга», А. Чепуров на встрече с нами сказал, что возможны иные решения, в частности, клубные авторы могли бы предложить свои произведения в сборники и альманахи – в «День поэзии», «Молодой Ленинград», обратиться в издательство «Аврора», «Детская литература». Возможно кассетное издание стихов… «Но имейте в виду, идеология остается идеологией, мы живем в Советском

Союзе, где марксистско-ленинская идеология, советская идеология требует повышенного внимания».

Нужно ли говорить о том, что из щедро предложенных возможностей ничего не получилось и получиться не могло.

Из записей Адамацкого:

16 августа Ю. Андреев отдает стихи В. Нестеровского в номер «Невы» (аж в первый номер 1983 г.). Что из этого вышло, лучше не вспоминать: эти стихи – безнравственность, если не сказать – подлость.

17 августа. Коршунов:

– У Долинина серьезные связи с Западом. Но по-видимому, для Долинина складывается лучший вариант.

– Почему на допрос вызвали меня?

– Это инсценировка. Новикова и Иванова нельзя вызывать: с Долининым были связаны тесно.

Из воспоминаний Долинина:

На допросах иногда речь заходила о клубе. Следователь утверждал, что в клубе состоят сплошные антисоветчики. Я это отрицал и говорил, что литераторов политика не интересует, а к той деятельности, за которую был арестован, никто из них отношения не имеет.

Вызвали в КГБ председателя правления клуба Адамацкого. У него опыт допросов с 1957 года [30] *. Признаюсь, показания Адамацкого прочитал не без удовольствия. Из них я узнал, что являюсь человеком абсолютно лояльным коммунистическому режиму. Никаких антисоветских высказываний, по словам Адамацкого, никто и никогда от меня не слышал.*

26 октября состоялся вечер памяти поэта Леонида Аронзона. К этому времени большинство мероприятий клуба проводилось на улице Петра Лаврова, 5. Организовывал вечер В. Эрль, кроме него участвовали и другие литераторы из нашего круга, но в объединение не вступившие: Т. Буковская, В. Ханан, А. Альтшулер. Никакие другие мероприятия не позволяют нам так ощутить ветер истории, сопровождавший наши жизни, как вечера памяти! Звучавшие стихи преодолевали власть физической смерти.

Стало известно, что следствие по делу В. Долинина закончилось.

Из воспоминаний Долинина:

Следствие продолжалось девять месяцев. Я был вырван из привычной среды и постепенно осваивался в новой… В тюрьме меня окружали сотрудники КГБ и «подсадные утки» – публика, для которой моральные нормы не существуют. До ареста я практически не имел опыта контактов с КГБ, допросам никогда не подвергался. Сориентироваться в той жизни, научиться на практике различать подводные камни, а порой и лесть оказалось непросто. В результате я совершил целый ряд ошибок, которые потом, набравшись опыта, пытался исправить. Удалось это лишь частично.

Меня обвиняли по статье 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»)… Основными пунктами выдвинутого против меня обвинения были: издание – совместно с Ростиславом Евдокимовым – подпольного Информационного бюллетеня СМОТа (Свободного межпрофессионального объединения трудящихся), авторство ряда статей для эмигрантского (до 1992 года), а ныне печатающегося в Москве журнала «Посев» и традиционное для политических дел распространение запрещенной литературы…

Надо отметить, что в моих показаниях, наряду с обширными умолчаниями, содержалось немало и откровенной дезинформации… В начале 1980-х КГБ пытался в третий раз посадить математика и историка Револьта Ивановича Пименова. По моему делу проходил микрофильм его книги «Происхождение современной власти», подписанный псевдонимом Спекторский. Пленку мне передал автор книги с просьбой переслать ее в зарубежное издательство. Я говорил, что о Спекторском знаю только то, что это персонаж поэмы Пастернака, об авторстве Пименова ничего не знаю, а с самим Пименовым вообще не знаком. Пленка же получена от человека, эмигрировавшего из СССР. От людей, уехавших из страны, согласно моим показаниям, получен и ряд других книг, в распространении которых меня обвиняли. Среди них «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам… На самом деле книгу я взял у Бориса Иванова, никуда из СССР не уезжавшего…

В конце 1982 года правление встретилось с секретариатом ЛО ССП. Из разговора можно было понять, что верхушка Союза писателей уже подбирает аргументы против издания сборника

«Круг». А. Чепуров советовал нам произведения членов клуба предлагать в журналы, в сборники, – то есть заниматься не чем иным, как пустой тратой времени.

«Регулярные ведомости» подвели итог года… Куратору клуба переданы рукописи всех четырех составленных сборников произведений членов клуба. В письме в секретариат ЛО ССП выражались опасения, что непубликуемые произведения членов клуба «получили тем не менее довольно широкое хождение в рукописном виде, и часть их оказывалась за границей, использовалась зарубежными издательствами». Правление клуба предложило «опубликовать сборники нетипографским способом с обозначением их правового статуса. Такое издание хотя и не является удовлетворительным, с точки зрения авторов (безгонорарное, малый тираж и пр.), тем не менее определит правовое положение их произведений… а также устранит тот материальный ущерб нашему государству, к которому эти нарушения приводят».

Идея малотиражных публикаций стала козырной картой клуба, используемой в дискуссиях с Союзом писателей: этим мы снимали свой *грех* публикаций за рубежом – это первое; второе – предложение подчеркивало лояльность творчества членов клуба, которые там публиковались; третье – малотиражные издания, говорилось, окупят себя; и четвертое – за границей отметят этот факт свободы печати, что немаловажно для авторитета СССР.

В «Ведомостях» опубликован протокол расширенного заседания правления клуба. Ю. Андреев на заседании сказал, что «на его взгляд, к публикации можно представить почти всех включенных в сборник поэтов». «Главный упрек прозаикам: изображение социально-отрицательной реальности…» Но основа для будущего сборника есть.

Из моего дневника:

Д. Марков [31] *: «Социалистический реализм – новая эстетическая система». Читаем: «Знание логики истории поднимает художника на уровень подлинно человеческой свободы – свободы от предрассудков и заблуждений» («Вопросы литературы», 1975).*

То есть некая логика определяет ход истории. Умные художники подчиняются этой логике и не оказываются в плену заблуждений. Но «логика» и «история» предстают перед нами в лицах смертных, среди которых мы узнаем подлецов, авантюристов, невежд… Если эта логика не лишает человека способности к самопожертвованию, он способен восстать против нее, даже если ею управляет огромный аппарат нехудожников.

В первую очередь правление должно было выработать язык общения с партийно-литературными государственными лицами. Они смотрят на нас как на субъектов, на которых уголовные дела уже заведены. Но по опыту общения с В. Соловьевым, А. Чепуровым, Ю. Андреевым я понял: возникли обстоятельства, принуждающие власти к установлению с нами контактов и к уступкам. Это трофеи, вырванные у власти выставками независимых московских художников 1974 года, питерскими подпольными конференциями в 1979-м и самиздатом. Нас допускают теперь к публике не во фраке «социалистического реализма», а после проверки: АНТИСОВЕТЧИНОЙ от тебя не несет, ПОРНОГРАФИЕЙ не балуешься, РЕЛИГИЕЙ не заманиваешь?

В основу отношений с Союзом писателей, инстанциями партийными и госбезопасности мы положили устав клуба. В нем кратко изложены наши профессиональные задачи, не ограниченные какими-либо запрещениями, – что санкционирует наши права на независимую деятельность[32]. В жесткой стычке на учредительном собрании, когда мы отказались включить в устав слово «соцреализм», власть пошла на уступки, недооценив тот факт, что этим она признала *независимое культурное движение*, а оно уже имело свою историю, свои культурные достижения, самиздатскую периодику и т. п. Когда Г. Баринова, улыбаясь, говорила Адамацкому, что клуб позволит ее начальству отделить хороших овец от паршивых и соответственно с ними поступать, она еще не знала, что власти придется иметь дело не с частными лицами, как в шестидесятые годы с Бродским, а с новой культурой, интересы которой представляет клуб.

В течение года самочувствие членов клуба изменилось. Для преобладающей части литераторов, уже вовлеченных и увлеченных строительством клуба, их будущее переставало быть культурно и социально безнадежным.

Отвечая на вопросы анкеты о роли Клуба-81 в его биографии, Н. Подольский написал:

> Все мы были пришиблены и придавлены чугунной властью, и клуб многих избавил от комплекса незаконности собственного существования и тем более писания. Выросли стимулы к творчеству, возросло ощущение ответственности, в значительной мере исчезло чувство безнадежности, которое временами навещало нас… Вокруг клуба немедленно сложилась

многослойная и масштабная руморология. Слухи, сплетни и выдумки плодились ежедневно и распространялись с удивительной скоростью… Одни видели в клубе отдушину, струю воздуха для дыхания, возможность хоть какого-то литературного бытия, другие считали, что всех нас скоро пересажают. Марина Ж., помреж с телевидения, пришла однажды на чтение в диком макияже и темных очках для маскировки, ибо ее начальник предупредил, что посещение клуба даже в качестве стороннего любопытствующего небезопасно.

Много было о клубе недоброжелательных высказываний – от сравнительно мягкого «литературная зубатовщина» до радикальных заявлений, что все члены клуба попросту завербовались в агенты КГБ. Один мой знакомый, человек умный, доброжелательный и настолько известный, что его имя в данном контексте упоминать не стоит, сказал: «Беги оттуда, пока не поздно! Ты что, не понимаешь, что они просто обкатывают список первой очереди кандидатов на уничтожение?..»

Страх мешал рациональному осмыслению складывающейся в стране социально-культурной ситуации. Почти 100 процентов интеллектуалов были уверены, что их телефоны прослушивают, многие считали, что в собственной квартире свободно изъясняться опасно, – установлены «жучки»[33].

Два события в 1982 году коснулись всех членов клуба. Первое: каждый получил возможность предложить свое творчество для сборника «Круг». Перспектива быть опубликованным многим кружила головы. Члены секций активно участвовали в обсуждении и отборе лучших произведений. Второе событие: арест Вячеслава Долинина. Позиции членов клуба, как показали наши собрания, расходились, – клуб не был политической организацией, и большинство его членов не видели повода для вмешательства в случившееся. Но члены правления решили встать на защиту своего коллеги.

Вплоть до марта 1983 года письмами, звонками в КГБ осуждали арест Долинина.

Но шло время, и клуб стал все более восприниматься таким, каким он был на самом деле, – КГБ, Союз писателей, райкомовские и обкомовские идеологи, пытавшиеся разглядеть в нашей среде антисоветчиков и заблудившуюся молодежь, чтобы заняться воспитательной селекцией, увидели мирно настроенных взрослых людей, увлеченных литературным творчеством.

Попытки заняться их просвещением обнаружили, что все, чему их хотят учить, им давно известно и неинтересно.

К важным событиям года относится вечер памяти поэта Леонида Аронзона. Участники его ощутили себя хранителями особых культурных ценностей и социальных ролей, в основе которых находятся личная независимость и творческая свобода. Эти ценности объединяли движение, которое росло, преодолевая политическую и социальную блокаду. Журнал «Часы» с самого начала выразил это единство, определив свою позицию как печатного органа культурного движения, Клуб-81 в первый же год своего существования воспринял идею его единства. Вслед за обращением режиссера Эрика Горошевского с просьбой к клубу *усыновить* самодеятельную «Пятую студию» – правление приняло Положение о «филиальных группах» в составе клуба. Студия получила этот статус и возможность проводить репетиции на нашей территории. В ответ на преследование Б. Гребенщикова правление посылает в КГБ письмо в его защиту, и в составе клуба появляется «музыкальная секция»: в нее входят Е. Барбан, Б. Гребенщиков, С. Курехин и другие музыканты, делами секции руководит Александр Кан.

Договор Клуба современной музыки с правлением Клуба-81

Творческая группа Клуб современной музыки (КСМ) – филиал Клуба-81 – создается с целью поиска и пропаганды новых форм музыкального искусства. В эстетическую сферу интересов членов клуба входит широкой спектр музыки XX века – классическая, джаз, новый рок, фольклор, а также пограничные экспериментальные музыкальные явления и течения. Членами КСМ могут быть композиторы, исполнители и музыковеды, обладающие достаточным профессиональным мастерством. Формами работы КСМ и участия в работе Клуба-81 являются концерты, лекции, семинары и конференции.

Договор в лице художественного руководителя КСМ А. М. Кана предусматривает:

1) соблюдение устава Клуба-81 и участие в его работе;

2) творческим отчетом КСМ является концерт в его полном художественном объеме;

3) периодичность полных концертов устанавливается не менее одного в квартал;

4) Клуб-81 в лице правления обеспечивает КСМ полную творческую автономность;

5) по согласованию с правлением Клуба-81 КСМ имеет право привлекать к своей работе любых профессиональных и непрофессиональных музыкантов;

6) концерты КСМ проводятся с соблюдением принятой финансовой дисциплины;

7) техническое обеспечение работы КСМ проводится при содействии Клуба-81 в соответствии с установленными нормами;

8) настоящий договор составлен в соответствии с «Положением о филиальных творческих группах Клуба-81».

Членами клуба являются: А. Кан – художественный руководитель, Е. Барбан, А. Вампиров, В. Волков, В. Гайворонский, Б. Гребенщиков, К. Земляков, А. Кондрашкин, С. Курехин, Н. Печерская, С. Сигитов, С. Хренов.

Клуб-81 начал кампанию за получение дополнительного помещения для театральной студии. Главный ходок по инстанциям – И. Адамацкий, его поддерживает Ю. Андреев. Легализация новых творческих групп, видимо, удовлетворяет власти, но названные группы и те, которые появятся позднее, далеки от «соцреализма».

Материал, собранный для сборников, власть не ниспровергал, но включал в себя сильный индивидуальный заряд в использовании языковых и синтаксических приемов, подталкивающий к более четкому самоопределению автора в выборах стиля, к более широкому спектру традиционных литературных источников.

1983 год

Подготовка к первому отчетно-перевыборному собранию клуба началась в конце предыдущего года. Секции провели заседания, обсудили итоги своей деятельности, сформулировали предложения будущему правлению клуба.

Из отчетного доклада Игоря Адамацкого:

> Начиная работу, члены Правления трезво сознавали, что им терять нечего, но есть что защищать: независимость, личное достоинство. Будущее клуба во многом зависело от того, как клуб сумеет служить интересам своих членов, интересам и целям того культурного движения, участниками которого мы являемся…
>
> Правление начало работать упорно, методически, несмотря на инерцию и абсурдность внешней среды. Были опробованы такие формы работы, как ознакомительные вечера, вечера памяти, вечера переводов, гостевые встречи, театрализованные импровизации. Каждый член клуба мог представить себя на своем творческом вечере… Из клуба «в себе» мы постепенно становимся Клубом «для себя и для других». Начались выступления на других площадках, с чтениями выступили А. Драгомощенко, И. Смирнов, А. Бартов, в феврале состоится поэтический вечер в Доме писателей… В целом правление работало «без выходных», едва ли не каждый день что-то делалось, преодолевалось, настраивалось, и, хотя не вся эта работа была на виду, информация о проделанном правлением доводилась до всех.
>
> Находясь в новых, непривычных условиях, Клуб выжил…

Как показали выборы, проведенные тайным голосованием, состав новоизбранного правления сохранился прежний, за исключением К. Бутырина, которого выдвинула секция прозаиков на место взявшей самоотвод С. Вовиной.

И. Адамацкий – 40 голосов.

Б. Иванов – 41 голос.

Ю. Новиков – 39 голосов.

С. Стратановский – 40 голосов.

А. Драгомощенко – 28 голосов.

Н. Подольский – 43 голоса.

К. Бутырин – 43 голоса.

О. Охапкин – 23, В. Ширали – 8. По одному голосу подано за В. Кривулина, Е. Игнатову и Э. Шнейдермана, 2 – за М. Берга.

На собрании присутствовало 43 члена клуба.

В правление поступило заявление от Олега Охапкина, в котором он попросил освободить его от обязанностей члена клуба за «полнейшую неспособность к сотрудничеству с кем бы то ни было, неколлегиальность мышления, религиозный склад ума…»

> Мой выход из числа членов клуба прошу рассматривать как последнюю мою лепту в дело второй литературной действительности и первый вклад в дело воссоединения трех литературных действительностей (советской, подсоветской и несоветской) в единое культурное целое русской советской литературы, считая таковое воссоединение безотлагательным, назревшим и неизбежным.
>
> *Русский поэт Олег Охапкин. 14.01.1983*

Первые клубные занятия показали, насколько фальшиво название движения, к которому мы относимся, – «андеграунд». Все жаждали публичных выступлений. С начала года дни недели были распределены между секциями: понедельник – критики, среда – поэты, четверг – прозаики, пятница – переводчики, на последние пятницы месяца планировались выступления гостей: музыкантов, иногородних литераторов, нечленов клуба. Составлялся месячный план, рассылаемый членам клуба по почте.

Мероприятия на улице Петра Лаврова стали посещать завсегдатаи наших вечеров в музее Ф. М. Достоевского, вход свободный. Правление собиралось каждый месяц; заседания были открыты для всех членов клуба. Ключ к помещению находился в распоряжении правления.

> В журнале «Регулярные ведомости» за 1983 год можно прочесть о встрече правления клуба с секретариатом ЛО ССП. Любопытен перечень обсужденных вопросов:
>
> 1) о ротаторных сборниках произведений членов клуба; 2) о платных выступлениях в домах культуры; 3) о ремонте помещения клуба на улице Петра Лаврова, 5; 4) о выпуске членских билетов клуба; 5) о документальном оформлении помещения за нашей организацией; 6) о поэтическом вечере в Доме писателя.

Еще интереснее результат этих переговоров:

1) вопрос о ротаторе потребует дополнительных консультаций *(консультации продолжались до кончины советской власти);*

2) вопрос о платных выступлениях сложен из-за сложившейся практики финансирования выступлений через бюро пропаганды и потребует обсуждения текстов для выступлений на методическом совете ЛО ССП *(вопрос был «замылен» сразу и навсегда)*;

3) помощь в ремонте помещения будет оказана через Литфонд, после переговоров секретариата с Мустафаевым И. М. *(помощь не была оказана. Ее оказал наш прозаик, он же архитектор-строитель, И. Смирнов: он договорился с бригадиром ремонтников);*

4) вопрос о членских билетах в принципе может быть решен, хотя ЛО СПП сознает, что тем самым берет на себя дополнительную ответственность *(вопрос не был решен, ответственность секретариата не возросла, а члены клуба напрасно соревновались на лучший вариант «корочек»);*

5) документальное оформление помещения клуба будет произведено в ближайшее время *(было произведено, но не на клуб, а на Ю. Андреева. И на том спасибо).*

Поэтический вечер в Доме писателя действительно состоялся.

Из публикации «Регулярных ведомостей» о поэтическом вечере 22 февраля 1983 года в Доме писателя:

«23 февраля – первое выступление на чужой территории – в Доме писателя. Зал рассчитан на 200 человек, желающих попасть на вечер в два раза больше. «Лишние» толпятся перед входной дверью Дома, перепалка с вахтерами. Шанс попасть один: вытребовать к проходной важное лицо ССП или клуба.

В зале мертвая тишина. Юрий Андреев ведет вечер. Как договаривались, он отметил из представленных поэтами стихотворений те, которые к чтению были допущены. Выступили О. Бешенковская, А. Драгомощенко, В. Кривулин, С. Стратановский, Б. Куприянов, В. Нестеровский, О. Охапкин, Е. Шварц, Э. Шнейдерман, Е. Игнатова. Всех слушали с большим напряжением. Чувствовалось, поэзия непривычна, неожиданна, темы неофициальной литературы неизвестны, эстетика – тоже. Слушатель пытается уловить подтекст – в нем он привык находить тайный смысл текста и ждет скандала. Тайного смысла нет, поэтическая речь ничего не скрывает. Замечаю: Кривулин и

Елена Шварц выходят за границу разрешенных куратором стихов.

Долго не отпускают Елену Шварц. Нам аплодировали как команде, которая приехала из другого города и победила. Премьера пошла клубу на пользу. Представитель обкома после вечера порекомендовал Андрееву не медлить с передачей сборника в Горлит. Из приватных разговоров можно заключить, что новых врагов клуб не нажил, а вот у сомневающихся и явных противников часть заблуждений рассеялась. Любопытно одно из заявлений: „Порадовал нравственно-эстетический рост, мы видели зрелых интересных авторов, не склонных к скандальности“».

Через год зал Дома писателя соберет секцию прозы.

Афиша марта-апреля

11 марта секция поэзии проводит обсуждение нового сборника С. Стратановского (П. Лаврова, начало в 19.00).

15 марта в Музее-квартире Ф. М. Достоевского моновечер О. Охапкина. 18.30.

17 марта секция прозы обсуждает повесть В. И. Аксенова. 19.00.

22 марта общее собрание членов клуба (П. Лаврова, 19.00).

23 марта заседание секции критики (П. Лаврова, 19.00).

29 марта моновечер А. Миронова (Музей-квартира Ф. М. Достоевского, 18.30).

1–3 апреля конференция «Традиция и культура» (П. Лаврова, 5).

РАЗНОЕ

Вам необходимо до конца месяца погасить задолженность за почтовые расходы в сумме 2 рублей. Сдавать секретарю.

Желаем успеха![34]

Из записей И. Адамацкого:

2 марта 1983 г.

Еще одна встреча в приемной УКГБ: Коршунов, Иванов, Драгомощенко, Новиков, Адамацкий. Мы делаем последнюю попытку помочь Долинину, суд над которым

должен состояться вот-вот. Говорили об общественном защитнике, о нравственном императиве, о письме в его защиту.

…Спрашиваю Соловьева:

– Ваши личные планы на ближайшие пятнадцать лет?

– Могу сказать о планах на ближайшие два года. Когда меня поставили на неофициальную культуру, я понял, что прежними методами проблему не решить. Политический выигрыш мы получим даже в случае неудачи с клубом.

План на воскресенье

1. Обить оргалитом торцовые стены помещения.
2. Покрасить верхние части и обшить оргалитом низ лицевой и задней стенки.
3. Покрасить стены в маленькой комнате.
4. Покрасить окна и двери.
5. Навесить дверь в маленькой комнате.
6. Принести с пр. Чернышевского стулья и плинтусы.

Дело Вячеслава Долинина (продолжение)

4 марта на Петра Лаврова, 5, общее собрание клуба. За год многие привыкли к атмосфере свободного общения, к ощущению пути к свободе – медленного, но верного направления. Суд над Долининым представлялся на этом фоне каким-то диким, взывающим в равной степени к реакции отстранения и протеста. Правление предполагало, что собрание примет заявление в защиту Долинина. Но получилось иначе.

После собрания я написал письмо, в котором так описал развернувшуюся баталию:

«Никогда клубная дискуссия не была такой сумбурной, таким резким столкновением определенных принципов. Этические и правовые проблемы, уроки истории и соображения реалистического порядка, заявления личных позиций и стремление определить место клуба на карте больших явлений и идей – все было затронуто, выдвинуто, оспорено или поддержано, все это включалось в поиск того, что можно было признать очевидным с точки зрения нравственного долга, закона, культурной ситуации. Логика абсурда, которая в равной мере оправдывает поступок и ничегонеделание, также эксплуатировалась в диспуте».

Готовясь к этому собранию, правление сформулировало свои предложения, исходя из той роли, которую клуб начал играть в культурной и общественной жизни города. Сочиняя проект заявления, я чувствовал, что мы вплотную подошли к границе, отделяющей Утопию-2, с ее провозглашенной компетенцией на поле культурного движения, от правозащитной деятельности, с ее отсылками к квазиправовым нормам советского суда. Дискуссия показала, что эту отсылку многим участникам собрания было понять труднее всего. Подавляющее большинство впервые оказалось в ситуации, когда требовалось публично заявить о своей общественной позиции. Что только не поднималось из глубины души! И страхи, и расчеты, и боязнь уронить себя в глазах товарищей.

Вместе с тем даже самые горячие сторонники невмешательства не оправдывали суд над Долининым. Тут проходила линия, отделяющая официалов от неофициалов. Союз писателей все 50 лет своего существования травил, разоблачал, призывал к наказанию своих коллег, вызвавших неудовольствие власти, ни одна организация, даже местная, не решалась встать на защиту своего товарища, коллеги, литератора. На собрании говорили:

«Клуб – не политическая организация, Долинина будут судить по политической статье, он публично заявил, что встал на путь активного раскаяния и свою вину признал[35]. Защищать Долинина – значит одобрить его действия. С какой стати!»

«Хорошо, мы сделаем заявление в его защиту, но мы же понимаем, на решения суда оно никак не повлияет, а интересы клуба пострадают».

Борис Лихтенфельд призвал собрание заявить протест против суда над Долининым. Речь Елены Игнатовой была сумбурной, но ее смысл, в общем, был таким же.

Я попытался объяснить, что до суда вина подследственного не является доказанной, даже если он признал свою вину. Наша защита не будет выражением солидарности с любыми действиями нашего товарища, мы будем защищать того человека, которого хорошо знаем и чьи поступки не связаны с преступными мотивами… Его обращение к политической деятельности можно объяснить как следствие ситуации, когда творчество авторов неполитических произведений подавляется политикой власти, когда их вынуждают прибегать к политическим приемам борьбы за право на свободное творчество. Мнение нашего коллектива может быть выражено выдвижением общественного защитника – я брался выступить в этом качестве, или направлением в суд ходатайства: при рассмотрении дела Долинина учесть мнение его

коллег по клубу.

В приведенном заявлении читатель встретит ту же мысль: мы живем уже в новом времени – в этом новом времени, времени перемен, бывшие оппоненты должны в конструктивной деятельности развязать узлы возникших в прошлом противоречий[36].

А дальше столкновение Утопии-1 и Утопии-2. Андреев заявил: если письмо будет направлено от имени клуба, тогда Союз писателей откажется от клуба. И. Адамацкий тотчас парировал: если Союз захочет сказать нам «до свидания», мы ответим тем же самым. Столкновение было таким яростным, что казалось, еще немного – начнется рукопашная.

Стало ясно, что общественного защитника клуб выдвинуть не сумеет, для этого нужно было, чтобы проголосовало большинство его членов – более тридцати пяти. Под письмом после редакционных поправок готово было подписаться лишь 22 человека.

> **Из записей Адамацкого:**
>
> Решили вернуться к обсуждению вариантов письма 11 марта. Обсуждение затянулось до полуночи. 22 марта состоялось последнее обсуждение. Присутствовало 37 литераторов + записка Андреева, он уехал в Тюмень на конференцию. Письмо – обращение к суду – подписали 20 человек.
>
> Т. Михайлова, поэтесса, сказала, что подписывать не будет, потому что… у нее двое детей.

Спустя много лет Елена Игнатова описала свое двойственное восприятие происходящего в клубе. Читая ее воспоминания, видишь, как коверкал сознание людей в СССР имплантированный механизм страха. Преодолев табу осторожности и совершив, *поддавшись эмоциям*, искренний поступок, человек снова отдает себя во власть страха, клянет себя за непозволительную смелость. Когда же видит людей, которые подобные поступки совершают и не трусят, то их принимает за «стукачей», выполняющих провокационные задания. Так он спасает от собственного презрения свое *я*.

Игнатова пишет: «Если собрать воедино все сплетни, то все сколько-нибудь заметные члены клуба оказались бы *агентами*». В этих же воспоминаниях она воскрешает свои состояния подозрительности и недоверия. После выступления на собрании в защиту Долинина многие ей звонили, чтобы выразить восхищение ее смелостью, «это было как самосожжение; кто-то даже упомянул Жанну д'Арк…». Каково ей это было слышать!

Когда она вернулась домой, ее охватил ужас, вместе с мужем они стали ждать неминуемого ареста, обсуждали: «если меня посадят, как растить сына». «Наутро позвонил председатель клуба и сказал, что он составил письмо в защиту Долинина и я должна его подписать. Я ответила: „Нет! Довольно с меня участвовать в чужой игре!“ Позже мне сказали, что отказались почти все, и письмо так и не было отослано»[37].

Арест Долинина и последовавшие за этим события показали: большинство членов клуба не хотели иметь ничего общего с политикой, но значительная часть готова была морально защищать жертв политических репрессий, – среди них, как правило, литераторы, выделяющиеся общественной активностью. Поддержку политике репрессий не выразил никто, даже В. Нестеровский, усердно демонстрирующий власти свою преданность.

Куратор клуба Ю. Андреев вел себя так, как это и положено писателю с членскими книжками ССП и КПСС.

В Ленинградский городской суд

ЗАЯВЛЕНИЕ

В июне 1982 г. был арестован и в скором времени предстанет перед судом Вячеслав Долинин. Он, как и мы, являемся членом творческого объединения литераторов «Клуб-81». Многие из нас знали его по службе, многие поддерживали с ним товарищеские и дружеские отношения. Считаем необходимым высказать то, что может послужить более полному выяснению обстоятельств дела. Члены клуба в разной степени знакомы с В. Долининым, поэтому в этом заявлении, подписанном нами, отмечены лишь всем нам известные и наиболее важные, на наш взгляд, факты.

С точки зрения членов клуба, знавших Долинина, он является честным, искренним и порядочным человеком. Вот почему его арест явился для нас полностью неожиданным. Считаем необходимым подчеркнуть, что перед судом предстанет человек широкой культуры и разнообразных интересов. Долинин интересовался философией и социологией, историей культуры. Высокий уровень знаний в этих областях не вызывает у нас сомнений. В течение многих лет он живо интересовался новейшей русской литературой, собирал

книги и рукописи современных авторов. Он особенно хорошо знает ленинградскую поэзию. Его активный интерес к литературе объясняет, почему Вячеслав Долинин знаком со многими членами нашего клуба и почему он вошел в его состав.

Для нас очевидно, что увлеченность Долинина проблемами современной культуры не была связана с какими-либо корыстными или иными целями. Он стремился определить свою позицию на основе критического анализа и нравственного долга. Укажем на одну из проблем, которая, как нам кажется, имеет непосредственное отношение к судьбе В. Долинина.

За последнее десятилетие все очевиднее становился факт, что заметная часть литераторов, художников, критиков оставалась за пределами нормального культурного процесса, – явление, которое получило название «неофициальная культура». Чувство ненужности, отверженности пережили многие из нас. Существование этой проблемы сейчас осознано государственными и творческими организациями. Управление культуры Ленинграда, ЛО ССП и другие учреждения в последние годы предпринимают практические шаги, чтобы эту проблему решить. Проведение выставок художников, открытие литературного объединения Клуб-81 свидетельствуют об этом.

Нам не известно, какие деяния вменяются Долинину в вину. Мы знаем, что создание нашего клуба было встречено им с полным одобрением. Он не только вступил в его члены, но с присущей ему увлеченностью включился в работу, внося инициативу и добросовестность. По нашему убеждению, Долинин, как человек последовательный, занял позицию нашего творческого объединения – позицию гуманистических традиций русской литературы, патриотизма и личной ответственности. Мы не сомневаемся в том, что все его действия продиктованы нравственными соображениями. Нам трудно допустить, что Вячеслав Долинин был способен на противозаконные деяния, и мы надеемся, что суд беспристрастно разберется в обстоятельствах дела.

Мы просим суд с вниманием отнестись к нашему заявлению, огласить во время судебного разбирательства и приобщить к делу.

22 марта 1983 г.

Члены Клуба-81: В. Кривулин, Е. Звягин, О. Бешенковская, Е. Пазухин, Б. Лихтенфельд, Дианова, М. Берг, Б. Дышленко, С. Стратановский, А. Миронов, Ф. Чирсков, А. Степанов, А. Илин, И. Адамацкий, С. Коровин, Н. Подольский, Б. Иванов, К. Бутырин.

В судебной канцелярии, куда я принес письмо, вытаращили глаза. Там знали, что завтра начнется политический процесс, – заявление в поддержку «антисоветчика» было актом вызывающим.

Из записей Адамацкого:

Тотчас после суда Ю. Андреев активно начал требовать, чтобы правление публично исключило В. Долинина из членов клуба. Я также активно, а временами резко возражал. Тогда Андреев начал обхаживать остальных членов правления, но поддержки не получил.

Долинин остался членом Клуба-81.

Из воспоминаний Долинина:

Оказавшись в лагере в Пермской области, я получал отрывочную информацию о жизни клуба. Некоторые литераторы писали в зону. Часть писем я получил, часть была украдена или конфискована КГБ. Предлоги для конфискации сегодня выглядят диковато. Так, письмо Охапкина конфисковано из-за его «религиозного содержания», письмо Кривулина – из-за «условностей в тексте стихотворений».

8–10 апреля

Прежде конференции культурного движения *часовщики* проводили подпольно под угрозой ареста или высылки. Теперь мероприятия такого рода клуб начал проводить открыто ежегодно и с большим размахом. Первая клубная научно-теоретическая конференция на тему «Культура и традиция», начавшись в пятницу 8 апреля в музее Ф. М. Достоевского, продолжалась два дня на Петра Лаврова, 5. Потребовалось два с лишним года, чтобы решить скромный вопрос: где полсотни питерских литераторов могут собраться, чтобы поговорить на интересующую их тему. В то же время было ощущение: налицо огромное завоевание культурного движения: оно на пути, на котором его уже не остановить. Тема «Культура и традиция» позволяла

провести границу между официальной и независимой культурой не в политических измерениях, а культурологических – в перспективе исторического времени.

Из записок Адамацкого «Внутри и рядом»:

Для нас это был настоящий марафон, уровень и глубина докладов были достаточно высоки. Началась конференция докладом Б. Иванова «Культура и традиция: Общая постановка проблемы». Иванов, одетый, как всегда, с полным пренебрежением к собственному виду… говорил, изредка поглядывая на «товарища из райкома», пришедшего взглянуть и нас услышать. «Товарищ» так ничего и не понял – это было видно по его лицу – и вскоре смотался [38] *. Следующим был доклад Ю. Андреева «Новое и старое в искусстве». Здесь тотчас обозначилось, что уважаемый доктор наук просто-напросто «не дотягивает до алгебры искусства. Он говорил с великим апломбом, возможно внутренне сознавая, что что-то не так…» За Андреевым пошел Ю. Новиков – «Эволюция изобразительного искусства и городской фольклор». Юра, как всегда, выдержан, умен, точен и чуток.*

На второй день С. Родыгин: «Этно– и топонимика Беломоро-Балтийского региона. Ближневосточные и средиземноморские параллели», Э. Горошевский: «Пятая ступень развития театра: мифопоэтическая система», С. Курехин «О порочности метода открытой формы в так называемой „серьезной музыке“», А. Кан «Вопросы „роковой музыки“», В. Кривулин «Городской фольклор», М. Берг «Об игровом характере искусства», С. Бернадский «О социальных перспективах новаторства (на материале социологических исследований)», К. Бутырин «Три функции литературной мистификации: вчера и сегодня», С. Григорьев: «Книжная графика. Проблемы и возможные пути развития», Е. Пазухин: «Кое-что о бегемоте», В. Кушев «„Преступление и наказание“ Ф. Достоевского как иконический текст второго ранга».

Для себя я отметил неожиданность Курехина и Кривулина – интересные соображения… Вся конференция была событием. Едва ли официальный Союз писателей был бы способен брать такие «интегралы», какие брались в клубе [39].

В своем докладе я говорил, что традиционное искусство базируется на сакральной идеологической базе и на верования в сакральные статусы институций Церкви и государства.

Традиционный базис в России двойной: это Социализм со своими идеалами и целями, со своими преданиями, подвижниками и героями, со своими представлениями о прошлом, настоящим и будущем, с сакральными институтами – Партией и Государством, со своим каноническим искусством, и это – христианское Православие. Первый охватывает все сферы гражданской, публичной, производственной сфер, второй углублен в приватную жизнь. Только когда мы говорим о Социализме и Православии, мы имеем дело с точным употреблением слова – «традиция», «традиционный». Когда говорим о традиции символизма или реализма, о занимаемых ими позициях в истории национальной и мировой культуры, мы отмечаем, что некоторые их знаковые элементы транслируются за пределы их конструктов в виде тех или иных «клише». Эти клише могут претендовать на культовое значение, но им не стать идеологическими базами для сакральных институтов. (Вспомним судьбу футуризма.) Но обрести популярность, стать модой, «течением», фактом прогресса, знаком определенных перемен, служить средством самовыражения и обозначения – да.

Кризис традиционного искусства наступает не как кризис целей и моральных норм, взятых самих по себе, а как несоответствие этих норм существующей действительности – *реализм* замещает место веры в сакральное. Канонические формы традиционного общества открываются перед человеком в виде ложных эквивалентов идеального.

Мы, таким образом, разделяем с социалистическим реализмом сферы действительности: соцреализм основан на идейно-государственной нормативной основе, неофициальное искусство – на реальности и ее проблематичности. Но этот реализм не охватывает все направления культурного движения. Тенденции романтизма, «клише» символизма, абстрактного искусства, абсурдизма, «условного реализма», к которому я вслед за творчеством Ф. Кафки отношу прозу Стругацких, Бориса Дышленко, Н. Подольского, открывают перед людьми сложную картину, но той же реальности…

11 апреля

На беседу во Фрунзенский отдел КГБ вызвали Бориса Лихтенфельда. Предметом беседы с поэтом послужили его стихи «религиозно-пропагандистского характера». Капитан не угрожал нашему коллеге, больше хвалил свое учреждение: «Мы создали ваш клуб, теперь хорошо и вам – вы можете читать свои

произведения не по квартирам, а прилюдно, и нам хорошо – вы у нас как на ладони». Офицер правильно воспринял первые уроки культурного плюрализма – даже солженицынские «Один день Ивана Денисовича» и «Раковый корпус», с точки зрения КГБ, не являются антисоветскими. Такие мирные беседы с участием гэбистов, как правило, заканчиваются предложением записать телефон ведомства на случай продолжения общения, с советом «зашифровать первые три цифры».

Клуб понемногу становился местом, куда *можно* прийти и *хотелось* прийти. В помещении сокрушены ветхие перегородки, убрана громоздкая печь. Появилась кое-какая мебель – столы, стулья, скамейки. Подключен газ. На стенах закрепили бра. Члены секций могут здесь собираться и общаться. Студия Горошевского, пока чердак на Чернышевского, 3, не был реконструирован, тоже занималась здесь репетициями, прозаик Петр Кожевников отрабатывал днем приемы восточной борьбы… Никто не вторгался в нашу мирную жизнь. Распространялись разговоры, что где-то под потолком вмонтирован «жучок», но это не стоило наших забот. У нас были другие враги – профессиональные: Коршунов много раз повторял, что КГБ литературой не занимается.

Андреев познакомил нас с рецензией на клубный сборник «Круг», который он составил. Эта рецензия дезавуировала не только творчество клубных авторов, но и его как составителя, что оказало большое влияние на наши дальнейшие отношения с куратором и заставило клуб несколько лет вести дипломатическую войну, от которой зависела судьба сборника и перспектива новых публикаций. В активе у нас был один козырь.

После «бульдозерной выставки», после волны послаблений и определенных гарантий, полученных независимыми художниками, не менее раздражающей власть стала проблема самиздата, которая казалась решаемой при условии его аполитичности. Ю. Андреев добросовестно указания выполнил. Забавны были его усилия превратить повесть Бориса Дышленко «Мясо» в произведение антиколониального смысла, в то время как его автор вымышленным государством метил в Страну Советов. Дышленко жаловался, что Андреев просит его заменить сосны пальмами и сменить пейзаж. Я говорил коллеге: «Соглашайся. Если в повести даже будут прыгать кенгуру, читатель поймет, что описываемый там порядок наш – советский». Несколько лет (!) решался вопрос, оставить повесть с пальмами в составе «Круга» или убрать. Убрали. И, казалось бы, спорить с составителем уже не о чем.

Но рецензент думал иначе. Сборник «Круг», составленный

профессором ЛГУ, членом КПСС, рецензентом обкома КПСС, куратором клуба Ю. Андреевым, отдадим на суд Дмитрию Хренкову – редактору журнала «Нева». Приведем рецензию целиком, чтобы получить представление важного и ответственного деятеля о задачах советского искусства, о его границах, о его отношении к человеку. Итак:

«…речь пойдет о литературном сборнике, составленном из произведений людей, имеющих советский паспорт, скорее имитирующих чуждую нам идеологию, чем исповедующих ее. Конечно, эти люди тоже нуждаются в нашем внимании, должны быть окружены той атмосферой, которая не позволила бы множиться вредным микробам… Но это внимание отнюдь не может означать всепрощение, уступок, сдачу наших позиций, заигрывание с инакомыслящими, решившими собраться в одном подобном литературном объединении, кружке пишущих людей, якобы выражающих свое несогласие с проводимой в стране культурной политикой. Конечно, среди них есть заблуждающиеся и особо нуждающиеся в нашей помощи, тем более если люди способные. Тут затраты могут окупиться и не только вернут к активной общественной деятельности способных, но еще и покажут щедрость страны, ее готовность подать руку павшим или готовым упасть.

Наша советская жизнь дает много примеров, когда вдумчивая работа с инакомыслящими и инакодействующими приносила добрые плоды. Думаю, что и работа Ю. Андреева принесет их.

Но я решительно против заигрывания с теми, кто хочет поживиться на своем якобы неприятии советской власти, несогласии с принципами социалистической культуры.

Нетрудно представить огромность работы, которая была проделана при составлении сборника „Круг“. Но при всех благих намерениях составителя она не что иное, как попытка не понять, а отступить. Да, среди участников сборника есть, бесспорно, люди талантливые. Они нуждаются в поддержке. Приходится удивляться, почему в свое время не была напечатана статья Е. Игнатовой („Соблазны пошлости“) о творчестве А. Вознесенского[40]. Автор статьи чутко уловил противоречие в творчестве известного поэта, подметил опасные тенденции, ушел от той апологетичности, с которой наши критики вдруг сразу заговорили о действительно талантливом поэте, совершенно не заметив серьезных недостатков в его работе. Статья Игнатовой мне кажется наиболее сильной в сборнике – и среди прозы, и среди поэзии, и критики.

В сборнике напечатан В. Шалыт… это хорошие публицистические стихи… Можно назвать еще несколько авторов,

которые по недоумению оказались в „Круге“. Они здоровые люди, не рядящиеся ни в какие одежды, которые могли бы на другом карнавале заставить кого-то поверить, что носители их, видите ли, с чем-то принципиально не согласны.

Но я не вижу основания для того, чтобы смешивать всех этих людей, способных и гримасничающих, в одной книге. Не нужно ли разделить *чистых* и *нечистых*?

Ведь „Круг“ не просто еще один сборник, охватывающий почти все жанры литературы. Кто возражал бы против сборника участников литературных объединений по типу „Нарвская застава“? Там собираются единомышленники, объединенные совместной работой и т. п. Здесь – люди, пытающиеся прожить за счет ссор с советской властью…

По-моему, мы правильно сделаем, если начнем печатать отдельных участников „Круга“ в журналах и других сборниках, если проверим лучших из них и поможем стать твердо на ноги, но откажемся от широковещательной акции – издать их, чтобы преуменьшить опасность, которую они якобы (!) представляют.

Никакие ссылки на то, что советская власть гуманна, что, дескать, нужно показать Западу, что мы никого не преследуем за идеологию, не выдерживает критики. Так что затея с нынешним „Кругом“ кажется мне не только неправомерной, но и вредной.

…Игры в идеологию – вредные игры. Не к лицу они нам. Да и вряд ли можно от таких игр ждать что-нибудь путного. Вспомним тот факт, что в свое время Лениздат чуть ли не обязали выпустить сборник стихов В. Ширали, якобы для того, чтобы расколоть его единоверцев[41]. А на поверку Ширали оказался просто пьяницей и хулиганом, и издательству потом пришлось держать ответ перед московской милицией. Так и „Неве“ было предложено с той же целью напечатать несколько стихотворений В. Нестеровского. Мы уламывали его, отбирая из толстой пачки стихов лучшие, просили что-то в них исправить, а он, дыша винным перегаром, упорствовал и не скрывал, будто знает, что все равно будет напечатан, что редакция „получила указание“ и деваться ей некуда. Потом выяснилось, что „Нева“ просто перепечатала стихи Нестеровского, уже давно опубликованные в зарубежных изданиях.

Вот рассказ „Понедельник, 13 сентября“ В. Аксенова, которым открывается сборник. Думается, что рассказ написан человеком небездарным. Но его умение расходится с тем, что выходит из-под пера: нарочито оглупленные люди, атмосфера всеобщего пьянства и дурости, нежелание считаться с реалиями… Возможно, в каких-то отдельных положениях автор прав, во всяком случае, близок к истине, но совокупность деталей создает

искривленную картину. Упор на лагерное прошлое – тоже попытка эпатировать читателя, а не доказать ему что-то.

О рассказе И. Адамацкого „Каникулы в августе“: рассказ написан про получеловеков, которые для чего-то женятся, дерутся, учатся, любят или играют в любовь… Вроде бы временами – и сколок жизни. Но для чего он сделан? Литература – штука активная… Адамацкий либо не хочет знать этого, либо думает провести нас.

Надо заметить, многие авторы прозаических произведений „Круга“ не очень высокого мнения о своем читателе. Он для них либо придурок, либо человек, ничего не знающий, слепой, не понимающий ни слов, ни формул. Его легко оплести, увести в иной мир, пусть выдуманный, скорее надуманный, ибо авторы сами не знают того, другого, мира. Так, мне кажется, думает Б. Улановская… Это не поток сознания, а попытка остановить мысль сумасшедшей. Да и само письмо, да простится это, больное, не человеческой болью, а автора, чем-то ущемленного, обиженного. В таком состоянии писать нельзя.

Повесть Б. Дышленко „Мясо“… маскировка не помогает автору. Игра со стеком и английская фамилия полковника в реалиях советской жизни сразу снимает налет ироничности, который мог бы послужить автору…

Нельзя отказать в способностях Н. Подольскому, написавшему „Замерзшие корабли“. Но путешествие поэта по пустынному городу и заброшенному дому возвращает нас к давно прочитанному из книг иных авторов. Своей философией, своей точкой зрения автор не располагает. Мы видим, что он может писать, но для чего? Неужели только для того, чтобы сказать: „Поэту была подарена редкая привилегия: два года житья в городе он почти не имел столкновений с людьми административными, с представителями закона и соседями, одним словом, с людьми, не обязательно поголовно злыми, но изгоняющими музу поэта далеко и надолго“… и все сразу превращается в литературщину.

Из одаренных прозаиков мне хотелось бы отметить П. Кожевникова. Однако с его „Двумя тетрадями“ согласиться невозможно. И не только потому, что все герои рассказа – ученики ПТУ – все время пьянствуют, развратничают, а потому, что непонятно, для чего все это написано. Что осуждается? Что проповедуется, каков идеал? Где выход? Увы, вопросы остаются без ответа. У автора была заманчивая идея высветлить Галю, показать в ней нечто возвышенное, не позволяющее опускаться до тех пьяных баб с тройными складками на животе, которые охотно раздеваются перед мальчиками, годящимися им в сыновья. Но

где-то он побоялся, а не выйдет ли он за рамки тех мер и требований, которыми руководствуются его товарищи по „Кругу“, пошел на измену себе, своей боли, своего дарования. Жаль.

Из всей прозы идейных возражений не вызывает, пожалуй, лишь повесть „Прошлогодний снег“ Ф. Чирскова… Повесть Чирскова при надлежащей доработке может быть напечатана. Он человек способный, хотя странно забывчивый: именно поэтому повесть собой представляет сочетание повести и рассказа.

Стихотворный раздел сборника представляется более благополучным, хотя и там много вторичных, напоминающих переводы с чужих языков, излишне усложненных по форме стихотворений… Тяжкое впечатление оставляют стихи А. Драгомощенко „Великое однообразие любви“. Тут налицо желание ни слова просто не сказать. Трудно согласиться с автором, когда он видит в любовнице сестру. Куда ни шло бы это в лирических признаниях, а вот как с таким убеждением ложиться ему в постель?

Есть неплохие стихи у Нестеровского, Игнатовой и особенно у Шалыта. Из поэзии можно сделать сборник. Как? Дела издательства. Но это в принципе возможно.

…Статью „Эволюция самодеятельного искусства“ следует посмотреть специалисту. На мой взгляд, автор не прав, когда выдвигает лозунг „назад к примитиву“. Развитие искусства шло обратным путем: от примитива к классике. Мне показалось странным, что, перечисляя учеников профессора Осмеркина, автор забыл назвать самого талантливого из них – Е. Моисеенко.

…Сборник, если и возможно его существование, может появиться не потому, что авторы не приемлют наших идей, наш образ жизни, и не потому, что мы хотим кому-то за границей показать, что у нас, дескать, свобода слова. Враки! Мы хотим дать жилую площадь талантливым, может быть, мыслящим несколько иначе, чем многие, но талантливостью своей завоевавшим право выйти к читателю. Не перепевы западных бардов, не попытки с негодными средствами очернить советских людей, не нарочитые поделки, вроде „Игры с природой“, а живое слово, а мысль, а форма, пусть необычная, – вот что может дать сборнику право на существование. И никаких идейных уступок!

Я прекрасно понимаю, что запальчивость – не лучший советчик, что мог бы детально разобрать достоинства и недостатки представленных произведений. Видимо, это нужно делать в иной, действительно студийной обстановке. Но передо мной – не школьное сочинение, а авторы – не мальчики и девочки, которым так нужна благожелательность в начале пути. Речь идет о том, что может появиться книга, обращенная против

меня, моих товарищей, погибших на войне, и тех, кто сегодня живет трудной жизнью, но верит в идеалы. Как же я могу сохранить спокойствие? Возможно, я с авторами говорил бы в другой тональности. Но рецензия адресована издательству, составителю.

И еще одно соображение. Под некоторыми текстами проставлены даты. Они говорят о том, что вещи написаны давно, может быть, до той работы, которую стал проводить Ю. Андреев. Так не стоит ли попросить новое?

А главное, не стоит ли порекомендовать действительно талантливым людям, того заслуживающим, обратиться в издательства и журналы? Не нужно возводить между ними и читателями искусственные барьеры. Это превратило бы законное раздражение из чувства просто в бетон, осознанный и непробиваемый. Тогда дело – труба. Тогда будет трудно помочь заблуждающимся».

Эту рецензию современный читатель должен прочесть не спеша, вдумчиво, чтобы познакомиться с реальным лицом «социалистического реализма», действующим, господствующим, беспощадным ко всему от него отклоняющемуся, распространяющего свою власть шире литературы – и на судьбу тех, кто пытается противоречить ему, над ним посмеяться. Отвратительна ненависть к свободе, к культуре, высокомерие холуйской службы, которое держится на единственном основании – круговой поруке таких же, как Хренков. Слово «идеология» и Хренков, и обкомовский работник Петров произносят с угрожающим придыханием. С чем, собственно, идеология враждует? – С гуманизмом.

Оценки сборника Хренковым мало чем отличаются от оценок, услышанных ранее от Ю. Андреева: «мрак», «мертвечина», «нет одухотворенных целей, за которые можно было бы умереть…» Но если наверху решили не преследовать неантисоветскую литературу, то редактор «Невы» и тысячи служак в этом решении разглядели вредную «игру в идеологию». Андреев воспринял ее всерьез, как партийно-политическую задачу – предоставить место в литературе талантливым авторам, далеким от политических тем, признать суверенность тем индивидуальной жизни. Советская культурная политика недалеко ушла от бойни сталинских лет. Приведу тех времен «внутреннюю рецензию» Н. Лесючевского на стихи Бориса Корнилова, расстрелянного НКВД в 1938 году:

«Ознакомившись с данными мне для анализа стихами Б. Корнилова, могу сказать следующее. В стихах много враждебного нам, издевательских над советской жизнью, клеветнических и т.

п. мотивов. Политический смысл Корнилов выражает в прямой ясной форме, протащив под маской „чисто лирического“ стихотворения, под маской воспевания природы… В творчестве Б. Корнилова имеется ряд стихотворений с откровенно кулацким, враждебным социализму содержанием. Эти стихотворения не случайны. Однозвучные с ними прорываются во многих других стихотворениях. Это говорит об устойчивости антисоветских настроений у Корнилова. Б. Корнилов пытается замаскировать подлинный контрреволюционный смысл своих произведений, прибегая к методу „двух смыслов“: поверхностного – для обмана и внутреннего, глубокого – подлинного».

Хренков вышел из сталинской эпохи. Встретится сборник «Круг» и с Лесючевским[42].

Стоит обратить внимание, как грубо поэту навязывается преступный умысел!

Хренков, с его культурным архаизмом, предлагает Андрееву, в сущности, встать в оппозицию к Обкому, воспротивиться переменам в культурной политике даже в той самой малой степени, на которую руководство готово пойти. О сверхосторожности эстетического отбора говорят те ступени, которые «Круг» прошел, прежде чем попал в руки рецензенту. Каждый автор, прекрасно понимая, кто будет редактором и издателем сборника, как правило, отбирал вещи наиболее от политических проблем отвлеченные. Из этих *мирных* вещей Андреев отобрал одну четвертую часть, а в итоге в сборник вошло не более 40 процентов уже отобранного. Горлит – политический страж на охране ворот, ведущих в типографские цеха, дважды вникал в сочинения. Но и в таком стерилизованном виде новая литература для Хренкова неприемлема.

В этом эпизоде как в капле воды отразилось приближающееся внутреннее разложение командной системы.

Чтобы выйти из положения после погромной рецензии Хренкова, Андрееву нужно было организовать на сборник отзывы авторитетных писателей, не оспаривающих его издание. 30 октября 1983 года на встрече с правлением куратор заверяет, что к концу года будут написаны рецензии Граниным, Конецким и Шефнером, предполагая, что их оценка «Круга» будет положительной.

Однако рецензирование продолжалось в течение всего 1984 года.

Американский десант

Начало лета 1983 года. Звонит Алик Кан, активист ленинградского джазового клуба «Квадрат» – в Клубе-81 он возглавляет музыкальную секцию. От него узнаю, что группа американских музыкантов, поэтов и кинорежиссеров приехала к нам по туристской визе, имея обещания своих друзей в Советском Союзе организовать выступления музыкантов и встречи с нашими литераторами. Погрузив инструменты и аппаратуру, они вылетели в СССР, рассчитывая на выступления в Москве и Вильнюсе, но им решительно отказали. На содействие американского посольства они рассчитывать не могут, поскольку их приезд не является официальным. Все они – члены клуба, созданного собственными усилиями при Центре поэзии Сан-Францисского университета. Через несколько дней срок визы истекает.

– Можно ли что-нибудь предпринять? Можно ли спасти положение?

Я потрясен этой историей[43]. Мне стыдно за страну, которую оккупировало наглое варварское племя и бесконтрольно ею распоряжается. Мы привыкли, мы стерпим. Но как смотреть в глаза людей, которые приезжают к нам! Разве мы не виноваты в том, что у нас возможно такое свинство! Я сказал, пусть приезжают в Ленинград – Клуб-81 организует выступление музыкантов в музее Достоевского.

– Одного отделения им хватит?

– Да, они уже ни на что не рассчитывают.

Правление клуба самостоятельно составляло месячный план своих мероприятий; куратор от ЛО ССП Ю. Андреев получал его от нас по почте. Клуб далеко не всегда следовал плану: вдруг в Питер заявились поэты московской фронды – экспромтом организуем их чтение или приплюсовываем к уже объявленным дополнительные мероприятия. Андреев на вечерах присутствовал не всегда; еще существовала Белла Нуриевна – директор музея, она настороженно относилась к нам и еще больше к публике, которая наши вечера посещала. По наплыву гостей в музей можно было догадаться, что информация о необычном концерте распространилась по городу. Все проходы заняты. Откуда-то принесены тумбочки, на которых устраиваются незнакомые люди. Не верю своим глазам! Это Анника Бакстром, которую не видел много лет: в страну ее не пускали. Она сопровождает группу шведских студентов и каким-то образом узнала об этом вечере…

Вентилятор с трудом перетряхивает воздух. На стенах работы Всеволода Иванова. Его не знает никто, но по работам узнаются его учителя: Модильяни плюс Михаил Шемякин – думаю, величины, в принципе, соразмерные. Там, где у Шемякина

ирония, а у Модильяни – грация, у автора, простите, манерность.

– Шестидесятые годы, шестидесятые… – бормочет бородатый мэтр.

– От Юрия Новикова узнаем, что Всеволод Иванов выставляется впервые. Ивановых прибыло.

– Зал на этот раз особенно сложен. Профессор и сайгоновец[44], завсегдатаи клуба и оказавшиеся здесь по случаю – все жаждали впечатлений.

– В зале есть *накрахмаленные*…

– Возможны неловкости с американцами…

Недоброжелателей нет, *накрахмаленные* парализованы духотой, на гостей из-за океана – они сгруппировались в вестибюле – никакого особого внимания.

Кривулина слушают невнимательно. В зал продолжают вносить то стул, то скамейку, потом ящики. Я сижу традиционно в первом ряду, но между мной и сценой уже два-три ряда ящиков и музейной мебели.

…Героем выступления была Валентина Понамарева. Певица уже не раз выступала с группами во главе с Чекасиным и Курехиным. Ей обычно отводилась роль одного из «инструментов», но на этом вечере она солировала – и Курехин, и Гребенщиков, а затем американский саксофонист Брюс Экли пристраивались к той музыкальной интонации, которую она великолепно вела, все более захватывая зал… Ее импровизации при всем их разнообразии и неожиданности были, как могли бы сказать структуралисты, «коннотацией магических песнопений»: заговоров, заклинаний, языческих молитв, что в свое время эксплуатировала перуанская певица Има Сумак…

Наступает мертвая тишина. В зал заглядывают американские гости. На сцену поднимается Алик Кан. Он представляет залу американских музыкантов, рассказывает о целях их приезда в Советский Союз.

Квартет ROVA играет авангард. Играет раскованно и сосредоточенно одновременно. Как красив зал: лицами, вниманием к происходящему – предзнаменованием каких-то близких и неизбежных перемен. Саксофонисты ROVA играли в музее то, что хотели. Это была одночасовая программа, состоящая из пяти-шести частей.

Строгое поведение на сцене, если не считать вольностью – присесть на сцене, когда играют партнеры, чтобы перевести дыхание и сделать два глотка – пива? минеральной воды? Никакого шоу, никаких перемещений, никаких отвлекающих от музыки жестов. Композиции суховаты и угловаты. Мелодии заменены мелодикой – сочетанием звуков и инструментов.

Мелодика иногда неожиданная, иногда монотонная, исполнение уверенное, временами виртуозное. Никаких ассоциаций, никаких намеков – форсируется самодавление замкнутой системы звуков…

Аплодисменты, все взволнованы. На улице темнеет. Гости фотографируют и в зале, и на улице. Нашего чернобородого Василия Аксенова (не путать с Аксеновым эмигрантским!), ни на кого не похожего, снимают все. Кан и Драгомощенко – толмачи.

Особенно они пригодились на следующий день, когда мы встретились на квартире Наля Подольского: открываешь окно и выходишь на крышу старого пятиэтажного дома…

Один из наших поэтов, принявший участие во встрече, стал развивать свои взгляды на искусство. Чарльз Шер отнес его высказывания к романтической концепции искусства и спросил, есть ли среди членов Клуба-81 литераторы, которые пишут реалистические вещи. Такой поворот в беседе озадачил моих земляков, ибо, в системе их представлений, от авангардистов можно было ожидать самых парадоксальных взглядов на искусство, но только не связанных с реализмом. Мы не услышали от Шера развития этой темы, но он высказал одну мысль, которой я воспользуюсь и на свой страх и риск разовью в контексте других высказываний наших гостей. Он сказал, что художник должен полностью принимать выводы, которые следуют из осознания реальности, какой бы она ни была и какие бы выводы не предопределяла. Но дух американской культуры традиционно неотделим от нравственной позиции индивида. Поэтому я задал ему вопрос, нельзя ли его взгляды определить как стоицизм? На что Чарльз выразил свое полное согласие.

Но Шер озадачил меня, отрицательно отозвавшись о связи реализма с личностью. В этой связи он усмотрел диалектику, которую «американцы никогда не понимали и никогда не поймут». Вероятно, думаю я, американцы просто не замечают в своих свободных поступках личный фактор, тогда как каждый свободный поступок в нашей стране рассматривается как нелояльный. Для нас проблема самоутверждения – проблема идейно-политического конфликта, столкновение и борьба с системой. Организация выступления музыкантов, сам наш разговор потребовали личного мужества, потому что свобода в СССР – это личное достояние, *ворованный воздух*; я ведь заранее знал, что за концертом последует расследование: «Кто разрешил, кто должен ответить за самовольство»…

Беседа с авангардистами из Штатов, несмотря на ее пунктирность, была для меня с познавательной точки зрения чрезвычайно интересной. Сам дух разговоров решительно

отвергал те предрассудки, от которых мы не свободны, то причисляя авангард к сугубо формалистическим направлениям, то наделяя его стремлением к разрушению и экстравагантности. В то время я публиковал в «Часах» статью «Реализм и личность», в которой утверждал, что к авангарду в искусстве относится то, что «расширяет горизонт обозначаемой реальности». Авангард – лидер в развитии мирового реализма, авангард – религия эпохи фактичности и достоверности, его пророк Галилей: «А все-таки она вертится!» Эта формулировка воспринимается как попытка соединить несоединимое, ибо реализм в представлениях моих современников – направление традиционное, авангард ничего общего с реализмом иметь не может.

…На этой встрече не было блудного сына, и никто не произносил проповедей. Конечная цель – понимание друг друга – своеобразный классицизм уравновешенности. На фотографии, сделанной там под крышей, я вижу лица своих увлеченных разговором друзей.

Думаю, большинство из нас чувствовали: мы очень разные. Наши гости удивлялись иному: наш клуб напоминал их собственный. В самом деле, мы не имеем широких контактов с читателями, не имеют его и наши гости. Их аполитичность связывается с нашим убеждением, что искусство не является служанкой ни идеологии, ни философии и непозволительно причислять его к аппарату пропаганды. Сходство есть и в том, что и мы, и они уделяем много времени общению между собой, служа друг другу и читателями, и авторами, и критиками. Мы, как и они, понимаем искусство как фундаментально целое, не проводя радикальных различий между музыкой, поэзией, прозой, театром и живописью. И лишь критика в нашем неофициальном искусстве все еще изрядно отстает от искусства, в то время как американцы воспринимают критику как органическую часть своего художественного опыта…

Аркадий Драгомощенко:

Я вспоминаю нашу первую встречу. Среди них поэты, музыканты, критики… Лин Хиджинян – поэт, критик, прозаик, редактор и издатель поэтического издательства «Туумба–пресс», соредактор теоретического журнала «Поэтика»… Джекки Окс – кинорежиссер, на свой страх и риск снявшая картину об использовании во вьетнамской войне «оранжевого реактива», печально известного химического оружия… Стефан Роджер – поэт, писатель. Джордж Мэтингли – редактор и издатель «Блу-виндпресс», Чарльз Шер – композитор, критик и др. Два

дня напряженных, изматывающих, прекрасных разговоров и обо всем сразу, и понемногу о разном – о том, кого читать, какова сегодня поэзия и что такое поэзия мысли, интеллекта, и о том, нужна ли поэзия вообще, и кто читатель, семантика или синтаксис! И сколько стоит килограмм огурцов, и бывают ли зимой белые ночи – бывают, конечно же, бывают, – каковы тиражи книг и каким должен быть критик. Еще жив был Виктор Шкловский, и о нем, о русской школе анализа, о Вильяме Карлосе Вильямсе, Хлебникове и о другом – о мере ответственности, которую несет художник, хочет он того или нет.

Клуб искупил грех хамства власти. Американцы вернулись домой, переполненные впечатлениями.

Для нас эта встреча содержала приятную неожиданность. Наша культуроцентристская ориентированность полностью совпадала с ориентированностью гостей. О политике ни слова. Политика – то, что уродует жизнь людей и народов, культура – не знает границ. Таков был дух встреч… Затем последовало требование объяснить: «Кто разрешил несанкционированное выступление американцев?!!»

Объяснение в высокопартийном стиле написал Аркадий Драгомощенко.

Представителю ЛО ССП,
главному редактору «Библиотеки поэта»,
доктору филологических наук
Ю. А. Андрееву

В июне сего года Ленинград посетила группа американских писателей, поэтов, издателей, музыкантов (известный всему миру квартет саксофонистов РОВА). Во время пребывания в нашем городе они имели возможность посетить Клуб-81, о существовании которого не имели представления, встретиться с правлением Клуба-81, с его членами, работа которых, творческие планы, взгляды на ряд предметов вызвали немалое внимание и подлинный интерес.

Сам факт их приезда в Советский Союз нам представляется многозначительным: в условиях чрезвычайной международной напряженности, встретив недвусмысленную реакцию администрации Рейгана на свое желание посетить СССР, лишившись тем самым финансовых возможностей осуществить поездку, поскольку все программы, связанные так или иначе с

культурным обменом, практически закрыты правительством США, – они были вынуждены в течение двух лет собирать средства среди сочувствующих или разделяющих их взгляды общественных организаций и просто людей, желающих узнать правду о Советском Союзе и выразивших им свое доверие. Поездка, как написал в письме один из ее участников, завершилась *триумфально*. Около двух недель на встречах, пресс-конференциях в Беркли, Сан-Франциско, Окленде представители делегации рассказывали о своем путешествии, отвечали – без преувеличений! – на тысячи вопросов, делились впечатлениями от встреч с представителями поэзии, прозы, музыки, культуры нашей страны.

Следует пассаж, рассчитанный на чтение идеологического цензора, смысл которого: ничего нового мы не узнали, все, что они говорили нам, было известно из переводов, опубликованных в наших журналах, и «еще более подробно по работам советских исследователей американской литературы, в целом сочувственно и по достоинству оценивших их нравственно-эстетические поиски, и четкому общественно выраженному отношению к внутренней и внешней политике США того периода. Нам известны те вехи, их помнит и прогрессивная Америка: война во Вьетнаме, позор Уотергейта…»

Аркадий Драгомощенко не только продемонстрировал искусное владение языком официоза, но и ходы его партийно-монастырского мышления:

«В ходе последовавшей переписки правление Клуба-81 поняло: диалог с литераторами Калифорнии может строиться на основе сегментарного совпадения литературных интенций, обоюдного желания разобраться в проблемах современной поэтики». И далее о поисках ценностей, «способных противостоять угрозе миру». «Сегментарное совпадение литературных интенций» – можно считать шедевром дипломатической неопределенности. Здесь и планы американской стороны «на участие в Московской международной книжной ярмарке», и переговоры о возможности публикации в Соединенных Штатах подборки поэзии и прозы членов Клуба-81. «Со стороны клуба, – пишет Драгомощенко, – переводчики уже приступили к работе, занялись переводами американских поэтов». Из письма директора Сан-Францисского центра поэзии Джима Хартса Драгомощенко цитирует: «Нам бы хотелось прислать приглашение нескольким членам Клуба-81, чтобы вы

представили свое творчество в США» – и ответ от правления клуба: «…ваше приглашение членам Клуба-81 мы рассматриваем как начало сотрудничества и при благоприятных обстоятельствах воспользуемся Вашей любезностью».

Последовало деловое приглашение:

«Дорогой Аркадий Драгомощенко!

По поручению Центра поэзии Сан-Францисского университета я пишу Вам, чтобы пригласить лично Вас, Игоря Адамацкого, Александра Кана и Владимира Кучерявкина представить свое творчество здесь, в Центре. Лучше всего было бы организовать трех-, четырехдневную конференцию, включая знакомство с рукописями, публичные выступления и чтение».

Завязалась переписка. Лин Хиджинян начала изучать русский язык, переводить поэтов клуба, переводчики клуба перевели несколько ее стихотворений. И не только ее, С. Магид переводил Кларка Кулиджа, С. Хренов – Роберта Перельмана. В этой работе принимали участие В. Кучерявкин, Д. Волчек, М. Хазин…

К поездкам писателей за рубеж власти относились как к делу первостепенной государственной важности. Делегировать нас в роли посланцев советской литературы в Штаты власти, конечно, отказались, ВААПом были отклонены и предложения Лин Хиджинян о договоре на перевод клубных поэтов.

Из письма Лин Хиджинян:

С тех пор как мы вернулись, мой сын, по его словам, стал испытывать ностальгию по России. Звучит это довольно дико, хотя я начинаю его понемногу понимать. Вот почему и собираюсь приняться за изучение русского языка. Но еще и для того, чтобы читать ваши работы и вернуться в Ленинград.

Признаться, я немного расстроена оттого, что наша встреча оказалась такой короткой. Было и есть множество вещей, о которых хотелось бы поговорить подробней, и литература занимает среди них не последнее место…

Лин

Вечер с американцами окончательно испортил отношения клуба с директрисой музея Б. Рыбалко. Она категорически заявила, что отказывается в будущем предоставлять клубу зал для вечеров. Мы не чувствовали себя обязанными согласовывать с кем-либо программы наших вечеров. Официальные лица посещали их в редких случаях, но все наши мероприятия могли посещать беспрепятственно – возможно, кто-то хотел остаться

инкогнито. Претензии к нам предъявлялись в основном из-за богемной публики. Я оборонялся: «Кто-то оставил на лестнице пустую бутылку, кто-то пришел с серьгой в ухе, но не для них же мы здесь проводим мероприятия!..» Полуподвал на Петра Лаврова, 5, стал главным местом проведения работы, включая конференции, гостевые выступления, тематические дискуссии.

На другой день, после отъезда американской группы из Ленинграда, у Виктора Кривулина был обыск по делу Владимира Альбрехта – активиста правозащитного движения. В 1982 году этот московский математик провел в Ленинграде две квартирные лекции. Альбрехт рассказывал о том, как следует держаться во время обыска, ареста, следствия и на суде. Одна из лекций прошла у Кривулина. Дело Альбрехта послужило поводом для обыска у поэта, который дал чекистам неплохой улов: он публиковался в тамиздате и самиздате, принимал дома иностранцев. По протоколу было изъято около 140 наименований.

Из записей И. Адамацкого:

Срочно собралось правление. Решили писать два письма, одно письмо пишет Кривулин, другое – я, как председатель правления клуба. Вот оно:

«Прокурору г. Ленинграда
тов. Васильеву В. Д.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим правление Клуба-81, творческого объединения литераторов, подтверждает, что большая часть изъятых при обыске у Кривулина В. Б. 16 июня с. г. машинописных материалов представляет собой собственность Клуба-81. Кривулин В. Б. является руководителем секции поэзии и по характеру деятельности обязан был знакомиться с текстами произведений членов Клуба-81 на предмет анализа, практического рассмотрения и редактирования.

Правление клуба убеждено, что изъятые у Кривулина машинописные тексты по сути не могут представлять интереса для следственных работников, поскольку являются рабочими материалами и черновиками, носящими сугубо литературный характер внутриклубного профессионального использования.

(Перечислены материалы, которые должны быть

возвращены „по принадлежности и в кратчайший срок“.) О принятых по заявлению мерах прошу сообщить по указанному адресу.

И. Адамацкий, председатель правления Клуба-81».

Изъятые у Кривулина материалы уехали в Москву, затем вернулись обратно, не считая двух книг, отобранных московским Горлитом, остальное 6 сентября было возвращено В. Кривулину, в том числе и его роман под сочным названием «Шмон» (этот роман, так и не дописанный, изымался дважды)[45].

Эпизод с письмом прокурору и возвращением изъятого при обыске заметно повысил авторитет клуба как действенного защитника своих членов, повлиял и на отношение к клубу самого Кривулина. Поэт не скрывал, что вступал в клуб, чтобы его *развалить*. Клуб, созданный литераторами как агрегация их актуальных интересов, должен, считало правление, терпимо относиться к странностям своих членов – к их эгоцентричности и эксцентричности. Нельзя было морализировать по каждому представившемуся поводу. Осуждению, бесспорно, подлежали поступки, прямо направленные против общеклубных интересов и в ущерб культурному движению в целом. Кому-то делали выговор, кто-то лишался права посещать, например, театральную студию, кого-то из клуба изгнали (об этом ниже).

Но если говорить о Кривулине, клуб гордился им как поэтом, ценил как участника дискуссий и конференций. На каждом ежегодном отчетно-перевыборном собрании он выдвигался в состав правления, но результаты тайного голосования каждый раз были не в его пользу, – все знали, что в практических коллективных делах поэт-фантазер очень непоследователен.

Новое помещение

Вспоминает И. Адамацкий:

Соловьев в разговоре со мной сказал: «Мы получим политический выигрыш в любом случае, независимо от того, будет клуб существовать или его придется закрыть».

Я ответил: «Мы постараемся доказать, что клуб будет существовать, а выигрыш получит власть уже другая».

22 августа правление отправило очередное письмо в обком КПСС. В нем говорилось:

Единственность, уникальность того культурного

контекста, в котором работает Клуб-81, заключается в том, что целое поколение ленинградских литераторов, музыкантов, художников оказались в едином культурном движении, направленном к глубинному осознанию современности, к синтезу образной мысли, к выработке большого стиля культуры. К сожалению, такое уникальное явление, как Клуб-81, который в силу исторических причин мог возникнуть только в настоящее время и только в Ленинграде, оказывается в неблагоприятных условиях существования: Клуб-81 до сих пор не имеет ни официально признанного статуса, ни постоянного помещения, пригодного для работы секций и театральной студии; не имеет постоянных контактов с издательскими организациями; лишен всякой прессы <…>. Несмотря на многочисленные обещания, ни одна из этих проблем не решена.

Далее высказывалась надежда на встречу правления с секретарем Обкома Захаровым и содействие в решении проблем.

Ответа не было, но Адамацкий записался на прием, когда в Смольном передавал письмо правле-ния, нарушив тем самым наше правило: не ходить на встречу с официальными лицами в одиночку. Таким образом мы подчеркивали общественный статус визита и существо проблем, которые нас заботят, и предупреждали подмену общественных отношений личными.

В «Записках» И. Адамацкий так описал свою вылазку в Смольный:

Разговаривали со мной двое – Барабанщиков Г. С. и Попов А. А. Сначала пришел Попов, с которым мы тотчас не понравились друг другу. Он сразу заявил, жалуясь, что его заставили прочитать рукопись нашего клубного сборника, а он, Попов, книг-то не успевает прочитывать. Попов занимается литературой, курирует Союз писателей и в постоянном контакте с Федоровой В. Н., оргсекретарем Союза. Будучи человеком кислым, желчным, больным, способен нагнать скуку на всякого. Через двадцать минут разговора у него тряслись руки. Потом пришел Барабанщиков. Сказал, что ради меня прервал разговор с замминистра просвещения. …Он пытался, было, коснуться темы марксизма и культуры, но понял, что зря…

Результатом этого разговора – он длился чуть более часа – было, во-первых, то, что Андреев пришел во гнев,

во-вторых, правление подставило меня в качестве виноватого, в-третьих, и это самое главное, клуб получил для студии-театра помещение – мансарду на Чернышевского, 3, кв. 7… Э. Горошевский… к осени 83-го уже репетировал «730 шагов» В. Кушева и другие вещи.

В конце 1983 года прошло отчетно-перевыборное собрание. В «Записках» Адамацкий подвел общий итог деятельности клуба: «Было проведено общеклубных встреч и мероприятий – 26, заседаний секций – около 80, заседаний правления в основном в расширенном составе – 25, теоретических семинаров – 5».

Среди сохранившихся бумаг тезисы моего выступления, в котором я изложил политическую программу клуба.

НАШ ПУТЬ – НЕ ПУТЬ КОНФРОНТАЦИИ, А ПУТЬ НАДСТРАИВАНИЯ – ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ КАПИЛЛЯРОВ В ТЕЛЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. МЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ СВОЮ ЦЕННОСТЬ НЕ КАК ОТДЕЛЬНУЮ ОТ СИСТЕМЫ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ РЕАЛЬНОСТИ, А КАК ЕЕ НОВУЮ ЧАСТЬ, КАК ПОЗИТИВ.

ОЩУЩЕНИЕ КРИЗИСА СИТУАЦИИ, КОТОРУЮ МНОГИЕ ИЗ НАС СЕЙЧАС ЧУВСТВУЮТ, СОПРОВОЖДАЕТ ВАЖНЫЙ, НО ТОЛЬКО НАЧАЛЬНЫЙ МОМЕНТ НАШЕЙ КУЛЬТУРНОЙ *ПРОПИСКИ*. ЕГО НАДО ПЕРЕЖИТЬ, ПРЕДПОЛАГАЯ, ЧТО, ЕСЛИ МЫ ЕГО ПЕРЕЖИВЕМ, ПЕРЕД НАМИ ВОЗНИКНУТ СКРОМНЫЕ, НО ВСЕ ЖЕ БОЛЕЕ ШИРОКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, ЧЕМ СЕГОДНЯШНИЕ. НО КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ ЕЩЕ ДОЛГО БУДЕТ СОХРАНЯТЬСЯ.

НИ НА СЕКУНДУ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ УПОЕННЫМИ, НЕЛЬЗЯ ГОРЯЧИТЕЛЬНЫМ МЫСЛЯМ КРУЖИТЬ ГОЛОВУ. И КАЖДАЯ СИТУАЦИЯ БУДЕТ ТРЕБОВАТЬ НЕТРИВИАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ.

НАС МАЛО. СРЕДИ НАС НЕТ ЛИШНИХ. БУДЕМ ОЦЕНИВАТЬ КАЖДОГО КАК НЕОТЪЕМЛЕМУЮ ЧАСТЬ НАШЕГО ОБЩЕГО КАПИТАЛА.

Итоги года

В 1983 году клуб самостоятельно заявил о своих гражданских позициях в «деле Долинина» и организацией наделавшего большой шум американского концерта в музее Ф. М. Достоевского. Наша политика не признавала за властью ее исключительные права на управление всеми важными сторонами нашей жизни. От нас требовали объяснений, устных и

письменных, и мы их давали, доказывали, что хорошего честного человека нельзя наказывать, а организаторам дружеского общения с представителями враждебной нам страны – это и есть борьба за мир – нужно разрешить ответную поездку – это и есть встать на «вахту мира».

В 1983 году обнажилось неоднозначное отношение к сборнику «Круг» среди представителей официальной литературы. Распространилась молва о готовящемся к публикации сборнике, напичканном антисовом и аморализмом. Машинописный экземпляр в стенах Смольного переходил как самиздат из рук в руки. Читали чиновники, которые по своему положению должны были с ним познакомиться, и читали из любопытства. «Круг» обманывал ожидания читателей. Сборник был вычищен Андреевым даже от намеков на что-то крамольное, если в каких-то текстах что-то и таилось. Но у независимого творчества, помимо партийных идеологов от литературы, был еще один противник – советская служивая литература. Многообразием тематики и литературных персонажей, спецификой своей лексики и самостоятельно развиваемых традиций новая литература ее раздражала. С ее беспомощными враждебными нападками мы познакомимся после публикации «Круга».

Когда в конце 1982 года куратор сообщил нам, что претензий к просмотренному материалу у цензуры нет, я, воодушевленный этим известием, поверил, что сборник увидит свет уже в следующем 1983 году. Я и не предполагал тогда, что очередная задача Андреева найти «Кругу» авторитетного благосклонного рецензента окажется не только трудной, но и прямо-таки неразрешимой. Сборник будет *рецензироваться* весь 1984-й и начало 1985 года!

Секретариат СП и отдел культуры Дзержинского райисполкома обязывали правление Клуба доводить до них планы своей работы, а также «сведения обо всех мероприятиях, проводимых вне плана»; все вопросы, «непосредственно относящиеся к деятельности клуба, должны с ними согласовываться». Никаким организациям, названным и неназванным, например, КГБ, о планах и проводимых мероприятиях клуб не докладывал. Даже Андреев только после его упреков и напоминаний стал получать нашу ежемесячную рассылку. Однажды внушительного вида райисполкомовская дама появилась на Петра Лаврова, 5, на занятии поэтической секции. Поэты горячо говорили о стихах, кажется, Кулиджа. Она не задавала вопросов, а ей никто не объяснял темы спора. Более десяти минут она не выдержала. Клуб был не для всех – литературно-*профессиональный.* П. Коршунов понимал это и часто

говорил «мы литературой не занимаемся». Он зазывал правление на улицу Чайковского, где находилась приемная его организации, или появлялся на наших собраниях, когда считал нужным о чемлибо предупредить или проинформировать.

В городе нас привлекали своим размахом, иронией, артистизмом выступления группы Сергея Курехина «Популярная механика», мы знакомились с «новыми художниками» Тимура Новикова и митьками Дмитрия Шагина, самый молодой член нашего клуба Д. Волчек начал издавать журнал «Молчание» (через два года он переименует его в «Митин журнал») – эти явления принадлежали новому литературному поколению.

Комическая коллизия возникала каждый год в связи с положением устава, согласно которому все члены клуба должны были получить удостоверение о своей принадлежности к официальной организации. Адамацкий превратил напоминание о «корочках» в разновидность пытки. При каждом своем визите в СП он спрашивал: *«Уважаемый секретариат, сколько можно обещать и не выполнять обещание!»* Оказывалось, что вопрос не простой, необходимо множество согласований. Адамацкий начинал выяснять, кто конкретно препятствует этому дружескому акту. Товарищи продолжали выворачиваться: «*Мы узнавали, за изготовление нужно заплатить деньги, а денег у Союза писателей нет!»* «Мы соберем!» – наступал Адамацкий с наигранной страстью буденовца. В следующий раз ему похоронным голосом говорили*: «*Увы, в типографиях нет нужного материала…» А вскоре не стало и советской власти.

В конце декабря в издательство «Советский писатель» были поданы заявки на «Круг-2», составленный по тем же разделам, что и «Круг», и сборник рассказов «Вечера на Кузнечном», составленный секцией прозы.

1984 год

Итоги 1983 года подводились на отчетно-выборном собрании 17 января 1984 года.

> **Из доклада Адамацкого:**
>
> Минувший год был активным, стремительным, бурным и трудным. Работали пять секций – поэзии, прозы, критики, драматургии, теории музыки и группа перевода. Клуб принципиально и фактически – инициатор петербургского культурного движения.

Секция прозы составила сборник рассказов и подала заявку на издание издательству. На заседаниях апрельской трехдневной конференции выступили К. Бутырин, Б. Иванов, Ю. Андреев, Ю. Новиков, В. Кушев, М. Берг, Э. Горошевский, С. Курехин, А. Кан.

Литфонду удалась через Москву получить деньги на аренду второго клубного помещения на проспекте Чернышевского (квартира и мансарда).

Экспериментальный театр-студия начал работать над постановками «Феникса» М. Цветаевой, по текстам Аввакума, пьесы В. Кушева «730 шагов». Художественное оформление выполнили художники-неофициалы В. Овчинников и А. Белкин, музыку написал С. Курехин.

Отношение к клубу со стороны официальных учреждений Адамацкий назвал «настороженным».

> Все без исключения наши действия, как правило, вызывают лавину недоумений и опасений. При любом контакте приходится обращаться к различным инстанциям и проходить путь сложных согласований. За минувший год клуб занимался утрясением отношений: с жилконторой, городским нежилым фондом, Литфондом, ЛО ССП, райкомом партии, обкомом партии, райжилуправлением, пожарной инспекцией, Ленгазом, райисполкомом, и т. д. и т. п. Практически любая официальная подпись на бумаге, исходящей от клуба, превращалась в непреодолимую проблему. В этих условиях заседания правления почти всегда превращались в производственные планерки, что не отвечало интересам наших литераторов, желающих одного – выступать и печатать свои произведения.

Правление клуба получило кредит доверия на новый год в полном составе.

18 января 1984 года

Статья в «Ленинградской правде» «Письма оттуда» с предисловием Ю. Андреева, где он впервые назван руководителем Клуба-81. Статье предпослано стихотворение В. Нестеровского, посвященное его другу – Игорю Синявину, уехавшему в США, и письмо Синявина, в котором он *поливает* культуру Америки и американский образ жизни.

Первое упоминание Клуба-81 в печати в связи с перебежчиком Синявиным возмутило нас. С. Стратановский пишет письмо Андрееву с требованием согласовывать все публикации с упоминаниями нашего объединения, с правлением клуба. Правление подписывает письмо и направляет Андрееву.

Андреева можно понять: эта публикация – какой-никакой отчет о его идейно-воспитательной работе перед теми, кто назначил его куратором клуба, но в объединении после этой публикации его *авторитет* резко упал. Хорошенькая образовалась связка: клуб, с его задачей продолжать гуманистические традиции русской литературы, представлен в прессе антисемитом и алкоголиком Нестеровским в паре с профессиональным перебежчиком И. Синявиным!..

Из записей И. Адамацкого:

9 февраля – я привел в помещение театральной студии поговорить о театре знакомого консула по культуре Роберта Маккарти, способного, умного, много знающего собеседника. Когда Роберт ушел, следом отправился и я. Два сотрудника КГБ «вели» меня по обеим сторонам улицы до метро. В метро я слинял, но другая пара «ухватила» меня у дома, где я снова «слинял», и эти двое бедолаг часа полтора бегали вокруг, искали, куда я исчез. На следующий день П. Н. Коршунов обзвонил все правление, требуя меня наказать.

17 февраля – состоялось заседание правления, где я отдал решение вопроса, надо или нет мне идти по вызову на «беседу», на волю правления. Правление высказалось, что надо.

21 февраля – в сопровождении Иванова и Коровина, по решению правления, я явился в приемную УКГБ, где присутствовал Коршунов со своим стажером, где мне

выговорили все: что я восстановил против себя райком партии, обком партии (Попова и Барабанщикова), управление культуры города за выступление на выставке и т. д.

Этот эпизод имел предисловие. Полторы недели назад Игорь Адамацкий сказал мне по телефону, что хочет пригласить американского консула по культуре в Петербурге Роберта Маккарти «на чердак», – там актеры театральной студии и литераторы подготовили помещение для работы. Я спросил его: «Зачем?» – «Пусть посмотрит, что мы делаем». Я выразил недоумение. При этом Игорь не хуже меня знал, что все переговоры с консульством прослушиваются. Да и чем гордиться?..

Прошло несколько дней. Коршунов изъявил желание встретиться с правлением.

Он начал с подвижек подготовки «Круга» к изданию и других приятных для нас вещей и перешел к разъяснениям наших прав. Каждый советский гражданин может пригласить иностранца в гости, что, оказывается, не возбраняется. И в самом деле, никто не упрекнул Наля Подольского за организацию встречи с американцами в своей квартире после их выступления в музее Достоевского. Другое дело, объяснил Коршунов, если иностранца приглашают в учреждение – в этом случае государство несет ответственность за его безопасность. Руководитель учреждения обязан оповестить КГБ о таком визите.

Адамацкий присутствовал на встрече с Коршуновым и, конечно же, догадался о смысле этой нотации. Никаких именных предостережений не последовало, но Адамацкий понял, что его разговор с консулом прослушан и ему остается либо позвонить Маккарти и отменить визит на «чердак», либо, как «руководителю учреждения», оповестить КГБ о приглашении иностранца в театральную студию Клуба-81. Бегство «руководителя клуба» от фланеров и само приглашение консула, о чем он не поставил правление в известность, выглядело мальчишеством.

В своих записках Адамацкий назвал решение правления о передаче функции председателя клуба мне «подставой» и предательством (!). Я был поражен, когда узнал, что именно так он, оставшийся членом правления, с кругом тех же обязанностей, оценил это решение.

Через месяц последовал звонок от Андреева. Он рассказал, что 18 февраля в обкоме прошло совещание у Коржова.

Было принято решение «Круг» издавать. Редактором сборника назначен Б. Никольский (новый редактор журнала «Нева»), – от

него я узнал подробности совещания. Небольшие претензии есть к статье Ю. Новикова. Назаров согласился начать подготовку «Круга» к изданию: «Если в повесть Б. Дышленко „Мясо“ будет внесена правка, начнем подписывать с авторами договоры». Мы с Ю. Новиковым были назначены составителями сборника.

Практически мы составителями «Круга» не были – да, мы собирали рукописи, хорошо знали творчество наших коллег по клубу, но отбором, редактурой, дополнениями два года занимался Ю. Андреев. Получив от него тексты сборника, я передал его с небольшими изменениями и добавлениями (об этом ниже) Никольскому.

В конце марта получил редакторское заключение «Совписа» по повести Дышленко, переименованной из «Мяса» в «Правила игры»[46]. Текст не устроил издательство даже после того, как Никольский с автором внесли в него дополнительную правку: «Очевидно, что небольшими сокращениями в тексте и заменами отдельных деталей вряд ли можно обойтись». Сама концепция «абстрактного пацифизма неприемлема по существу». Делались ссылки на рецензии Гранина и Никольского, хотя Никольский как раз и провел дополнительную правку. Настоящий редакторский беспредел.

К этому времени стало известно, что из состава сборника исключен раздел «Мемории» – на том основании, что публикациями произведений умерших авторов занимаются специальные комиссии по творческому наследию, создаваемые правлением СП. Когда главный редактор издательства СП Назаров приводил этот довод нам с Новиковым, он весь так и светился радостью мошенника, который ловко проворачивает дело. Он прекрасно знал, что никаких комиссий по творческому наследию самиздатских поэтов быть не может! Негодяй готов был отплясывать на гробах! После этого разговора я не в состоянии был общаться с Назаровым, меня буквально выворачивало от одного его вида.

31 июля получил письма от издательства с требованием сократить объем рукописей «Круга» с 23 авторских листов до двадцати, со ссылкой на решение секретариата правления СП РСФСР.

В бой вступали главные силы мафии. Одно дело – решения, которые принимались на совещании у секретаря Ленинградского обкома Коржова (Назаров и компания состояли на учете в ленинградской партийной организации и должны были ее решениям подчиниться), и другое дело – решение республиканского секретариата СП, обкому не подчиняющегося. Сокращение объема сборника аргументировалось

необходимостью сократить издательские расходы – на выплату гонораров и типографию. В письме Г. Бариновой от лица правления клуба я писал: «Решение издательства о сокращении объема сборника, принятое после того, как он в типографии набран, создает ощущение демонстративного пренебрежения к труду всех участников его формирования, затянувшееся, к сожалению, на три года». И это в дополнение к сокращению тиража «Круга» с 15 тысяч экземпляров до десяти.

В письме к Бариновой предлагалось сохранить состав «Круга» за счет уменьшения шрифта набора, а при выплате гонорара исходить не из фактического объема – 23 авт./л., а из двадцати. При этом замечалось: «Трудно отделаться от мысли, что вышеприведенные расчеты, которыми составители вынуждались обмениваться с руководством издательства, все более обретают оттенок, весьма далекий от подлинно деловых взаимоотношений *книгопродавца* и *поэта*. И это особенно наглядно на фоне гигантской книжной продукции, в том числе издательства „Советский писатель“, – продукции, которая миллионными тиражами затоваривается в торговой сети и, по данным официальной статистики, не затребована ни покупателем, ни даже массовыми государственными библиотеками, куда книги поступают по безналичному расчету».

Письмо завершалось так: «Одни связывают со сборником социально оправданные ожидания, другие, напротив, надеются, что несовершенство ведомственных механизмов сведет на нет принципиальные возможности нашей общественной системы… Правление Клуба-81 обращается к Вам и Вашим коллегам с просьбой разрешить данную напряженную ситуацию с учетом действительных государственных интересов».

После письма к Бариновой мы с Новиковым как составители сборника попали к ней на прием. В глубине большого кабинета мы увидели классического партийного функционера: значительную личность, жесткую, формализованную. Цензура самоконтроля и дисциплины стерли приметы женской природы, если не считать костюма. Когда я читал о настоятельницах женских монастырей, властных, суровых, мне представлялась Галина Баринова.

На столе перед завотдела развернута «Правда». Легонько прихлопнув по газете с только что опубликованной черненковской программой КПСС, она не без торжественности произнесла: «А положение о диктатуре пролетариата *сохраняется!»* Это была одна из немногих реплик, услышанных за всю мою жизнь, которые меня потрясли. Программа, сочиненная полумертвым Черненко с наивной верой, что она увековечит его

имя, до которого живой стране нет никакого дела, «диктатура пролетариата», которая нигде и никогда не существовала, лицемерная радость партийной дамы по поводу сохранения этого жульнического идеологического продукта – во всем этом было что-то совершенно неправдоподобное. В огромные окна кабинета било реальное солнце, а за окнами виднелась площадь Диктатуры пролетариата: политическая гофманиана!

При общении с представителями власти меня не покидало чувство, что передо мной люди, которые живут и думают скрытыми подтекстами своих речей, в соответствии с нравами и интересами своей среды. Другой реальности они не знают и не признают, и потому сама власть *над нами* все более становится ирреальной. Баринова сыронизировала над своей знакомой из провинции, которая жаждала попасть в *золотые кладовые* Эрмитажа, поскольку считала золото высшей ценностью из всего, что хранилось в стенах музея. Нам же, пообещав разобраться с «Кругом», указала на Гранина в качестве примера, которому мы могли бы следовать. Сказала это с улыбкой, как если бы доверила нам тайну его двуличной жизни.

Во встрече с секретариатом ЛО ССП был показательный эпизод. Я сказал, что запрет правления СП на публикацию в «Круге» стихотворений Роальда Мандельштама, Леонида Аронзона, Александра Морева стал второй смертью этих замечательных поэтов. Чепуров стал выяснять, о каком запрете идет речь, кто о нем нам сказал, после чего упрекнул Назарова за то, что тот перекладывает ответственность за решения на других, и произнес монолог о том, что *нам,* как никогда раньше, необходима сейчас сплоченность.

Председатель правления упустил из вида, что сплоченность, о которой он говорил, была направлена против… *нас.* Это была сплоченность литературной мафии, сила которой заключалась в спайке руководства местных отделений ССП с центральным и республиканскими СП, с руководством издательств как безотказно действующими инструментами власти. Член Союза писателей, книга которого раз за разом переносилась из издательского плана года в следующий, получал время понять, насколько вредным оказались для него его критическое выступление на перевыборном собрании организации, неосторожные кулуарные высказывания, поведение, вызвавшее недовольство КГБ, а то и просто обида на него *одного хорошего знакомого*. Постоянно возникали ситуации, в которые приходилось вникать обкому и осаживать этот произвол. Соловьев и Коршунов – сотрудники КГБ – не стеснялись говорить о вечных склоках и интригах в ССП.

К этому времени я уже пришел к выводу, что система, при всей ее централизованности, начинает централизоваться против центра.

Из архива Клуба-81

В отдел учета и распределения жилой площади Калининского р-на г. Ленинграда

Дышленко Б. И. – писатель, активный работник в области книжной графики в издательствах «Лениздат», «Аврора» и др.), член литературного объединения Клуб-81 при ЛО ССП, живет в крайне стесненных условиях (3 кв. м на члена семьи).

Настоятельно просим при решении вопроса об улучшении жилищных условий для семьи Б. И. Дышленко учесть особенности его профессиональной деятельности и рассмотреть возможности предоставления Дышленко Б. И. жилой площади дополнительно как работнику творческого труда.

Андреев Ю. А., представитель ЛО ССП,

Иванов Б. И., председатель Клуба-81 [47]

Переводчики

Рассказывает поэт и переводчик Сергей Магид:

В клубе оказалось немало людей, неплохо знавших иностранные языки и языки некоторых (в основном прибалтийских) народов СССР. Если прибавить к этому, что почти все они были поэтами, легко представить, что творческая работа с иноязычными поэтическими текстами напрашивалась сама собой. Переводы осуществлялись, конечно, задолго до создания секции, да и самого клуба, поэтому можно сказать, что к 1984 году ядро секции состояло из достаточно зрелых и искушенных переводчиков-поэтов. Членами секции переводчиков Клуба-81 или «сочувствующими» секции стали: Григорий Беневич, Дмитрий Волчек, Аркадий Драгомощенко, Сергей Завьялов, Михаил Иоссель, Владимир Кучерявкин, Сергей Магид, Михаил Хазин, Сергей Хренов, Аркадий Шуфрин и другие.

Хочу специально подчеркнуть – цель деятельности секции переводчиков, как и всего Клуба-81 в целом, была сугубо эстетической, а не политической. Нашей задачей было внести не в советскую, но в русскую литературу

новые веяния, новые произведения, новых авторов, новые художественные ходы и приемы. Действительно новые или, по крайней мере, изрядно забытые за годы умолчаний и репрессий. В клубе учеником Хлебникова считал себя Владимир Кучерявкин, забытого Ходасевича издавал Дмитрий Волчек. Вся эта культуртрегерская деятельность мало вязалась с сомнительной славой не то подпольного антисоветского, не то, наоборот, полностью продавшегося властям кружка гнилых интеллигентов.

23 апреля 1984 года на организационном собрании секции решено было начать издание журнала, в котором публиковались бы не только поэтические и прозаические переводы членов секции и людей, близких к клубу, но вообще всех, кто не имеет доступа в официальные издания. Критерий был один: мастерство перевода. Концепция журнала рождалась в долгой дискуссии. Было перепробовано несколько названий. Наконец, уже в одиннадцатом часу вечера, Драгомощенко предложил назвать журнал «ПредЛОГ» с подзаголовком «бюлле-ТЕНЬ». Не помню уже, как насчет «бюлле-ТЕНИ», но название «Предлог» понравилось всем. Ответственным редактором журнала был избран Сергей Хренов. Остальные члены секции приглашались принять посильное участие в редактировании и составили журнальный круг. Впоследствии на форзаце журнала появилось такое предуведомление: «„Предлог“ является периодическим сборником, выпускаемым секцией переводчиков литературно-творческого объединения Клуб-81 при Ленинградском отделении Союза советских писателей. В работе секции переводчиков и составлении сборников могут принимать участие не только члены Клуба-81».

«Предлог» должен был состоять из 9 разделов: «Поэзия», «Критика», «Литературоведение» (отечественное и зарубежное), «Культурология» (отечественная и зарубежная), «Культуры республик СССР», «Полемика» (отзывы, письма, информация), «Азбука» (не помню, что было в этом разделе), «Они о нас», «Примечания». Конечно, в дальнейшем редакторы журнала не придерживались в точности этого плана. В каждом почти номере появлялись первоначально незапланированные собственные произведения переводчиков, их поэзия, проза и публицистика. Какие-то разделы отпадали (та же «Азбука»), какие-то прибавлялись (раздел «Об авторах», где давались краткие

справки о тогда еще мало известных советскому читателю иностранных и республиканских авторах, а также разделы «Портрет художника», «Изящная словесность», «Хрестоматия», «Иные традиции», «Мета-Предлог» и другие). Начиная с третьего номера, на последней странице появилось сообщение редакции: «„Предлог“ интересуют переводы со всех языков народов мира и из всех областей духовной культуры. Рукописи все еще не горят, но возвращаются и устно рецензируются». Думаю, что автором этого анонса был Сергей Хренов.

Затем, помимо журнала, появились приложения к нему. Каждое из них представляло собой сборник переводов из произведений одного автора, будь то поэзия, драматургия, проза или публицистика. Так, в четвертом номере журнала мы находим объявление о том, что в свет вышли следующие приложения: Кит Абот, «Сотри слова» (книга стихов, думаю, переводчиком был Сергей Хренов) и роман «Большой ласкун» Эмиля Ажара, а также пьеса «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Тома Стоппарда и роман «Восхищение/Похищение Лол В. Стайн» Маргерит Дюрас. Готовы к печати были и другие приложения, например, роман «Перелеты Ванессы» Жоржа Вальтера и поэтические сборники Чарльза Буковского, Стивена Родфера, Чарльза Симика, Майкла Стрэнда, Ларри Эйнера (всех этих американских поэтов переводил Михаил Иоссель, наш специалист по современной американской поэзии). В моем архиве сохранилось 6-е приложение к журналу, представляющее собой «Хасидские истории» Мартина Бубера (перевел Р. Х. Рашидов; это, возможно, псевдоним; кажется, в работе над переводами Бубера участвовали Григорий Беневич и Аркадий Шуфрин).

Тем вечером 23 апреля 1984 года в первый номер журнала предлагались тексты Гертруды Стайн, Эзры Паунда, Антонена Арто, Жака Лакана, Карла Ясперса, Эдмунда Гуссерля. Сергей Хренов должен был написать редакционную статью, Кучерявкин, Иоссель, Хазин, Магид представить свои переводы с английского и литовского. На втором собрании 28 апреля 1984 года в журнал предлагались переводы Дельфины Перре (Михаил Хазин), Лотреамона, Жака Превера (Дмитрий Волчек), Мерло-Понти, Лакана. Многие из этих переводов были осуществлены, некоторые оставлены, но списки предлагаемых авторов у меня сохранились, и я не уверен, что эти имена можно было встретить в 1984 году в

журнале «Иностранная литература».

Естественно, «Предлог» выходил нерегулярно, иногда раз в год, иногда три раза в год. Материалы собирал Сергей Хренов, неутомимый и ответственный редактор, объезжавший по всему Ленинграду авторов и понукавший их к действию. Всего вышло 10–12 номеров тиражом в 10–20 экземпляров. Компьютеров тогда еще никто в глаза не видел, все материалы печатались на пишущей машинке через копирку и сшивались под плексигласовым переплетом. Кто занимался этой тяжелой и неблагодарной работой, каких машинисток задействовал Сергей Хренов, печатал ли он все это сам, не знаю. У меня сохранилось семь номеров журнала «Предлог». Последний из них, номер 9, вышел летом 1986 года.

Журнал не был единственным средством «выхода в свет» творческой продукции секции переводчиков Клуба-81. Вторым главным моментом нашей творческой реализации были вечера чтений в домах и дворцах культуры Ленинграда. Так как клуб был зарегистрирован как своего рода ЛИТО при ЛО ССП, а, может быть, и в силу определенного пиетета по отношению к клубу, директора «культурных точек» предоставляли нам зал и сцену. Такие вечера проходили во Дворце культуры промкооперации, имени Газа, имени Ленсовета и других. Вот характерная программа творческого вечера переводчиков Клуба-81 в ДК «Красный Октябрь» под названием «Вечер современной американской поэзии»: Драгомощенко читает переводы стихов поэтессы Лин Хиджинян, Иоссель и Завьялов – из Чарльза Буковского, Кучерявкин – «Кантос» Эзры Паунда, Магид – Кларка Кулиджа, Хазин – из Рутенберга. В зале полно народа. На сцене в перерывах между чтениями играет дуэт – труба и контрабас. Джазовые импровизации. Сцена ярко освещена, мы сидим на стульях. Попеременно встаем и подходим к микрофону. Потом свист, аплодисменты, цветы… Это было в пятницу 18 октября 1986 года.

Помню и другой вечер, «республиканской» поэзии, в ДК на Московском проспекте, в котором участвовали Завьялов, Кучерявкин, Магид. Читали мы переводы современных эстонцев, литовцев, латышей. Завьялов читал переводы с мордовского. Все это был, как правило, свободный стих, стихи отважных смыслов и ритмов, стихи, абсолютно непохожие на то, что переводилось в ленинградских «толстых» журналах. И здесь были

аплодисменты и цветы. Стихи каждого автора сопровождались сообщением о его творчестве. Потом ответы на вопросы. Вопросов было много, почти все типа: кто вы, откуда и куда идете? Понятно, что клуб был экзотическим телом в среде советского общества, и все, что мы делали, и то, как мы это делали, выглядело непривычно (неприлично). Мы старались отвечать на вопросы всерьез, обстоятельно, но и с юмором, тем более что на некоторые вопросы иначе как в юмористической форме ответить было невозможно. Количество народа, приходившего на вечера (не оригинальной поэзии, там это количество было бы понятно, а переводной!) изумляло нас. Кто теперь поверит, что все это было?

Так мы держались почти до самого распада клуба. Со все более углубляющейся «перестройкой», то есть постепенным послаблением цензуры и выходом к читателю совсем иных, чем раньше, иностранных авторов и их произведений, как бы сама собой отпадала потребность в существовании такого культуртрегерского объединения, как секция переводчиков при неподцензурном клубе. В 1987 году наша переводческая деятельность закончилась, сменившись (для некоторых) деятельностью активно-политической. Но это уже другой разговор и другая история [48].

В руки попал эмигрантский журнал «22», № 39, со статьей Юрия Колкера «Ленинградский Клуб-81». Колкер пишет, что, хотя не был членом этого объединения, берется поделиться своими наблюдениями и соображениями на его счет: на Западе *«все еще недоумевают относительно его природы»*. Его итоговые соображения таковы: «Человек, не мыслящий себя вне России, не может уклониться от коллаборационизма, вынужден в той или иной степени сотрудничать с режимом. Но писателю следовало бы сознавать это, стремиться к минимуму и уж, во всяком случае, не искать с ним диалога. Что же касается властей, то с их стороны Клуб-81, конечно, никакая не уступка, а всего лишь попытка селекции писателей для последующей трансплантации части второй литературы в первую, быстро теряющую читательское доверие».

Колкер, как эксперт, слишком удалился от объекта наблюдения. Описывая западному читателю клуб, он буквально излагает ту модель и судьбу клуба, которую для независимой культуры спроектировали ЦК КПСС, Обком, и 5-е отделение КГБ, и по-детски игнорирует модель культурного движения и его цель.

Свою личную неспособность к сопротивлению он приписал и тем, кто мало на него похож. Любопытно, что мыслимый им «диалог» клуба с властью завершается лишь капитуляцией движения, тогда как именно *диалоги*, требующие от сторон ясного изложения своих позиций и своих прав, позволяют доказать, что, самостоятельно развиваясь, мы можем создать мирный плюральный мир. Эта позиция не выдумана, ее подсказал сам ход истории. Гласный наступательный характер *второй культуры* отлично чувствовали ее представители. Свободные художники вместе с Главным управлением культуры планировали выставки, на которых выставлялись сотни работ и которые посещались десятками тысяч зрителей. Литераторы умножали число машинописных журналов, сборников, проводили открытые конференции, тесно сращивались интересы и организации литераторов, художников, музыкантов, актеров, движением заинтересовались молодые социологи, устанавливались связи с коллегами из Москвы и других городов. Андрей Битов уже выразился по поводу Клуба-81 и намерений властей: *«Они хотели подстричь газон, а получили рассадник».*

Потом, когда героическая страда культурного движения останется позади, Колкер приедет в Петербург и скажет, что он не был противником клуба, а разве что сторонился вступать в организации. Сторонился, а предсказывать судьбу Клуба-81 взялся.

Из моего дневника:

27 ноября 1984 года

Сегодня трудно поверить, что с выставки в ДК Газа прошло всего 10 лет. За эти годы культурное движение приобрело гражданскую значимость, развивается довольно интенсивно, власть нехотя, но начинает с ним считаться.

«Зенит» – чемпион! Ура!

На П. Лаврова нас ожидают:

Проза:

20 декабря в 19.00. Московские литераторы Виктор Ерофеев, Дмитрий Пригов, Владимир Сорокин (отв. Берг, Улановская).

27 декабря в 19.00. Олег Павловский и его «Сэнди» (отв. Подольский).

Поэзия:

19 декабря в 20.00. Гости клуба Тамара Буковская, Александр Альтшулер, Владимир Ханан, Владимир Эрль (отв. Стратановский).

26 декабря в 19.00. Сергей Магид (отв.

Стратановский).

Критика:

4 декабря в 20.00. Евгений Пазухин с сообщением «Поэзия Елены Шварц в контексте ленинградской поэзии 70-х годов» (отв. Бутырин).

22 декабря. Конференция «10 лет выставки в ДК имени Газа» (отв. Новиков).

На пр. Чернышевского 7 декабря состоится обсуждение «Предлога», № 1, 2 (отв. Драгомощенко).

Материалы для детского сборника собирают Т. Михайлова и Б. Улановская.

«ЗЕНИТ» – ФОРЭВА!

Из моего дневника:

4 декабря

Ю. Андреев вручил мне рукописи «Круга», которые я должен передать новому редактору Никольскому. Утром перепечатал стихи В. Кривулина, которыми предложу заменить его подборку «Слабые стихи». Включил «Летописца», «Песочные часы», «Натюрморт с головкой чеснока». Андреев обошел стихи А. Миронова. Перелистав все имевшиеся у меня его стихи, составил ту подборку, которую видим в «Круге». Двумя стихотворениями дополнил подборку С. Стратановского.

Позвонил Кривулину; поэт согласился с новой подборкой.

5 декабря

Никольский в принципе согласился с моими добавлениями. Но в его речах появилось больше отсылок к издателям, в конце концов, они будут решать.

8 декабря

Вечер с докладом Е. Пазухина «Поэзия Елены Шварц в контексте ленинградской поэзии 70-х годов». Андреев объявил его «теологическим». Новиков ситуацию смягчал, а в конце обсуждения Виктор Антонов заявил: «Пазухину многое простится за слова: „С нами Иисус Христос!“…»

Андреев не имеет даже поверхностного представления о роли христианства в культурном движении 70-х годов. Христианство было заложено в той русской литературе, традиции которой наш клуб, принимая устав, обязался служить. Этот процесс не был прост: его представители взрослели, его эстетика находила духовные скрепы. Христианство было щитом и интуитивно избранной стратегией движения, которое идеологи материализма не могли ни преодолеть, ни остановить. Елена Шварц была самой дерзкой, экзистенциально самой глубокой восприемницей христианского учения. Ни один автор движения не вызвал такое

количество богословских и эстетических отзывов на свое творчество.

Докладчик увидел в поэзии Е. Шварц двоение высших ценностей: Бога и своего Я, что характерно для христианства культурного движения. Вера освобождала индивида от государственных и партийных уз, но свобода личности – прежде всего. Советской культурой не признанные, чужие, вредные элементы, мы смотрели на тех, кто пытался нас учить и пасти, со снисхождением и некоторым ожиданием, когда же наконец они поймут свое варварство!

11 декабря

Позвонил Андреев и сказал, что Трофимов (директор издательства) не пропустит «Мемории» и под угрозой расстрела.

У оппонентов не было ни одного серьезного аргумента для исключения из сборника творчества трех замечательных поэтов, не считая того, что советская власть и без Сталина не утратила способности давить таланты.

13 декабря

Белла Улановская отказалась от ответственности за вечер москвичей (будут читаться порнографические тексты).

Рецензии

В конце 1984 года Андреев зачитывает расширенному правлению рецензии Д. Хренкова, а также Д. Гранина и Б. Никольского. (Можно представить, сколько звонков, переговоров потребовалось Андрееву, чтобы прийти к этому скудному результату.)

Рецензия Д. Гранина на сборник «Круг»

Известный прозаик ограничился в своей рецензии оценками лишь трех повестей – В. Аксенова «Понедельник, 13 сентября», Б. Дышленко «Мясо», В. Кожевникова «Две тетради».

«Повесть В. Аксенова написана с гневом к мерзостям той обыденной жизни, где искажены радости людей, где даже поэзия и та становится безнравственной… Все пропито, все оглуплено, и все это выражается через историю страшную, трагическую, которая начинается со смехом, а в конце заставляет ужаснуться… Все убедительно, все достоверно – и невыносимо. Именно эта жестокая невыносимость и составляет замысел автора. Замысел продиктован чувствами гражданскими,

гуманными – состраданием к искалеченным судьбам… Чувства эти создали перекос, и повесть сама тонет на наших глазах, погружаясь в безверие и безнадежность… Такая литература существует, вероятно, она законна, ибо запреты тут рискованны, но лично мне эта свинцовая тоска, эта эмоциональная беспросветность противопоказаны».

Гранин предложил «несколько изменить финал, его эмоциональный итог».

В повести Дышленко рецензент отмечает перекличку с творчеством Гоголя, Булгакова и Кафки, как позитивный момент выделяет чувство протеста против «милитаризованной машины жизни». *Но, с его точки зрения, история, рассказанная героем,* «вневременная. Слишком отвлеченная. Ей полезно прибиться к какой-то конкретной земле».

В «Двух тетрадях» Кожевникова Гранин нашел положительные стороны в ее теме: половой жизни подростков. «Проблема эта важная, и литература наша обходит ее не так стыдливо, как ханжески». *Однако автор* «местами теряет чувство такта, переходит границу, за которой начинается легкая пожива натурализма». *Но куда важнее, – считает рецензент, – выразить мысль* «о победе поэзии подлинной любви над чувственностью».

В контексте традиционного отношения литературного официоза к независимой литературе рецензия Гранина была либеральной, вполне уважительной и не отрицала художественные достоинства повестей самих по себе, но упрекала за отсутствие оптимистического тонуса, то есть за нарушение одного из главных постулатов социалистического реализма.

Рецензия Б. Никольского

Рецензент Никольский не увидел в повести Аксенова «гражданских и гуманных чувств», *вывод:* «было бы лучше предложить автору дать в сборник что-либо другое». *Необходимость в сборнике рассказа Б. Улановской «Альбиносы» он также поставил под сомнение, хотя и высказал пожелание:* «этого автора стоило бы представить на страницах сборника». *Повесть «Мясо» Б. Дышленко рецензент отнес* «к наиболее интересным» *в «Круге», но предложил автору и его редактору избавить ее от двусмысленностей – ассоциаций* «с нашей страной». *Повести Федора Чирскова*

«Прошлогодний снег» и Петра Кожевникова «Две тетради» Б. Никольский с оговорками оценил положительно.

Общий итог рецензирования: «Круг» публиковать нельзя, самые благожелательные по тону оценки требовали замен, переработки, разной степени редактирования, купюр. Через сито, можно сказать, прошло лишь то, на что рецензенты попросту не сочли нужным обратить внимание.

Стоит отметить повторяющиеся лейтмотивы в обзорах официалами независимого творчества: «однообразие», «монотонность», «скучность», «все это было» и т. п., – так характеризовали идеологически вымуштрованные солдаты соцреализма и выставки работ художников-нонконформистов, и неофициальных литераторов. Любопытный феномен. Представляется, что органчик в этих случаях играл в голове критика одну и ту же мелодию: «ну нельзя так писать», «ведь не напечатают», – автор представляется глупым, самонадеянным, не совсем в своем уме и пр. Но вместо того чтобы доказать монотонность и скучность, повторяемость и неоригинальность, рецензент развертывает список многообразных претензий именно потому, что многообразие произведений не укладывается в прокрустово ложе дозволенного. Свой органчик: Нельзя! Нельзя! Нельзя! – он остановить не может.

Оценку поэзии издательство доверило О. Цакунову:

Стихи Е. Щекотовой он отвергает как наполненные «общими местами и прописями», *стихи Э. Шнейдермана «Стал я глохнуть как Бетховен» за нескромность, стихотворение «Иуда» – без объяснений. В стихотворениях В. Нестеровского неприемлем образ страны как огромной шкуры-дохи, а также непозволительно называть Ахматову старухой,* «пусть и светлейшей». *Кривулин не устраивает* «стремлением выделиться формой стихов», *Елена Шварц* – «самоуглубленным изучением своего кожного покрова – надуманное», «„Элегия на рентгеновский снимок моего черепа“ – самопародийно», *при этом* «обращает на себя внимание постоянное обращение к Богу». «Мадригалы В. Ширали весьма холодны и никого не волнуют». «В. Шалыт пишет темпераментно, но где-то переусердствует, идет по внешнему контуру». «У Игнатовой, возможно, следует снять довольно неясное стихотворение „Жена Лота“… и „Смутное время“ со строками „молодое, слепое мычанье Расеи“». «„Летучий голландец“ Олега

Охапкина „не лишен самолюбования“»… *В таком же духе о стихах В. Кучерявкина, А. Горнона, А. Драгомощенко.* «Требуется пересоставление и, возможно, дополнения». *Подборки стихов Роальда Мандельштама, Леонида Аронзона, Александра Морева, по его мнению,* «литературной ценности в большинстве случаев не имеют. Мемориальный раздел… должен быть исключен».

Заключение: «Рукопись поэтического раздела при всех скидках на опытный экспериментальный характер сборника, выходящего в серии книг „Мастерская“, требует значительной доработки».

Трудно сказать, насколько искренними были рецензии Гранина и Никольского[49] – в скором времени они станут на сторону оппозиционной служивой интеллигенции, идеология и искренность совпадала лишь у таких погромщиков, как Выходцев и Хренков, Лесючевский и Помпеев, Холопов и Жур, более практичной была позиция двуличная: что-то похвалить, но публикацию задержать.

Из творческой заявки [50] на сборник «Круг»:

Предлагаемый издательству сборник имеет экспериментальный характер. Экспериментальный характер не означает, что читателю предлагают «эскизы», «опыты», более или менее удачные произведения начинающих авторов. За малым исключением авторы этого сборника – литераторы со стажем, принимающие участие в работе различных литературных объединений, в которых они восприняли уроки известных советских писателей – М. Слонимского, Г. Гора, Т. Гнедич. Некоторые имеют публикации в сборниках и журналах, тепло встреченные критикой, или в свое время получили высокую оценку на конференциях молодых прозаиков и поэтов.

В составе сборника:

– проза,

– поэзия,

– критика.

Экспериментальный характер сборника составители видят во всех его разделах, включая предлагаемый художественно-изобразительный материал: 1) в расширении тематики художественного изображения и критического обсуждения; 2) во внимании к эмоциональному и духовному миру современника как личности; 3) в стремлении обновить выразительные

возможности художественной речи, основываясь либо на новом опыте, либо на развитии традиций русской литературы.

К достоинству предлагаемого сборника составители относят ярко выраженную индивидуальную манеру каждого автора, что позволяет надеяться: как бы ни был читатель дифференцирован по вкусам, интересам, способности воспринимать художественный язык разной сложности, он найдет среди произведений то, что ему близко и, возможно, по-настоящему увлечет.

Включение каждого текста в сборник оправдано его общей нацеленностью на новые явления и проблемы искусства, что, несмотря на небольшой объем, придает сборнику достаточно большую информационную насыщенность. Составители предполагают, что выход его в свет заинтересует и профессиональную аудиторию – писателей, художников, критиков, что не исключает возникновение продуктивной дискуссии. Составители убеждены: в том многообразии, которое выпускают наши издательства, сборник «Круг» найдет свое скромное, но достойное место.

Составители обязуются организовать художественное и техническое оформление сборника и включить в него – по согласованию с издательством – графические и живописные произведения современных ленинградских художников, а также репродукции художественных фотографий.

Примерный объем – 25 авторских листов.

И. Адамацкий:

В протоколе правления клуба от 26 декабря 1984 года значится: составители сборника Иванов и Новиков так и не получили официального сообщения о судьбе сборника. Он снова оказался в ОК КПСС, на сей раз, видимо, навсегда. Сборник прошел восемь-десять прочтений, рецензирований, обсуждений на разных местных и московских уровнях и т. д., и т. п.

Составил план «Памятной записки» с еще неясным адресатом, но с ясным пониманием: мы проиграем, если наша борьба не получит новый стимул, а наши противники – возможность встретиться с новыми доводами нашей правоты. Действительно, рецензии на «Круг», которые Андреев за два года с трудом собрал, с требованиями переписать, дополнить, заменить, исключить, возвращают проект на исходную позицию. Андреев, составивший

сборник и пытающийся довести его до типографского станка, – единственный наш союзник в стане противников.

Рецензия Д. Хренкова дискредитировала самых ярых наших оппонентов, в том числе Н. Лесючевского[51] – автора рецензии, которую нам решили не показывать. Оценка Д. Граниным повести В. Аксенова «Понедельник, 13 сентября» исправляла отрицательную Б. Никольского. Соцреализм, правда, требовал от каждого произведения *животворного оптимизма,* но подсластить автор «Понедельника» одним абзацем может. О. Цакунов – «чего изволите?» – попал в число рецензентов случайно. После признания авторитетами ЛО СП литературных достоинств прозы и поэзии сопротивление изданию «Круга» будет походить на саботаж решения обкома.

В самом деле, сверху дали «ориентировку»: привлечь на свою сторону литераторов без антисоветского уклона. Таких писателей Андреев отыскал, составил сборник, цензура антисова в нем не обнаружила, но находятся в аппарате товарищи, которые саботируют выполнение указания. Разъяснить это должен не клуб, а Андреев. «Памятная записка», адресованная Андрееву, отстаивает интересы клуба, но будет отстаивать и позицию нашего куратора – можно не сомневаться, что он проинформирует о ней Смольный. Записка поставит Баринову в положение посредника в конфликте между Андреевым и клубом с назаровыми-хренковыми. При таком раскладе сил поиск компромисса неизбежен. Компромисс предложит всем выйти наконец из образовавшегося тупика. Кто на него не согласится, тот проигрывает в глазах Бариновой.

Итоги года

И. Адамацкий на клубном отчетно-перевыборном собрании результат выразил так:

> Еще год назад мне казалось, что клуб умирает. Но теперь я считаю, что клуб будет существовать вечно, как платоновская Академия – 900 лет. Когда мы начинали, перед нами была стена лицемерия и лжи. Нам трудно было вызвать эту стену на диалог и открыть свое истинное лицо. По отношению к клубу и особенно в отзывах рецензентов на «Круг» выявилось, кто есть кто. Люди вроде Хренкова, Назарова и им подобных, считаю, намеренно плодят серятину и бездарность, намеренно чинят препоны новому, свежему слову в литературе и

потому намеренно «порочат наш общественный и государственный строй». Они – враги национальной культуры. При свете гласности каждый и без нашей помощи увидит: они не стоят ничего.

1985 год

Памятная записка

Из моего дневника:

10 января

Много всего. Наиболее интересна идея форума – ее рассказал Ю. Нешитов. Нешитов – тридцатилетний поэт, который знает, что печатают, а что нет, один из тех, кто имеет хоть какой-то политический вес. Его площадка – Клуб молодого литератора.

13 января

«Памятную записку» закончил. В ней оценка наших трехлетних отношений с властью.

20 января

Если развивать сопоставление «официальность – общественность», задачи официальности: консерватизм – во всех областях поддерживать неизменность существующего порядка. Стремление общественности: быть собой для себя, сознавать свои проблемы и иметь возможность их решать. Общественность не знает отчуждения, здесь личная заинтересованность не воображается, не подчеркивается, она является мотивирующей частью самого дела, самого осознания проблем и решений, ориентированного на свои реальные возможности. При этом следует помнить, что общественность может органично существовать и развиваться лишь при условии четких правовых гарантий. Обещания представителей ведомственного порядка не являются заменителем гарантий правовых.

Усиливается убеждение, что клуб оказался на острие исторического конфликта. Мы ощутили свое право возлагать ответственность за будущие провалы на власть. Обращаясь к Ю. Андрееву, в секретариат ЛО ССП, к издательству «Советский писатель», в обком КПСС, со всей откровенностью разговаривая с П. Коршуновым, мы, со своим скромным сборником, клубом на Петра Лаврова, 5, в сущности, производим разведку системы на ее способность к конструктивной реакции на проблемы времени. Клуб с почти маниакальной настойчивостью добивается от власти исполнения однажды ею принятого решения. Она не отказывалась от него, но не способна его выполнить. Мы подталкивали на нужные решения: само создание клуба, идея малотиражных изданий позволяют воссоединить интересы власти и реформировать существующий режим. Наш девиз «Не бойтесь – смена караула!» позволяет общаться с властью, убеждать ее в

том, что за нашей «невоспитуемостью» – твердая и обоснованная позиция, лишенная политической агрессивности. Мы предлагаем платформу, которой власть может воспользоваться в сфере культуры. За два-три года такого диалога конфликт между властью и культурной оппозицией не достиг бы такой остроты, – он подготовил бы с той или иной стороны политиков, способных к интегральному мышлению.

22 января

Хреновые хренковы думают: если писатели будут все время изображать хорошую погоду, то и урожай овса будет славный.

24 января

Записка правлением одобрена и вручена Андрееву.

Памятная записка

Уважаемый Юрий Андреевич! Даже в том случае, если бы дела нашего клуба шли удовлетворительно, трехлетняя годовщина его существования была бы значительным поводом, чтобы попробовать подвести некоторые итоги его деятельности. В продолжение трех лет жизнь Клуба-81 была разнообразной: проведение чтений, выступления и обсуждения произведений членов клуба как в самом клубе, так и в других организациях, включая Союз писателей, клубом организовывались и проводились творческие семинары и конференции.

Но в этой записке мы хотим обобщить наши представления о самом важном для клуба вопросе – вопросе о публикации произведений членов клуба, вопросе наиболее сложном из всех, какие возникли вместе с теми новыми явлениями, которые можно наблюдать не только в литературе, но и в изобразительном искусстве и музыке.

Ни ответственные представители государственных и творческих организаций, ни члены клуба никогда не делали вид, что это вопрос – второстепенный, неактуальный, нет, все понимали, что проблема имеет принципиальный характер. И если сегодня мы почти не сдвинулись с места в ее решении, то, очевидно, дело в том, что неудача наших усилий объясняется величиной трудностей, с которыми мы встретились.

Мы не будем защищать наш сборник – превозносить его литературно-эстетические достоинства, не станем говорить о таких очевидных вещах, что история движется, литература меняется, и о том, что все действительно новое всегда прививается с большим

трудом; не станем развивать и тему литературной судьбы ряда талантливых членов клуба, которая складывалась у них до сих пор крайне неудачно. Мы избегаем и другой темы – темы культурно-социальных следствий, которые имеют место всякий раз, когда редакционно-издательская политика оказывается нечувствительной к новым явлениям в литературе. Мы хотим сосредоточить наше внимание именно на этой политике – с нею мы столкнулись и как авторы, и как составители сборника «Круг». Затрагивая эту тему, мы не забываем, что все перипетии сборника Вам прекрасно известны, и потому Вы можете объективно взвесить значение основных фактов, на которых мы останавливаемся, и оправданности тех выводов, какие здесь делаются.

Стоит ли говорить о том, что Вы как первый составитель сборника не могли включить в него произведения с политической точки сомнительные. И тем не менее Вы посчитали не лишним, прежде чем предложить рукописи «Круга» рецензентам, дать сборник для ознакомления лицам, ответственным за идеологическую работу, и, в изменение обычного порядка прохождения рукописей, представили их на просмотр цензуре. После того как вышеуказанные инстанции ничего предосудительного в содержании произведений не нашли, дальнейшая судьба сборника, как считали мы, была поставлена в зависимость от того, как рецензентами будут восприняты его эстетические особенности.

Развернутая рецензия на «Круг» писателя Б. Никольского и отзыв Д. Гранина, проанализировавшего крупные прозаические произведения сборника, при всей неоднозначности содержащихся в рецензиях оценок – это мы хотим подчеркнуть – рецензии профессионально-литературные. Если авторы рецензируемых произведений не всегда соглашаются с необходимостью тех или иных доработок, тем не менее они достаточно четко понимают, что рецензент как профессиональный писатель прекрасно осознает, на какие традиции автор ориентируется, не отвергает за автором права на своеобразие и поиск и отдает должное гражданской значимости поднимаемых тем.

Б. Никольский, позднее ставший ответственным редактором «Круга», сумел завершить успешно начатую

Вами работу над сборником. Перед нами вырисовывалась перспектива скорого выхода сборника в свет, и тогда мы могли бы сказать, что первый результат эксперимента, связанного с образованием нашего клуба, положителен.

Мы никак не ожидали, что наш сборник, весьма скромный по объему и предполагаемому тиражу, вызовет такую ярость у некоторых рецензентов, а также у наших издателей. Что, собственно, эту ярость вызывает? На каком уровне мышления оказываются неприемлемыми произведения сборника? Остановимся на рецензии Д. Хренкова.

Бывший редактор журнала «Нева» густо пересыпал свой отзыв грубыми намеками, безответственными и голословными выводами, поразительной распущенностью. Здесь намеки на *случайность* советского гражданства авторов сборника и сравнение их с вредными «микробами», заявление о том, что они хотят «поживиться на своем якобы неприятии советской власти…». Чего в таких суждениях больше – злонамеренной клеветы или умственной неряшливости?

В данном случае нас мало интересует литературный уровень этой рецензии: заметим только, что многие тирады Д. Хренкова («Любая крайность опасна, а если она высосана из пальца и хорошо замаскирована – вдвойне»; «может появиться книга, обращенная против меня, моих товарищей, погибших на войне, сегодня живущих (?) трудной жизнью…») достойны раздела «Нарочно не придумаешь».

Но мы хотели бы найти хотя бы какое-то обоснование тем политическим обвинениям, которые высказаны в этой рецензии. Поставим вопрос намеренно грубо и в системе оценок самого рецензента согласимся: «это не поток сознания, а попытка остановить мысль сумасшедшей» (о повести Б. Улановской «Альбиносы»), согласимся, что в повести П. Кожевникова нет ничего, кроме «изображения пьянства и разврата». Но и в таком случае, на каком основании усматривает Д. Хренков крамольное, антигосударственное действие, за которое человека нужно лишать права писать и публиковать свои произведения? Если всерьез принять риторику рецензента, то деды наши совершали революцию во имя сюжетной прозы против бессюжетной, а отцы на фронтах Отечественной войны умирали за то, чтобы писатели

создавали лишь образы высоконравственных учащихся ПТУ.

Совершенно ясно, что вкусовые особенности, сложившиеся по стандарту многолетней давности, выдаются за вечные истины, по которым должно строиться каждое произведение в отдельности и вся отечественная культура в целом. Трактовка новых, нестандартных литературных явлений в терминах политической нелояльности позволяет рецензенту подвести базу под административные выводы, которых в разбираемой рецензии полный набор: «отделить чистых от нечистых», печатать лишь «отдельных участников „Круга“ в журналах и других сборниках…». Есть и рекомендации глобального характера, осуществив которые литературное старообрядчество, видимо, узаконит свое место до конца человеческой истории. Для нас очевидно, что подмена литературно-эстетических проблем политическими – грубейший, известный еще во времена А. Пушкина прием литературной борьбы. И стоит за этой подменой желание, чтобы был спущен курок административных, а может быть, и более серьезных санкций.

У нас нет намерений каким-то образом дискредитировать те литературные вкусы, которые можно назвать традиционными, но мы вынуждены защищаться от обвинений, иногда гнусных, и защищать право на эксперимент, точнее, право работать не в рамках традиционного искусства.

Для нас при этом очевидно, что, говоря о литературной форме, мы говорим о вещах серьезных – о способах эстетического воздействия, которое отнюдь не заключается в том, чтобы произвести на читателя *приятное впечатление*. Новое в искусстве – не тот же бифштекс, но положенный на тарелку несколько иначе и приправленный всякими милыми пустячками. Эстетика Гоголя, Достоевского, Толстого буквально переворачивала внутренний мир человека. И поэтому слова Д. Хренкова о «форме, пусть необычной» выглядят в контексте его рецензии смехотворно. Об этом стоит говорить, потому что отдавать все огромное разнообразие форм эстетического воздействия буржуазному искусству – это значит, помимо всего прочего, оставлять за ним огромные преимущества.

Нам не хочется вдаваться в малопривлекательные

подробности отношений с издательством «Советский писатель» – эти отношения Вам хорошо известны. Задача письма – не высказывание жалоб и не характеристика лиц, с которыми нам пришлось столкнуться, занимаясь проблемой публикаций. Принципиальная сторона отношений такова: директор издательства и главный редактор ведут упорную борьбу против выхода в свет сборника «Круг». Беспрецедентный случай, когда издательство не ознакомило составителей сборника с редакционным заключением, наводит на мысль, что издатели прибегли к услугам такого эксперта, который потерял всякое чувство литературной и человеческой реальности[52].

Практика потаенных анонимных рецензий, то есть тех, о которых авторы не осведомлены, – опасная практика, создающая условия для безответственных суждений, клеветнических выпадов и предположений. Дух демократии, призванный сочетать объективность, гласность и законность, в данном случае искажается в каждом из этих главных своих моментов.

После трехлетнего существования Клуба-81 мы вынуждены вновь поставить вопрос о публикации произведений членов нашего творческого объединения, поставить с еще большей серьезностью, ибо время подчеркнуло: Клуб-81 имеет смысл лишь при условии, что его продукция найдет свое место в литературном процессе.

Наш опыт дал следующий ответ на поставленный вопрос: в Ленинграде в настоящее время нет условий для публикации нетрадиционных произведений.

При условии, что редакторы несут личную ответственность за идейно-политическое содержание выпускаемой продукции, а отклонение от традиционной эстетики, как мы показали, привычно причисляется к идейно-политическим отклонениям, – задача Клуба-81, сформулированная в его уставе, при настоящих условиях не решается. Этот вывод сохраняет, по нашему мнению, свою верность, даже если издательство «Советский писатель» в конце концов выпустит в свет сборник «Круг». Публикация стихов В. Ширали и В. Нестеровского стала возможной при настойчивых рекомендациях вышестоящих органов, без которых она не состоялась бы.

Поэтому если творческие, партийные и государственные организации считают, что наш

эксперимент заслуживает изучения и продолжения, то необходимо, на наш взгляд, рассмотреть следующее предложение: если в нашем городе не существует издательства, которое могло бы публиковать произведения экспериментального характера, то его нужно создать.

Выдвигая это предложение, мы не имеем в виду издательства с многочисленным штатом и накладными расходами, которые покрываются лишь выпуском книг, имеющих тираж десятки тысяч экземпляров.

Мы предлагаем создать общественную редакцию, которая способна самостоятельно осуществлять весь комплекс работ – от сбора рукописей до сдачи их в набор. Существование Клуба-81 как общественной организации делает несущественными трудности, связанные с формированием редколлегии подобного рода и контролем за ее работой. Функцию ответственного секретаря может выполнять ответственный представитель ССП, в данном случае – Вы. Публикации такого общественного издательства могли бы оплачиваться авторам после реализации тиража.

Мы хотим обратить Ваше внимание на тему, имеющую, на наш взгляд, широкое и принципиальное значение. Нам представляется необходимым поднять роль Горлита.

Развитие литературы сейчас страдает не от того, что Горлит создает препятствия, а от того, что «у каждого в голове свой цензор». Функции цензора практически может себе присвоить каждый, кто имеет даже самое далекое отношение к публикации произведений, что создает возможности для всякого рода превратных толкований, фальшивых предостережений. Свод четко сформулированных цензурных правил, практика предварительного – до редактирования – просмотра Горлитом рукописей была бы большим шагом вперед в укреплении авторских прав, и это, бесспорно, создало бы многие положительные моменты в отношениях редакций с авторами, защитило бы авторов от произвола вкусовщины.

Предлагая рассмотреть эту тему в широком плане, мы вместе с тем имеем в виду прежде всего те упорядочивающие составные, сообразуясь с которыми, могла бы строить свою деятельность общественная

редакция Клуба-81.

Этапы деятельности такой редакции представляются нам следующими:

– сбор рукописей и составление сборников или книг членами общественной редакции,

– просмотр рукописей Горлитом,

– окончательное определение состава публикаций ответственным редактором,

– рецензирование рукописей в случае несовпадения оценок у составителей и ответственного редактора.

Нам кажется, что такая схема организации взаимодействия и контроля общественной редакции может быть проверена нашим клубом и, в случае успеха, воспринята новыми малотиражными издательствами, за которыми, как нам представляется, есть большое будущее[53].

Редакционные штаты, как показывает опыт, оправданны в том случае, когда их продукция – издание классиков или произведений, получивших признание критики и широкого круга читателей, и тогда многотиражные издания покрывают расходы. Коммерческие выгоды, благоприятствующие многотиражным изданиям, входят, однако, в противоречие с интересами развития культуры, ибо общество заинтересовано не только в массовом копировании одних и тех же произведений, но и в максимальном расширении и повышении уровня информации.

Эта проблема может быть успешно и с минимальными затратами решена, если общественная редакция Клуба-81 воспользуется уже имеющейся в городе полиграфической базой малотиражных изданий.

Во многих странах, в том числе в странах народной демократии, малотиражные издания получают постоянную государственную поддержку.

Эта проблема кажется нам достаточно серьезной, чтобы найти время широко ее обсудить.

23 января 1985 года

Правление творческого объединения литераторов – Клуб-81

По существу, письмо для власти было оскорбительным – в

нем она представлена малограмотной, безынициативной и безвольной. Опубликованное в «Регулярных ведомостях» клуба письмо стало *открытым* и вызвало резонанс; через две недели оно стало частью моего отчетного доклада на перевыборном собрании. Андреев вместе с нами стал жертвой власти – миражи венгерских событий, Пражской весны и польской «Солидарности» парализовали ее волю к выполнению собственных решений. Но еще до отчета правление встретилось с Ю. Андреевым.

Из протокола заседания:

Андреев: Письмо нормальное, выработка механизма отношений клуба с внешними организациями своевременна. Но как только речь заходит о расширении полиграфической базы – шлагбаум. Средством тиражирования следует указывать ротапринт. Нужно подготовить серьезное письмо в обком. Сейчас возникли напряженные отношения с теми, кто должен читать в обкоме «Круг». Сборник уже два месяца находится там. Я пробовал поторопить чтение. Неоднократно напоминал инструктору Попову, посылал телефонограмму Бариновой. Единственный выход – выйти на Коржова, но не с жалобой – это испортит мои отношения с остальными.

Сомнительно создание общественных редколлегий. В городе целый ряд творческих организаций, которые могли бы наладить издание своей продукции, если бы стало возможным.

Иванов: Нужно отделить издательства от общественных редколлегий. Нужно различать традиционную продукцию и нетрадиционную, сама эта проблема возникла вместе с появлением на свет Клуба-81. Малотиражные издания все введут в естественное русло.

Драгомощенко: Есть угроза, что сборник будет раскассирован?

Андреев: Угрозы нет.

Иванов: В письме обкому нужно выделить судьбу сборника для детей.

Андреев: Из «Детгиза» убрали Соболева. Я спрашивал Суслова, нельзя ли встретиться с секцией детской литературы. Можно. Но нужно иметь в виду:

план «Детгиза» на ближайшие два года уже забит рукописями.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить Андрееву Ю. А. довести до Коржова наши предложения.

Из моих дневниковых записей следует: Андреев по телефону сообщил Бариновой о полученной «Памятной записке», охарактеризовал ее как серьезное заявление, возможно, привел из него выдержки. После прочтения нашего письма Коржов и Баринова решили провести специальное совещание. Были приглашены издатели – Назаров и Трофимов, от КГБ – Коршунов, из рецензентов – Никольский и не приглашен… Андреев. Я так комментирую сложившуюся ситуацию.

История со сборником «Круг» внесла разноголосицу в лагерь аппаратчиков. Ю. Андреев, который не нашел с ними общего языка, оказался на нашей стороне. Подозрения в том, что отредактированный им сборник носит скрытно антисоветский характер, напряженные отношения с главными лицами издательств, включая московские, и неприязненные Андреева с Коршуновым – исхожу из того, что Коршунов несколько раз в моем присутствии обвинил нашего куратора в том, что тот уклоняется от контактов с ним. А уклоняется по причине, думаю, простой: однажды он уже имел дело с КГБ – в ящике его рабочего стола в Пушкинском Доме была обнаружена папка Алена Жмаева[54] с выписками из переводов антисоветского содержания. Андреева оскорбили подозрения на свой счет.

Наступило время, когда мы стали видеть наши проблемы во всей их элементарности. Нас охватила жажда деятельности… и горечь от невозможности ее утолить. Вторая культура была создана нами «за свой счет», мы ничего у *них* не просили, мы создали машинописную литературу и вырастили своего читателя. У них не нашлось ни одного аргумента, который позволил бы смешать нас с любительством, лишить нас своей публики, своей истории и человеческого достоинства. Они смеялись над нами, смешивали нас с любителями и графоманами, они бравировали тем, что у нас нет доказательства своего особого положения – ни издательств, ни публикаций, ни «корочек». Они с придыханием произносили слово ИДЕОЛОГИЯ, как если бы идеология наделяла ее приверженцев умом, талантом, масштабом личности, напротив – идеология кастрировала людей, лишала их лучших качеств, учила преклоняться перед утопией и молиться мумиям.

Из моего дневника:

28 января 1985 года

В Лавке писателя для членов Союза есть помещение, где они могут заниматься чтением, а главное – каждый имеет ящичек, в который персонал лавки вкладывает книги, заказанные его хозяином. Роман Пикуля «Фаворит» писатели воруют друг у друга.

На Лиговке покупатели взяли штурмом прилавок книжного магазина – до магазина контейнер с романом сопровождали народ и милиция.

6 февраля

Похоже, что культурное движение заблокировано профессионально. Выставка самодеятельного искусства в «Манеже» явно альтернативна выставкам, организуемым товариществом ТЭИИ. «Самодеятельное искусство» – во главе самодеятельных кружков и студий стоят члены Союза художников – должно своим наименованием лишить их полноценного творческого статуса и независимого общественного характера. Не желая сотрудничать с культурным движением, наши шефы вскоре выставят себя голыми милиционерами от Министерства культуры без какой-либо позитивной программы.

15 февраля

Завтра отчет. Не думаю, что в атмосфере, которая воцарилась в последние недели в клубе после поражения нашего сборника, вспыхнет серьезная полемика.

Отчетно-перевыборное собрание прошло. В докладе я говорил о трудности культурной «прописки» литературы, которую мы представляем, но процесс легализации независимого культурного движения продолжается. Правление стремится не допускать эксцессы, которые могли бы усилить подозрительное отношение к клубу. Все сходятся в понимании главной задачи объединения – издать коллективный сборник «Круг». У сборника много врагов. Три исходных положения нашей позиции.

Первое: литература, которую мы представляем, нужна людям, народу. Между нами, литераторами и народом, стоят хренковы-назаровы, главное препятствие развитию русской литературы.

Второе: наша литература определенно – шаг вперед в развитии выразительных средств и тематики словесного искусства. С точки зрения хренковых-назаровых, наше творчество не содержит ничего нового и положительного – это самодовольный консерватизм, типичный для всех эпох и народов.

Третье: «консерваторы», «новаторы» – эти понятия не определяют то, чем является литература. Литература – вид весьма специфической духовной деятельности, ею занимается доля процента людей взрослого населения. Наш клуб, который дает возможность для обсуждения проблем литературы, творческого взаимодействия и личных контактов, удовлетворяет наши

специфические запросы. Все остальные проблемы от нас не зависят.

Все три исходных положения содержат зерна разных направлений нашей дальнейшей деятельности.

Первое положение подразумевает неизбежность конфронтации. Второе – что литературные течения «традиционализм» и «нетрадиционализм» – две стороны единого литературного процесса. Наши литературные оппоненты обладают колоссальными преимуществами, опираются на мощные политические и экономические возможности. Но исторический опыт показывает, что подобное неравенство отнюдь не обрекает нас на поражение: уже сейчас мы видим, что традиционалистам приходится уживаться с нами – неомодернистами. При таком взгляде на вещи возникают предпосылки нового общественного единства, в котором прежде всего заинтересованы мы.

Не будем фыркать на картины Шишкина и рычать на работы Малевича. Такое отношение к искусству достигается на основе новых человеческих взаимоотношений и более широкого восприятия культуры.

Далее я говорил, что клуб сохранит свое лицо, отстаивая независимый и демократический характер. Клуб вызывает недовольство у инстанций именно своим общественным характером. На встрече с секретариатом Чепуров нас учил, что Юрий Андреев – не представитель ЛО ССП, а руководитель объединения. Но у нас свой устав. Как согласовывать выборный характер нашего правления и его председателя с назначенным сверху руководителем, не избираемым и, следовательно, не подотчетным членам клуба! Прекрасные общественные начинания бесславно гибли, как только руководить ими начинало казенное лицо. При самых благих намерениях официал убивает дух общественности. Дух автократии и политиканства в организации нашего типа неотделим от официоза – и невозможен.

В клубе есть литераторы, которые пытаются строить с официальными лицами особые отношения и связывают собственные перспективы именно с ними. (Я имел в виду В. Нестеровского, который чуть ли не каждый день навещал Андреева, был его личным осведомителем.) Может возникнуть ситуация, когда за отказ от нашего демократизма нам будут обещаны некоторые подачки. Можно заранее сказать, что за отказ от демократических прав мы заплатим своим моральным параличом.

Положение сборника «Круг» таково: в настоящее время

рукописи находятся у второго секретаря обкома Коржова, который, видимо, собирается созвать совещание с участием Трофимова (директор издательства «Советский писатель»), Назарова (главный редактор издательства), Никольского (ставшего редактором журнала «Нева») и Андреева, чтобы решить наконец проблему с публикацией.

Вопросы:

Павловский: Если клуб – официально признанная организация, почему в местной печати до сих пор нет никакой информации о клубе?

Иванов: Мы задавали этот вопрос Андрееву, даже предложили о клубе готовый текст. Он говорит: не напечатают, пока не выйдет в свет сборник.

Низовский: На заседаниях правления обсуждался вопрос о публикациях?

Иванов: Почти на каждом. Подготовлены к публикации, помимо «Круга», сборники для детей, сборник рассказов, сборник «Круг-2»…

Из моего дневника:

17 февраля

Отчетное собрание прошло спокойно. Прежний состав правления сохранился. Накануне позвонили Андреев и Коршунов: «Коржов просил передать, что сборник будет издан, но…» – впереди, по-видимому, новая редактура прозы. Не отступать, сопротивляться… Рад приему в клуб Дмитрия Волчека и Никиты Блинова.

20 февраля

В обкоме прошло специальное совещание о судьбе сборника – «Памятная записка» сработала.

План на март

19.03. – В Красной гостиной Дома писателей имени Маяковского выступают В. Аксенов и С. Коровин (отв. Андреев и Подольский). 19.00.

20.03. – Вечер памяти поэта В. Матиевского (отв. Стратановский). Пр. Чернышевского, 3. 19.30.

22.03. – Александр Башлачев – исполнитель собственных песен (отв. Хренов). Пр. Чернышевского, 3. 20.00.

24.03. – Вечер Михаила Иосселя. Проза, переводы,

поэзия (отв. Драгомощенко). Пр. Чернышевского, 3. 20.00

27.03. – Творческий вечер поэта, прозаика и переводчика Линдона Дмитриева[55] (отв. Стратановский). Пр. Чернышевского, 3. 19.30.

После «Памятной записки» в небе над клубом появились солнечные просветы. Издательство готовит «Круг» к печати. Редакторы встречались с авторами, заключались договоры; претензии, которые предъявлялись к авторам, не имели принципиального характера. То, в чем Назарову мерещились отступления от партийного Корана, отправлялось на идеологическую экспертизу в обком КПСС. Фактически Обком выступил в роли акушера незаконной самиздатской литературы.

2 марта

Сегодня убедился, что мы победили. Назаров изложил нам выигрышную для себя роль в деле «Круга» и перешел к конструктивным вопросам… Трофимов тоже показался «добрым папочкой». Андреев благодушествует…

3 марта

Я увидел Назарова и Трофимова удовлетворенными и шумно дышащими, как будто мы занимались общим делом. Так оно и есть: мы толкали один и тот же вагон… но в противоположные стороны.

4 марта

Ясно, что официальной и неофициальной литературам нужны условные формы изображения действительности: официальной, чтобы оправдать утопический оптимизм, неофициальной – чтобы изобразить несуществующую страну, в которой все, как в Стране Советов (Б. Дышленко). Если автор захочет назвать ее Страной Советов, тогда нужно будет лишь еще добавить: в ней нет ни колбасы, ни свобод, обезличка и круговая порука номенклатуры…

С записью от 2 марта я несколько поспешил. Наши оппоненты бросили в бой пехоту: рядовых редакторов отделов, получивших указания, какие произведения следует зарубить. Сообщил об этом Кривулину редактор Н. Коняев [56] *. Он должен завалить стихи Кривулина, Е. Шварц и еще кого-то. Одним словом, Назаров своим редакционным аппаратом ведет организованную подпольную борьбу против сборника.*

Позвонила Ольга Бешенковская, ей понравились мои повести в «Часах» «На отъезд любимого брата» и «Ночь длинна…»: понравился «другой уровень»… Этот другой уровень я называю «третьим», если первый – голая фактичность, второй – психологический, то третий – неконтролируемый, направляющий, влекущий «над» – «эстетический купол»…

12 марта

На заседании правления казалось, что трудности подготовки «Круга» к печати остались позади. Я зачитал редакционное заключение, в котором говорилось, что сборник к печати подготовлен, до 25 апреля будет сдан в набор. Назаров в некоторых стихотворениях угадывает религиозную тематику и лексику. Но известно, что в лексику русского языка вошли многие слова религиозного происхождения, которых немало и в партийной лексике. Статьи просматриваются в обкоме, есть замечания к статье Новикова – об этом сообщил Андреев.

Б. Улановская собрала коллективный сборник рассказов для детей. Наш куратор уже ознакомился с ним и посоветовал увеличить объем: «Сборник оставляет приятное впечатление».

К правлению было обращено письмо поэтессы Татьяны Михайловой. Ее возмутило неравное положение членов клуба: некоторые получают возможность выступить по нескольку раз в течение года, некоторые – ни одного. Тему поддержали Нестеровский и Новиков. Нужно признать, что критика справедливая, но… необъективная. Клуб как организация заинтересован в успехах наших выступлений на клубных вечерах, особенно на чужих площадках. Кривулин и Шварц собирают залы. Но и каждый поэт может сделать заявку на свое выступление и быть включенным в месячный план творческих вечеров. Ни правление, ни поэтическая секция специально не обзванивают стихотворцев и не понуждают их к публичным выступлениям. Стратановский пообещал при составлении месячных программ вспоминать о тех, кого в клубе давно не видели.

На этом заседании попросили Андреева зарезервировать в Лавке писателя для членов клуба несколько сотен экземпляров нашего сборника.

Никто не думал, что и на финише нас будут ждать неприятности.

27 марта

Баринова захотела встретиться с «активом *клуба*».

Из письма Вадиму Крейду (США):

Немного о себе. Журнал, клуб, творчество – вот три конфорки на моей кухне. «Часы» выходят с той же периодичностью и в том же объеме – один номер в два месяца – около 350 страниц. Есть фотопортреты и репродукции картин. О разделах журнала, помню, я тебе писал. Совершенно исчезла оригинальная философия, только в переводах. Религиозные интересы сильно ослабли. Все вытесняет развлекательная ирония,

бессодержательность. Возможно, неофициальное искусство переживает кризис. Клубная жизнь приобрела обыденный вид: чтения, обсуждения, собрания, раз в год теоретические конференции. Все свободно, без мелочной оглядки… В типографский набор наконец пошел наш клубный сборник, который дался с большим трудом. Ожидается выход в свет где-то в октябре-ноябре… Читал статью Бетаки (в «Стрельце», кажется), будто бы члены клуба раскусили, что клуб – ловушка, «половина его покинула». Все это брехня, ни слова правды. Клуб защищает интересы своих членов – и правовые, и социальные, и культурные, и даже бытовые.

29 марта

Позвонил Евгений Валентинович Лунин (сотрудник 5-го отдела КГБ), попросил о встрече. Я спросил его, нельзя ли ограничиться телефонным разговором. Он ответил: нет. Я сказал, что желательно присутствие при разговоре других членов правления. Он никак не мог понять, что это единственно правильная со всех точек зрения позиция: общественные дела обсуждать коллегиально. Я согласился на этот раз ограничиться участием двух членов правления.

Коршунов потом упомянет об этом эпизоде с неудовольствием.

2 апреля

Расширенное заседание правления Клуба-81

В начале апреля заседание правления клуба посетила Г. Баринова в сопровождении инструктора А. Попова и, вероятно, телохранителя. Визит можно рассматривать как успех дипломатии клуба и его «уполномоченного представителя» Андреева. Читая через двадцать лет подробный отчет, составленный Адамацким об этой встрече, обращаешь внимание на то, с каким напором мы – правление и секции клуба – тогда работали, принуждая апатичных аппаратчиков вникать в проблемы, которые имеют общекультурный характер. Неофициальная культура основана на творческой свободе личности и общественных инициативах, советская – на растворении личности в трудовых коллективах и управляемых сверху организациях.

О своей работе рассказали переводчики. Они за многие годы

перевели огромное количество текстов. Попытки опубликовать их в журнале «Аврора», в «Иностранной литературе» и, наконец, издать оригинальные стихотворения самих переводчиков за рубежом были безуспешны.

Андреев рассказал, что видел в редакции журнала «Аврора» «20 килограммов неразобранных клубных рукописей», подписывал для ВАПП рекомендации стихам В. Кучерявкина и А. Драгомощенко – это не возымело действия.

Как главный редактор «Библиотеки поэта», он «предлагал поэтам клуба участвовать в переводе поэтов народов СССР[57]. Были розданы научно-выверенные подстрочники. Из нескольких человек справился с задачей только один».

Новиков пояснил, что работа переводчика требует полного отказа от своей личности, а к этому способны далеко не все. «Из 400 художников, – говорил он, – только один, как показывает опыт, может целиком подчинить себя реставрируемому оригиналу».

Неудача с «халтурой» – факт показательный. Ни писать, ни переводить «партийную литературу» клубные поэты не способны.

Баринова: «Я пришла к вам, чтобы понять, что вы такое, как развиваетесь и чего хотите. Не перестали ли вы видеть, чем живет страна». Знаем ли мы о том, что на одном заводе создан замечательный двигатель, о новом атомоходе «Россия», о том, как идут дела на дамбе? «Вот куда вам нужно было бы поехать и посмотреть на парней, которые там работают». Ее высказывания удивляют отвлеченностью от реальной ситуации. Весь официальный фланг в возникшей дискуссии никак не желает признать, что творчество независимых литераторов представляет широкий спектр самых актуальных общественных настроений и проблем. Реальным и злободневным нашим гостям кажется лишь то, что делается под диктовку «партии и правительства».

Дева Мария! В подвале Петра Лаврова, 5, наши собеседники продолжают горячо проповедовать теорию сталинских времен – бесконфликтности и лакировки действительности, испускающей густой дух тошнотворного оптимизма. Партия дает указания: «Видите этот корабль? А эту дамбу? И тех, кто там работает? А ну-ка, поэты, живописцы, покажите, что вы можете их так подать, так их изобразить, что петь захочется. Потребность в песне удовлетворят поэты и композиторы, сочинят песни о парнях-романтиках…»

Баринова рассказала о посещении выставки неофициальных художников, на которой увидела серию картин одной художницы о блокаде. На одной из них рубят топором кошку. «Я бы плюнула этой художнице в лицо, потому что вынесла из блокады другое:

мать пыталась сохранить меня». Баринова рассказала, как мать потеряла карточки и жители квартир на этой лестнице, возвращаясь из булочной, отдавали им обрезки хлеба, что спасло их.

Новиков и Кожевников: «Не следует плевать в лицо художнице Никитиной. Ей около 60 лет, хороший и добрый человек, каждый из блокады вынес свое».

Баринова спрашивает Иванова, что он вынес из блокады.

Иванов: «Я смеюсь над вашим рассказом»[58].

Баринова: «Вы пробовали публиковаться в периодических изданиях»?

Иванов, Новиков, Драгомощенко, Коровин, Адамацкий: «Да, пробовали установить контакты с нашими и московскими журналами, клуб продолжает оставаться в положении нон-грата, завязывать с нами отношения боятся, доказательство этому публикации в городской прессе (газета „Смена“) и невозможность ответить на ее грубые вымыслы».

Баринова: «Зачем вам малотиражное издательство?»

Иванов: «Члены клуба располагают огромным количеством рукописей. Объем сборника, который направлен в издательство, а также замедленная подготовка его к печати не решают для коллектива проблему публикаций. При этом проблема носит не местный и частный характер, она целиком относится к динамике развития нашей культуры. То, что пишут авторы клуба, выражает внутренние процессы в обществе и людях, блокирование публикаций лишает их произведения актуальности. Мы уже несколько лет говорим о малотиражных изданиях, которые могли бы разгрузить портфели издательств и дать простор для экспериментального творчества. У нас есть свои читатели, они, возможно, не столь многочисленны, но им нужна наша литература. Дальнейшие тиражи зависят от востребованности нашего творчества читательской аудиторией».

Малотиражное издание не требует больших материальных затрат, оно может быть безгонорарным, существовать при любом институте, где есть ротатор, где нет погони за планом. «Круг», – подчеркивал я, – если и будет издан, не решит проблему, выходящую далеко за пределы частной ситуации. Организации малотиражных издательств – единственная возможность выйти из тупика малыми средствами, не пугая власть утратой контроля над издательской деятельностью, и привить системе элементы плюрализма.

Другая тема: кризис официальной литературы, который признается лишь в отношении поэзии – издаваемой, но не покупаемой. Продавцы магазинов говорят: из десяти получаемых

для продажи сборников в течение года продаются один-два. Это указывает на то, что традиционная поэзия не отвечает запросам современного общества. (Эпитет «традиционная» я использовал для замещения эпитета «советская официальная»).

Баринова: «С этим я не согласна, у меня на работе постоянно лежит на столе Пушкин, к которому я обращаюсь при усталости и неприятностях».

(Кто-то за моей спиной тихо: «А я, когда нужно слабительное, читаю Степана Щипачева».) Андреев подтвердил мои слова об упадке интереса к поэзии, сославшись на выступление начальника управления печати: «На складах скапливаются тонны сборников стихов».

Баринова: «Как рукописи попадают за границу?»

Иванов, Драгомощенко: «Авторы распечатывают свои произведения и раздают распечатки своим друзьям и тем, кто интересуется современной литературой. Маршруты рукописей за границу могут быть самыми различными: иногда автор желает, чтобы они там оказались, иногда полагается на произвол судьбы. Меньше всего он заинтересован в том, чтобы его художественному творчеству приписывали политический смысл. Лучше всего ответит на ваш вопрос малотиражное издательство. Ответственный редактор (имеется в виду Ю. Андреев) обеспечит легитимность всех наших публикаций»[59].

Адамацкий: «По моим подсчетам, сейчас потенциал клуба – 47 тысяч страниц, из них 20 тысяч, можно говорить определенно, отвечают строгим требованиям профессиональной оценки».

Андреев: «300 страниц сборника „Круг“ были отобраны из 1200 страниц».

Новиков: «Многие известные поэты получили известность, опубликовав свои сочинения в малотиражных издательствах».

Попов: «Издательство – это государственное дело, никто не позволит пренебрегать идеологией, главное – идеология»[60].

Драгомощенко, Иванов, Новиков: «Лобовое решение идеологических вопросов приносит прямой вред. Позитивность идеологии проявляется в высокой художественности, а не в серятине, пусть и отвечающей ее формальным требованиям».

Горошевский: «Вопрос о помещении для театральной студии еще не решен. Речь идет о предоставлении нам соседней со студией квартиры, где живет работник жилконторы с женой. Там постоянно собирается масса народа, пьяные оргии».

Баринова: «Этот вопрос мы постараемся решить».

Горошевский: «Положение в современном театре сейчас такое, что вместо воспитания зрителей происходит его растление, скверными постановками достигается прямо противоположный

результат».

Общий разговор о состоянии современной культуры и о том, почему молодежь мало читает…

Примечания

Заседание началось в 19.05, закончилось в 22.13, проходило в свободном общении.

Встреча с Г. Бариновой («умнейшей женщиной», по словам Ю. Андреева) подтвердила, что мы имеем дело с партийным взглядом на искусство, искусство – «при дворе его величества», а беспартийное искусство не имеет смысл держать. Она умно пряталась за Пушкина, как «духовенство за своего бога».

Клуб понемногу вписывался в систему культпросвета. Авторы сами договаривались о выступлениях. Но имелся и клубный импресарио – Игорь Смирнов, который был на высоте своих обязанностей. Солидностью, умением вести переговоры он располагал к себе. Но бывало и так. Казалось бы, договорились обо всем с директором Дома архитектора: клуб готовит вечер по полной программе – стихи, проза, музыка. Перед началом у входа в Дом архитектора толкучка, пригласительных билетов не хватает, просьбы провести в зал. Умеренный, можно сказать, ажиотаж, но как раз такой, чтобы придать ожиданию вечера взволнованный характер. Зал полон и недоумевает, прочему выступления не начинаются.

А в это время директор Дома вызывает меня и Смирнова в свой кабинет и задает метафизический вопрос: «КТО ВЫ ТАКИЕ?» В самом деле, кто мы такие? От нашего ответа зависит, состоится вечер или нет. Ситуация при этом комическая: все равно что выпить на брудершафт, а потом спрашивать друг у друга документы. Дом архитектора вывесил нашу афишу, напечатал пригласительные билеты, выставил многочисленную команду распорядителей и – нате! Простодушный вопрос предполагает искренний ответ, но искренний ответ требует много времени.

Потом выяснилось, что некто Николай Елгазин, завотделом обкома комсомола по работе с творческой молодежью, позвонил директору Дома архитектора: «Кого вы приглашаете? Это же „Аквариум“!» И так далее. Услышав от Смирнова заверение, что клуб аккредитован при ЛО ССП, директор звонит директору Дома писателя, который божится, что при ЛО ССП никакого Клуба-81 нет, что его коллега стал жертвой самозванцев и антисоветчиков. Мы с Ю. Новиковым звоним в секретариат ЛО ССП, директор снова звонит директору в СП. Наше отдаленное родство с авторитетной творческой организацией наконец установлено. В общем, все уладилось. Олег Охапкин начинает чтение своей поэмы «На поле Куликовом»…

Этот эпизод Адамацкий упомянул в разговоре с Коршуновым. Майор КГБ: «Ни в коем случае не связывайтесь с комсомолом, страшный народ, они иногда делают сглупа такое, что мы за голову хватаемся».

13 апреля

Андреев похвалил меня за речь на встрече с Бариновой. Он имеет в виду мои слова о том, что Андреев для нас представляет издательство и писательскую организацию, партию и государство. Политика, основанная на здравом смысле.

Я сказал, что нам известно, что он пострадал за свое ходатайство в обкоме за «Круг». Такой поворот в наших отношениях важен. Мы должны быть способны к взаимной поддержке.

Завязавшиеся контакты, как бы там ни было, основывались на заинтересованности обеих сторон – нам нужен был клуб, и мы его получили, попытки дирижировать внутриклубной жизнью отбиты; наши оппоненты поручили Юрию Андрееву задачу – привлечь на свою сторону авторов сам– и тамиздата сборником – и он выполнил ее. Но обнаружилось, что официальный фронт «умеет много *гитик*»: на составителя сборника обрушили критику те, кто исповедовал: «главное – идеология», принцип идиотский, располагающий к репрессиям. Состав клуба также неоднороден, но все понимают, какая пропасть отделяет нас от *официалов*, хотя Андреев, при всей своей идеологической зашоренности, не видит в нас *классовых врагов*. Утопия-2 основывается на убеждении, что процесс либерализации в стране пошел, и Андреев – частный, но симптоматичный эпизод движения в эту сторону.

Весенняя конференция 1985 года была посвящена теме «Искусство XX века – итоги и перспективы». Первый доклад «Человек в обществе, слово в контексте» подготовлен Г. Беневичем и А. Шуфриным, самыми молодыми членами клуба. А. Драгомощенко нашел в нем существенные недостатки – об этом он говорил в докладе «Ролан Барт, дьявол и господь Бог». Затем последовали «Общественная функция культурного движения» (Б. Иванов), «Звездный час русской поэзии XX века» Е. Пазухина и другие[61].

В докладе я объяснил, почему из всех названий: «неофициальное искусство», «вторая культура», «андеграунд», «городской фольклор» – я выбираю «культурное движение (КД)». Это действительно движение свободной, функционально независимой от институтов социума культуры на фоне культуры советской, консервативной, самоудовлетворенной, бескризисной (по самоопределению). Не менее важно то, что КД не утрачивает независимого положения при установлении связей с

представителями официальных учреждений – ни Клуб-81, ни ТЭИИ, ни Рок-клуб.

Истоки движения следует искать не на поверхности социальных коллизий, а в глубине культурологических процессов, которые претерпевают не какие-либо группы художников, писателей, гуманитариев, а сама *наша отечественная культура*, что позволяет считать культурное движение органическим продуктом нашей истории. КД – не кризис культуры, а обнаружение перспективы в развитии общества. Из этого не следует, что положение независимого творчества не отражается в самом творчестве ее авторов, мотив независимости – ее родовой признак.

Культурное движение – прежде всего тексты художественные, публицистические, научные, произведения изобразительного и музыкального искусства, которые, обладая способностью удовлетворять те или иные потребности людей, возникли как реализация ценностных представлений, отличных от ценностных стандартов, пропагандируемых, поддерживаемых и поощряемых властью.

Если на берегу этого творческого потока поставить мельницу, ее жернова не остановятся. Журнал «Часы», например, выходит без перерыва десять лет. Товарищество художников каждый год увеличивают свою численность на 10–20 процентов, расширяет масштабы выставок. Рок-музыканты способны обеспечить выступлениями ежедневную работу нескольких концертных залов. Участник КД – это тот, чье творчество обособлено от материального и престижного аспекта, что позволяет интегрировать свое призвание с таким же индивидуальным пониманием свободы в собственной среде, часто с развитием этой интеграции в сторону гражданской позиции, с осмыслением истории страны и ее культуры.

Если традиции общества для индивида выступают как результаты когда-то и кем-то совершенного выбора, то участник КД стремится вернуть себе право выбора и реализовать его так, чтобы ценности субъективного права (на свободное творчество) раскрыли свою общественную ценность. Однако задача КД отнюдь не в том, чтобы отправить (советскую)[62] традиционную культуру на свалку (что было бы рецидивом классового лозунга «расстрелять Растрелли»), но в упорном диалоге с властью отстоять себя как духовную и культурную особенность общества. Историческая выживаемость традиционных учреждений измеряется их способностью выжить в условиях динамично развивающегося общества, а не тем, с какой бдительностью они блокируют качественные изменения в России.

Доклад Е. Пазухина – одного из самых активных участников религиозно-философского семинара, действовавшего в Петербурге с 1974 года, – посвящен месту христианства в КД: «Я думаю, что в 1960-е годы и в особенности в 1970-е не нашлось бы ни одного представителя *неофициальной культуры*, который не подписался бы под словами О. Мандельштама: „В наше время каждый культурный человек – христианин“». «Общее настроение точнее всех выразил Виктор Кривулин: „Свет культуры подпольной – это первоапостольский свет“». В поисках нового мировоззрения литературно-художественная интеллигенция обратилась к началу XX века. Творческий порыв Серебряного века, доказывал докладчик, связан с последствиями раскола между светской культурой и православной церковностью в ходе Петровских реформ. Приводимые им цитаты: «Творчество не допускается и не оправдывается религией, творчество само религия», «Религия и эротика пересекались в точке искусства» (Н. Бердяев) подтверждали смешение двух начал – религиозного служения с творческими состояниями, близкими эротическим.

Докладчик говорил о последствиях обожествления художника-творца: «Наши поэты… пришли к представлению о поэтическом слове как о Слове Божьем…» Подмена Творца творцами стихотворений и произведений изобразительного искусства – «свидетельство деградации религиозного сознания, но часто и источник творческих неудач. Она порождает абсолютное отсутствие критического отношения к своему творчеству, утрату эстетических критериев, высокомерное пренебрежение читательским восприятием». На этой критической оценке поэзии 1970-х годов Пазухин закончил свое выступление.

На клубных конференциях неофициальную культуру как-то незаметно перестали называть *второй культурой*. До отмены постановления ЦК КПСС «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» оставалось четыре года.

22 апреля

Было время, когда доклады были отвлечены от всего актуального. Теперь почти во всех актуальное присутствует. На заседаниях бывает от 35 до 50 человек.

Следующая запись выражает настроение тех дней, когда казалось, что все трудности позади.

«Круг» на финише

Пошел четвертый год хождения «Круга» по кругам бюрократической преисподней. Обстановка оставалась

напряженной, но по некоторым признакам работа все же двигалась. Вместе с Ю. Новиковым мы должны были решить вопросы, связанные с оформлением книги. В это время почти каждый номер журнала «Часы» содержал фотокопии работ неофициальных художников Петербурга. Мы предложили снабдить издание «Круга» репродукциями их картин. Было приятно обсуждать этот вопрос с художником издательства – М. Е. Новиковым, однофамильцем моего коллеги. Он отобрал несколько слайдов замечательных картин Владимира Овчинникова, но у руководства издательства задача была другая: как можно больше книге навредить – успех «Круга» будет для него поражением.

Через несколько дней нам было заявлено: никаких репродукций! «Но, позвольте, мы же договорились с вашим художником!» Когда после разговора с Назаровым мы хотели переговорить с художником издательства, он бежал от нас как от опасных соблазнителей. Легко представить, какой разнос учинили ему начальники и какими ему нас представили!

Ю. Новиков предложил иллюстрировать сборник фотографиями. Имелись в виду работы независимых фотографов – Гран-Бориса (Б. Кудряков) и Пти-Бориса (Б. Смелов). Предложили фото Петербурга Смелова; необходимое количество отобрали с тем же художественным редактором издательства.

Расхваливая фотографии Смелова, все разгорячились, на этой волне однофамилец моего коллеги решил дать фото в сборнике тетрадкой и на меловой бумаге. На следующий день мы узнали, что это предложение отклонено – директор Л. Трофимов потребовал представить ему дополнительную порцию фото. Мы с Новиковым были крайне удивлены, когда увидели подборку, составленную Трофимовым. На всех семи фотографиях были только мосты, что выглядело странным, – можно подумать, что сборник посвящен городскому мостостроению.

24 апреля

Снова в издательстве. Говорим об этом заместителю главного редактора Ю. Помпееву и художественному редактору. Все соглашаются: подборка должна представить город в его разнообразии. Идем к директору. Перехватываем его уходящего. «Леонид Иосифович, объясните, на каком основании вы навязываете сборнику мосты?» От нас убегая, грузный, разъяренный Трофимов на лестнице кричит: «На простом! Я еще директор!» Мы рассмеялись. Сцена получилась трагикомической. Когда я думал: вот этот тупой исполнитель, невежественный, трусливый, лживый человек определяет судьбу десятков талантливых людей, у меня начинала шевелиться шерсть.

Привожу эти подробности для того, чтобы подчеркнуть: мы несколько лет ходили по кабинетам, разговаривали с чиновниками, напоминали об их решениях и обещаниях, делали предложения, в чем-то уступали – мы играли по правилам, которые установили они, но именно это выводило их из себя. В некоторых случаях нам просто врали, и мы их на этом ловили, в некоторых по правилам бюрократической круговой поруки они не могли нам сказать, кто и почему вставляет палки в колеса. Мы выводили их из себя своей настойчивостью, а наша настойчивость была вызвана принципиальной остротой и масштабностью проблемы, которую нам предстояло решить. Мы честно отвечали на вопросы членов клуба: «Ну, как там с нашим сборником?» – мы были орудием времени. Мы хотели, чтобы бюрократическая машина обрела наконец здравый смысл.

11 мая

Получена рецензия Валерия Попова на клубный детский сборник. В общем, положительная. Хвалит и мою сказку [63].

14 мая

В Доме писателя прошел вечер В. Кривулина и Е. Шварц.

Правление продолжало действовать по правилу: каждое предложение, от кого бы оно ни исходило, должно быть правлением обсуждено, отрефлексировано по смыслу и мотиву. Часто самое ценное в предложении – его мотив, и если само предложение было *неграмотно* сформулировано, не по адресу обращено и пр., мы должны довести его до общественной акции. Этим объясняется то количество разного рода заявлений, жалоб, требований, записок, отразивших тот настойчивый напор, который клуб оказывал на все нас окружавшие конторы, инстанции, так или иначе принуждавшие их к диалогу.

Из архива Клуба-81

Начальнику Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли
при Ленгорисполкоме тов. Рожнову Э. А.

Творческое объединение литераторов Клуб-81 при Ленинградской писательской организации СП РСФСР просит Вас рассмотреть в качестве заявки следующее предложение.

Клуб объединяет более семидесяти поэтов, прозаиков, критиков, искусствоведов, которые, не будучи членами творческих союзов, тем не менее являются авторами произведений, обладающих самостоятельным

художественным значением. Подготовленный в настоящее время к печати и изданию в издательстве «Советский писатель» сборник произведений членов Клуба-81 не может удовлетворить творческих возможностей литераторов. К тому же с эстетической, литературной стороны творчество членов Клуба-81 носит во многом экспериментальный характер, не предполагающий больших тиражей и массового читателя.

В этих условиях встает вопрос о малотиражных изданиях произведений членов Клуба-81. Правление клуба просит Вас в обычном порядке рассмотреть вопрос о включении в план будущего года издание четырех сборников произведений членов Клуба-81 объемом по 10 п. л. каждый, тиражом до пяти тысяч экземпляров. Издатель будет определен позднее.

Отв. представитель ЛО СПП Андреев Ю. А.

Председатель правления Клуба-81 Иванов Б. И.

Узнаем, что «Круг» прочитан в московском управлении издательства «Советский писатель». Просочилась информация, что начальники издательства с нетерпением ждут редакционное заключение какого-то важного литературного сановника из Москвы. Называли фамилию Лесючевского – главного редактора издательства «Советский писатель». Доходит слух, что оценка сборника разгромная, с матом.

Из моего дневника:

30 октября

Разговор с Коршуновым, перед встречей с Г. Бариновой. Я говорил по составленному вопроснику:

Сохраняется ли эксперимент? Остается ли КГБ его проводником или препоручает его целиком СП и т. д., обкому?

Может ли и хочет ли КГБ сейчас выполнять не свойственную ему культурно-прогрессивную роль?

Может ли КГБ ставить и в той или иной мере решать вопрос о необходимости публикации неантисоветской литературы как необходимого условия снятия целого регистра негативных явлений. Или мы можем рассчитывать только на себя?

Хочет ли подразделение работать, сохраняя контакты в той мере, в какой это требует ситуация, либо предпочтет получать информацию через «подзорную трубу» и действовать, исходя из уже выработанной программы?

Перед нами альтернатива (общего порядка): либо система, нуждающаяся в инициативе и динамике создает сама

инициативные творческие группы, коллективы с ограниченными задачами, ставя во главе их своих представителей, поддерживая и распуская их, исходя из результатов, либо будет создаваться «параллельная культура», которую с удовольствием будут считать своим верным союзником антисоветские силы?..

Коршунов не знает, о чем будет вести разговор Г. Баринова.

Он переоценивает роль дипломатии в наших контактах с чиновниками.

Он не против того, чтобы поговорить по существу проблем (эстетических).

Можно предположить, что кто-то в издательстве будет наказан.

4 ноября

Визит в Смольный к Бариновой.

Наши четыре пункта: Почему не прошла повесть Б. Дышленко «Мясо» («Правила игры»)?

Какая гарантия публикаций?

Перспективы?..

Театральная студия.

Баринова величественна. Длинная феодальная талия. Попов потолстел, его лицо стало походить на мордашку суслика с защечными мешками.

Но прежде, при получении пропуска – досмотр: по одежде, по фото в паспорте. Два упитанных профессиональных надзирателя. Мы веселились. Торжественность, нам кажется, достойна сомнений и «особого разбирательства».

Новиков изложил первый вопрос в тоне объективной жалобы. Я делал выпады: «Почему нам не показали московскую рецензию на сборник?»

Баринова: «Есть рецензии закрытые». Лично ей в составе сборника статья Новикова показалась непонятной, статья Игнатовой – устаревшей.

Заверила нас, что «Круг» выйдет, важно, какой будет последующая пресса. Ее интересовал вопрос, почему многих привлекают Державин, Мандельштам, Ходасевич, Гумилев, а не Пушкин. «Нужно лучше знать жизнь. Почему бы вам не побывать на стройках…» и т. д.

11 ноября

Первый набросок плана сатирического журнала «Красный щедринец».

В издательство отправляется Коршунов выяснять судьбу сборника. Я так потом представил состоявшийся разговор.

Коршунов В. Назарову: «После совещания у Коржова 19 января все считали, что прохождение сборника «Круг» не вызовет

осложнений. Вы сами в Смольном заявляли об этом. А сейчас письма от клуба идут в обком, в Союз писателей, звонят нам. У вас были претензии к сборнику, но, как я понимаю, они сейчас удовлетворены. Вероятно, есть и еще какие-то серьезные причины. Мы должны объясниться, но для этого нужно иметь информацию».

Назаров: «Я скорее положу на стол партбилет, чем подпишу сборник к печати. И вы посмотрите, как *они* себя нагло ведут! Как они с *нами* разговаривают! Сборник находится на рецензировании в Москве, думаю, мое руководство – это мое мнение – опротестует решение об издании этого сборника как ошибочное…»

Со слов Коршунова я узнал, что Назаров произнес сакраментальную фразу о «партбилете», которая произвела на него большое впечатление. Коршунов сказал, что не может не уважать человека, который поступает согласно своим убеждениям, он считал, что таких людей уже нет… Почему нет? И Трофимов, похоже, тоже готов положить «красненькую книжечку», лишь бы изуродовать наш скромный сборник «мостами». Назаров был понятен. Нажим местных властей ставил его под удар – в случае скандала снимать с работы будут все-таки его. Как служака, он решил твердо придерживаться правила: исполнять только то, что одобрило твое начальство. Отправив «Круг» в Москву, он переложил ответственность за издание сборника на своего шефа – Лесючевского, и его реакцию предугадывал.

В действительности интрига была более сложной, поскольку были затронуты непростые иерархические взаимоотношения и амбиции областного и столичного уровней сразу нескольких ведомств – партийного, гэбэшного, союзписательного и издательского. На самом верху Утопия-1 в головах горбачевского окружения начала приобретать черты большой реформы: партия должна возглавить либеральные инициативные силы страны. Нам, внизу, было видно: тоталитарная система не способна к политическим экспериментам и маневрам. В борьбе бюрократических монстров наш клуб, заваривший всю кашу, был исчезающей малой величиной – но только до поры до времени.

Я предвидел, что *перетягивание каната* могло закончиться только компромиссом сторон… за счет «Круга». Из его состава были исключены повесть Дышленко «Мясо», статья Е. Игнатовой «Соблазны пошлости», статья Ю. Новикова «Новый городской фольклор», критический раздел, как и раздел «Меморий», исчезли как таковые. В тексты и в подборки стихов без ведома авторов были внесены правки и сокращения. Но и это еще не все – позорная трусость, смешанная с соперничеством – кто главный? – продолжала удерживать интригу на плаву.

Каждый шаг властей и издателей становился нам известным. Раздавались звонки: «А вы знаете, о чем говорили на секретариате СП?», «А вы знаете, что в типографии вчера закончили переплетать „Круг“?»

И наконец история «Круга», ободранного, искалеченного, казалось, подошла к финишу. Кто-то разузнал, что часть тиража уже завезена в Лавку писателя. Звоню в Лавку. «Книги привезли, но издательство нас предупредило – в продажу не пускать. Будет распоряжение из Москвы…»

Боже мой, дорога к демократии оказалось настолько узкой, что не только мы, но и сама система не могла пролезть в щель, которую сама себе позволила. В этот день я понял, что Утопия-1 – *утонула*. Продолжения не будет.

26 ноября

Как бы там ни было, в истории клуба закончилась целая эпоха, но не история культурного движения, для которой это был знак признания, не изменившего существо проблемы движения…

Завтра предстоит получить в Лавке писателя 500 экземпляров «Круга»…

В клубе обсуждение темы «почвы» в новом понимании. Тема моя. Горячо выступали все.

Эта тема поднимает членов клуба в своих глазах: мы – участники великого эксперимента.

27 ноября

Остолбенение продолжается. Экземпляры продолжают лежать в Лавке. Андреев говорит, что знает, чьих это рук дело.

У меня желание – все происходящее стоически просмотреть до конца. «Круг» перестал быть сборником каких-то текстов, это символ: мертвое держит живых…

29 ноября

Нет, не удержаться на холодном безразличии. Обдумал план действий: немедленно послать письмо в обком Соловьеву, немедленно закончить письмо Горбачеву, собрать подписи в защиту сборника. Все время звонил Коршунову. Наконец на телефонный звонок Коршунов ответил… Через два часа препятствий к получению сборника не стало – на российской почве высаживаем семена свободы творчества, свободы слова.

Утром позвонил Адамацкий, торопит получить «Круг». Игорь Смирнов пробует достать машину.

У Лавки писателя вижу Новикова, Илина, Чейгина. Момент назревает торжественный.

Из комнаты для писателей выходит Андреев: «Кина не будет!»

Оказывается, не получен «лит», книга привезена в магазин, но в продажу не поступила. Да и «лит» уже получен – директор

магазина об этом узнал от Трофимова. Но задерживает… Обком. Сдержать смех невозможно: страх, порожденный сборником, обрел космический масштаб.

Молва доносит, что в Москву отправили письма ряд чиновных и нечиновных лиц, смысл писем: «*Сборник „Круг“ – издевательство над всем, что нам дорого*». Ситуация приобрела симметрический характер: если мы пишем в высокие инстанции, то и наши оппоненты пишут, но в инстанции повыше. Вместе с Ю. Новиковым направляем письмо Первому секретарю обкома КПСС Ю. С. Соловьеву:

> Уважаемый Юрий Савельевич, к Вам обращаются авторы и составители сборника «Круг», вышедшего в издательстве «Советский писатель» в Ленинграде. Этот коллективный сборник, включивший произведения 37 поэтов и прозаиков (мы еще не знали, что из состава исключены Новиков, Игнатова, Дышленко. – *Б. И.*) прошел долгий путь воплощения в издание. В настоящее время сборник отпечатан, но по не вполне понятным причинам в продажу не поступил. Однако мы имеем основания предположить, что сборник продолжает до сих пор вызывать противодействие уже после того, как подписан к выходу в свет.
>
> Мы прекрасно знаем, что новое всегда обретает права на существование в борьбе со старым, потому нет ничего удивительного в том, что появление такого скромного и малотиражного сборника, как «Круг», вызвало недовольство людей консервативного склада.
>
> …Едва ли стоит доказывать и то, что наше общество сложное, и люди различаются не только по возрасту и полу, хотя и это нужно учитывать, но они различаются и по образованию, профессии, темпераменту, по степени чуткости к новым проявлениям жизни. Поэтому вряд ли стоит заниматься таким пустым делом, как стараться угодить всем.
>
> …У нас есть свои читатели, которые в течение последних лет с нетерпением ждут выхода сборника.
>
> Мы знаем, что в проекте Программы партии с полной определенностью указывается на насущную необходимость новаторского духа и многообразия средств художественного выражения… Мы думаем, что никому не позволительно эти положения превращать в пустые декларации…
>
> Иванов Б. И., Новиков Ю. В., по поручению

коллектива авторов сборника «Круг»

Сегодня на «рафике» книги привезли ко мне на дом… Мелькнула мысль: не ради ли этого события я жил! Распродавая их членам клуба, ощущал, что обращаться с деньгами я не умею.

Из заявок членов клуба на покупку сборника «Круг»

С. Коровин – 7 экз., В. Аксенов – 15, О. Бешенковская – 20, В. Шалыт – 25, Б. Лихтенфельд – 34… всего – 442 экз.

4 декабря

Последние два месяца занимаюсь сатирой: что-то пишу, о чем-то на эту тему думаю. Все более укрепляюсь в мысли: необходимость сатирического журнала назрела.

12 декабря

Большое правление. Тезис моего выступления: мы находимся в том же самом положении, что и четыре года назад. У нас нет перспективы, нет никаких гарантий…

15 декабря

В журнале «Часы» читаем: «15 декабря 1985 года в Клубе-81 был прочитан доклад А. Кобака и Б. Останина „Молния и радуга. Пути культуры 1960–1980-х годов“, который вызвал живой интерес как среди членов клуба, так и гостей. В обсуждении доклада, растянувшемся на три дня, приняли участие А. Драгомощенко, Д. Панченко, Л. Лурье, Б. Иванов, Д. Волчек, В. Антонов, М. Иоссель, Г. Беневич, В. Кушев, К. Бутырин, В. Кривулин, И. Адамацкий, С. Магид, Л. Павлов, А. Шуфрин, Р. Петропавловский, С. Хренов. Часть докладов удалось записать на пленку, они будут опубликованы в ближайших номерах „Часов“» [64].

Симпозиум, посвященный дискуссии по проблемам, изложенным в докладе А. Кобака и Б. Останина «Молния и радуга. Пути культуры 1960–1980-х годов», вызвал большой резонанс. Авторы выразили новое мироощущение времени, отыскав его и в себе, и в событиях текущих дней. Шестидесятые годы мыслились выстроенные *осевым событием*, эмоциональными взрывами, подвигами лидеров, создателями новых форм, их эмблематический образ – молния. Восьмидесятые – это «энциклопедизм, историзм, интеллектуализм, цитатность, профессионализм, имперсонализм, эклектика, деидеологизация, игровая ориентация, прикладные формы, теория *малых дел,* эстетизм, гедонизм, примирение…» В итоге, считали авторы, образ радуги как эмблема мирного соседства красок всего спектра верно передает дух восьмидесятых годов. Сам доклад – вольное

эссе, не столько разбирающее ноты эпохи, сколько передающее ее общее звучание, воспринимался манифестацией культурологического романтизма. Если в статьях я предвещал наступление культурной реформации, то в своем докладе А. Кобак и Б. Останин указывали на ее следы на нашей культурной почве. Можно почувствовать, как в этих дискуссиях начинает складываться тот новый язык, на котором мы будем говорить в ближайшие десятилетия – язык плюрализма.

Авторы доклада поставили задачу – «провоцирующую и объединяющую», «призывая присутствующих к открытому познавательному процессу», и, что знаменательно, наделили критику общественной функцией: «Критик перебрасывает связующие мосты экзегезы между замкнутыми и отдаленными островами артефактов, соединяет созданные культурой формы и языки, обживает новые земли». Выделяя такие типические свойства культурного менталитета, как многообразие индивидуальных устремлений внутри относительной цельности, конструктивные различия по отношению к прошлому и статическому, к будущему и динамичному, системность и стихийность, «*подвиг*» и «*подвижничество*», доклад позволял вступить в дискуссию и тем, кто относился к познанию истории как необходимому условию для определения своей ориентации, и тем, чья позиция и оценки эпохи целиком основывались на опыте личных переживаний.

Если симпозиуму лишь в малой степени удалось обогатить красками различие между десятилетием «молнии» и десятилетием «радуги», то для высказываний доклад открывал полную свободу. Выделим некоторые из них.

Дмитрий Панченко – единственный среди выступающих историк – обратился к методам осмысления истории культур, к характеристике современной исторической науки и ее сомнительным заменителям. Его выступление показало, что клубную дискуссию следует оценивать в контексте коллективных интересов участников культурного движения, а не научных исследований.

Евгений Пазухин[65] назвал рубеж 1950–1960-х годов годами «рождения культуры, если принять предшествующий период за ее смерть». Специфические различения литературы во времени он соотносит со спецификой литературных поколений – себя он относит к первому поколению новорожденной культуры: «Мы росли, как трава на выжженном месте», без рефлексии о культурных традициях. «Это было почти эсхатологическое мироощущение», «царило состояние младенческой эйфории». «Очень многие ощущали себя объектами и медиумами

культурного откровения». «Эйфория 60-х годов постепенно сменилась в 70-е стремлением создать новую социальную структуру и религиозную культуру». Интеллигентская среда в 80-е годы представлялась Пазухину годами более строгих самооценок, а неофициальная культура – по своему характеру «сектантской». «Переход… к нормальной медленной культурной работе – то главное, что является достижением 80-х годов». «Ситуация дает совершенно новый стимул для консолидации, для свободного объединения, ориентированного на решение совместных проблем, главной из которой считаю восстановление разорванного в свое время Россией завета с Богом».

Виктор Антонов говорил о промежутке между «молнией» и «радугой». Смысл происходившего в 70-е годы Антонов видит «вполне определенный: пробуждение общественного независимого самосознания… В это время возродилось культурное движение, на этой волне оно и выросло, здесь возникла независимая общественная мысль, которая и привела людей сейчас сюда, в клуб». Но Антонов эту эволюцию считает негативной, она привела «к опустошающему цинизму и безнадежности теперешнего времени, когда большинство народа не верит в высокие слова и обещания… Такая же эволюция произошла и в неофициальном сознании… Никаких новых идей, новых форм, никаких исканий – то есть период стагнации и пассивности…» Но есть «определенная тяга к почве, к поискам того, что было утеряно… Неофициальная культура восстанавливает *Серебряный век*… и до сих пор не может его преодолеть…». «Возникает порочный круг, из которого должен быть найден выход». Но найти не может, потому что это «дряблая и неопределенная культура, основанная на комплексе „лишнего человека“, на чеховской печали и тоске… что не позволяет неофициальной культуре сделаться самостоятельной».

Характеристика Антоновым «семидесятых» крайне обеднена, а главное – он не заметил расширение открытого сопротивления тоталитарному режиму и роли личной свободы в становлении новой культуры.

Виктор Кривулин, известный своим полемическим характером, посчитал сопоставление выбранных периодов преждевременным и нецелесообразным. «Мы вступили в такую эпоху, когда утрачено не только историческое самосознание, но сознание истории как субъекта осмысления. Мы – люди в принципиально другом, внеисторическом измерении. В этом случае понятие поколения как бы снимается, как снимается оно при размышлении о средневековой культуре… Темп нашего движения приближается сейчас к средневековому». «Я не вижу

различий еще и потому, что мы просто не понимаем, что такое человек 60-х годов и человек 80-х». Поэт говорил от коллективного *мы*, в то время как каждый выступающий высказывал собственное мнение, – именно индивидуализация идейных и эстетических позиций и позволила А. Кобаку и Б. Останину назвать 1980-е «периодом радуги».

Эта импровизация поэта о внеисторическом существовании своих современников буквально накануне бурных лет перестройки показывает, что индивид, ведущий приватную жизнь, действительно не может стать «субъектом осмысления истории». В дискуссии он назвал публикацию сборника «Круг» «отступлением» и «предательством».

Выступление поэта, прозаика и редактора машинописного «Митиного журнала» Дмитрия Волчека было интересным как выражение протестного молодежного сознания – себя он представил «человеком 80-х годов», – оно, как правило, формируется не на основе серьезного жизненного опыта, изучения и т. п., – а на… принципиальном незнании. «Все время идет стремление к обобщению, в течение второго или третьего десятилетия идет разговор о каком-то *культурном движении, орелигиозном возрождении, осоветской* и *неофициальной литературе*». Поколения, считает Волчек, не обладают уникальностью. «Ничего нового, все уже было. Нет никакого объединяющего начала». Но есть *мода*. Поколения, вступающие в самостоятельную жизнь, ориентируются по чувственному опыту и эмоциональным оценкам.

Игорь Адамацкий – автор социально-психологических повестей и романов – предложил различать в литературном творчестве произведения этические, решающие проблемы добра и зла: «высшая нравственность – когда человек жертвует собой в пользу общества», и эстетические – поставляющие произведения развлекательные.

Поэт и переводчик Сергей Магид 1960-е годы отнес к «коллективистскому самосознанию», которое преобразовалось в «индивидуалистическое». «Очевидно, 1980-е годы – годы индивидуалистического сознания, когда в ситуации беспочвенной, в ситуации изжития большинства философских теорий, пришедших к нам с Запада и Востока (тот же дзен-буддизм), одиночки на ощупь ищут свой путь и свою позицию».

Дискуссия разгорелась и на тему «теории малых дел» («нет сильных личностей», «нет порывов», «каждый должен стать ремесленником» – В. Антонов; возражение – «смелый журналист нуждается в смелом журнале, смелый журнал в смелом издательстве, издательство в смелом читателе и т. д.» – Б.

Иванов). Я считал, что в докладе стоило рассмотреть структуры общества, в котором шли неоднозначные процессы, например разложение служащего сословия (к которому относились члены Союза писателей и художников и другие).

Можно было бы в характеристику 1960-х годов добавить, что это десятилетие было временем определенных шатаний в политике и искусстве («оттепель»), выделение из служивой интеллигенции – независимой, взявшей на себя драматическую роль представлять общественные интересы перед тоталитарной властью (А. Сахаров, А. Синявский, в Петербурге – Р. Пименов, Э. Орловский, Д. Дар…).

Полемика на темы, инициированные докладом А. Кобака и Б. Останина, не ограничилась выступлениями на трехдневном симпозиуме – кто мог тогда предположить, что дискуссия будет продолжаться в 1986 и 1987 годах; два самых представительных в культурном движении журнала «Часы» и «Обводный канал» примут в ней участие.

Поводом к ней послужила продолжающаяся полемика на тему специфики культурного развития России последних десятилетий. В одном из выступлений Сергей Магид охарактеризовал это время с точки зрения политических событий, что, с моей точки зрения, было неудачным, поскольку богатая и сложная картина культурного развития десятилетий свелась к «разряженному ряду политических событий». На мою реплику Владимир Ханан ответил статьей «Круги на почве культуры», после которой тема полемики переместилась в определение культуры – культуры вообще и культуры национальной. В статье «Национальное сознание… тупик или спасение?»[66] я рассмотрел культурное движение с точки зрения реализма и исторической фактичности, – любая другая точка зрения будет уводить от существа дела в общие рассуждения.

В самом деле, за спиной культурного движения осталось четверть века осознанной дистанции от политики. Суть была не в том, как объяснил эту позицию один из писателей: заниматься политикой было опасно и поэтому… художественным творчеством занялись трусившие (сообразно этой логике люди идут воровать, а не в политику потому, что за «политику» сроки дают большие), – советская культура была культурой другой эстетической ориентации, ценности которой были враждебны человеческой личности. Мне уже приходилось писать, что «неофициальная культура» – это культура становления личностей ее участников, и этот процесс не был собственностью только молодой художественной интеллигенции. Каждый, кто провел разграничительную линию между собой и тоталитарной

системой, осознавал себя человеком прежде всего независимым. Я цитировал Глеба Горбовского:

Мне говорят: пиши о Ленине,
пиши, дурак, и процветай!
Как будто я – иного племени,
не человек, а попугай.
.....
Мне говорят, пиши об истине,
о смысле жизни, о борьбе!
…А вы попробуйте, чтоб искренне,
хотя бы букву – о себе[67].

1962

Пережившие эту внутреннюю революцию выносили в себе «право быть собой» и «право всех быть собой». Шестидесятники создали среду с иммунитетом к жизни как государственной службе, с ее притязаниями всем управлять. Никакая тоталитарная идеология не могла в ней рассчитывать на успех.

Некоторое количество лет назад передо мной возник вопрос: может ли в этой стране, в эту эпоху существовать независимая гуманитария, существовать и развиваться? Для того чтобы проверить эту возможность, я пустил бумажный кораблик – «Часы» – и стал со своими друзьями создавать микромодель свободного литературного дела. Для меня, как для агронома, «почва» – реальность, а не идеологический муляж. Культурное движение я рассматриваю как эксперимент, и нужно быть слепым, чтобы отрицать все его завоевания.

Что можно было сказать по поводу этого опыта через пять-шесть лет? В России в последней четверти XX века свободная гуманитария существовать может, – существовать легально, гласно, выдвигая требования на полноправное участие в жизни страны. Высказывая этот вывод три, четыре года назад, я шокировал многих своих коллег, которые не могли усвоить простую истину, что появление неофициальной культуры говорило не о кризисе системы, а об ее способности к изменению, «не обнаружение культурного тупика, а новой перспективы. Признание неофициального искусства, приобретение им социального статуса не изменяет его основных питающих истоков. Эти истоки следует искать не на поверхности социальных коллизий, а в глубине *культурологических* процессов, которые претерпевают не какие-то случайные группы художников, писателей и прочих гуманитариев, а отечественная культура…

Еще одна мысль, которую считаю важной: наша система такова, что сама служит почвой для культурного движения, поскольку порождает такие проблемы, которые разрешить не в состоянии».

Политика гласности Горбачева, освобождение из лагерей политзаключенных были обращением к критически мыслящим кругам общественности страны. И общественность возникла и откликнулась, что было трудно рассмотреть в конце 1985 года, когда был прочитан доклад Кобака и Останина. Но в конце следующего года и в начале 1987-го советский социум уже был расцвечен в два цвета – красный и голубой. Последняя тема, затронутая в нашей полемике с Хананом[68], это тема терпимости и плюрализма. Он привел цитату из заключительной главы моей статьи «Реализм и личность»: «Достигнув определенной степени самосознания, нельзя по-прежнему просто говорить об официальной и неофициальной культуре. Почему? Да потому, что и та и другая так или иначе соотносятся с нашей культурой. Вот точка зрения, на которой трудно удержаться, но которая продуктивна!» Разумеется, критик понимает, что в этом высказывании не утверждается единство и культурное равенство между официалами и неофициалами, но при этом считает, что по сути это означает равенство. То есть Иванов сказал одно, а следует подразумевать другое.

Плюрализм, как показывает статья Ханана, отсутствует не только в системе, но и в мировоззрении многих неофициалов. Но как заметили авторы доклада «Молния и радуга», 80-е годы характеризует процесс ослабления идейных противостояний. Как показывает ход событий – вывод был весьма проницательным…

Заметим, что клуб не вырастил идеолога, поддерживаемого всеми, но из года в год выбирал правление, состоящее почти из одних и тех же лиц. Клуб голосовал за тех, кто брал на себя практическое решение проблем, определенных его уставом и создаваемых ситуациями.

Симпозиум прошел накануне великих перемен, обострения противоречий правящей бюрократии с той частью служивой интеллигенции, которая давно уже поняла бесперспективность соперничества тоталитарного режима с капиталистическим Западом.

Из моего дневника:

16 декабря

Вчера позвонил Коршунов. Никогда он не был таким раздраженным. Клубу предъявил следующие обвинения:

– клуб направил Горбачеву, Съезду, издательству СП письма, с тем чтобы оказать давление на тех, с кем имеет отношения;

– клуб… разбил вывеску издательства СП на Литейном

проспекте;

– меня Коршунов обвинил в желании его обмануть («Я не верю Вам!»).

Письмо Горбачеву назвал «неумной затеей». Он имел информацию об этом письме, что неудивительно, оно открыто обсуждалось на правлении, а каким образом дошло до Коршунова, меня это не беспокоило. Я не считал, что мы должны кому-то докладывать о происходящем в клубе – ни куратору Андрееву, ни надзирающему Коршунову. У правления и у них свои задачи.

27 декабря

Клубных дел с избытком. Письмо Бариновой, письмо Горбачеву, секционные занятия критики, прозы, заседания правления. Визиты, «Часы», «Красный щедринец». Неприятные трения с Ю. Новиковым. Он хочет послать Бариновой письмо в защиту своей статьи «Эволюция изобразительного фольклора» от имени клуба [69].

30 декабря

Разговор на чердаке. Коршунов предложил встретиться, повод праздничный: как бы там ни было, «Круг» вышел в свет. Это первое; второе – началась предновогодняя суета. Встретиться решили в помещении театральной студии – на чердаке дома номер 3, проспект Чернышевского.

Старый петербургский дом. На чердак ведет узкая крутая лестница, по которой энтузиасты «5-й студии» Эрика Горошевского все же умудрились протащить рояль. Здесь уютно, тихо. Большой стол, вокруг которого расселись мы – С. Коровин, А. Драгомощенко, Ю. Новиков, Э. Горошевский. На столе бутылки сухого, все скинулись по трешке – Павел Николаевич в том числе.

Коршунов предлагает выпить за наш общий успех, однако состояние у меня подавленное. Коршунов это заметил. Я объяснил.

– Именно сейчас, после выхода «Круга», я чувствую бесперспективность нашего успеха. Вы хорошо знаете, какие препятствия нам пришлось преодолеть. Мы прошли этот путь, но не оставили за собой даже узкой тропинки. На руках у нас «Круг-2» и многое другое – и никаких гарантий. Нам предстоит начинать все с начала.

Коршунов упрекнул меня за пессимизм и сказал: «Все хорошо! Но вы должны научиться устанавливать с влиятельными лицами хорошие отношения».

– Научиться быстро и бесшумно ходить по учрежденческим коридорам?!! – съязвил я. Вспомнилось, как мы ходили по кабинетам издательства по кругу с фотографиями Смелова, чтобы дать возможность невежественному директору показать, кто тут главный. – Мы не отказываемся от дипломатии, от соблюдения этикета, но коридорная тактика не дает результата.

Мы год договариваемся о вечере во Дворце молодежи. В журнале «Нева» лежат «Созвездие близнецов», «Мясо» Дышленко, стихи Игнатовой, рассказы Аксенова, Тиранина, статья Новикова. Залитованы две пьесы…

К.: *Публикации на Западе продолжаются. Я должен говорить с Бергом, Кривулиным, Шварц, Кудряковым. Мы многое не доводили до Обкома, только поэтому сборник состоялся. Клуб должен определить свою гражданскую позицию.*

– В уставе клуба есть ссылка на советское законодательство, что там говорится про публикации за рубежом лояльных публикаций?

К.: *Имеются подзаконные меры, предупредительные беседы, количество которых не может быть бесконечно…*

– Но мы не имеем такой прерогативы, как вы.

К.: *Но, как общественность, вы…*

– Нужно лечить болезнь, а не бить больного. Лечить словами – это знахарство. Вы ставите клубу на вид публикации стихов в эмигрантских журналах. Эти стихи антисоветские?

К.: *Нет, не антисоветские, но они опубликованы во враждебных нам изданиях.*

– Но антисоветский журнал, который опубликовал неантисоветские стихи, становится тем самым – на эти стихи – неантисоветским! И если весь он будет состоять из таких материалов, журнал перестанет быть нам враждебным!

Собеседнику мои ответы явно не понравились.

31 декабря

Думал о встрече на чердаке, как нашем «Бородино». Коршунов употребил все свои профессиональные навыки и достоинства, чтобы склонить нас к покорности.

Мы не отступили. Без крика, без грубости твердо отстаивали свои позиции:

а) лояльная литература должна публиковаться на родине,

б) мы живем на своей родине, хотим быть ей полезными, нам незачем трусить,

в) мы живем в стране, в которой не все идеально: мы против благодушия.

На последнюю тему необходимо говорить. Мы не вступим в союз благополучных.

Логика Коршунова: накормленная собака не должна ворчать.

После этого обмена репликами Коршунов стал видеть во мне главное препятствие в сближении членов клуба с властью и в таком качестве аттестовал своему начальству. После выхода «Круга» Коршунов и, вероятно, другие деятели в обкоме и КГБ ожидали от клуба приступа благодарности, переворота в

сознании и сентиментальных объятий… Вот тогда-то и можно будет отделить чистых от нечистых!..

Ничего этого не произошло и произойти не могло. Публикация ни на йоту не изменила положение неофициальных писателей, ни на йоту не изменила отношение власти к свободе творчества. Представления власти о человеке были смехотворны, в их глазах он был не сложнее павловской собаки: кинь кость – завиляет хвостом. Более того, мы увидели, что существующая власть парализована собственными *соматическими* процессами.

Чувство культурного патриотизма проводило границу между нами и теми, кто перед властью «вилял хвостом». Отношение клуба с властями я определил так: «Если отношения клуба с властью рассматривать как сделку, то это была сделка с отложенным платежом».

1986 год

После «Круга»

Программа семинара

«Проблемы современной прозы»

(Ул. Петра Лаврова, 5)

8 января, 14.00

В. Кривулин – «О проблемах современной прозы».

9 января, 19.30

К. Бутырин – «О состоянии прозы Клуба-81».

10 января, 19.30

Б. Улановская, В. Кривулин – Сообщение на материале прозы Петра Кожевникова. Чтение автора.

11 января, 19.30

Чтение В. И. Аксенова.

12 января, 19.30

В. Кушев, Б. Останин – О романе А. Драгомощенко «Расположение в домах и деревьях».

13 января, 19.30

Доклад Ю. Андреева. Общая дискуссия. Закрытие семинара.

Страна читает «Круг»

Ажиотаж вокруг сборника подогревался расходившимися слухами о том, что он антисоветский – не сегодня-завтра изымут из продажи. С «Кругом» на черном рынке стояли *книжные жучки*; с просьбой купить звонили из Москвы. Не прошло и месяца, как найти книгу в Петербурге можно было лишь в случайном магазине. Пошли отклики, для скромного издания – в количестве аномальном. Их было бы больше, если бы ответственные редакторы газет и журналов не могли не чувствовать двусмысленную ситуацию: с одной стороны, издание, очевидно, санкционированное, с другой, – «*не наша эта литература*», «*мы*

бы ее не издали».

Отклики можно разделить на поносные, с осторожным одобрением, дискуссионные и нейтрально-информационные. Приходили письма.

Первый отклик на «Круг»: «Литературная газета» 1 января № 1, диалог Аллы Латыниной и Сергея Чупринина.

Выписки из этой публикации И. Адамацкого:

> **С. Ч.:** *Ума не приложу, каким стандартом, к примеру, критика будет измерять сборник молодых ленинградских писателей «Круг»* [70].
>
> **А. Л.:** *Я как раз читаю его сейчас. И определенно мне в нем нравится пока только одно, что авторов не стригли под одну гребенку.*
>
> **С. Ч.:** *Тут не годятся уже критерии, которые применялись для анализа «прозы сорокалетних».*

Из почты клуба:

> **8 февраля 1986 г. Москва**
>
> Глубокоуважаемый Ю. А. Андреев! Простите, что не сразу догадался глянуть в «Справочник СП». Мне только что привезли из Ленинграда альманах «Круг».
>
> Я поздравляю Вас, редакторов и всех участников Клуба-81 с прекрасным сборником, утверждающим право авторов войти в большую литературу. Начиная с рассказа Адамацкого, прозы Аксенова, Бартова, со стихов Бешенковской – все, что Вы отобрали (представляю, сколько осталось вне альманаха!), и до самого конца – стихов Ширали, Щекотовой, фотографий Смелова – не оставляло меня ощущение нашей литературной молодости. Как будто сейчас не 1986, а 1956 год. И читают стихи (такие же истинные, как «глядеть в костер… из тлеющих углей выкатывать свой взгляд») мои дорогие друзья Рейн, Бобышев, Найман, Авербах… а потом Бродский. Я многое бы отдал, чтобы вернуть то время. А вдруг – тридцати лет и не было? Мы объединились тогда в ДК промкооперации (Ленсовета). Соснора ушел в армию и вернулся. Потом все закончилось. Пусть же у Клуба-81 все продолжается! Счастья Вам и Вашему «Кругу».
>
> *Давид Шраер (Петров)*
>
> Уважаемые товарищи! Посылаю вам свои стихи. Они

нигде не печатались. Несколько журналов отвергли их из-за *неубывного минора*. Надеюсь на ваше понимание. Причина надежды – ваш сборник «Круг», где проблемы, серьезные и актуальные, решаются остро и нетривиально, без тени бездумного розового оптимизма. Прочитав этот сборник, я с радостью почувствовал, насколько близко и дорого мне то, о чем вы пишете…

Сергей Градусов

Автор статьи «Право на дебют» В. Сафранский, опубликованной в газете «Молодой ленинец» Калужского обкома ВЛКСМ (10.09.1986), или побывал в клубе, или слышал о нем. Читаем: «Маленький подвальчик старого *петербургского* дома стал своего рода испытательным стендом для идей, взглядов, рукописей. Первая книга… „Клуба-81“ стала бестселлером, невзирая на достаточно большой для дебюта тираж». Журналист знает о ситуации, сложившейся в литературе: «оригинальные, талантливые рукописи залеживаются, в то время как лишенные ярких достоинств, так называемые *проходные*, пополняют залежи на книжных прилавках». Издание «Круга» он считает образцом решения проблемы.

С. Белов, «Добрый пример»: «У нас нет возможности отметить всех авторов „Круга“ (их 34). Скажу лишь, что издательство „Советский писатель“ сделало замечательное дело, выпустив сборник „Круг“, а ленинградская писательская организация показала прекрасный пример работы с творческой молодежью. Некоторые из авторов сборника стали самобытными мастерами художественного слова, другие продолжают расширять круг своего мастерства» («Книжное обозрение», 16 мая 1986 г.).

Похвала сборнику с благодарностью издательству «Советский писатель», которое до последнего момента пыталось пустить «Круг» под нож, подчеркивала, что *гражданская война* литератур – официальной казенной с неофициальной, рожденной независимой частью общества, приобрела явочный характер. Сборник стал *спорным мячом*, вброшенным в борьбу, когда еще не прозвучало слово «перестройка», но когда сквозь тошнотворный оптимизм и лакокрасочную продукцию официальной литературы проступили зловещие симптомы глубочайшего системного кризиса. Верхи поняли, что не способны что-либо сделать, если реальное положение в стране не будет осмыслено со всею трезвостью. На литературу была возложена большая надежда. Уже на июньском пленуме ЦК КПСС прозвучали призывы: «Называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту», «давать ответы на волнующие проблемы бытия», «побольше

анализа, побольше действия… поменьше общих рассуждений» – цитирую по статье Ш. Умерова «Что можешь сказать нового?» («Литературная газета», 17 сентября 1986 г.).

В московскую книготорговлю сборник, не без стараний своих врагов, попал лишь в начале лета, но «Круг» заметили, его передавали из рук в руки. Умеров в своем обзоре «Критика критики», для которого отбирал наиболее знаменательные дискуссии, не мог не затронуть споров вокруг «Круга». В статье читаем: «Никак не могу согласиться с В. Васильевым, когда он в финале своей статьи „Среди миражей и призраков“ („Наш современник“) о ленинградском литературно-художественном сборнике „Круг“ навешивает ядовито-колкие ярлыки на всех его молодых участников, но само существование его критики заслуживает поддержки и серьезного внимания… Добавлю, что „Круг“ обсуждается в июльско-августовском номере „Литературной учебы“, и критическое выступление А. Казинцева, поддержанное редакцией этого журнала, представляется наиболее аргументированным» (В. Васильев и А. Казинцев занимали в журнале «Наш современник» ответственные посты).

Чтение статьи В. Васильева «Среди миражей и призраков» было действительно небесполезным. Вспоминались слова А. Пушкина «Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще». Стало очевидным, что у оппонентов «Круга» не было даже элементарного литературоведческого инструментария для понимания новой литературы. Представлялось: на страже «национальных святынь» и «общенародного языка» стоит строй сытых, мужественных, закаленных в борьбе с партизанами культурного движения вояк, ждут врагов-меченосцев, как в известном кинофильме, но вдруг выкатывают не пойми кто – кочегары, сторожа, лифтеры и прочие представители низкооплачиваемого труда, одетые кто во что, каждый бубнит о своем, а главное, не понимают, где они находятся, не замечают славных партийных хоругвей, а своих не разворачивают.

Эта толпа, «умалчивая о своих правах и никак не обосновывая своих претензий… решительно *отрицает*». Однако, как выясняется, отрицает как-то странно – никого не обличая и ни к кому не присоединяясь. Васильев вопрошает: где «традиционный сюжет», где в прозе сборника «традиционные характеры»? Это вопль человека, который остервенело листает книжку и, как ни напрягается, не может обнаружить то, что является для него литературным объектом. Ни героев, ни злодеев, ни сюжета, ни характеров, ни «своих», ни «чужих»… Ба! – да это же издевка над читателями!

Название «Среди миражей и призраков» – замечательно по точности. Разве мы, культурное движение (и не только литераторы, но и художники, музыканты, философы), не расстались со всем советским, партийным, с «социалистическим реализмом»? Стоит ли удивляться, что т. Васильев нас *не видит, не понимает* хотя бы потому, что мы никого не «обличаем» и никого не возвеличиваем, никому не служим. Для него, советского, партийного, соцреалистического, – мы странное чужеродное *политическое* тело.

Сотрудник журнала «Наш современник» *смертный грех* «Круга» усмотрел в том, что «каждый участник сборника стремится быть оригинальным, остро чувствует свою особенность, открыто (то есть не пряча свое «я». – *Б. И.*) настаивает на своей уникальности».

Однако формирование личности – самосознание, процесс осмысления окружающего мира на собственном опыте, то есть *субъективная позиция* писателя, столь ненавистная *казенным* патриотам, – главный нерв новой литературы. Личный опыт говорит сам за себя. Васильева приводило в недоумение, как можно «описывать предметами» (поправим, «предметно»), то есть без шуршания идеологических знамен и страха написать *не то*. К авторам «Круга» он многократно примеряет этикетку «салонная литература».

В партийной литературе выражение «салонная литература» было политическим жупелом, а реально?.. «Салон», домашний «кружок» – свободная форма профессионального общения. Салону принадлежали знаменитые энциклопедисты, расцвет русской литературы и общественности связан с расцветом салона «Зеленая лампа», семейных домов Аксаковых, Майковых и множества других. Константин Кузьминский в Ленинграде 1960–1970-х годов, бесспорно, был великим организатором салонного общения, местом встреч замечательных людей служила квартира математика Сергея Маслова. Люди собирались и в других местах. Клуб был построен из кирпичиков бывших салонов-кружков, по свободе общения близкими были и ЛИТО, которыми руководили Татьяна Гнедич, Давид Дар, Глеб Семенов.

Васильев пытается убедить читателей, что ему удалось выявить скрытый замысел «Круга» – его авторы «дурачат и разыгрывают» читателей, которые это не осознают и принимают происходящее всерьез. Авторы исповедуют литературный «манифест, заявленный повестью „Замерзшие корабли“ Наля Подольского».

На поверку вышло, что казенные критики просто не в состоянии понять и дать оценку трем десяткам произведений

ярких авторских индивидуальностей. Васильев, как и Хренков, все свалил в кучу, наговорил массу нелепостей и сделал множество фактических ошибок. П. Кожевников направил в журнал письмо, в котором выразил недоумение, как мог его герой – студент-дипломант – превратиться в статье в «дипломата», как двадцатипятилетний парень смешался в голове критика с пятилетним мальчиком, как метафора: «шкаф, унылый, как похоть зимой», могла перекочевать в его рассказ «Аттестат» из стихотворения В. Кучерявкина, – указал на ряд других несуразностей. Читая статью, поражаешься, каких жалких, неправдоподобно ограниченных критиков, издателей, читателей вырастил соцреализм. Это убожество выращивалось десятилетиями под присмотром таких *идеологов*, как редактор петербургского журнала Хренков, обкомовский инструктор Попов, издатели Трофимов и Назаров, а дружелюбно настроенная к нам Баринова поучала идти на завод, на строительство дамбы и делать из молодых рабочих по найму идеологических выхолощенных святош.

«Круг» своим стандартным советским видом и нестандартностью своего содержания вызывал бурю эмоций; эмоции выводили партийных критиков из строя – они переходили на язык репрессий, авторов оглупляли, оскорбляли, редактора и издателей компрометировали, для этой цели все средства были хороши.

Позиция другого сотрудника журнала «Наш современник» – А. Казинцева в дискуссии с В. Мальгиным была иной. Если Мальгин в начале дискуссии предложил, «оценивая „Круг“… воспринимать его в контексте всей нашей литературы – и для того, чтобы полнее представлять себе его неординарность… представить на его примере те литературные тенденции, которые долго оставались скрытыми», то Казинцев старался показать, что все, что представляется в сборнике новым, на самом деле новым не является: «При внешней современности манеры воспроизводят основополагающую установку романтизма, – художнику они противопоставляют филистеров». Мальгин парировал: «В истории нашей литературы не раз пробуждался интерес к той или иной традиции: то к античности, то европейскому классицизму, то вдруг оживал романтизм, а то и натурализм чистой воды».

Казинцев считает, что герои «Круга» «вполне благополучны, довольны собой и не очень рефлектируют…» Они сами себя исключили из «серых будней». Мальгин, не оспаривая, объясняет их жизненную позицию не желанием описать предметный мир, а стремлением проникнуть в тайны человеческого духа.

Казинцев примерами показывает, что «принципиальная

замкнутость» поэтов сборника «порождает эгоцентризм и инфантилизм», Мальгин другими примерами опровергает этот вывод и подчеркивает важную черту творчества авторов: «Они не для того едва ли не весь массив человеческой культуры привлекают, чтобы блеснуть эрудицией, а потому, что не мыслят своего творчества вне контекста общей мировой культуры». Для Казинцева, сотрудника журнала национал-патриотического направления, – это не могло быть достоинством.

> **Андрей Мальгин:** «Перед авторами „Круга“ стояли задачи главным образом эстетические. Богатству и разнообразию мотивов, ритмов, стилей, настроений, тем – я продолжаю настаивать на этом – может позавидовать практически любой наш коллективный сборник. Представленные в „Круге“ поэты и прозаики продемонстрировали завидное умение работать со словом, обширную филологическую культуру и самый настоящий писательский профессионализм. И это главный вывод, который я могу сделать, познакомившись с их произведениями. Сейчас они, конечно, не делают погоду в нашей литературе. Но, может быть, это прогноз на завтра».
>
> **Александр Казинцев:** «Повторю уже сказанное: в сборнике не нахожу ни резкого публицистического слова, ни емкого слова художника, проникающего в душу человека… Издательство правильно поступило, выпустив эту книгу в свет. Читателям и критикам, да и самим молодым авторам представилась возможность дать серьезную оценку явлениям, до того существовавшим как бы под спудом или рассеянным в периодике… Надеюсь, в серии „Мастерская“ („Круг“ был первым изданием этой серии) мы сможем прочесть произведения самых разных направлений».

Статья А. Боброва «Смутная, но реальная картина», с подзаголовком «О московском форуме творческой молодежи с ленинградскими отступлениями» (еженедельник «Литературная Россия», 6 мая 1986 г.) – не исключение. Главный объект его критической оценки – не форум и не сборник, а Клуб-81 и промахи власти, допустившей появление на свет литобъединения, чуждого системе. «Ленинградские отступления», как мы увидим, непосредственно касались клуба.

Бобров в это время – заведующий отдела поэзии еженедельника «Литературная Россия», в недалеком будущем заместитель генерального директора издательства «Советский

писатель», то есть Лесючевского. Он не мог не знать всю историю клуба и «Круга». Можно было ожидать, что речь главным образом пойдет о московском форуме, но это был лишь повод – форум прошел давно, и сказать Боброву о нем нечего. Главный объект – ненормальное положение в Питере. Доказательство – публикация сборника клуба ленинградскими издателями по решению обкома, за которым маячил член Политбюро ЦК КПСС Романов. Он знал, что состав «Круга», увидевшего свет, с издательством был согласован. Бить нужно было, как это делал Казинцев, по индивидуализму, гражданской индифферентности персонажей и самих авторов сборника. Бобров с этого и начинает.

Странное название статьи «Смутная, но реальная картина» объяснимо: «смутная», поскольку ни одного члена объединения автор в глаза не видел, творчества их не знает, но картину нарисовал «реальную», в соответствии с… «социалистическим реализмом». Тогда готовилось Положение о правах граждан на создание любительских объединений и клубов по интересам[71]. Казалось, что может быть проще: выходит «Положение» – и люди получают возможность свободно собираться, читать стихи, провести диспут и пр. Мысль же автора статьи, а он, похоже, привлекался к разработке Положения, идет в обратном направлении. Нельзя ли сделать так, чтобы эти объединения возглавили идейно, юридически, организационно члены творческих союзов. То есть любители будут добровольно «дерзать, выдумывать, пробовать», а члены союза – их поучать, контролировать и получать за это деньги. Такой взгляд был естественным для профессиональных надсмотрщиков за культурой: объявить в очередной раз о развитии самодеятельного начала, а затем, по закону диалектики, нововведение запретить, не прекращая при этом разговоры о дальнейшем развитии демократии. Теперь, когда во главе государства оказался человек, который в масштабе всей страны стал институционально воплощать Утопию-2, система тотчас включила обратную скорость.

«Ленинградские отступления» Боброва должны были на примере Клуба-81 показать недееспособность каких-либо объединений, помимо существовавших. Эта мысль, продуманная литературной мафией, имела и конкретную цель – исключить в будущем саму возможность публикации таких книг, как «Круг». (Вскоре нам об этом будет заявлено публично, с неисправимым византийским вывертом.)

Я написал «Комментарий к „Смутной картине“», чтобы внести в «картину» ту самую отсутствующую в ней ясность, и отнес статью в корреспондентский пункт «Литературной газеты», но она

в «Литературке» так и не появилась.

Итак, Бобров писал: клуб «обособляется от литературной жизни страны»; я писал: секция критики провела обсуждение новых книг Ч. Айтматова, В. Маканина, В. Распутина, А. Кушнера, клуб не только не обособляется, но выступает с предложениями об учреждении кооперативных и малотиражных издательств, общезначимость их уже признана.

Бобров писал: сборник клуба «никакого ажиотажа не вызвал, долго лежал на прилавках… Рекламу сделали разгромные рецензии». Мои «Комментарии» вносили ясность: «Круг» был раскуплен в первые дни продажи, сразу попал в обменный фонд… Тем не менее звоню в Дом книги… Л. Л. Левина, продавец, сообщает: «Наш магазин получил шестьсот экземпляров „Круга“. За три дня вся партия была раскуплена. Это мы считаем успехом. Такие книги продавать приятно». Я добавлял: «Успех или не успех – появление на скромную книжечку авторов, абсолютно неизвестных массовому читателю, одиннадцати рецензий!»

Бобров: «Якобы отверженные авторы, артисты, режиссеры обладают повышенной способностью к объединению и устройству своих дел. Именно в Клуб-81 пришли недооцененные актеры, потом непризнанные режиссеры, а в самом клубе появились свои драматурги… И опять (!) Дзержинский РК КПСС… находит помещение для будущего театра… Но разве это единственный повод для сотрудничества: не печатают, не ставят, не выпускают на сцену?»

Комментарий: «Непризнанный режиссер» Э. Горошевский закончил Театральный институт, учился у Г. А. Товстоногова. Хочет создать «театр человеческого лица. А не социальных масок»… «Недооцененные актеры – это заслуженный артист С. Заморев, А. Романцов, В. Улик, А. Конт, Т. Исаев и другие – актеры, работающие в театрах и в кино, свободное время отдающие студии… Студия продолжает держаться духом поиска, надежды и уверенностью в нужности своей работы».

Автор «Смутной картины» пишет: в том же Ленинграде в противовес клубу есть культурно-молодежный центр, который объединяет молодые творческие силы. Далее он сообщает о проводимых в этом центре турнирах поэтов. Бобров: «Главное, здесь ищут привлекательные формы совместной работы…» В «Комментарии»: «Должен огорчить автора „Литературной России“: организовали конкурс поэтов члены Клуба-81 О. Павловский и В. Кривулин».

Во «втором ленинградском отступлении» критик нашел в нашем городе еще один положительный пример. Бобров: «Поиск современных форм работы чувствуется. В Ленинграде можно

увидеть некоторых поэтов, которые приехали из Москвы встретиться с единомышленниками, почитать стихи. Так что неформальное общение необходимо». В «Комментарии»: «К сведению читателей, встречи с московскими поэтами организовывает все тот же, увы, Клуб-81».

Читая это, можно смеяться и плакать – оказывается, политика работы с литературной молодежью перешла к нашему клубу. Наступило время, когда действительно в городе не оказалось ни одной организации, которая бы знала, как придать общению с молодежью смысл и конструктивность. Эту же функцию среди художников взяло на себя ТЭИИ, среди поклонников рока – Рок-клуб.

«Комментарий»: «Я совсем не хочу оставлять у читателя впечатление, что Клуб-81 – объединение без пороков. Пороки есть. Мы еще недостаточно самозабвенно ведем борьбу за перестройку в области литературного дела. Нельзя мириться ни с одним случаем дезинформации, подтасовки, некомпетентности…»

Если перестроечные политики возложат задачу «называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту, давать ответы на волнующие проблемы бытия, побольше анализа, побольше действия… поменьше общих рассуждений…»[72] на таких аналитиков, как Васильев, Бобров, то имена будут перевраны, факты подтасованы, проблемы перевернуты, а инфарктные волнения у них будут вызывать даже слухи о наступивших переменах.

Посетив корреспондентский пункт «Литературной газеты», я понял, что «Комментарий» опубликован не будет. Я говорил о дезинформации, которую стотысячным тиражом распространила газета, а И. Фоняков сообщил мне, что Бобров в той иерархии, к которой принадлежал сам Фоняков, мало что значит. Это, по-видимому, должно было принести нам удовлетворение.

Тем не менее я сел, чтобы ответить М. Коносову: в газете «Смена» была опубликована его статья «Шире круг» (28 мая 1986 г.). Я сначала не поверил, что это «тот самый Коносов», который в студенческие годы участвовал в выпуске стенгазеты, где ниспровергал «соцреализм», потом его имя связывали с делом ВСХСОН[73]. Статья возмутила не тем, что ее автор, как говорится, «перекрасился», а тем, что он свою работу выполнил грязно – оскорбляя авторов сборника и обманывая читателей. Из монтажа надерганных фраз он создал «куклу», которую выдал за чистую монету. Так он поступил с рассказами И. Адамацкого «Каникулы», Б. Улановской «Альбиносы», П. Кожевникова «Аттестат», стихами В. Кривулина. Это была подделка под критику самого низкого

пошиба, на которую автор мог пойти, будучи уверенным в своей полной безнаказанности. Я понимал, что мой ответ не опубликуют, но молчать было нельзя. Во всяком случае, те, кто эту статью М. Коносова напечатал, оценку своей подлости получили.

> ***И. Адамацкий подвел краткий итог появлению «Круга»:***
>
> *Несмотря на неизвестность авторов, варварскую, несогласованную с авторами редактуру, скромный тираж сборника, он стал событием года. Рецензии появились в Париже, Нью-Йорке, Хельсинки.*
>
> *«Круг» выполнил роль бродильного начала, вызвал оживление полемики по выяснению места литературы в жизни общества сегодня и ее перспективы в будущем.*
>
> *Молодые композиторы – студенты консерватории написали несколько песен на стихи, опубликованные в сборнике.*
>
> *Теперь задача клуба: выпустить «Круг» № 2 из произведений авторов, не вошедших в первый клубный сборник»* [74].

«Круг» стал для литераторов страны первым знаком перестроечных перемен, а для нас по приобретенному опыту – эпизодом внутреннего расстройства тоталитарной системы вверху и внизу.

Вместе с тем некоторые авторы и читатели самиздата были разочарованы – им были известны ходившие в самиздате тексты более глубокие и яркие по содержанию, но мало кто догадывался, что сборник за три с половиной года прошел восьмикратное редактирование и цензурный досмотр, кочевал из Ленинграда в Москву и обратно. При этом все авторы прекрасно понимали, что из всего, что было ими написано, для «Круга» следовало выбрать самое *проходимое* (это называлось: «не дразнить быков»). Затянувшаяся история «Круга», многим показавшаяся главным показателем происходившего в культурном движении, прикрывала его растущие масштабы: число машинописных журналов увеличилось в два с половиной раза, независимые художники, литераторы, музыканты завоевывали новые площадки для выступлений и выставок.

Вернемся к началу 1986 года, от которого мы ждали многого.

Из моего дневника:

Говорил с Андреевым. Он, как и Коршунов, также учит нас «бесшумно ходить по коридорам». Он хочет, чтобы письмо от правления по поводу малотиражных издательств, адресовалось и

Бариновой, и ему. Предлагается готовящееся письмо в СП с указаниями на несогласованные с авторами редакторские вмешательства в тексты авторов «Круга» начать… с выражения благодарности этим редакторам. (Вполне в духе «коридорной этики».) Составил тезисы отчетного доклада на собрании 11 января. Необходимо определить стратегию клуба на ближайшее будущее, обосновать ее на накопленном нами опыте.

1. *В течение последнего года у членов клуба крепло убеждение, что мы живем в свое время, что перемены, направленные в сторону активизации общественных инициатив, подчеркивание возросшего доверия к личности в ответ на ее готовность к ответственности, призывы к преодолению узости партикуляризма, ведомственности, призывы к широкому государственному мышлению, отрицательному отношению к голословности, к краснобайству, – это те перемены и призывы, на которых мы, как граждане и как общественная организация, уже настаивали.*

2. *Мы не вступим в противоречие ни с одним членом клуба, если оценим положение литературы в стране критически. Тот, кто удовлетворен нынешним положением литературы, – не патриот, у него есть личные причины поддерживать статус-кво. Мы можем причислить себя к тем соотечественникам, которые видят огромный разрыв между целями нашей культуры и ее сегодняшним обиходом.*

3. *К самым существенным недостаткам относится крайне медленное превращение рукописей в книги (от 4 до 8 лет), лишающее произведения актуальности. Перегруженность редакций залежавшимися рукописями создает представление, что новые литераторы вообще не нужны.*

В ущерб разнообразию и информативности изданий огромными тиражами выходят книги, которые мало востребованы.

4. *Стагнация литературной критики.*

5. *Отсутствие произведений духовно-эмблематического смысла.*

6. *Бесконфликтность. Развращающее действие этой литературы.*

12 января

Вчера «на чердаке» было отчетное собрание. Еще не все собрались, когда кто-то сказал: «Савелия Низовского отвезли в больницу: у него после тяжелого разговора в «Детгизе» случился инфаркт». Андреев: «Товарищу нужно помочь… (Как?) Всех, кто готов участвовать в спиритическом сеансе, прошу собраться в одном месте». Все взволнованы и заинтригованы. Андреев продолжает: «Внимание!.. Все начинаем думать только о Савелии и

о нашем желании ему помочь, закроем глаза, – он там, на высокой горе, мы видим его… мы обо всем забыли… думаем только о нем… тихо, мы сконцентрировались… А теперь посылаем ему свою волю, энергию…»

Отчитывались руководители секций и я. Андреев в довольно грубой форме высказался о зарубежных эмигрантских издательствах – «мелкие воришки, а авторы, передающие им рукописи, пособники воришек». Подумал, что он вместе с Коршуновым готовился к этой встрече с нами.

Я пересказал разговоры с Коршуновым – первый болевой пункт для обсуждения. Сказал, что у нового правления клуба не может быть другой линии, как твердо придерживаться устава. С уставной точки зрения правление не поощряет публикации за рубежом, но они не являются противозаконными, и потому у нас нет законной мотивации осуждать эти публикации.

Второй болевой пункт – прием в клуб новых членов. Правила приема вызвали неудовольствие у Нестеровского и Новикова после предложения правления принять в клуб прозаика В. Губина; Бутырин, Кривулин, Беневич, Берг считают неоправданным отказ Правления принять в клуб С. Завьялова.

Изменение правил приема грозит нашему объединению утратить четкие границы – так, раскол в ТЭИИ начался с того, что параллельно Совету товарищества был создан Художественный совет. Авторитет организаций, подобных нашей, основывается на профессиональном уровне членов, стоит открыть двери всем – и у клуба начнется другая жизнь, им будут управлять дилетанты и политики.

Сегодня узнал, что вчера вечером, когда мы занимались коллективной медитацией, Савелию Низовскому стало легче.

После выхода «Круга» в свет правление направило письмо Г. Бариновой, в котором анализировалась история «Круга», подводился итог и делались выводы на будущее.

Мы писали: «Давно ушли в прошлое те времена, когда издатели жили ожиданиями поступления интересных произведений, отыскивали молодые таланты. Сейчас, как правило, издатели встречают автора сообщением, что портфель издательства заполнен на годы вперед, что этого автора никто не ждет, но зарегистрировать свою рукопись он может… Такого противоречия между динамизмом творческой активности литераторов и закостенелостью издательской практики невозможно припомнить…

Неуклюжая, расплывчатая система коллегиальной ответственности, неспособная к оперативности и гибкости, на наш взгляд, должна быть заменена иной, в которой функции

рецензирования, редактирования и цензуры четко разграничены. Только таким образом можно преодолеть уродливую перестраховку, маниакальные страхи перед неординарным произведением». Предложили создавать малотиражные издательства, которые позволят ускорить издательский процесс в 20 раз.

О секции поэзии рассказывает Сергей Стратановский:

В Клубе-81 были созданы секции: поэзии, прозы, критики и перевода. Я стал руководителем секции поэзии, Кирилл Бутырин – секции критики. Моей задачей была в первую очередь организация поэтических вечеров, а также сбор текстов для предполагаемых сборников. Вечера проходили сначала в конференц-зале музея Ф. М. Достоевского, потом в нашем «собственном» помещении на Лаврова, 5.

Клуб дал возможность поэтам «второй культуры» обрести более широкую аудиторию, чем та, что была у них в эпоху «квартирных чтений». Каждый из членов секции поэзии имел право на персональный вечер. Многих слушателей привлекли выступления таких известных в городе поэтов, как Елена Игнатова, Виктор Кривулин, Александр Миронов, Елена Шварц, Алексей Шельвах. Но мы не «варились в собственном соку»: выступали у нас и поэты, принципиально не вступившие в клуб (Тамара Буковская, Владимир Эрль, Владимир Ханан) и «гастролеры» из других городов: «трансфуристы» из Ейска, саратовцы и, конечно же, москвичи. Из Москвы приезжали «метаметафористы» (Алексей Парщиков, Илья Кутик), «концептуалисты» (Дмитрий Александрович Пригов, Лев Рубинштейн), поэты группы «Московское время»: Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Александр Сопровский. Удалось выступить у нас и гонимому тогда Юрию Кублановскому.

Как правило, вечера поэзии проходили без обсуждения, но были и исключения. Дискуссия, например, возникла на вечере Александра Миронова, причем критические высказывания о его стихах принадлежали мне. (Потом свое мнение я оформил в виде заметки, помещенной в 4-м номере «Обводного канала».) Теперь я отношусь к творчеству Миронова иначе, считаю его замечательным поэтом, но тогда его поэтический мир казался мне слишком «декадентским».

Были и попытки осмыслить творчество своих собратьев по перу на «научном» уровне. Так, чуткий ко всему новому Кривулин увлекся психоанализом Лакана и проанализировал по методу Лакана одно из стихотворений Шельваха. Шельвах при этом присутствовал и был, как мне кажется, удивлен тем, что обнаружил в его стихотворении Виктор, но не возражал.

Клуб был открыт для приема новых членов. Процедура приема заключалась в чтении и обсуждении произведений кандидата. Особенно интенсивно пополнялась секция перевода, но и у секции поэзии были свои приобретения, например, талантливый и энергичный Сергей Завьялов, Александра Сазонова…

Деятельность клуба проходила в некоем диалоге-противостоянии с Союзом писателей. Там были и явные его противники, и люди, относившиеся к клубу с настороженным интересом. По этой причине и возникла необходимость «показать лицо», то есть провести несколько вечеров в Доме писателя. Первый из них состоялся весной 1983 года, и условием его проведения был предварительный отбор текстов. Вход был по пригласительным билетам.

Помимо вечеров, запомнились конференции по «второй культуре», привлекавшие большое количество слушателей и бывшие естественным продолжением «подпольных» конференций конца 70-х годов. Сама их атмосфера была праздничной, даже независимо от качества докладов, а тематика самая разнообразная, не обязательно литературная.

Чтобы дать представление о том, как работал клуб, приведу сохранившуюся у меня программку на апрель 1986 года.

4. Клуб-81 в Красной гостиной Дома писателя: Кедров + Парщиков.

9. Общее собрание на прием в секцию поэзии: А. Сазоновой, С. Завьялова.

11. *Секция перевода: новые переводы (отв. Хренов).*

15. *Поэзия: Ширали, чтение (отв. Шнейдерман).*

20. *Субботник с 12.00 до 16.00: взять тряпки и стиральный порошок.*

21. *Критика: подготовка к конференции (отв. Бутырин).*

23. *Поэзия: Шалыт, чтение (отв. Шнейдерман).*

24. *Проза: Кожевников, Адамацкий (отв. Кожевников,*

Адамацкий).

25, 26, 27. 3-я весенняя конференция Клуба-81.

28. *Клуб-81 в Белом зале Дома писателя (следите за рекламой).*

30. *Возможно, поэзия, возможно, чтение.*

Мы часто слышали от официальных лиц, что делаем ошибку, полагаясь на публикации своих авторов только в клубных сборниках, – их творчество может найти место в журналах и общегородских ежегодниках. В письме, направленном в апреле 1986 года на имя Г. Бариновой, правление изложило историю одной такой попытки.

> «В прошлом году, в процессе формирования поэтического сборника „Невские берега“ Клуб-81 получил предложение в нем участвовать. Авторы клуба (около двадцати человек) предъявили редакции подборки своих вещей… Из их числа член ЛО ССП, доктор филологических наук Ю. А. Андреев составил подборку, отобрав по 2–3 стихотворения каждого автора, которые, по его мнению, вполне соответствовали тематике сборника». Далее рассказывалось, что через год от редакции «Невские берега» поступило предложение – дополнить поданные материалы. «Однако через несколько дней, уже косвенным путем, члены клуба узнали, что привлечение их в сборник было крайне недоброжелательно встречено главным редактором поэтического отдела еще до приглашения их участвовать в сборнике. В результате, за исключением *одного-единственного* стихотворения все прочие рукописи были возвращены за ненадобностью».
>
> При выяснении причин такого отбора главный редактор А. Белинский «дал понять, что поэтическая продукция клуба ему принципиально не по вкусу» и если «она почему-то прошла в сборнике „Круг“, то не может пройти в сборник „Невские берега“». Все одобренные им тексты «ориентированы лишь на подчеркнутую гражданственность, патриотическую и производственную тематику». Возражение, что наш город не только промышленный, но и культурный центр с вековыми традициями, его великая поэзия дышит ими, – в расчет принято не было. Белинский дополнил: «Поэзия в настоящее время является не ходким товаром, даже ведущие поэты, профессионалы, члены СП не спасают положение, и вообще вопросы о качестве поэзии и о ее

содержательной стороне лишены четких критериев, каждый волен решать так, как считает нужным для дела».

«На вопрос, кто отбирал произведения, последовал ответ: этим делом занимались трое *профессиональных поэтов,* имена которых А. И. Белинский наотрез отказался назвать. Показательна эта тенденция к анонимности рецензентов, продолжающаяся в издательском деле. По нашему глубокому убеждению, анонимный рецензент ничем не отличается от обычного анонимщика».

В письме говорилось, что эта история произошла через месяц после встречи правления клуба с секретариатом ЛО ССП, на которой «мы получили заверения в доброжелательной позиции секретариата к клубу в целом, в конструктивном рассмотрении шагов, направленных на издание произведений авторов клуба в ленинградских издательствах, в том числе в коллективных и антологических сборниках… Установки членов редколлегии „Лениздата“… непосредственно ответственны за издание книг, откровенно профанирующих значительные темы современности».

Не думаю, что Г. Бариновой легко было снести уничижительную характеристику «Лениздата» – этого бастиона обкомовского отдела пропаганды и агитации.

Персонажами другого инцидента и другого письма были работники нового Дворца молодежи. Его автор – прозаик Игорь Смирнов; в его задачу входило установление контактов с учреждениями культпросвета и организация литературных вечеров с участием членов клуба. Смирнов писал: в переговорах с администрацией Дворца молодежи было достигнуто соглашение: Клуб-81 будет ежемесячно бесплатно проводить литературные вечера для посетителей кинолекционного зала дворца. Предварительный просмотр текстов Ю. Андреев взял на себя. Первый вечер был запланирован на 29 апреля. Оргсектору ДК был передан текст объявления о чтениях. В клубе составлялись планы, велись переговоры с авторами, отбирались тексты, разрабатывался литературный комментарий…

«22 апреля, попытавшись выяснить, оповещен ли город о нашем выступлении, я узнал, что не только никаким оповещением дворец не занимался, но и проведение самого мероприятия запрещено!» Запрещение исходило от Н. Долговой, исполняющей обязанности замдиректора дворца. Запрет она

объяснила перегруженностью кинозала. Смирнов ловит ее на лжи – он знает: «зал постоянно недогружен» и литературные вечера уже включены в график его работы. Чиновная дама продолжает врать. «Истинный мотив, – писал Смирнов, – выявился в конце беседы». Оказалось, ее запрет – часть карьерной интриги (борьбы за должность замдиректора дворца) и выражения открытой неприязни к клубу».

В этом конфликте на поверхность скандально-грубо вышло истинное положение советской культуры. Литература и искусство обслуживали функционирование партийно-государственного аппарата пропаганды и агитации, повернутого спиной к потребителю, к народу. Творческие союзы были воспитаны и выкормлены этим аппаратом. Решения публиковать – не публиковать, показывать – не показывать не выходили за границу ведомственных отношений, в которых административная компетенция питалась информацией своей собственной *служивой интеллигенции*, к которой относились и наш куратор, и все рецензенты, редакторы, издатели, члены Союза писателей, за малым исключением руководители ЛИТО.

Подобные конфликты предвещали тот конфликт, который вскоре потрясет всю страну, когда Горбачев столкнется с железобетонным политическим идиотизмом назаровых-хренковых-нинаандреевых, добавим сюда и мадам долговых. Ничто так не дискредитировало хозяев жизни, как их невежество и вранье – по радио, в газетах, в объяснениях и оправданиях своей политики, в клеветнических характеристиках тех, кого власть считала своим противником. Система, воспитанная на вранье, отказывалась отвечать за решение тяжелых социокультурных проблем, которые она сама породила.

План на май

У нас в гостях московские поэты А. Парщиков, И. Жданов, А. Еременко. Начало в 18.00 на П. Лаврова. Отв. Стратановский.

14 мая: В. Кривулин и Е. Шварц в гостях у СП. 18.00. Дом писателя.

16 мая: О. Павловский читает новую прозу. 19.30. Отв. Подольский.

18 мая: Новые переводы. 20.00. Пр. Чернышевского. Отв. Хренов.

19 мая: Гитарист Рашид Фанов. 19.00. Отв. Новиков.

22 мая: Чтение Л. Дмитриева. 19.00. Отв. Стратановский.

23 мая: А. Бартов читает новые рассказы. 19.30. Отв. Подольский.

25 мая: У нас в гостях Д. Пригов и Е. Попов. 17.00. Отв. Берг.

30 мая: Знакомство с прозой Шинкарева. 19.30. Отв. Новиков.

3 мая

Вечер в Союзе писателей, своего рода шутка истории: в центре ретроградства в одном помещении С. Ковальский с Ю. Рыбаковым демонстрировали слайды картин Товарищества, в это же время в задней комнате С. Курехин, Б. Гребенщиков, А. Драгомощенко толковали о музыке – о втором этапе русского модернизма.

Кажется бесспорным, что наш путь развития уже прошел первый этап – создание малых творческих групп, проходит второй – их социализацию и третий – выделение их существования и деятельности в область гражданского права.

24–28 июня в Москве прошел 8-й съезд Союза писателей СССР. После выступления на съезде Союза писателей Ю. Андреев стал о себе более высокого мнения. Его рассказ о том, как он с трибуны съезда говорил не по бумажке, не оглядываясь на членов ЦК в президиуме, и как его поддерживал зал, был трогателен!..

В № 63 журнал «Часы» (1986) опубликовал подборку материалов «Аспекты культурного движения». В нее вошли: редакционная статья, посвященная первым результатам действия «Положения о любительском объединении, клубе по интересам»: корреспонденция москвича Леонида Жукова «О московском клубе творческой молодежи „Поэзия“» и текст его устава; публикация И. Потапова «Новый театр»; хроника мероприятий, проведенных ТЭИИ за шесть месяцев текущего года; информация о вручении Премии Андрея Белого за 1985 год. Судя только по названным публикациям, видно, как культурное движение – не только нашего города – бурно развивается по многим направлениям и становится все более масштабным.

В редакционной статье «Часов» отмечалось, что «до последнего времени ленинградское литературное объединение Клуб-81 и Горком московских художников были единственными объединениями неофициалов, *встроенными в систему*. Первого июня в Москве создан клуб „Поэзия“ под давлением столичного культурного движения, которое было не только наслышано о работе Клуба-81, но и знало о выступлениях в клубе московских поэтов и прозаиков. Московские идеологи основательно

поработали над уставом „Поэзии“. Опыт нашего клуба был проанализирован, усовершенствован, и… создан классический образец – до какого идиотизма могут дойти идеологи партократии».

Кто же будет «Поэзией» руководить? Из устава узнаем: общее руководство и контроль за деятельностью клуба осуществляют: 1) райисполком и 2) Дом культуры «Содружество». Райисполком утверждает план работы, смету расходов и доходов. Общее методическое руководство принадлежит 3) Единому научно-методическому центру (ЕНМЦ) народного творчества и культпросветработы ГУК Москгорисполкома. Это административное чудовище – ЕНМЦ также утверждает план работы своего детища, *литует* (то есть санкционирует или запрещает) программы выступлений и использование литературных материалов; 4) руководителем клуба утверждается член Союза писателей на секретариате правления МО СП РСФСР. В Совет клуба, кроме избранных на общем собрании членов клуба, входят представители Дома культуры, райисполкома и ЕНМЦ. Председатель получает зарплату, установленную 5) Госкотрудом, 6) ВДСПС и 7) Минфином СССР. Устав предусматривает премии, оплату консультантов, лекторов, художников и других специалистов[75].

Этот колоссальный бюрократический навес над краснощекой поэтической московской молодежью Бабушкинского района брал на себя «научно-методическое» воспитание, обучение и просвещение будущих солдат СОЦРЕАЛИЗМА. В этом перечне обозначены учреждения, кабинеты, центры – те вехи маршрутов, по которым они должны были научиться ходить, знать, кому внимать и козырять: «Будет сделано!» Господа, вы же возвращаетесь к наивной уверенности ваших прадедов, которые не сомневались, что «интеллигенцию нужно штамповать, как на заводе штампуют детали»!

Читатель сам сумеет прочувствовать всю парадоксальность коллизии. Власть, не сумев найти общего языка с неофициалами, попыталась привлечь на свою сторону и воспитать в *кружках* и *студиях* идеологически выверенное молодое литературное поколение. Это была последняя и неумная попытка постаревших *шестидесятников* омолодить Утопию-1. В годы «оттепели» – в конце1950-х–начале 1960-х – когда куратор Клуба-81 Ю. Андреев был молод, хлопотливая забота о молодом поколении была бы им принята. В середине 1980-х эта попытка окончательно лишила Утопию-1 доверия, а ее отцы, скорее всего, даже не успели получить зарплату.

Наблюдая за формированием одного районного молодежного

центра Ленинграда, можно увидеть, как в русло, прорытое Положением о любительских объединениях, вошли, не смешиваясь… два потока. Один – именно та молодежь, которую предполагается воспитать в духе «социальной активности, самодеятельности, инициативности», дать возможность развить свои творческие возможности. Эта молодежь в день учредительного собрания в Доме культуры робко жалась к стенам, ждала распоряжений, с надеждой и почтительностью взирала на мелькающих штатных работников культпросвета. Другой – молодые, но и не только молодые люди, они хорошо знали друг друга, хотя здесь были впервые, их самоуверенность бросалась в глаза. Это были те, кого не нужно было учить инициативе, творческой самодеятельности и социальной активности, – те, кого называют *неофициалами*, именно они задали на собрании тон.

После общего учредительного собрания центра… в кабинете заведующего художественной частью ДК произошел любопытный разговор: по мнению культпросветчиков, многие, вступившие в центр, не понимают, что в конце концов речь идет об организации их досуга и не более. То есть сами культпросветчики не понимали, а идеологи культурной политики им не объяснили, что Положение должно создать массовое творческое движение, *альтернативное культурному движению* – тем сотням и сотням художников, поэтов, прозаиков, бардов, рок-групп, которые уже много лет отстаивали свое право на свободу творчества. Свой замысел власти оформили в проекте московского клуба «Поэзия», без сомнения оглядываясь на наш петербургский опыт.

Несколько штрихов к образованию клуба в Москве. Москвичей не удовлетворяло помещение, которое они получили: 25 квадратных метров на 150 человек, записавшихся в клуб. В сравнении с ними мы были богачами – помещение на Петра Лаврова в 30 квадратных метров и не менее 50 квадратных метров чердака на пр. Чернышевского. Л. Жуков рассказал о хаосе, который царит в клубе «Поэзия», – Клуб-81, по его оценке, выглядит чуть ли не идеалом организованности. (Правда, каждое свое появление в клубе я начинал с того, что брался за метлу, ибо у нас не было должности уборщика-уборщицы, но общаться мы действительно научились.) С москвичами совпадали наши планы на будущее: создать кооперативные издательства.

Еще одно различие. Московский клуб активно поддерживали многие известные критики и поэты; в Ленинграде члены СП, даже морально нам сочувствующие, предпочитали свое сочувствие скрывать. Что касается молодежного центра «Петроградец», о котором говорилось выше, администрация решила изгнать все те

десятки клубов с творческими намерениями, успевших в центре зарегистрироваться. Администрация спохватилась: хозяевами ДК являются заводские профсоюзные организации, а не инстанции, ведающие культурой.

В разделе «Хроника» «Часы» сообщали, что в мастерских художников ТЭИИ проведен День открытых дверей, их посетили более тысячи человек; петербургские художники встречались с московскими; были проведены показы слайдов, сопровождавшиеся комментариями: один – в сопровождении музыкальной импровизации Сергея Курехина, другой – в контексте литературно-музыкального вечера Клуба-81.

«Часы» рассказывали о нашумевшем конфликте комиссии, состоявшей из представителей ЛДМ[76] Управления культуры, ЛО СХ и КГБ, произошедшем при просмотре представленных на вернисаж работ 186 художников. 44 работы было велено удалить. В знак протеста большинство художников решили снять свои работы – уже объявленная выставка была сорвана. Товарищество направило коллективное письмо в ЦК КПСС, а затем послало в Москву своих представителей… Во время продолжающегося конфликта художники потребовали от властей официального признания своего объединения, какое получил Клуб-81. Ответ властей: ТЭИИ не получит признания до тех пор, пока объединение не включит в свой устав положение «о главенствующей роли в своем творчестве соцреализма». Художники оспаривали это требование, ссылаясь на устав Клуба-81, в котором сие слово не значится.

В журнале была помещена реплика[77] на статью в городской газете «Смена» С. Шевчука «Диковинные плоды… творчества. Художник на пленэре». Литераторы отмечали ее сходство со статьей М. Коносова в той же газете на сборник клуба «Круг» – такое же вранье, невежество и наглость.

И. Адамацкий. Мелочи жизни

Жизнь клуба лишь косвенно, но все же касалась двора, на который выходят все окна клуба. Когда после общих собраний литераторы выходили покурить во двор и побазарить, они представляли экзотическое сборище – своим видом, одеждой, темами своих разговоров. В хорошую погоду окна нашего полуподвала оставались открытыми, на подоконниках рассаживались те, кому не достались места на стульях. Через окна входили и выходили. Чтение стихов, горячие дискуссии прослушивались во всем маленьком пространстве двора с деревцами и парой скамеек. Во время репетиции

театральной студии Э. Горошевского из занавешенных окон нашего убежища раздавались то вопли кровавой драмы, то горячие любовные признания. Старожилы дома волновались, писали в милицию о безобразиях, которые творятся в клубе.

Правление давало объяснения. На входных дверях клуба стали появляться прикнопленные стихи – помню стихи о весне и о дружбе всех со всеми. Почерк детский. Если бы наши поэты писали такие стихи, вряд ли Клуб-81 был бы им нужен.

Управляющему Трестом № 1
Дзержинского РЖУ Федотову В. М.

Жалобы жильцов (на шум в клубе, выпивки, скопление клубной публики во дворе дома. – Б. И.) ни разу не находили подтверждения. Приглашаемые наряды милиции, дружинники, участковые уполномоченные и представители Вашей организации ни разу за все время аренды не обнаружили нарушений правил общественного порядка, ни разу не были зафиксированы случаи употребления спиртных напитков. Комиссия составила акт, когда помещение клуба было закрыто и никаких мероприятий не проводилось.

Правление Клуба-81

Клуб, поставивший перед собой задачу расширить контакты с городской аудиторией, решал ее в основном за счет организации поэтических вечеров – известно, что чтение серьезной прозы с эстрады воспринимается с трудом. Популярность Виктора Кривулина, Елены Шварц, Александра Миронова, Сергея Стратановского обеспечивала полные залы и в Союзе писателей, и в домах культуры. Но и выступления *неэстрадных* поэтов – Петра Чейгина, Олега Охапкина, Аркадия Драгомощенко, Ольги Бешенковской, Елены Игнатовой, Виктора Ширали, Алексея Шельваха, Сергея Магида, Сергея Завьялова, Олега Павловского, Владимира Кучерявкина, Зои Эзрохи, Владимира Уфлянда, Александра Горнона, Александры Сазоновой, Эдуарда Шнейдермана, Никиты Блинова, Бориса Лихтенфельда – также привлекали к себе внимание.

Члены секции критики, помимо подготовки семинаров и конференций, провели исследования творчества Л. Аронзона (А. Степанов), О. Мандельштама (Г. Беневич, А. Шуфрин), Е. Шварц (В. Кушев, Е. Пазухин, Д. Панченко), С. Стратановского и В. Высоцкого (К. Бутырин), В. Нестеровского и П. Чейгина (Ю. Новиков), А. Шельваха (В. Кривулин). Зарубежная поэзия

обсуждалась в секции переводчиков.

«Круг-2»

Вокруг первого сборника клуба еще развертывалась борьба за его публикацию, когда в издательство «Советский писатель» клуб представил «Круг № 2» (заявка датирована 25 декабря 1983 года). Как и в первом «Круге», в книге планировались три раздела – проза, поэзия, критика. В отдел прозы предполагалось включить повести «Охота на серебристоухого енота» И. Беляева, «Между строк, или Читая мемории, а может просто – Василий Васильевич» М. Берга, «Ночь длинна и тиха, пастырь режет овец» Б. Иванова, рассказы С. Коровина и А. Петрякова.

Критический раздел включал статьи Д. Топчиева (псевдоним Дмитрия Панченко), о поэтическом цикле Е. Шварц «Кинфия», Э. Шнейдермана о поэте, прозаике и живописце А. Мореве, эссе Б. Улановской и К. Бутырина о проблемах современной литературы. В состав вошли также статьи А. Кана о новом джазе и Ю. Новикова об изобразительном искусстве. Сборник представлял независимую культуру в широком спектре своих интересов и проявлений. Всего в нем участвовало 33 автора.

Издательство вежливо ответило: говорить о сборнике рано – прежде нужно издать первый; что касается нумерации сборников, то наша идея явно не понравилась: что же получится – журнал? альманах? Мы считали важным предупредить читателя о специфике творчества, которое он встретит в книге, издатели же полагали это вызовом советской литературе – претензией на *самобытность*.

Проблему второго сборника клуб поднимал в 1984 и 1985 годах, мотивируя свою настойчивость прежде всего тем, что творчество многих членов клуба в первом сборнике представлено не было. Но генеральное сражение развернулось лишь в 1986-м, когда произошли кое-какие события в большой политике. Первые заявления М. Горбачева, ставшего генсеком в марте 1985 года, о «дальнейшем развитии социалистической демократии» воспринимались как риторические. Но прозвучали слова «гласность», «перестройка» – как средства борьбы с бюрократической косностью, как совершенствование социально-экономических механизмов системы.

В одном из своих выступлений Горбачев выразился почти на нашем языке: «Всем нашим кадрам дан шанс понять требование момента и перестроиться. Кто не может или не хочет это сделать – пусть уйдет». Когда мы группой приходили в издательство СП,

на стене против входной двери читали цитату из речи Михаила Сергеевича, требовавшую от всех входящих бесстрашной правдивости, непримиримости к недостаткам и других гражданских доблестей. Казалось, в кабинетах «Советского писателя» авторы «Круга» сразу же попадут в объятия горячих сторонников этих идей.

Летом издательство предложило правлению клуба встретиться. Нас ожидал шокирующий сюрприз. В конференц-зале навстречу, как засадный полк, выскочил Помпеев (заместитель главного редактора издательства, всю жизнь сочинял очерки о жизни и деятельности тов. Ленина). Нас усадили за стол, как на скамью подсудимых. По другую сторону длинного стола места заняли Г. Баринова, В. Назаров, Ю. Помпеев, А. Чепуров. Были и другие лица из обкома КПСС и, видимо, из КГБ. Андреев не присутствовал.

Начальство к встрече явно готовилось и… «перестроилось». С первых слов нам дали понять: никакого обсуждения выдвигаемых клубом вопросов не будет, нас пригласили для того, чтобы продемонстрировать полное единство обкома, Союза писателей и издательства и заявить, что наша политика играть на ведомственных и личных противоречиях раскушена и никого более не введет в заблуждение. Клуб после издания «Круга» лишался *привилегий* и приравнивался к ЛИТО, а таких объединений в городе – 50 штук[78]. Мы не ожидали подобного дипломатического демарша – заявления о фактическом «разводе».

Что мы могли противопоставить вымуштрованной организации? И в то же время происходящее было каким-то несерьезным бездарным представлением. Я оказался за столом напротив председателя ЛО ССП Анатолия Чепурова. Он тихо меня спросил: «Иванов, вы не хотели бы опубликовать *свою* книгу?» Это была откровенная покупка. Я тихо сказал: «Как председатель клуба, я начну думать о своих публикациях, когда будут публикации у всех членов клуба».

Обсуждать было нечего. Мы молча вышли на Литейный проспект. Мы были, остаемся и останемся невоспитуемыми…

Очевидно, «Лесючевские и К°» создали влиятельный пул из ветеранов застоя.

После устроенной нам сцены можно было ожидать роспуск клуба. Лично меня такая перспектива не страшила – я знал, что *клуб будет жить:* ни единым волоском, ни единым словом нашего устава – ничем мы не были обязаны власти. Власть могла нам вредить, но сие не было для нас новостью. Но если в 1981 году КГБ требовал, чтобы мы прекратили выпуск машинописных журналов, то за пять лет там привыкли читать наши журналы, как

мы читали тамиздат, и знали, что нас за решетку не посадишь, как не посадишь *действительность*. Через год пленум ЦК КПСС объявит о политике «гласности» – и тем самым расколет семнадцатимиллионную КПСС на куски.

Та обеспокоенность, которую я выразил в предновогоднюю встречу на Чернышевского Коршунову, оправдалась в худшем варианте. Власть дала понять, что будет иметь дело лишь с теми членами клуба, которые докажут ей свою личную преданность.

Наметились протеже Ю. Андреева: поэты Владимир Нестеровский и Виктор Ширали (позднее – прозаик Петр Кожевников, который был обязан Андрееву прекращением против него уголовного дела). Ю. Новиков назвал Нестеровского «поэтом социального низа». Он оказался на самом социальном дне – алкоголизм лишил его воли и способности отвечать за свою собственную судьбу. Даже работа в сторожке или котельной была ему не по силам. Он искали защиту среди сердобольных женщин и покровителей среди влиятельных лиц в литературе.

Серия «Мастерская» – занятный продукт административного творчества, что-то вроде резервации для (еще) неполноценных произведений – стала ответом издательства на принуждение опубликовать сборник «Круг». Коварство плана заключалось в том, что «Круг», открывавший эту серию и включавший произведения авторов из среды тех, кто долгие годы вел борьбу за либерализацию издательской политики, уже со второго выпуска отдавался сочинениям членов ЛИТО. Сделав эту подтасовку, издательство, можно подумать, пошло навстречу воспитанникам заводских, студенческих и иных ЛИТО, среди которых, наверное, многие хотели и могли стать писателями. Но их творчество не имело шансов ни увлечь читателей, ни стать достоянием самиздата и тем более тамиздата. Решение актуальных острых проблем культурной политики («покончить с самиздатом и тамиздатом») было размазано и похоронено еще до выхода «Круга» в свет. Члены клуба поняли: перспективы публикаций у них нет. Я – уже после выхода в свет «Круга» – заявил Коршунову об этом прямо.

Коршунов и его помощники негодовали, отметив резкий рост числа публикаций самиздатчиков за рубежом. Я объяснял: «У людей жизнь проходит, на родине их не публикуют. Они не могут по-прежнему писать в стол. Никаких гарантий на признание в будущем – вот что означает отказ издавать „Круг № 2“». Интрига Назарова–Помпеева ничего не стоила по отношению к действительной проблеме – власть в который раз усыпила себя видимостью выполненной работы.

Итак: сборник «Круг-2» и сборники стихов и прозы,

собранные к этому времени клубом, поставлены на очередь. Вопросы об их публикации будут рассматриваться лишь после того, как в серии «Мастерская» будут изданы сборники членов городских ЛИТО (а их в городе 50). *«А чем ваш клуб лучше их?»* Наглый взгляд в глаза, ожидание наших жалоб, сетований: *«Вы же обещали!»*… Оскорбления, унижения не прощаются. Мы перестали уважать тех, с кем пытались сотрудничать.

«Красный щедринец»

К середине 80-х годов в неофициальной литературе (Москва, Ленинград) появилось новое течение, которое я назвал «развлекательным». Это наименование было отнесено к «Митиному журналу» на дискуссии по докладу А. Кобака и Б. Останина «Молния и радуга. Пути культуры 60–80-х годов» в декабре 1985 года. Дискуссия подтвердила основной вывод докладчиков: независимая литература, до того времени более или менее однородная по своим ориентирам, переживает процесс дифференциации. Присутствуя на творческих вечерах в клубе, можно было убедиться, что говорить нужно не только о развлекательной литературе, в значительной мере представленной литературой переводной, но и о бурном развитии литературы сатирической. Сатирическая волна не случайно шла из Москвы, где признаки культурного и морального разложения режима стали приобретать циклопические масштабы и анекдотические формы. Выступления в клубе «бригад» московских сатириков Д. Пригова, В. Сорокина, Ю. Гуголева, братьев Александра и Михаила Барашей и других производили ошеломительное впечатление. Они со смелостью смертников сокрушали священные мифы и преступали грозные табу. Абсурдизм, соцарт, примитив в старых и новых жанрах получили яркое развитие. Мы по-настоящему оценили питерских стихотворцев этих направлений Владлена Гаврильчика, Владимира Уфлянда, хеленуктов.

В 1986 году в добавление к журналу «Часы» я начал издавать первый в стране самиздатский сатирический журнал «Красный щедринец», в котором стали публиковаться И. Адамацкий, А. Бартов, О. Бешенковская, стихи В. Уфлянда, москвичей А. Бараша, Д. Пригова, Н. Байтова, впервые были опубликованы очерки В. Шинкарева («Митьки»), появились переводы зарубежного юмора.

Все то презрение, которое вытесняло терпеливое многолетнее ожидание от власти способности к переменам в культурной политике, выплеснулось наружу. Сатира – антипод выражению

любовного чувства: оно так же копится, сдерживается и вдруг прорывается, подчиняя себе мышление и поступки; сатира – ответ души на травмы общественного бытия. Фельетоны на литературные темы в «Красном щедринце» заняли центральное место. Приведу один из них.

6 сентября

Сегодня в Манеже концерт Курехина – на белом мраморе (кажется, искусственном) [79] *. Это не то, что делалось им прежде, это настоящий «поп», которому бессмысленно противостоять. Синтезатор сделал Курехина всесильным. Африка – лицедей и сюрчеловек, что-то вроде видеокассеты. Бутман (сакс) – виртуозен и музыкален – иногда не совпадает с тем, что делают коллеги по группе. Он играет музыку, но не себя. Курехин делает музыку, оставаясь ее алхимиком. В этом разница. Он, Вампилов и другие (ГТЧ) играли себя. Теперь дистанция через юмор, пародию, балаган и обыденность, которую лишь подчеркивает пальма на выбритой голове лицедея. Все это близко московским сатирикам – Пригову, «мухоморам»…*

Цитат немного, стилизации – почти цитаты, дозируется лишь то, что вызывает «вибрацию» слушателей – ретроспектива, ритм, сентимент. «Поп» – тот постмодерн, который завлекает индивида в гедонистическую ловушку.

Курехин перестал «угрожать», он смягчил нападение контрастов, композицию назвал «Последний вальс Пушкина». Но не Пушкина он сделал Петрушкой, а голос, читающий: «…то как зверь она завоет, то заплачет…» – фразу обрубает, искажает, заедает – аналог картинки Гаврильчика «Руслан и Голова». Размышления о поэзии… Это и мои охранники, которые в рассказе «Верните аисту перья» говорят о поэзии. От голоса к лицедею с машинными движениями – к «человеку без качеств». А кто же тот, который пародирует, импровизирует? Что он может сказать о себе? Ничего, почти ничего. Анатолий (Родион) Заверняев [80] *пробовал представить «поп» Курехина как маску экзистенциального бунта – получилось кривляние и пародия.*

«Поп» – это отсутствие субъекта как такового, не «субъект», а «механика», осевшая в индивиде популярная музыка.

6 сентября

Литературоведение продолжает быть уверенным, что существует канон, по которому может производиться неограниченное число гениальных произведений. Производиться множество произведений может, но для этого нужно уничтожить слово «гений».

7 сентября

Долго сидел у Чирскова. Он сказал, что сейчас время хаоса,

неопределенное, и он решил поберечь свои силы, и поберечь посоветовал мне. Внутренне я согласился с ним. Хотя предчувствую, что уже сейчас мы оказались неспособными использовать открывшиеся возможности. Что-то стронулось в сознании. Но то, с чем нам придется иметь дело независимо от того, к чему мы и другие будут готовы, – это нищета страны.

Я живу почти на 100 процентов своей активности – разбросанной, но адекватной неопределенности, окружающей нас. Перераспределение сил возможно и нужно.

Семинар по критике на «Круг», судя по первому заседанию, получается скучным и поверхностным.

Запись симптоматична. Первые, казалось бы, ничего не изменившие в стране события уже запустили в ход почти невидимые внутренние процессы. В ожидании перемен сознание забегает вперед и начинает плести паутину будущего. Это целиком относилось ко мне, когда я проектировал «толстый» самиздат, затем конференции и наконец клуб. Я предчувствовал, что все это мне удастся, именно мне, потому что нужен был организационный опыт и широкий взгляд на происходящее. Первые изменения политического климата, напротив, стимулировали индивидуальные виды на будущее. Культурная среда начала распадаться на группы приятелей, исключая из сознания спасительную важность коллективной обороны. Возможности эмиграции уже потрясли ее. Указы о кооперативах, в частности, вызвали сильнейший резонанс другого порядка – борьбу за финансы. В руках незаметных субъектов оказались типографии, издательства, я встретил в метро еврея болезненного вида, которого сопровождала семья, взволнованная богатством охраняемого ими главы семейства.

Меня стали знакомить с людьми случайного вида, у которых много денег, но им нужны люди, способные сделать из них еще больше. Они замечательны тем, что с первого же взгляда сквозь тебя способны увидеть, есть эти деньги или нет.

Клуб-81 в октябре

3.10. Критика: С. Лебедев, «Масоны в России». По отечественным источникам (доклад).

6.10. Критика: обсуждение статей, посвященных «Кругу» (отв. Иванов).

8.10. Правление: проект издательства.

10.10. Перевод: обсуждение «Предлога» № 9 (отв.

Хренов).

13.10. Обсуждение статей, посвященных «Кругу» (продолжение 6.10).

15.10. А. Черкасов, автор-исполнитель (отв. Илин).

17.10. Клуб-81 в клубе «Красный Октябрь», нач. в 20 час. – билеты у входа в клуб, цена 60 коп.

21.10. Правление.

22.10. Поэзия: литературная группа «Среда» (отв. Шнейдерман).

24.10. Проза: собрание секции, чтения (отв. Михайлов).

29.10. Поэзия: П. Чейгин, А. Филиппов, чтения (отв. Илин).

30.10. Проза: Кожевников, Адамацкий: чтения (отв. оба).

31.10. Перевод: новые переводы (отв. Кучерявкин).

СЕМИНАР: «Экология и экология культуры» – 1 ноября.

22 октября

Много разговоров вокруг проектов кооперативных издательств. Не верю в их осуществление, вижу чудовищное болото на этом пути. С удовольствием переложил бы этот груз на чьи-нибудь плечи.

«ЛГ» от 15 октября – полемические заметки о судьбах любительского музыкального течения, Вас. Голованов «Словно рок над этим роком». Это, кажется, первая информация о самиздатских журналах – «Ухо», «Рокси».

27 октября

В «Нашем современнике» статья Казинцева. Абзац против «Круга» – вся же статья против новой литературы и против М. Эпштейна. Новой критике нужно собраться под знаменем какого-нибудь журнала. Хочется затеять переписку с А. Мальгиным и М. Эпштейном.

Создавать клубный журнал нужно уже сейчас.

Написать статью для «Литературной учебы». Вопрос о романтизме.

2 ноября

Было собрание в ДК «Красный Октябрь». Кривулин составил Совет альманаха. Вчера позвонил Охапкин, в этот Совет приглашенный, и сказал, что все развалилось. Турилова сказала, что альманаха не будет, но издавать самиздат удастся, и пр. глупости.

Клуб-81 в декабре

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ КЛУБА ИМЕЕТ БЫТЬ 13 ДЕКАБРЯ В 15 ЧАСОВ НА П. ЛАВРОВА, 5 (явка строго обязательна).

02.12. Правление: обсуждение документов по издательству (отв. Иванов).

03.12. Гости: Р. Фашин, «Акустическая гитара», В. Заклинский (перкашн).

08.12. Критика: Экология культуры (отв. Новиков).

09.12. Критика: С. Родыгин: «Слово о полку…» в свете лингвистических данных.

10.12. Авторский вечер С. Магида (отв. Шнейдерман).

11.12. Проза: новое (следите за рекламой).

13.12. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ: дело В. Нестеровского; обсуждение издательских проблем; отчет-выборы; начало в 15 часов.

16.12. Критика: А. Бартов: Дихотомия литературного процесса (отв. Бутырин).

17.12. Гости: Л. Израэлит, Н. Абельская (отв. Илин).

18.12. Проза: В. Лапенков (отв. Бутырин).

21.12. Вечер к 80-летию С. Беккета (отв. Волчек).

21.12. Критика: Экология культуры (отв. Новиков).

Правление Клуба-81 приносит извинения С. Магиду и В. Кучерявкину за срыв их авторского вечера.

12 декабря

Разговор с В. Сусловым. Впечатление: Вольт Николаевич явно «очепурился»: за добродушием и доверительностью – изворотливость византийца.

13 декабря

На этот день, назначенный для разбирательства «дела Нестеровского», Коршунов наметил «лекцию-беседу» для членов клуба. Разумеется, момент выбран не случайно, очевидно, «дело Нестеровского» затрагивает задачи КГБ – борьбу с самиздатом и особенно с участием литераторов клуба в зарубежных публикациях «порочащих социалистический общественный строй».

Из записей И. Адамацкого:

Лекция-беседа (протокол), проведенная сотрудниками КГБ по Ленобласти (отдел борьбы с идеологическими диверсиями) Коршуновым П.Н. и Луниным Е. В. на общем собрании членов Клуба-81 (13 декабря 1986 г.).

Коршунов: *Наша форма обращения к общему собранию возникла потому, что все другие формы общения с правлением клуба оказались исчерпанными, поскольку мы видим, что не решено главное – понимание каждым членом клуба своих обязанностей. Хотелось бы начать с самиздата. Пять лет назад, еще во времена первой беседы с правлением в связи с делом Долинина, когда правление подало заявление в Управление в защиту Долинина, нам было сказано: зачем вы арестовали Долинина, сказали бы сначала правлению – и правление само бы поговорило с Долининым. Вы говорили, что хотите выйти на нормальный издательский процесс, что с образованием клуба самиздат пойдет на убыль, а также уменьшатся случаи публикации произведений членов клуба в эмигрантских изданиях. Вместо этого число самиздатских журналов выросло в пять-семь раз, появились «Обводный канал», «Митин журнал», «Эос» и прочие. Мое глубокое убеждение заключается в том, что самиздат – это почва для тамиздата. Между тем мы приветствовали самиздат как форму проверки текстов, говорили тогда об этом в обкоме. Теперь этот самиздат переходит границу дозволенного (зачитывает из «Митиного журнала» цитату, подчеркивая ее политическую окраску).*

Коршунов приводит пример из событий 1982 года, доказывающий, что власть не доверила коллективу клуба взять ответственность на себя за судьбу своего коллеги и отправила его в концлагерь на четыре года, – у нее была другая педагогика. Вместо того чтобы пойти навстречу коллективу и установить с ним гуманные и доверительные отношения, дело Долинина лишь подчеркнуло, что власть не нуждается в союзниках в нашем объединении и будет продолжать нас воспитывать страхом. На гуманизме и доверии только и можно было вписаться в демократическую эволюцию. Позднее Горбачев дал тому пример, на всю страну освободив политзаключенных, и заслужил признательность миллионов.

Коршунов: *У вас может возникнуть вопрос: как определять антисоветскую или неантисоветскую направленность эмигрантских изданий? Это дело не литературы, не критики. Само упоминание журналов, например «Часы», – уже провокационно. Получается, что невольно Клуб-81 стал тем, с чем работают*

антисоветские силы.

Лунин: *продолжает с большим удовольствием читать интервью с Дж. Хопкинсом, изредка прерывает чтение кратким комментарием.*

Коршунов: *прерывает его в том месте, где говорится, что тексты для сборника «Круг» отбирало КГБ: Это уже называется клевета.*

(Между тем сборник проходил не цензуру КГБ, а обычную цензуру, кажется, шесть раз.)

Адамацкий: *Девять цензур было.*

Лунин: *дочитывает рецензию-интервью в «Стрельце» до конца.*

15.2 0 – 17.15 *(продолжение разговора)*

Коршунов: *Мы не ораторы, мы не привыкли выступать перед скоплением людей, мы привыкли беседовать в других условиях. Можете задавать нам вопросы. Объясню, почему мы появились здесь не раньше, а именно на общем собрании. Отношение наше к клубу и раньше, и теперь самое позитивное, мы были если не повивальной бабкой клуба, то крестными во всяком случае. Занимаемся мы, как вы понимаете, не литературой и искусством, а нашими противниками. Мы неоднократно встречались с правлением, начиная с 1982 года, с дела Долинина. Последняя серьезная встреча у нас была 30 декабря прошлого года, на Чернышевского, 3, по поводу сборника «Круг», к выходу которого мы приложили руку, но затем наши позиции разошлись, хотя мы, как и раньше, хотели, чтобы пропасть между официальной и неофициальной литературой стала уже. Позиция правления оказалась неприемлемой. Правление говорило, что клуб – явление особое, к нему нужно относиться по-особому, что клуб нужно судить по его собственным законам. Мы говорили, что ваши усилия будут более результативными, если вы научитесь разговаривать с редакторами издательств и журналов. Клуб в своих творческих, организационных моментах не продвинулся ни на йоту.*

Здесь Коршунов напоминает о встрече с правлением в канун Нового года. Учиться бесшумно ходить по редакторским коридорам и кланяться каждой табличке на дверях – вещь унизительная и в нашем случае совершенно бессмысленная. Боссы издательств подают свою роль в литературе как хранителей Грааля.

Лунин: *Количество публикаций в эмигрантских*

изданиях до клуба и сейчас, пять лет спустя, выросло вдвое (перечисляет: Елена Шварц – в «Русской мысли», Кривулин – в ВРХД, еще Шварц – в «Русской мысли», там же Стратановский, в «Стрельце» – Игнатова, Кривулин, снова Кривулин, в «Беседе» – Охапкин). Клуб должен дать оценку этим фактам. Была очень долгая беседа с Кривулиным, он сказал: «Свои рукописи я отправляю на Запад сам». Мы спросили: «Определитесь, где вы хотите печататься – там или здесь?» Он сказал: «И там и здесь». Охапкин отправил на Запад бандероль, нам ее вернули из Горлита. Говорить о том, что все это происходит помимо клуба, не приходится.

Иванов: *Я не давал интервью Хопкинсу и потому не отвечаю за опубликованный текст. (Для меня сообщение о состоявшемся интервью было новостью.)*

Лунин: *Теперь существует «Митин журнал», и некоторые материалы в нем подпадают под статью 190-1. У нас есть заявление, написанное одним гражданином (читает): «26 апреля 1986 года я вместе с моими друзьями был на выступлении московского литератора В. Лена, где он… отзывался о советской литературе. Особенно активно поддерживал Лена молодой человек в очках, Митя Волчек. Лен передал Мите Волчеку журнал „Континент“ и при этом сказал, что хочет приучить людей к чтению подобной литературы».*

Вопрос из зала: *А если это ложь?*

Завьялов: *Я был на этом вечере и могу подтвердить, что журнал не ходил по рукам, как утверждает автор заявления.*

Коршунов: *говорит о скандальном выступлении рок-группы в студии клуба на Чернышевского, 3: Я говорил и раньше, что все ваши конфликты возникают из-за встреч с третьими людьми, в частности с дипломатами. Сначала Игорь Алексеевич (Адамацкий) привел культурного атташе в театральную студию, а потом этот Маккарти писал сообщения не только в дипломатическое ведомство, но и в другое – такие вот они дипломаты. А ведь вам помещение предоставляет Литфонд, обком партии. В клубе выступали московские литераторы Сорокин, Ерофеев, Пригов, названные в «Стрельце» борцами. На самом деле – я говорил об этом после их выступления в клубе – они занимаются политиканством. Мы предупреждали правление 17 февраля сего года. Они думают, что там, в Москве, им*

все дозволено, а потом хвастают, что были в Ленинграде и читали все, что хотят. Теперь о публикациях. В журнале «А–Я» № 1 помещен рассказ Б. Кудрякова «Рюмка свинца» с предисловием М. Берга, в этом же журнале – статья М. Берга. Михаил Юрьевич, это статья, или эссе, или что?

Берг: *Эссе.*

Коршунов: *А ведь мы с вами беседовали обо всем этом, помните?*

Берг: *Беседа была долгой.*

Коршунов: *Последний вопрос связан с выходом клуба на арену дипломатии. Клуб устанавливает такие прочные контакты с дипломатическим корпусом, что и Союз писателей позавидует. Волчек, Кан днюют и ночуют в консульствах, дают информацию, говорят о развитии культуры. Ряд членов клуба превратились в информаторов консульств. После пяти лет деятельности клуба его результаты незначительны. Мы ставим вопрос: а нужен ли такой клуб? Это нужно выяснить, чтобы в дальнейшем у вас не было неясности. «Круг-2», подготовленный для издательства, чрезвычайно плох, по мнение издательства, туда вошло то, что было отвергнуто в «Круге-1».*

Иванов: *Бросается в глаза, что вы пользуетесь искаженной информацией, будто клуб ничего не делает. Кроме «Круга-2», сделано много.*

Адамацкий: *зачитывает цитату из устава. Все это было: лекции, семинары, чтения, выступления в других клубах и так далее. Но что делать, если наши тексты отвергнуты журналами «Нева», «Аврора», «Наш современник», «Новый мир», «Литературная учеба» и так далее?*

Петряков: *Следует ли вас понимать так, что клуб может быть закрыт?*

Коршунов: *Нет, не следует.*

Куприянов: *Вы читали статью Васильева в «Нашем современнике»?*

Коршунов: *Да, читал.*

Куприянов: *Там, в статье, есть обвинения чисто юридические. Почему там есть переход от литературных обвинений к юридическим, а здесь вы не хотите переходить от юридических проблем к литературным?*

Коршунов: *замечает, что рядом появляется В. Н. Суслов, член секретариата Союза писателей: Речь идет о*

публикациях за рубежом.

Кривулин: *Как раз публикации за рубежом свидетельствуют о большей нашей свободе.*

Коршунов: *Творчество Кривулина используется на Западе в иных целях.*

Иванов: *Но ни Кривулин, ни другие не пишут антисоветских стихов.*

Лунин: *Однажды я зачитывал вам сводку передачи «Свободы» – выступление Бетаки об Игнатовой. Представьте, что какой-нибудь редактор услышал это сообщение радиостанции, а у него на столе лежат тексты литератора, о котором говорят. Так он скажет себе: зачем я буду это печатать?*

Кривулин: *Мы могли бы обратить это нам на пользу, если бы печатали здесь.*

Коршунов: *Я хочу знать, как относятся члены правления к тому, что тексты публикуются в антисоветских изданиях?*

(На этот вопрос я уже Коршунову отвечал: «Павел Николаевич, что мы имеем, если в антисоветском журнале печатается неантисоветская вещь? Это значит, что журнал стал менее антисоветским на эту вещь».)

Адамацкий: *Это провокационный вопрос. Надо публиковать здесь.*

Иванов: *Павел Николаевич, мы говорили об этом раньше и повторим сейчас: представьте, у поэта уходит жизнь, он заканчивается как художник и годами не может опубликоваться на родине, что ему остается делать?*

Шуфрин: *Не считаете ли вы, что статья Васильева в «Нашем современнике» № 8 содержит клевету на сборник и клуб?*

Коршунов: *Согласен, там есть элементы очернения.*

Адамацкий: *Не слишком ли много очернения? Статья в газете «Смена», статья в журнале, передача по телевидению, а между тем мы еще пять лет тому назад и все это время сами предлагали информацию о клубе, обращались в АПН, не раз говаривали, уточняли текст с Беляковой, и ничего, никаких следов.*

Коршунов: *Я знаю Белякову, отношусь к ней хорошо, но у нее очень много хлопот.*

Шуфрин: *А как вы, как человек и патриот, отнесетесь к тому, что в ИМКА-ПРЕСС выходит прекрасный роман А. Платонова «Котлован»?*

Коршунов: *Отнесусь отрицательно, если выйдет в ИМКА-ПРЕСС.*

Рыбаков *(представитель ТЭИИ): Не кажется ли вам, что литераторы, которых публикуют в эмигрантских изданиях, не виноваты в том, что они не знают, какое издание антисоветское, а какое нет? Не было ли бы целесообразным опубликовать список изданий, которые считаются антисоветскими? Чтобы знать заранее.*

Коршунов: *Это интересная мысль* (шутит). *И рядом со списком журналов – список лиц, которые там публикуются?*

Завьялов: *Под какую статью подпадает человек, который публикует свои тексты в самиздатских журналах?*

Лунин: *Он подпадает не под статью, а под признаки «статьи».*

Беневич: *В связи с перестройкой произошли ли в ваших взглядах какие-нибудь изменения?*

Коршунов: *Теперь я вижу, что и раньше мои взгляды были такие же, как сейчас. Подход к решению ваших проблем был тем же.*

На собрании присутствовало 44 члена клуба, 10 гостей, 2 представителя КГБ, 1 представитель ССП.

Общему собранию Клуба-81
С. Завьялов, Д. Волчек

Член Клуба-81 В. М. Нестеровский распространил Открытое письмо, в котором указывает, что 25 октября 1986 года в помещении клуба состоялся вечер поэтов А. Бараша и Ю. Гуголева, который содержал «пропаганду антисоветизма, русофобии и низменных инстинктов». Грустно и неприятно заниматься детальным разбором письма Нестеровского, но тем не менее мы не можем оставить его без внимания. Товарищеская атмосфера демократизма и взаимного доверия, сложившаяся в клубе, требует оценки инцидента. Что же на самом деле произошло 25 октября 1986 года? Обратимся к предыстории вечера.

В конце сентября московские поэты А. Бараш и Ю. Гуголев обратились к членам клуба Дмитрию Волчеку, Сергею Стратановскому, а затем к зав. секции поэзии Аркадию Илину. В результате телефонных переговоров была установлена дата проведения вечера – 25 октября. К тому времени (начало октября) месячный план работы

клуба был составлен, а извещения членам клуба разосланы. В этой связи письменного извещения о вечере члены клуба не получили. Ничего экстраординарного в этом нет. В истории клуба месячные планы нередко корректировались по объективным причинам, что не вызывало возражений ни у членов клуба, ни у гостей. В данном случае устное объявление о предстоящем мероприятии делалось А. Илиным на предшествовавших вечерах. 25 октября А. Илин, будучи больным, не смог лично вести вечер и поручил открыть помещение кандидату в члены клуба, неоднократно выступавшему на Петра Лаврова поэту Дмитрию Григорьеву. На вечере, кроме Нестеровского, присутствовали члены клуба Д. Волчек, О. Волчек, Ф. Чирсков, Ю. Новиков. Помимо них, присутствовала супруга А. Бараша, которую Нестеровский развязно называет «захлебывающейся от восторга особой», Зинаида Драгомощенко, супруга члена клуба, и еще четверо гостей. Необходимо отметить, что практика предварительного просмотра текстов правлением, согласно уставу клуба, не используется.

Однако многие члены клуба (в частности, нижеподписавшийся С. Завьялов) были знакомы со стихами Бараша и Гуголева, известных московских поэтов. Следует указать, что картина вечера, представленная в письме Нестеровского, истине не соответствует. На самом деле ни одного критического замечания по поводу прочитанного слушателями, в том числе и Нестеровским, сделано не было. Более того, не оставляет сомнений одобрительная реакция публики. Вечер прошел в обычной для клуба доброжелательной рабочей атмосфере. Обратимся теперь собственно к обвинениям Нестеровского. Отметим прежде всего, что письмо выдержано в оскорбительном для гостей клуба духе. Нестеровский намеренно искажает фамилии поэтов: Барыш (вместо Бараш), Гоголев (вместо Гуголев), Бейтов (вместо Байтов), превратно толкует их тексты. Так, в стихотворении, содержащем бытовую зарисовку Пушкинской площади в Москве, Нестеровский находит «сбрасывание с пьедестала русских писателей» и замену их монументов безродным космополитом Бродским. На самом же деле имя Бродского упоминается в другом стихотворении и при этом в отнюдь не комплиментарном для поэта контексте. Приводим его:

Памятник Бродскому на Цветном бульваре
мог быть получше; стоит кивая
и коленом подрагивает – нехитрая штучка!
На Западе такие пять долларов кучка!

Как видите, о Пушкине здесь речи нет вообще. Памятник Пушкину находится в другом районе Москвы и к Цветному бульвару отношения не имеет.

В другом месте письма Нестеровский обвиняет московских поэтов в «разнузданности, политическом и этическом хулиганстве, в проповеди аморализма и воспевании скатологии». Что же приводит он в подтверждение своих слов? Искаженную строчку из стихотворения Ю. Гуголева «Вчера я изнасиловал отца». Как известно, современный советский поэт, лауреат премии имени Ленинского комсомола Ю. Кузнецов открывает свою знаменитую книгу стихов «Выходя на дорогу, душа обернулась» строчкой «Я пил из черепа отца». Однако никому из разбиравших это стихотворение и в голову не пришло обвинять Кузнецова в «замахивании на Октябрьскую революцию и комиссаров…». Заметим, что это – единственная цитата, которую приводит Нестеровский.

Прочие обвинения так же голословны и оскорбительны. В частности, автор письма говорит, что Бараш и Гуголев подают свои стихотворения «под густо сдобренным антирусским соусом, при этом выпячивая свое происхождение». Подобные заявления из лексикона пресловутого «дела врачей» не делают чести ни Нестеровскому, ни тем, кто в свое время рекомендовал человека с подобными нацистскими взглядами в члены клуба. На этом вопросе мы и хотим заострить внимание. На деле Нестеровского волнуют не тонкости новых течений в концептуализме и не моральный облик молодых московских поэтов. Объектом его недовольства является позиция правления клуба, следящего за соблюдением элементарного порядка на заседаниях и вечерах. Нестеровский уже много лет полагает, что в помещении клуба разрешено появляться в пьяном виде, устраивать дебоши, прерывать чтение выкриками с места. Так, например, на последнем чтении Елены Шварц весной 1986 года Нестеровский, явившийся, как обычно, в пьяном виде, несмотря на неоднократные

замечания, шумел и дебоширил, фактически сорвав выступление. На собственные чтения Нестеровский является не иначе как в подпитии, сопровождаемый многочисленными собутыльниками, а один раз даже проник в помещение клуба… выбив окно.

Далее текст рассматриваемого письма был передан правлению в тот момент, когда его автор едва держался на ногах. На вопросы правления по содержанию письма ничего внятного Нестеровский сказать не мог, а взамен разразился площадной бранью. Когда ему было предложено покинуть заседание правления в связи с тем, что он пьян, Нестеровский заявил, что находится на лечении в ЛТП и готов предъявить медицинскую справку. К сожалению, известное несовершенство ленинградский наркологической службы не предоставляет почвы для смелых надежд в исцелении Нестеровского. Завсегдатаи ленинградских медвытрезвителей гораздо лучше знакомы с поэтом, чем давние друзья Клуба-81, не пропускающие ни одного мероприятия. Правление Клуба неоднократно указывало Нестеровскому на недопустимость подобного поведения, однако все предупреждения он игнорировал.

В последнее время открыто ставился вопрос об исключении Нестеровского из клуба. Вот в этом и кроется истинная причина появления письма Нестеровского. Стремясь себя обезопасить, он шельмует всех и вся без разбора: Б. Иванова, страдающего, по его словам, «манией величия», правление, «посадившее Иванова в председательское кресло для плутней и интриг», группу московских концептуалистов ЕПС <Вик. Ерофеев, Д. Пригов, В. Сорокин>, выступавшую в клубе год назад, московскую литературную молодежь. Он дошел даже до того, что обвиняет журнал «Часы», не напечатавший якобы открытое письмо Ю. А. Андреева группе ЕПС. И это неправда. В приложении к журналу письмо давным-давно было опубликовано и получило широкий читательский резонанс.

Прием нехитрый: топорными методами Нестеровский пытается отвести удар от себя и создать в клубе пустую никчемную склоку. Однако в угаре он забывает, что в данном случае обращается не к компании благодушных собутыльников, а к куратору Клуба-81, писателю Ю. А. Андрееву, правлению и членам клуба писателей – то есть людям, способным по достоинству

оценить его претензии и наветы.

Встает вопрос – что делать? Плясать под дудку Нестеровского, тратить драгоценное время на разбор мелочных претензий, ущемленных амбиций, нетрезвых фантазий или же прямо и бескомпромиссно поставить вопрос о дальнейшем пребывании в клубе Владимира Мотелевича Нестеровского – человека, презревшего творческий дух литературы, элементарные законы порядочности, наконец – здравый смысл.

Из хроники:

15 ноября 1986 года

Адамацкий: *Есть заявление Кривулина и Адамацкого об исключении Нестеровского из клуба.*

Куприянов: *Это все понятно – письмо и комиссия… наш коллега по сборнику Нестеровский использует слова языка, на котором между людьми разговора не должно быть. Нестеровский, мягко говоря, рассеян, но в то же время я бы хотел, чтобы мы по отношению к нему высказывались на другом языке.*

Кривулин: *К сожалению, пребывание Нестеровского в клубе становится опасным. Это человек, который пьет, теряет представление о реальной действительности, становится опасным. Считаю, что Нестеровского следует исключить из чувства самосохранения.*

Бутырин: *Не понимаю, что происходит… суд… комиссия… если бы это письмо Нестеровского было написано во Франции, оно бы воспринималось нормально. Мы же живем по законам страха и ненависти.*

Родыгин: *Нельзя никого исключать из клуба. Членом клуба должны быть пожизненно… пытались исключить академика Сахарова, ничего не вышло… нельзя исключать и Нестеровского.*

Михайлова: *Я вспоминаю английскую поговорку: оклеветанную собаку легче повесить. Каждый шаг правления был буквально оплеван и оклеветан Нестеровским. Я согласна со всеми обвинениями в адрес Нестеровского.*

Ширали: *Мне кажется, что все обвинения, кроме одного – Нестеровский хам, – голословны. Политические обвинения он писал по рассеянности. Нестеровский заботился о том, чтобы клуб был. Мы только что слушали наших товарищей из КГБ, они подтвердили, что выступления москвичей оценены неправильно.*

Коровин: *Форма письма Нестеровского – донос.*

Шуфрин: *Я за исключение из чувства самосохранения.*

Новиков: *против исключения, говорит о том, что в клубе просто сложился стереотип восприятия Нестеровского, и хотя*

Нестеровский обладает отрицательными качествами, но исключать его нельзя… (чуть позже Новиков выкрикнет, что так ведь можно предпочесть Мартынова и отвергнуть Лермонтова).

Завьялов: *зачитывает письмо Чирскова, где оценивается выступления москвичей как чисто литературное, экспериментальное выступление.*

Беневич: *Если мы исключим Нестеровского, он все равно будет писать доносы, так лучше не исключать, чтобы писал, будучи членом клуба.*

Зелинская: *Мне не нравится процедура… акт комиссии напоминает действия других организаций… я не могу брать на себя ответственность…*

Волчек: *Писать доносы плохо, за это его и нужно выгнать…*

Кожевников: *Я пытался до последнего дня примирить Нестеровского с клубом. Я могу все простить… Володя мне сказал, что первое, что он сделает, если его исключат, – это направит обвинение против клуба в антисоветской деятельности.*

Смирнов: *Есть предложение дать выступить самому Нестеровскому. Мой совет: говорить конкретно.*

Нестеровский: *Я присутствую при грязной комедии… все здесь подлог… не было письма Кривулина, который не вступал в клуб, а потом его кооптировали. Здесь все пьют… это вы пишете доносы… Вы живете в грязи, во лжи…*

Коровин: *Исключить.*

Беневич: *Лишить права посещать клубные мероприятия.*

Новиков: *Не исключать.*

Кушев: *Выразить недоверие правлению.*

Ширали: *Я за это недоверие.*

Смирнов: *предлагает два варианта голосования: исключать – не исключать.*

(Голосуют по списку, расписываясь в графах «исключить» и «не исключать».

За исключение проголосовало – 29, против – 8, воздержались – 4. На следующий день к списку «исключить» присоединились еще 3 человека.)

К акту комиссии

Иванов не ссылался на Андреева, когда объявил о невозможности встречи клуба с Синявиным, – большинство членов правления (Коровин, Кожевников, Адамацкий, Шнейдерман и Иванов) были против такой встречи. Хотим напомнить, что на этот день было намечено провести обсуждение проекта малотиражного издательства, информацию Кожевникова о встречах с

членами московского клуба «Поэзия», определить программы выступления переводчиков в клубе «Красный Октябрь». Правление считало глупым бросать неотложные дела ради встречи с другом Нестеровского и политическим перебежчиком Синявиным.

«Вестник Клуба» не издается уже три года. То есть практически прекратил свое существование, и о публикации письма Андреева в «Вестнике» не могло быть речи. В приложении к журналу «Часы» (в «Красном щедринце»), хотя издание не является клубным, письмо Андреева было полностью опубликовано.

Иванов не выступал при обсуждении сатирической поэзии московской группы поэтов ЕПС, как ведущий он требовал от выступающих вести дискуссию в рамках литературной, а не личных оскорблений и политических наветов.

Кривулин не давал «свое имя в распоряжение Иванова», в руках комиссии следующее заявление Кривулина:

«Прошу рассмотреть вопрос об исключении В. Нестеровского из членов Клуба-81 в связи с тем, что считаю его поведение несовместимым с этикой писателя и порочащим статус членов нашего объединения.

Кривулин, 20 октября 1986 г.»

Исключение Нестеровского из клуба на общем собрании в присутствии члена правления ЛО ССП В. Суслова и Ю. Андреева, его покровителя, двух офицеров КГБ, осведомителя этой организации перевернуло на 180 градусов шкалу гражданской оценки человека. Ни один из них не решился выступить. Можно представить, что произошло бы, если бы обсуждение не было подготовлено, если бы я и правление стали бы оправдываться, если бы комиссия не представила произошедшее в объективном изложении. У противной стороны не оказалось ни единого аргумента в пользу *своего человека*. В этот вечер на Петра Лаврова, 5, столкнулись представители культурного движения и служащие тоталитарной системы, которая была посрамлена ничтожеством одного из своих подручных.

Присутствующие в тот вечер на Петра Лаврова, 5, стали участниками и свидетелями замечательного события – собравшиеся стороны, перегруженные своими проблемами, чтобы решить, какая из них права, разошлись со странным результатом, который еще только нужно было осмыслить, признать, чтобы зажить по-новому. При этом жить по-новому не означало, что кто-

то прав, а кто-то нет, мы разошлись смирно и тихо. *Они* тихо, потому что мы были правы, *мы* – потому что не услышали от них ни возражений, ни угроз. Мы все получили опыт толерантности и плюрализма. Если бы в России не прозвучал клич: КТО КОГО?!! – не копать бы нам нашу землю от Одера до Тихого океана – не находить кости миллионов убитых, замученных и не собирать их в красные ящики.

Мы не собирались ни отнимать у сторонников соцреализма права на печать, ни разорять их издательства, ни судить, ни высылать из страны, мы довольствовались полуподвалом на Петра Лаврова и умоляли позволить нам выпускать для читателей малотиражные книжки, общаться с ними в присутственных местах. Но назаровых, поповых, чепуровых, васильевых и К° устраивало лишь наше уничтожение вместе со всем культурным движением. Оборвалась последняя нитка, протянутая между нами и ими, – «Круг». Та публичная демонстрация беспардонного вранья, унижения, двусмысленности в ответ на издание клубного сборника перевела проблемы нашего культурного будущего из компетенций власти – в задачи культурной революции.

Из моего дневника:

23 декабря

Сахаров освобожден из ссылки.

26 декабря

Пока часы на Спасской башне не объявили о начале 1987 года, не простого, но успешно пережитого года, пытаюсь уловить направление хода событий. Все, кто занят организационной работой, говорят об объединении. Вероятно, причина та же, что и в начале XX века, – знаменитый «Союз союзов» Милюкова: консолидация организаций первозданных с уже имеющими демократический опыт. Объединение коснется прежде всего тех, руководители которых левее ведомых. Политическая культура почти полностью отсутствует, знания истории политических движений нет. Реакция такая: «нам она и не нужна».

(Позднее я стал разделять людей на «движенцев» и «организантов», первые появляются как из земли, во время острых общественных акций – «участвуют» в митингах, демонстрациях, стычках, но не выносят «заседаний», «писанины», для «организантов» самое важное, кто с кем дружит, среди них первые лица «теоретики-программисты», «ораторы», «вожди».)

29 декабря

Ю. Нешитов предложил обкому ВЛКСМ организовать форум (как в Москве). Почему-то ему кажется важным, чтобы заседания секций проходили в кафе, а кафе непременно тянулись бы вдоль

одной улицы. Нешитов хотел провести форум без нашего клуба. Рыбаков, к которому он обратился, сию идею забраковал. (В обкоме этот вопрос не затрагивался.) В начале января должна собраться инициативная группа, которой предстоит наметить план форума.

Мне кажется, форум должен быть просветительским, дать реалистическую характеристику переживаемому времени и завершиться созданием рабочих комиссий, способных разработать план общих действий.

На материалах форума следует выпустить специальный номер журнала «Авроры» с текстами, статьями, фотографиями; составление его должно быть поручено тем, кто хорошо знает культурное движение.

Пригласить Э. В. Соколова, Веру Андрееву, Тандера, Арьева, Житинского, Иконникову (кафедра истории культуры).

31 декабря

На следующий день с дрожью в голосе позвонил Ю. Шевчук (эколог). Говорит, что Рыбаков и я включены в инициативную группу форума и что нужно нас заменить какими-то другими товарищами… мы можем напугать организаторов форума. И наконец, позвонил Нешитов, с раздражением говорил: Рыбаков его обманул, скрыл свою судимость [81] *. Я попытался объяснить Шевчуку и Нешитову, что педагогично предложить Рыбакову проявить себя позитивно.*

Этот тупо-трусливый кадровый синдром у тех, с кем общаешься как с социально-близкими, отвратителен.

Много всего нового. Освобождение заключенных, предложение режиссеру Любимову вернуться в Россию. Ведутся разговоры о новых планах либерализации… «Зарубежные голоса» слышны почти без помех… все радует, и щемит сердце, ибо на поверхность выходит драматургия жизни, трепетное переплетение человеческих слабостей и сил.

Новый год предвижу драчливым.

1987 год

План мероприятий на январь

Отчетно-перевыборное собрание состоится 11 января на П. Лаврова, 5, в 15 часов (*явка строго обязательна*).

07.01. Поэзия, чтение: С. Завьялов (отв. Илин, оппоненты Магид, Шуфрин).

09.01. Гости, гитара: Р. Фанин, В. Заклинский (отв. Илин).

11.01. Отчетно-перевыборное собрание, нач. в 15 часов.

14.01. Поэзия, чтение: В. Кучерявкин (оппоненты Магид, Завьялов).

15.01. Проза, гость В. Путята, чтение (отв. Иванов, оппонент Бутырин).

16.01. Перевод, чтение: С. Хренов, из романа Берджеса «Заводной апельсин» (отв. Хренов).

21.01. Поэзия, чтение на прием: Д. Григорьев, А. Березин (отв. Илин).

24.01. Редакция журнала «ДиМ» знакомит с новыми материалами (отв. Зелинская).

25.01. Критика, экология: В. Родионов, сообщение об экологических календарях.

Обсуждение письма в печать о топонимике Ленинграда (отв. Новиков).

28.01. Поэзия, гость В. Уфлянд, чтение (отв. Шнейдерман).

30.01. Обсуждение нового номера «Предлога» (отв. Хренов).

Анонс: Критика, обсуждение плана весенней теоретической конференции по современного искусству (отв. Бутырин).

Начало мероприятий в 19 часов.

Поражение местного «начальства» в последние месяцы 1986 года – неудавшаяся попытка поставить во главе объединения своего человека, изгнание из клуба Нестеровского – иначе как банкротством местных политиков не назовешь. А захватанный руками редакторов, цензоров, рецензентов и ободранный ими до костей сборник «Круг» стал ласточкой наступления нового

времени. У литературного официоза в будущем нет какой-либо исторической перспективы.

11 января состоялось отчетно-перевыборное собрание Клуба-81. Председатель собрания – И. Смирнов, члены президиума – Д. Волчек и С. Завьялов. Отчетный доклад – Б. Иванов. В сохранившемся протоколе собрания лишь кратко обозначены темы выступлений.

И. Смирнов сообщил о результатах голосования по делу В. Нестеровского. Большинством голосов в 35 человек Нестеровский исключен из Клуба-81. Присутствующий Нестеровский покидает собрание.

В отчете о работе клуба за 1986 год я говорил о пережитой нами эволюции. «Вначале некоторых возмущал *бюрократизм и канцеляризм правления*, но этот *бюрократизм* стоял на защите интересов и прав каждого члена клуба, за выборность и подотчетность тех, кто брал на себя ответственность за ту или иную работу клубной жизни. Несколько лет выборов дали свои результаты. Но не все полагают, что успехи клуба – это гарант и его личных успехов. Некоторые считают проще и надежнее ориентироваться на поддержку того или иного влиятельного лица. Обратим внимание на небезынтересный факт. Внутри клуба вокруг представителя ССП Андреева стал складываться кружок авторитарного типа – кто искал его покровительства, тот его нашел. Вот цифры публикаций за последний год наших стихотворцев:

В. Нестеровский („Нева“, № 9, „Звезда“, № 10) – 281 строка,

В. Ширали („День поэзии“, „Нева“, № 7, „Звезда“, № 9) – 259,

В. Шалыт („День поэзии“, „Нева“, № 4, „Звезда“, № 9) – 214.

Из остальных членов клуба: О. Бешенковская – 25 строк, Слуцкий – 25, Э. Шнейдерман – 15, это все. Третий год в „Звезде“ переносится подборка стихов О. Охапкина. Нет публикаций, если не считать „Круг“, стихотворений В. Кривулина, Е. Шварц, С. Стратановского, Дмитриева и многих других поэтов. Не опубликовано ни одной строчки наших прозаиков», если не считать очерка И. Смирнова.

Как ни уязвимо, с точки зрения нашего товарищества, существование группы привилегированных, никакого упрека ей сделано не было. Но, как показало дело Нестеровского, на стороне клеветника оказались члены клуба именно этой группы…

Если за исходное состояние брать положение дел клуба на январь 1986 года, то можно сказать, что оно ничуть не стало лучшим, а в некотором смысле даже ухудшилось, – если не идешь вперед, пятишься назад. И это притом, что именно этот год был богат событиями, имевшими для нас особое значение.

Писательский съезд, широкие дискуссии вокруг неблагополучного положения в литературе, начало публикаций прежде запрещенных произведений, обнародованные документы о развитии творческой самодеятельности; ходят, наконец, слухи о подготовленном проекте закона о печати.

Нас эти события никак не коснулись. Создается впечатление, что мы с „Кругом“ забежали вперед и нам не позволят сделать ни одного шага, пока не подтянутся другие. Мы, так сказать, штрафной батальон, который полег в первых траншеях противника, – развивать наступление будут другие. Если некоторые статьи, которые появились по поводу нашего сборника, рассматривать как заключительный приговор, мы не заслуживаем даже креста на могилу.

Однако мы являемся *органической* и экспансивной силой *перестройки*. Еще до выхода „Круга“ в свет мы забили тревогу. Мы увидели, что в *литературной* стране нет механизмов, которые могли бы противостоять рутине литературного процесса. Попытки внести хотя бы скромные обновления в темы и язык литературы, вызвали старческие громы Хренкова, предложившего отобрать у нас советские паспорта. Переход с языка науки об искусстве на язык политики означает отказ вести компетентную дискуссию, – это чаще всего способ канализировать невежество в сферу высокопрофессиональной деятельности, ибо и политика в этом случае оказывается не сферой профессиональной деятельности, а просто самоуверенным повторением прописей.

Дискриминация новой литературы продолжается. У нее нет другого выхода к читателю, кроме самиздата.

В Ленинграде до сих пор не вышло ни одной статьи, которая бы принципиально поставила вопросы неблагополучия в литературе – о книжном дефиците и затоваренности книжных магазинов произведениями *ведущих* писателей города, о серости как необходимом качестве, чтобы быть напечатанным и принятым в СП. Любопытно, что Казинцев и Мальгин в полемике, опубликованной в „Литературной учебе“, сошлись на том, что творчество нашего клуба заряжено антимещанским духом, и, вполне логично, один встал на сторону мещан, а другой увидел в нас предтеч перестройки. Это на тему, гражданская наша литература или нет.

Когда сооружают транспортные развязки, пересечение дорог делают на разных уровнях. Малотиражные издания, о которых мы говорим и пишем уже несколько лет, – это уход от конфликта с существующей издательской системой и перевод проблемы в другую плоскость – развития традиционной литературы и литературы новой по самостоятельным направлениям, без помех

друг для друга. Это в интересах развития литературы и культуры страны».

Из выступления И. Адамацкого:

Каждый месяц клуб проводил от 10 до 15 мероприятий, иногда в один день проводилось два мероприятия: одно на П. Лаврова, другое – в каком-нибудь ДК или клубе. Мероприятия объединения посетило около 3000 человек. За отчетный год мы получили отказы на публикации в издательствах «Детская литература», «Молодая гвардия», в альманахе «Невские берега», в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Аврора».

Лишь несколько стихотворений опубликовано в «Дне поэзии»; были отказы журнала «Нева», хотя, на мой взгляд, это единственный журнал в стране, который с нами может работать. Борис Никольский – один из самых порядочных людей в литературной среде нашего города.

Коршунов: На правлении вы обсуждали проблему продолжающихся публикаций членов клуба за границей?

Адамацкий: Правление доводило ваши заявления до сведения авторов публикаций. Правление занимает уставную позицию: делаем все, чтобы наши авторы могли публиковаться здесь.

Доклад Э. Шнейдермана. О работе секции поэзии за истекший год.

Доклад Ю. Андреева. Об официальных публикациях членов клубов в СССР и в США. Об участии поэтов Шварц, Шалыта, Кривулина, Магида, Слуцкого в переводах стихов для издательства «Библиотека поэта». «Дела идут, но хуже, чем хотелось бы. Больше самокритики».

Новиков: Деятельность клуба должна быть в большей мере посвящена актуальным задачам, например работе в комиссии по экологии культуры. Предложение связать членство в клубе с участием в его деятельности. Создать общественную редакцию, не ожидая утверждений сверху. Отверг обвинение Ф. Чирского в искажении текста его повести.

Коршунов: настаивает на исключении из клуба тех, кто занимается антисоветской деятельностью.

Коровин: В клубе нет антисоветчиков.

Горнон: Вмешательство служащих КГБ в дела клуба непродуктивно.

Коршунов: Мы занимаемся не литературой, а своими

делами. Мы пришли на собрание, потому что правление не оказывает влияния на поведение некоторых своих членов. Мы хотим помочь клубу и желаем, чтобы он остался таким, как прежде.

Обвинил Иванова за сомнительные высказывания в интервью с западным журналистом.

Иванов: Я впервые слышу об этом интервью.

Коршунов: Журналист фамилии не назвал, но говорили вы.

Иванов: Повторяю, с журналистами я не встречался.

(Позднее я выяснил, что журналист навестил Кривулина, у которого в гостях был Останин. Он и рассказал о журнале «Часы». Коршунов не допускал мысли, что о «Часах» может говорить кто-то, кроме меня. После этого эпизода я стал относиться к Коршунову хуже: до этого момента я уважал его за то, что он никогда не лгал, – другое дело скрывать свои служебные тайны. Этого же придерживался и я в общении с официальными лицами.)

Мудрова (Комитет по культуре): сообщает, что Дзержинским райисполкомом принято решение передать весь верхний этаж дома № 3 на Чернышевском проспекте клубу, его театральной студии. Говорит о тесном сотрудничестве с ТЭИИ, советует нам чаще встречаться с читателями в домах и дворцах культуры и серьезно заботиться о своем авторитете.

Иванов: говорит о произволе Ю. Андреева, допущенном им при редактировании сборника «Круг-2». «Мы находимся в сложном положении, мы его оценим положительно, когда реально начнется движение вперед. Не может быть легкомысленнее и глупее ситуации».

Андреев: Мы не должны снижать уровень своей литературной продукции.

За положительную оценку работы правления проголосовало большинство членов объединения. Правление сохранило свой прежний состав, за исключением Ю. Новикова.

14 – 25 января в Гавани без отборочной комиссии проходила 9-я выставка ТЭИИ, первая демонстрация нового искусства в стране такого масштаба. Ее посетили 50 000 человек. Масштаб и разнообразие выставленных работ публику буквально потрясли. Советский человек с его крайне ограниченными представлениями о современной живописи не был готов к пониманию того, что увидел. Что ни художник, то уникум. Кто они, непохожие на других – ни одеждой, ни лицами, ни разговорами, ни своими полотнами. На общем фоне лишь митьки в тельняшках казались законными детьми нового поколения нации. Шок от выставки в Гавани готовил горожан к тому будущему, которое их ждало, к той солидарности, которая без растерянности и без бунта

переживет и пустые магазины, и сотню тысяч рублей за цыпленка в гастрономе, стотысячные митинги и горячие речи после чтения старыми вождями шпаргалок.

Если прибегнуть к метафорам, публикацию сборника «Круг» можно сравнить с битвой на Бородинском поле: понеся огромные потери, морально независимые литераторы победили, а выставку Товарищества художников в Гавани – с изгнанием полчищ Наполеона из России.

Уже в 1988 году можно было заметить, что «перестройка» – это казенное название того процесса, который получил свое направление в «политике гласности». А это означало, что ответ на вопрос «что делать?» содержался где-то там – в бурном потоке издаваемой литературы, который буквально снес ауру всем кладбищенским авторитетам и связал время с живыми современниками, с их ориентацией в новой ситуации. Физическое пространство страны, при которой даже у себя дома было опасно проводить собрание аполитического кружка, постепенно освобождалось.

27–28 января. *Пленум ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии». Программа: провозглашена политика гласности, о выборах в Советы на альтернативной основе. О созыве XIX партконференции.*

Ограничивая функции Горлита и смело расширяя круг издательской деятельности, руководство страны призвало коммунистов объединить свои усилия, с тем чтобы не позволить антисоветским силам увлечь общество за собой. Идейно это курс на демократизацию страны, для чего коммунисты должны научиться отстаивать доктрину социализма и политический курс партии. Из номенклатурных бюрократов и «солдат партии» им нужно стать народными трибунами и вожаками. Каким стал… генсек Михаил Горбачев. (Но произойдет другое: раскол партии и утечка из ее рядов.)

А клуб в глазах молодой творческой интеллигенции с каждым годом становится все более *оживленным перекрестком*, после выхода «Круга» он стал чем-то вроде культурного центра. Помимо музыкальной секции и театральной студии, на территории клуба проводили свои мероприятия ТЭИИ, выступали барды. По мере того как за пределами клуба начали формироваться группы других интересов, каждая из которых нуждалась в месте встреч и собраний, к клубу стали стягиваться и они, обретя в клубе радушного хозяина. Познакомился с лидером БЭР (Бюро экологических разработок) Ю. Шевчуком, с «Группой спасения» Алексея Ковалева, публичные действия которой по спасению дома А. Дельвига на Владимирском проспекте, а затем

– гостиницы «Англетер» радикально изменили в сознании многих горожан представление об ответственности за судьбу города, исторического наследия, его достопримечательностей и памятников. Молодежные новообразования, будоражившие население, шли дорогой, которую проложили *неофициалы*, – презрение к политической и социальной реальности и уход в культуру, в духовные и экологические проблемы. Эта деятельность отваживалась заявлять о себе гласно до «гласности» Горбачева, как в «Часах» уже десять лет публиковались произведения и статьи на религиозные, исторические и культурные темы.

На основе группы «спасенцев» образовался Совет по экологии культуры, который попросил нас о своей регистрации при Клубе-81. Теперь в клуб приходили не только те, чьи интересы были связаны с литературой и искусством.

Центр творческой инициативы, созданный горкомом комсомола в конце 1986 года, как мне показалось, был задуман властью как альтернатива Клубу-81. Комсомол еще в 1960-е годы брал на себя опеку над молодыми поэтами, курировал литературные кафе. Но период свободного чтения был короток, вскоре, прежде чем прочесть свои стихи, поэт должен был представить несколько экземпляров уполномоченному горкома ВЛКСМ, который следил за тем, чтобы чтение не отступало от «литованных» текстов. В противном случае поэт навсегда терял право выступать в кафе. Культурное движение быстро переросло своих опекунов, которые дальше романтизма строек, туристских костров и корпоративной молодежной лирики не пошли.

ЦТИ (Центр творческих инициатив) времен перестройки – организация с большими возможностями. Наши выступления в ДК имени Ильича, организуемые центром, пользовались успехом, хотя, признаться, большинству аудитории было трудно войти в мир серьезной современной литературы. В сезон 1987/1988 года члены клуба провели в ДК около десяти просветительских мероприятий: «Сложная поэзия Америки 80-х годов» – обзор и чтение переводов, творческий вечер театра «Пятая студия» Эрика Горошевского, «Несуществующие проблемы литературы и литературной критики» – вечер-дискуссия, «Река времен» – античность, европейское Средневековье, отечественная история в стихах современных поэтов и др.

План мероприятий, февраль

П. Лаврова, 5, начало в 19.30.

3.02. Клуб «Водоканал», Таврическая, 10: поэты Москвы и Ленинграда: Г. Алексеев, А. Драгомощенко, И. Жданов, А. Парщиков: нач. 19 часов, билет 70 коп.

4.02. Горкиноклуб: Годар, «Альфавиль» (отв. Д. Волчек).

5.02. Проза: О. Комарова (Москва) (отв. О. Волчек).

11.02. Поэзия: И. Знаменская, Е. Сливкин (отв. Завьялов).

12.02. Проза: собрание секции.

13.02. Клуб «Красный Октябрь», ул. Блохина, 8, билет – 1 руб. Авторский вечер прозаика П. Кожевникова, нач. 19.30.

14.02. Критика: обсуждение плана работы секции (отв. К. Бутырин).

1**5.02**. Экула (Совет по экологии), нач. 15 часов (отв. Кожевников).

18.02. Чтение на прием: И Духарина и другие (отв. Илин).

19.02. Проза: А. Михайлов: чтение.

22.02. Экула (Совет по экологии), нач. 15 часов (отв. Кожевников) + «Аукцион» (неоромантики) (отв. Кожевников), нач. 18 часов.

26.02. Проза: П. Кожевников, И. Адамацкий: чтение (отв. оба, нач. 20 часов).

ВНИМАНИЕ: решением общего собрания отныне собираются членские взносы: 3 рубля в полгода, вносить по секциям.

В феврале и марте из заключения и ссылок вернулись в Ленинград В. Долинин, Р. Евдокимов, М. Мейлах, Г. Обухов.

Из моего дневника:

2 февраля

Как описать сегодняшний день, приподнятый фильмами: один – сокуровский, другой – годаровский. Звонки, переговоры, спешка перед встречей с людьми, которых знаешь, которые с тобой, поодаль все остальные, и их не увидишь на групповом портрете, потому что пугливо жили… Наш остров свободы, наше волевое поле. После сеанса обмен репликами с Сокуровым, так ладно приплюсовавшимся к конференции [82] *. Провинциально выглядит обида Адамацкого: клуб заброшен. Зал набит до потолка народом не только клубным, но все это «мы», наш новый неуправляемый мир, стремящийся быть умнее и многочисленнее. Так растут деревья.*

Я вижу: «Часы», Премия Андрея Белого, Клуб-81, ленинградско-московская «Поэтическая функция». Это ветвь останинско-драгомощенковская, набирающая вес внутри клубной структуры. Но как только проект вышел наружу, он тотчас же оброс собственной кожей… Создается лавинообразная ситуация, чрезвычайно благодатная для новых интуиций. Что-то подобное было в хрущевские времена, но тогда были одиночки, кружочки, выставочки, салончики… юные чудаки. Сейчас КУЛЬТУРА осознает себя сама – без секретарей, комиссий, заказных рецензий и статей.

9 февраля

Процесс идеологического демонтажа продолжается при полном статус-кво на местах. Более того, мы видим организационное похолодание после, как я это назвал, «административного ажиотажа». МКЦ практически приказал долго жить, так и не сумев обрести полнокровный статус клуба по интересам. Оказалось, что культпросвет не способен работать с молодежной общественностью. Мне известен лишь один пример содружества, который мог бы стать показательным для центров такого рода – клуб «Красный Октябрь», но администрация изгнала из МКЦ большинство любительских объединений, фактически отстранила от дел редкого по талантливости культпросветчика Людмилу Александровну Белизову.

Организационная импотенция в культурной жизни имеет советские масштабы. Мы – общественность – не имеем и примерного обозначения стыковки своих проблем с существующими учреждениями.

12 февраля

Провалилось выступление Знаменской и Сливкина в нашем клубе – никто не пришел слушать, чтение Кожевникова в клубе «Красный Октябрь» отменила администрация.

Образцы: по масштабу – выставка художников в Гавани, по качеству – «Поэтическая функция».

Происходит рассеивание энергий, Клуб-81 оказался поставщиком инициаторов различных начинаний. Почти все члены клуба за эти пять лет освоили культуру коллективного общения.

В апреле состоялось заседание правления. Принято решение в дополнение к уставу клуба:

О внешних связях членов Клуба-81

Правление Клуба-81 предлагает членам нашего

объединения, произведения которых публикуются за границей или могут быть за границей опубликованы, обратиться к издательствам, в этих публикациях заинтересованным, и строить с ними отношения через ВААП.

Легализация авторско-издательских отношений может стать реальным шагом к расширению культурных прав нашего объединения. Правление предлагает также определенным образом отреагировать на упреки, которые делаются членам клуба относительно их контактов с сотрудниками иностранных дипломатических представительств. Область наших интересов – культура. Правление не видит принципиальных препятствий в области культурного обмена.

Правление считает возможными, а в некоторых случаях желательными выступления зарубежных специалистов по литературе в Клубе-81, аналогичные докладу профессору Д. Веслинга об американской поэзии. Такие выступления следует рассматривать в контексте конструктивной деятельности клуба.

Принято правлением 20 февраля 1987 г.

22 февраля

В московском клубе «Поэзия» прошел семинар «Тактика и стратегия художника в современной культурной ситуации» [83] *. В его работе приняли участие Д. Пригов, М. Эпштейн, Вик. Ерофеев, И. Бакштейн, Н. Искренко, Ю. Арабов и другие. Основная тема: выяснение тактики и стратегии в условиях жесткой оппозиции «официальная культура – неофициальная культура».*

На семинаре питерцы не выступали. Поэт Александр Сопровский, анализируя обстановку в Москве, указал на различие между московской и ленинградской неофициальной литературой. Если в столице «множились частные компании, кружки, где творческое общение шло вперемежку с закадычными дружескими связями», то в Ленинграде «Клуб-81 возник в общегородской и относительно централизованной форме, потому что ленинградское культурное движение и в годы гонений имело черты коллективного процесса». И припомнил, как в 1975 году Юлия Вознесенская привозила в Москву коллективный поэтический сборник ленинградских поэтов «Лепта».

Читая выступления москвичей, можно ощутить разницу в атмосферах, в какой мы и москвичи обсуждаем наши проблемы. Работа нашего клуба уже давно сформировала непосредственные

задачи движения, общие с художниками и музыкантами, – добиваться свободы творчества, обретать права на свободу печати и устройство выставок.

Бюро содействия перестройке, 14.03.1987, П. Лаврова, 5, присутствовало 32 человека. Дискуссия на тему «Новое искусство и современная ситуация».

14 марта

В клубе произошла встреча представителей действующих в городе демократических объединений: писателей, художников, музыкантов, искусствоведов, экологов, защитников памятников культуры Петербурга – более 30 человек.

Стенограмма выступлений создает впечатление зрелости независимого культурного движения.

Открывая дискуссию, я сказал, что «начиная с 1981–1982 годов, мы выдвигали идеи демократизации культурных процессов, расширения контактов представителей нового искусства со зрителями, слушателями, читателями. Мы говорили о создании малотиражных и кооперативных издательств, о необходимости новой культурной политики – высказывали предложения, которые имеют общекультурное значение. Но и на сегодняшний день мы не сделали вперед ни шагу. Самое поразительное то, что мы не выступали ни в качестве потребителей, ни просителей, мы хотели познакомить современников с новой ненавязываемой обществу литературой, но этого права до сих пор лишены. Может быть, представители других видов искусств внесут в мое представление о сегодняшней ситуации свои коррективы?.. Мы не должны бездействовать.

Мы не можем больше пассивно наблюдать за тем, что происходит в стране. Чувство товарищества и общего дела – главные союзники в нашей борьбе».

Ю. Рыбаков рассказал, что за пять лет своего существования ТЭИИ организовало несколько групповых и персональных выставок, у товарищества есть свой устав, признано равноправие всех художественных направлений. «Немыслимыми усилиями, преодолевая бюрократические преграды, мы все-таки существуем. Но *перестройка* нам тоже ничего не дала». Ленгорисполком, обком отказывают художникам в признании их организации легальной, пока в уставе не будет сказано о следовании в своем творчестве доктрине соцреализма. Художники отказываются и от статуса любительской организации.

Л. Кузнецов объяснил топтание на месте порочными идеологическими установками и нежеланием творческих союзов потесниться. Сложившаяся ситуация идеологами подается как неизбежное усиление классовой войны. *«Если судить по ТВ,*

главные враги – хиппари, рокеры, панки, авангардисты и т. д. А мы думали, враги отечества – воры, мошенники, скомпрометированные должностные лица… Оказывается, что „Сайгон“ виновен в развале экономики». Картинные галереи официалов никто не посещает, на складах пылятся напечатанные книги, на многие концерты билеты продаются в качестве нагрузки. Разве это не красноречивые свидетельства утраты официальной культурой привлекательности и общественной ценности?

С. Ковальский сказал, что если совсем недавно мы говорили о плачевном положении в области кино и театров, то теперь все свелось к так называемым *молодежным проблемам*, в контексте которых власть пытается рассматривать проблемы нового искусства и его требования. «Мы слышали о готовящемся фестивале „Молодое кино Ленинграда“, обещано снять с полок все кинофильмы, которые лежат там многие годы. А этим *молодым режиссерам* уже сорок-пятьдесят лет». Положение с молодежным форумом выступавший обрисовал как плачевный итог спекуляции на молодежной проблеме: обком комсомола не знает и не способен решать проблемы современной культуры, а творческая молодежь приходит к неофициалам – в Клуб-81, в ТЭИИ, с которыми комсомол просто боится иметь дело. Задачу встречи Ковальский видит в выделении общих ключевых проблем. Сейчас все усилия следует направить на формирование равноправных творческих союзов.

Валентин Герасименко (художник) поддержал своего коллегу: «Нужно думать о консолидации всех сил. Нужно забыть на время цеховые интересы. Солидарность должна выразиться в таких шагах, которые стали бы результативными для всех нас. Например, в создании Музея современного искусства, разговоры о котором начались уже несколько лет назад. Как его создать? Нужно взять дом и своими силами отремонтировать. Но все делают большие глаза: „Кто такие авангардисты?.. Идеологический враг?“».

Ю. Шевчук (руководитель Бюро экологических разработок) рассказал о создании Ленинградского центра творческих инициатив, в который вошло БЭР, и его планах: объединить группы экологов, группы спасения наследия культуры и др., составить концертную группу нетрадиционной культуры, к которой относятся Клуб-81 и ТЭИИ.

Важное значение при самоокупаемости любительских организаций имеет их бюджет. Некоторые молодежные центры развалились, потому что не сумели эту проблему решить. Объединение «Новые художники» Тимура Новикова не оформило

предложенное помещение на себя, и оно было передано другой организации. «В Василеостровском центре говорят, что ТЭИИ выставкой в Гавани оттеснило настоящую молодежь на задний план. В ТЭИИ переростки – потому что время застоя длилось больше двадцати лет. За это время выросло не одно поколение молодежи» (*Смех*.)

И. Адамацкий: «Все повторяется! На подобные темы мы говорили в 1957 году, только не гласно, и нас было мало. В 1982 году мы обращались в АПН с просьбой дать информацию о Клубе-81 и – ничего. Сегодня гласность выглядит так: до гласности о нас – ни слова, в период гласности – льют помои». (*Смех, аплодисменты.*)

Адамацкий видит общие задачи собравшихся в составлении документа, сборе подписей и «везде о наших проблемах кричать… Мы имеем право на возмущение. Где мы живем? В своей стране или нет?».

Алексей Ковалев («Группа спасения») цели группы не свел исключительно к охране памятников архитектуры, вокруг нее завязаны многие культурные, экономические и политические проблемы, что подтверждают действия властей. «Работники обкома сняли кинохронику с показом деятельности группы перед фильмом „Покаяние“. „Смена“ занимает отрицательную позицию. На радио запрещена передача, посвященная нашей группе. Атака ведется и в тонких формах. Кто станет руководителем Ленинградского фонда культуры? Матвиенко или Жданова? Эти кандидатуры обсуждаются Управлением культуры, но с какой стати? Это проблема самой общественной организации».

Ковалев поддержал высказывания о необходимости использовать законные способы в борьбе и о том, что закон дает право на демонстрации, проведение выставок и продажу своих картин кому угодно. «Выставку, посвященную Достоевскому, мы провели во дворе. По Невскому ходит с плакатом Саша Богданов, он протестовал против выставки Сен-Лорана, его четыре раза забирали в милицию и вынуждены были отпустить. На плакате было написано: „Осторожно! Псевдоперестройка! В Георгиевском зале в год 175-летия войны 12-го года выставлено современное буржуазное китч-искусство“.

Литературное творчество не имеет отношения к марксизму. Предлагаю организовать всесоюзное движение за социализацию авангарда, начиная с 20-х годов, а в провинциальном городе арендовать типографию и выпускать то, что не выпускалось или выпускалось малыми тиражами. Это движение может быть фактором изменения отношения к современному искусству. На незаконные запреты нужно отвечать протестами».

Ю. Нешитов (литобъединение «Слово») сказал, что, участвуя в работе Московского форума молодежи, организованного комсомолом, слышал речи, похожие на звучащие здесь. «Но проходил форум не в подвале, как здесь, а этажом выше». Считает, что нужно пользоваться любой возможностью обращаться к общественному мнению. «Пусть кто-нибудь из ТЭИИ в присутствии начальства, прессы и публики расскажет о своей позиции. Пользы будет больше, если такие возможности не игнорировать».

После призыва Нешитова участвовать в фестивале молодежи В. Герасименко и Ковальский призвали на форум не идти, форум обречен на провал.

Б. Иванов объяснил разницу между Московским форумом и происходящим здесь. «Позиция Клуба-81: мы не хотим собираться под маской молодежи, не хотим отбирать у молодежи право собираться, пользоваться микрофоном и решать вместе с обкомом комсомола свои специфические проблемы. Мы говорим здесь об общих проблемах культуры. Форум – это собрание народных представителей, решения которого становятся обязательными для всех. Нам предлагают участвовать в мероприятии, которое никаких наших проблем не решает и выполнение договоренностей не гарантирует. Чтобы не вводить людей в заблуждение, мы должны идейно и организационно определиться здесь сами».

Сниткин (кафедра искусств университета) говорил о том, что искусство XX века подвержено фатальным негативным трансформациям. Если искусство XIX века все рассматривает через идеи социальной жизни, то в XX – эстетические проблемы подменяются политическими. Отвергаются все эстетические принципы и формы, жизнь воспринимается как таковая. «Можем ли мы говорить о единстве формы, о качестве искусства? – Вот чем хотели бы мы заниматься… Мы приглашаем вас на занятия нашего клуба».

Тимофеев (литературная группа «Тихий омут») объявил, что все предполагаемое здесь выступавшими *обречено на неудачу* (*смех*). «Проблемы современной культуры неразрывно связаны с обществом. Все возможности перекрыты органами управления искусством. Пресса, которая сейчас новому искусству потакает, может перестать ему потакать». И далее по Марксу: «Искусство все-таки является не фундаментом общества, а его надстройкой. Раньше я не был с этим согласен, а теперь должен с Лениным согласиться (*смех*). А что остается делать… Все вернется назад…» (*Смех, шум, хлопки.*)

М. Журавлев (Клуб молодых композиторов) предложил

принять участие в городском фестивале, организуемом группой искусствоведов Союза художников. Праздник должен объединить профессиональных непризнанных авторов, занятых различными видами искусства. Место – выставочный зал на Охте. Там было организовано 11 концертов для 5 тысяч слушателей.

В. Козлов (ТЭИИ) связал вопрос о правах художников с возможностью своим творчеством обеспечить себя и семью. «Наши объединения нужны, чтобы защищать это право. Существует ситуация, которая позволяет обойти запреты, – например, хозрасчетные выставки. Акт продажи продукта труда – вторая проблема».

Козлов говорил о необходимости документального закрепления этого права. «Сейчас неофициал продает свои работы незаконно».

Некто (не назвавший себя) говорил: главное в наше время – *идея* и создание «мозгового центра».

В. Пресняков (внештатный сотрудник ТВ) назвал наше время «временем подмен», проблемы духа становятся проблемами души, право быть художником – правом продавать свои работы. Из высказанных предложений существенным назвал идею объединения для решения конкретных проектов, включая право художника продавать свои работы. Для их решения можно использовать все средства, в том числе телевидение. Предложил организовать издательское товарищество. «Добиваться можно и через телевидение – там не только Коновалов работает. Пропаганда не должна заменять правду, еще Швейцер об этом писал. Нешитов – молодец… но то, что он предлагает, это подмена».

Пресняков выразил недоверие *новым лицам*, вышедшим из официалов. «Не радуемся ли мы сейчас тому, что может стать пострашнее того, что существовало? Революция – это ужасно, это лишение нас всяких перспектив. Но молодой человек правильно сказал: выхода не будет, если ситуация останется прежней». Выступавший призвал провести «одно собрание, пять собраний, но выработать идеи нового искусства. Акты творческой мысли найдут место в будущем, если по своим масштабам будут глобальными».

Вслед за Пресняковым Л. Кузнецов и Ю. Рыбаков призвали начать действовать. Художник Б. Митавский назвал имена тех, кто уже показал, что умеет действовать: Рыбаков, Ковальский, Адамацкий, Иванов.

Им будет предложено составить документ, который получит название «Положение о Совете культурно-демократического движения». Там же, где проходила встреча, на улице Петра

Лаврова, он будет одобрен многими группами…

Председатель: «Новое искусство, так или иначе заявившее о своем месте в обществе, даже для интеллигентной публики остается малопонятным. Она не понимает ни мотивов творчества его авторов, ни языка, ни новых форм и видов выражения его смысла. К разговору на тему „Что такое новое искусство“ мы еще и сами не готовы. До тех пор, пока мы не начнем решать эту сложную для зрителей и читателей проблему, мы будем оставаться для них иноземцами. Преодоление этой дистанции может идти разными путями: встречи художников и литераторов со зрителями и читателями, публикация просвещающих материалов, сопровождение выставок подготовленными экскурсоводами. Нужна Академия нового искусства. Не установив контакта с нашей аудиторией, мы обречем себя на безнадежную провинциальность. Говорю не только о художниках. Статьи о коллективном сборнике „Круг“, опубликованные в газетах и журналах, полны чудовищных истолкований и домыслов о том, что на самом деле выразили в своих произведениях авторы. Даже круг в квадрате, изображенный на обложке сборника, один критик назвал масонским знаком. Очевидно, необходим журнал, посвященный современному искусству. Предлагаю в конце недели встретиться в это же время, чтобы сформулировать необходимую нам организационную структуру и начать реализацию предложений, которые были здесь высказаны».

В этом кратко представленном отчете отражено состояние ленинградского культурного движения накануне радикальных перемен. Утопия-2 еще теплится в головах некоторых художников и литераторов: Ю. Нешитов, Тимофеев, М. Журавлев призывают воспользоваться возможностями и ресурсами творческих союзов и других советских институций; другие обвиняют их в приспособленчестве и своей целью видят создание собственных, полномочных культурных представительств. Собственно, подготовка к мирной «смене караула» уже началась. На скромной по числу участников дискуссии на Петра Лаврова, 5, осмыслялся правопорядок, необходимый для проведения политики гласности и свободы слова и печати. Но кто-то вдруг замешкался: «Не рановато ли раскрывать свое *я*? Не дьявольская ли это провокация – гласность, перестройка, не преждевременно ли праздновать победу?»

Уже в 1986 году, после регистрации любительских объединений и выдвижения комсомольских активистов для работы с ними, процесс разложения затронул и этот актив. Неофициалы стали главными объектами их интересов. Самые наивные, возможно, представляли, что Маркс и Ленин в

комсомольском изложении поразят наши темные умы. Но в нашей аудитории, воспитанной на «практике социализма», реакция на «классиков» была как на «испорченный воздух». Тем не менее деловитые, честолюбивые аппаратчики ВЛКСМ учились эксплуатировать имена известных бардов, рок-музыкантов, самиздатских поэтов. Организация их выступлений собирает полные залы, купленные билеты делают деньги. Появился целый класс *политдельцов* (Ходорковский – один из них). Наступило время выдвижения на первый план в вопросах культуры и искусства *шестидесятников*, чьи ожидания либерализации страны не сбылись, семидесятые годы были потерянными, культурное движение именно тогда стало главной оппозицией казенной культуре, а правозащитники – оппозицией политической.

Неофициалы заставили себя уважать, но воспитанные на презрении ко всему, что пахнет государством, они во время перестройки и к республике Ельцина сохранили свое недоверие. Только в собственной среде они находили достойных.

Из моего дневника:

17 марта

Вчера был в Доме архитектора. Там молодые люди решили создать Культурный центр и предложили нашему клубу примкнуть к нему. Мне нетрудно было их убедить, что, помимо простого противоречия по возрасту и профессии, есть еще неприятие комсомола – как пристанища ловких, беспринципных молодых людей, на поддержку которых мы не можем рассчитывать.

Пикеты и митинг у «Англетера».

Сегодня пленум ЛО ССП, на котором Андреев предложил поддержать идею малотиражного издательства. Он должен был прочесть наше письмо, но этого не сделал. В целом идея принята. Требуется встреча правления с Андреевым.

Время бежит – чему удивляюсь и к чему привыкаю… Меня угнетает глупость официалов, объясняющая их упорное влечение к собственному краху.

21 марта

На городском форуме в память «Англетера» принята резолюция о создании культурно-демократического движения (КДД). В «Положении о Совете культурно-демократического движения» говорится:

«Совет культурно-демократического движения является содружеством представителей общественных групп творческой интеллигенции, которое ставит перед собой задачи максимально использовать принципы законности и демократии в интересах сохранения и развития нашей национальной культуры <…>.

Под видом идеологической борьбы искажались факты развития

отечественного и мирового искусства, использовались неосведомленность масс и дезинформация, для того чтобы дискредитировать и оправдать репрессивные действия против тех, кто стремился идти в ногу со временем. Неофициальная культура, порожденная глубинными культурными процессами, нуждается в скором обретении равных культурных прав».

И как сборник «Круг» послужил предметом соревнования во лжи, тупых остротах и глупых выдумок прессы, так и авторы газетных обозрений закипевшей общественной жизни города несли на себе родимые пятна неизлечимой партийной слепоты и муштры. В журнале «Часы» (1987, № 66) было опубликовано обращение [84] *активистов экологического движения «Ладожское озеро – река Нева – Финский залив» к первому секретарю обкома КПСС Ю. Соловьеву.*

Общественный экологический форум и тревога за экологическую безопасность города названы «шумихой вокруг защитных сооружений», проректор университета, поддерживающий патриотов города, становится «самозванцем», «одним из товарищей, назвавшим себя профессором»… «Пост общественной информации» на Исаакиевской площади, организованный для защиты интересов города и живущих в нем горожан, информирующий о том, о чем умалчивают газеты, радио, телевидение… обнажает раскол между властью и обществом…

23 марта

Еще раз убедился в скользкости Андреева. Он успокаивал нас тем, что нашу идею учредить малотиражное издательство он на пленуме СП высказал и что наше письмо попало к Никольскому, который должен оба проекта – клубный и свой – объединить. Но Никольский получение нашей бумаги не подтвердил: я их прямо свел на общем собрании СП. Гнусный поступок: общаясь с нами, Андреев ведет войну против нас… [85]

Совет ЭКО оккупировал Исаакиевскую площадь, ее можно переименовать в «Полигон общественной инициативы». Движение «спасенцев» снимает отчуждение между горожанами и городом, биографией и историей, между человеком и судьбой культуры. Город – это не государственная собственность, а собственность жителей, не аппарата, а народа, моральный его порядок блюдут граждане, а не милиция.

Если говорить о самом скромном теоретическом основании, которое позволяет объяснить сегодняшнюю ситуацию с исторической точки зрения, то не обойтись без следующих категорий: тоталитарное общество, в котором каждый индивид направляется в своей жизни государством, – и демократическое общество на более высокой ступени развития, общество гражданских инициатив и, что еще более важно, культуры,

достигшей реалистической стадии. Забавно, что Совет ЭКО – это тот же совет, который собирается у нас, и тот совет, который пробуют создать архитекторы. Нужно пригласить их на 29 марта. Я предложил привести все к одному знаменателю: Обществу культурного демократического движения.

План мероприятий в апреле

8.04. Поэзия: А. Миронов, В. Кривулин.

10.04. Проза: Е. Звягин, П. Кожевников, Ф. Чирсков.

15.04. Сатира и юмор: С. Низовский, Э. Шнейдерман.

19.04. Совет экологии культуры.

21.04. Подготовка к конференции «Современные культурные процессы».

22.04. Поэзия: О. Павловский, П. Чейгин, В. Шалыт, З. Эзрохи, Б. Лихтенфельд и все желающие.

24–25–26. 04. Весенняя конференция: 24-го нач. – 19.30, 25 и 26-го – 14.00. Выступают: Е. Пазухин, С. Стратановский, В. Вальран, Г. Беневич, К. Бутырин, А. Бартов, В. Кривулин, В. Лапенков, Б. Иванов и другие.

5 апреля

Сейчас не отделить «правых» от «левых» по старым критериям, главное различие: заигрывание с бюрократией (Ю. Новиков) – правая позиция, ослабляющая борьбу за перестройку, левые – это те, кто полагает, что победу можно одержать крутой партией и крутыми мерами. Если это так, тогда правые – дети, не понимающие величины задачи. Цели перестройки достигаются общей борьбой с бюрократией. Поэтому нам необходим новый общий язык для политической солидарности.

9 апреля

По телевиденью встреча председателя СП СССР с молодыми писателями, из которых мне знаком лишь Алексей Парщиков. Разговор шел о том, о чем нужно писать. Все признаки фамильярности и барства, невежественная суета вокруг прописей! «Молодые» говорили: «с Союзом писателей мы монолитны», то есть своей позиции у них нет.

Карпов: «Не нужно возмущаться». Видеть сановника в роли перестройщика противно. Ничего нового он не сказал – ни единого слова.

Подумал о необходимости ежемесячного общественного журнал страниц на 70–100. Авторы представляют свой текст в 3 экземплярах. Печатать сразу у трех машинисток. Цена 3–4 руб.

Карикатуры, интервью, обзоры газет, передач телевидения…

Баринова сказала Андрееву, что, если Зелинская будет по-прежнему пользоваться помещением клуба для митингов, клуб будет закрыт. Я посоветовал Зелинской написать Бариновой письмо.

Письмо Г. Бариновой

Уважаемая Галина Ивановна!

Мне передали, что Вы выразили неудовольствие по поводу того, что в Клубе-81 собираются на митинги сотни людей и что все эти сборища не имеют никакого отношения к литературе. В случае продолжения таких митингов наш клуб будет закрыт. Хочу заверить Вас, что никаких митингов не было и в помине. Никакие сотни не собирались ни мною, ни кем-либо из членов клуба. С трудом, но можно догадаться все же, о чем идет речь. Пользуясь случаем, хочу проинформировать Вас о некоторых общественных инициативах и попросить если не содействия, то хотя бы совета по важному для нас вопросу.

Осенью прошлого года при клубе был организован семинар по экологии и экологии культуры, на котором обсуждались темы охраны и спасения памятников культуры нашего города и области, а также проблемы экологического значения (вел семинар П. Кожевников). События, связанные с гостиницей «Англетер», Вам известные, привлекли внимание к проблемам культурной памяти, ответственности за наш город и к келейности при решении вопросов, задевающих общественные интересы широких кругов общественности. К участникам борьбы за сохранение гостиницы подходили многие ленинградцы, выражали свою солидарность с ними и желание оказать поддержку в выполнении благородной задачи. Можно как угодно трактовать эпизоды этой борьбы – бесспорно, однако, то, что идеи перестройки нашли отклик на призывы к инициативному участию во всех общественных делах, который здесь проявился искренне и бескорыстно. Думаю, если в действиях некоторых официальных лиц не просматривались бы высокомерие по отношению к патриотам города, нежелание считаться с

некомпетентным большинством и, в какой-то мере, неумение слушать людей и разговаривать с ними, некоторых эпизодов, говорящих о невыдержанности сторон, могло и не быть. Впрочем, суть не в них, и вряд ли такие события, вовлекшие в свою орбиту сотни разных людей, могли пройти как *по сценарию*. Перейду к «митингам».

Сейчас, после того как стена разрушена, к нам, участникам семинара по экологии и экологии культуры, обращались и продолжают обращаться люди разных возрастов и профессий с предложением включить их в общественную работу, связанную с перестройкой в области культуры. Мы не считаем возможным сказать им: вы нам не нужны. Они нужны городу, нужны нашему времени, которое ждет инициативных общественных сил. Но задача – дать приложение их интересам и силам – непростая. Казалось бы, объединением этих сил мог заняться комсомол, но очевидно, что проблема, которая объединяет всех – от Лихачева до студента техникума, – проблема не возрастная, люди хотят делиться по знаниям, инициативности и прочим гражданским доблестям, а не по возрастным и ведомственным подразделениям. Проблемы культуры, а не дискотеки, не туризма, не художественной самодеятельности и пр. – вот, как выяснилось из разговора участников нашего семинара с его гостями, что их интересует. Недобросовестный информатор превратил 25–30 человек в сотни, а неравнодушное обсуждение возможного участия в разрешении широкого спектра общественно-культурных проблем, наверное, и в политический митинг.

Галина Ивановна, насколько понимаем я и мои товарищи, ту общественность, которую всколыхнули события, связанные с Исаакиевской площадью, следовало бы объединить по интересам при Ленинградском фонде культуры. Мы хотели бы разработать положение о задачах и организационных принципах Совета и предоставить их Фонду как возможной и желательной организации-учредителю. Согласно положению о Культурном фонде нам хотелось бы получить понимание наших проблем и поддержку в организационном их решении.

С уважением, Е. Зелинская

12 апреля

Д. Волчек смешно рассказал, как они живут под Москвой в доме Григорьянца. Обливают друг друга водой… История с собакой. Как кто-то отравил их собаку, как копали для нее могилу, а потом везли ее через поселок на санях.

24 апреля

Побывал на форуме. Председатель Топоров выглядел интеллигентно и умно. Экономист Рамм трактовал тему кооперативных издательств смело и широко. Ю. Нешитов обвинил ОК ВЛКСМ в формализме. С. Исаев – один из секретарей ОК ВЛКСМ – с возмущением говорил о том, что кто-то пришел к нему и стал просить деньги на командировку. «А ведь было здорово лет пять назад. Тогда Шестаков объездил область с поэтическим рейдом». Поразило несколько лиц. Ушел, когда стихи начал читать Шестаков.

Выступал Игорь Иртеньев из Москвы, говорил о консолидации правых, о форуме, на котором для выступления не давали микрофона, а говорили о масонах, о том, что нужно вернуться к 37-му году.

План на май

4-го и 5-го в клубе имени Ильича конференция «Проблемы экологии системы „Ладога–Нева–залив“».

Коллективные участники – БЭР, экологическое объединение «Дельта», Клуб-81 и др. Нач. в 18.00. Отв. Кожевников.

НАШИ ГОСТИ:

6-го стихи и прозу читают Д. Григорьев, Е. Кушнер[86], Б. Беркович и другие.

7-го выступают стихотворцы группы «Тихий омут». Нач. 19.00. Отв. Илин.

С докладами выступает Владислав Лен: 13-го – «Экологические грезы».

14-го – «Экология Православной церкви». Отв. Бутырин. Нач. в 19.00.

16-го – Общеклубное собрание. Информация, план, прием новых членов в клуб. Нач. в 14.00. Отв. Иванов.

22 и 23-го – Теоретическая конференция «Современные культурные процессы» (продолжение). С докладами выступают Л. Большев, А. Мальчевский, К. Бутырин, Ю. Шевчук, Б. Иванов.

22-го нач. в 19.30, 23-го в 14.00. Отв. Бутырин.

НАПОМИНАЕМ О НЕОБХОДИМОСТИ УПЛАТИТЬ ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ.

2 мая

Решение участников встречи 14 марта – создать организацию, не зависящую от каких-либо казенных структур, объединяющую группы, ориентированные на широкий спектр проблем, завершилось созданием Совета культурного движения (СКД).

Инициаторами объединения в начале года выступали самые различные группы, в том числе комитеты ВЛКСМ – районные, городские, областные (эти группы приняли участие в тех скрытых действиях, к которым прибегла власть, создавая *общественные* субструктуры, находящие под ее контролем). Образование СКД можно рассматривать как завершение тех усилий к объединению, о которых говорилось раньше. Некоторые группы в Совет не вошли, ограничившись выделением в него своих «наблюдателей».

При всем своем многообразии – и по профилирующим интересам, и по возрастному составу – подавляющее число групп так или иначе связано с культурой, гуманитарной проблематикой, это в основном литераторы, художники, искусствоведы, философы, экономисты, юристы. Казалось бы, в стороне стоят природоохранные группы (БЭР – Бюро экологических разработок, «Дельта» – проблема «Озеро–Нева–Залив»), но, как известно, природоохранные темы уже давно являются в Союзе наследственно-писательскими. Не случайно группой «Дельта» руководит прозаик Петр Кожевников.

Когда читаешь «Положение о Совете культурно-демократического движения», представляется, что перед тобой документ, разработанный высшими государственными структурами:

> «Совет культурно-демократического движения является содружеством представителей общественных групп творческой интеллигенции, которое ставит перед собой задачи эффективно использовать принципы законности и демократии в интересах сохранения и развития нашей национальной культуры… Составители Положения не признают нормальным раскол нашей культуры на официальную и неофициальную. Конформизм в течение многих лет, насаждавшийся в официальной культуре, способствовал процветанию деляг, ханжей, серости, изоляции нашей культуры от развития мировой культуры.
>
> Под видом идеологической борьбы искажались

факты развития отечественного и мирового искусства, использовались неосведомленность масс и дезинформация, для того чтобы дискредитировать и оправдать репрессивные действия против тех, кто стремился идти в ногу со временем. Неофициальная культура, порожденная глубинными культурными процессами, нуждается в скором обретении равных культурных прав, в беспрепятственной коммуникации со своим современником, в объективном научном осмыслении новых явлений в гуманитарном творчестве и создании таких форм сотрудничества, которые бы соответствовали принципам демократии и духу исторических преобразований».

Я вспоминаю время, когда впервые произносил и писал слова, которые нашли свое место в «Положении»[87]: в статье «Две ориентации. Общество» (шел 1973 год) – *культурное движение*, там же о конечной цели *неофициальной культуры* – ее институализации. «Институализация культуры… – освобождение индивидов от авторитарного типа мышления, от иерархически организованных отношений, осознание своего места в судьбе человечества, определение своей позиции, открытой нерегламентированному содержанию, полагая его своим правом и началом своей этики… Институализируя себя, культура выходит за пределы социальных антагонизмов». Через четырнадцать лет я мог сказать себе: так я думал, так я жил, так и получилось. Составил «Комментарий к Положению о Совете КДД».

Номер журнала «Часы», опубликовавший Положение, распух от публикаций других общественных инициатив и акций. Валентин Герасименко от имени ТЭИИ оспаривает право учреждать устав Фонда культуры без конституированного права учреждать его общественными организациями. Помещено письмо «Поста общественной информации», созданного «Группой спасения», «В бюро обкома КПСС», которое заканчивалось так: «Нельзя более допускать такого противоестественного положения, когда органы местных Советов пытаются преследовать за критику и лишать права слова тех граждан, которые борются за эффективную работу этих органов».

Там же опубликовано обращение к обкому КПСС от организаторов и участников общественной конференции и Общественного форума о тревожном состоянии природных вод Северо-Запада. Петр Филиппов, председатель клуба «Перестройка», обратился к читателям с призывом защищать диктатуру законов и демократические основы: «Общественному

мнению – когти и зубы». Здесь же перепечатка выступления на Международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» А. Сахарова, заявление «О создании общественной арбитражной комиссии молодых писателей» (московская инициатива) и, наконец, обращение патриотического объединения «Память».

Кого это объединение считает врагами перестройки? «Широкая общественность должна знать, что под привычным ярлыком *бюрократа* многие годы скрывается зловещий лик агента мирового международного сионизма и масонства, исполняющего свою программу по захвату всемирной власти». Соответственно, союзниками бюрократии оказываются евреи и космополиты.

В 68-м номере «Часов», составленном по материалам «Митиного журнала», опубликована статья Линдона Дмитриева (псевдоним Д. Волчека) «Сколько осталось жить самиздату». Ее молодой автор считает, что у советского самиздата было три периода: первый – «неортодоксальная политическая литература»; «в конце пятидесятых в Москве возникает подпольная группа „Сексуальная мистика…“» – Дмитриев относит ее ко второму периоду самиздата; «в 70-х годах… эстетический нонконформизм вытесняет политический», публикуются «в значительной степени идеологически нейтральные тексты, вплоть до переводных детективов и авантюрных романов. Примером такого рода изданий может служить и образованный в 1982 году „Митин журнал“». Автор выражает надежду, что в ближайшие годы эта литература станет официально публикуемой, но в радикальные политические перемены не верит. При любом развитии будут существовать нравственные требования, в «любом случае мы не увидим в книжных магазинах, скажем, В. Сорокина, Е. Харитонова, Виктора Ерофеева, а может быть, даже набоковской „Лолиты“» (август 1986 г.).

В этом же номере «Часов» интервью Д. В. с В. Кривулиным, в котором Кривулин выражает недоверие Клубу-81: «Можно ли вообще говорить о клубе как о культурном явлении? Статуса нет, единства нет». «Моя точка зрения такова: никакого литературного объединения нет и не может быть. Объединяться надо людям, близким эстетически – по литературным школам. И чем таких школ больше, чем яростней борьба, полемика, скандалы, тем лучше. Это единственная альтернатива клубу».

Но для власти, для КГБ клуб свой статус имеет, как имеет свое помещение, сам определяет тематику своей деятельности; несмотря на попытки его расколоть, свое единство он отстоял и отстоит. Творческое воображение Кривулина взлетало над

реальностью: «литературных школ» не было и не могло быть – культурное движение объединяла не эстетическая платформа, напротив – ее просто не могло быть, – в нем оказались те, кто в творчестве искал и обрел свободу для личного самовыражения. Это был «второй модерн» с той же парадигмой, что и Серебряный век, после которого прозвучал голос Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Мастера культуры занимались *своим* творчеством. А потом ими занялись «школы», «союзы», организации, с разным набором букв: ГПУ, НКВД, КГБ. Если творчество членов клуба разложить по направлениям, то можно насчитать их десятки. В 1987 году общественные интересы стали переключаться на политические процессы. Что касается клуба, то к политическому движению присоединилось менее десяти литераторов.

На вопрос Волчека: «Что будет дальше?» – Кривулин ответил: «Я считаю, что будущее за плюралистическим левым сознанием, очищенным от мифов и лишенным социальной заостренности и демифологизированным»[88].

В конце 1970-х годов Кривулин, оставив позади «культурологический проект», «культ культуры» (см. «Полдня длиной в одиннадцать строк»), становится противником повторений, поэтических стандартов, в том числе и своих. Он иронизировал над творчеством поэта Кублановского, которое прежде мог принять за свое. В конце 80-х годов он уже реалист. Он описывает застойную жизнь «спального района» города, перестройку и перемены не только в политическом руководстве, но и в обличии людей, улиц, сельского пространства.

Из моего дневника:

3 мая

Переписываю устав Совета КД. В последние недели воображение рисует фантастические картины: несколько человек в области стали строить систему новых экономических отношений. Воображение – интуитивное опробование возможностей – подсказывает: необходимо перераспределение человеческого фонда: рациональные, волевые, независимые должны встать на место послушных безынициативных исполнителей.

Повременная оплата труда, установка на добросовестность и доверие к руководителям. Решительное отбрасывание человеческого хлама. Общий трудовой кодекс для руководителей и подчиненных. Установка на профессиональную компетентность и полное освобождение от политической идеологии. (Нет у России исторически важного опыта протестантской морали!)

Местный тип хозяйствования. Интерес к местным возможностям. Смелое возвращение к пропущенным этапам экономико-технического развития – к развитию местной сети

дорог, включая узкоколейные, коневодство.

Думаю: у казенного сельского хозяйства будущего нет [89].

7–8 мая

В Москве прошла 2-я Конференция представителей независимой печати. В коммюнике конференции говорилось: представители независимых периодических изданий Москвы, Ленинграда, Риги, Куйбышева и Пскова констатируют, что, «несмотря на провозглашение режимом свободы гласности, мы лишены прав эту свободу реализовать. Считаем назревшим создание общественных структур, способствующих обмену независимыми изданиями и информацией об их работе, создание архивов, библиотек и каталогов самиздата, а также учреждение общей юридической службы, действующую в интересах независимых изданий».

Эта встреча интересна тем, что решение гражданских проблем участники конференции видели в изменении государственной правовой системы, которая обходит стороной политидеологию как явление частного порядка.

18 мая

Исполком Ленсовета утвердил «Временные правила о порядке проведения собраний, митингов, шествий и т. д.».

Общее собрание на Форуме ДК Связи. Тема «Дамба».

Е. Зелинская выдвинула кандидатом на пост руководителя Эпицентра П. Кожевникова.

(Еще одно исполнение моей старой идеи: «Нам нужна хотя бы одна парикмахерская, которая выдвинет своего кандидата в Верховный Совет, чтобы проверить всю нашу избирательную систему».) Выдвигали меня и Адамацкого. Мы взяли самоотвод… А в это время до городских властей доходит «Меркурий». Андреева с Чепуровым и Сусловым вызывают в обком. Им устроен разнос: клуб вышел за пределы границ – занимается нелитературными делами, создает партию, стоящую над всеми организациями, и пр. Либо клуб должен отказаться от «Эпицентра», либо СП – от клуба. В этот же день я объяснялся с Андреевым. Я говорил, что в состав Совета входят только группы, имеющие учредителей[90].

Культурное движение с начала своего зарождения было заряжено экспансивной энергией маргинальных групп и кружков, способных к осмыслению причин своего положения в обществе и осознающих свою историческую неслучайность. Клуб-81 воспринимался властью как произведение социального авангарда/арьергарда. Маргинализация в этом случае была шагом к индивидуальной свободе, уже имевшим место в истории культуры[91].

Поэтому неудивительно, что клуб привлекал не тем, что здесь можно чему-то поучиться, а тем, что здесь всегда открыта дверь, ни у кого не спрашивают, кто ты такой, кто тебя послал, зачем явился. Садись и слушай, задавай вопросы, убедись: свобода возможна – не бойся быть свободным. Как у Тарковского в «Зеркале»: у подростка, не умеющего говорить, требуют: «Говори! Говори!..»

Выдержки из перевода статьи Салли Лэйрд «Литература в СССР – что изменилось?» (сокращенный перевод статьи из журнала «Index on Censorship»[92]).

С. Лэйрд провела в Москве и Ленинграде две недели, встречалась с писателями и редакторами газет и журналов. Ее интересовало, насколько изменилось в стране положение литераторов в условиях объявленной гласности. Посланец западного мира увидела то, что переживала вся Россия, сделав первые осторожные шаги от тоталитаризма к свободному плюралистическому обществу. «Разумеется, нет ничего нового для русского интеллигента в этом шизофреническом состоянии двуязычия, что и было его определяющей характеристикой. В связи с этим границы между *официальным* и *неофициальным*, между интеллигенцией и бюрократией стали постепенно размываться… Интеллигенция у власти? Пока неясно вырисовывается столь странный призрак».

Лэйрд неуверенно писала о *шестидесятниках*, выходцах из десятилетия хрущевской «оттепели», которых мы называем *проскочившими*: с одной стороны, их приняли в Союз писателей, их сочинения публиковали, но почему они так мрачно говорят о своем прошлом – этого ей было не понять[93]. «Можно не сомневаться, – пишет журналистка, – что новоявленные сторонники гласности объявят себя самыми рьяными ее приверженцами», и объявят, «что советская культура не должна стать жертвой таких чуждых ей явлений, как рок-музыка или искусство, взывающие к необузданным инстинктам…» Редактор журнала «Москва» Алексеев на вопрос, будет ли журнал печатать Бродского, заявил: «Бродский – не поэт… К тому же не русский».

Главка «Клуб-81» написана Лэйрд со слов Кривулина. По его словам, «нас (то есть членов клуба. – *Б. И.*) так или иначе *заставили* объединиться». (Если говорить о *часовщиках*, о нас, организаторах нелегальных конференций культурного движения, к идее клуба привела потребность в помещении, в котором мы могли бы собираться, общаться, объединиться для коллективной самозащиты, расширить возможности встреч с читателями.) Бедный Кривулин под угрозами ГБ отказался от выпуска журнала «Северная почта», *часовщики* ни от чего не отказывались и стали

ядром Клуба-81. В первый состав правления предложили войти редакторам журнала «Обводный канал», Н. Подольскому из круга Кривулина и вступить в клуб В. Долинину, который был на мушке у КГБ.

Кривулин упомянул в беседе самиздатский журнал «37», не выходивший уже шесть лет, и «Обводный канал», но не назвал «Часы». Умолчал, что с момента своего образования клуб стал центром культурного движения Ленинграда, что ни один журнал не был запрещен, что выпускать их члены клуба стали в два раза больше, открыто проводились весенние и осенние конференции, что правление клуба потребовало возвратить поэту изъятые у него во время обыска тексты и протест возымел свое действие.

Честолюбие Кривулина пошло в ущерб его чести. Он явно оговорил клуб и исказил общую ситуацию. «Это была самая пессимистическая интерпретация политики Горбачева из всех, с какими мне приходилось сталкиваться», – писала Лэйрд. При сравнении столицы с Ленинградом у нее сложилось впечатление, что «подполье больше нравится Кривулину» и это свойственно ленинградцам (!), но не москвичам Дмитрию Пригову и Владимиру Сорокину, тогда как те же Пригов и Сорокин навещали наш город, зная что в Клубе-81 их ждет доброжелательный прием, будут чтения, вопросы и дискуссии.

Репортаж С. Лэйрд верно отразил атмосферу первых лет гласности, когда разоблачительные публикации и заявления правительства многим представлялись провокациями. В ответах на ее вопросы люди оговаривают условия своей личной безопасности.

Вот реплики дословно.

Молодой писатель: *Вы мне звоните с телефона-автомата?.. А я уж подумал, что из гостиницы!* [94]

Известный поэт: *В нормальной стране, конечно, многие из этих людей не стали бы писать стихи, а занялись бы чем-то более разумным – частным бизнесом, наконец. Только не говорите, что это я вам сказал.*

Поэт: *«Index on Censorship»? Что-то мне не хочется появляться в журнале с таким названием. Да и рискованно…*

Писатель: *Главное, что следует подчеркнуть, – мы действительно поддерживаем Горбачева, потому что ему необходима любая поддержка…*

План на сентябрь

Напоминаем: принимаем членские взносы за первое и второе полугодие.

3.09. Правление: ситуация и планы с «Кругом-2», 19.30.

12.09. Экология: «Дельта»[95], 14.00.

23.09. Поэзия: общее чтение: новые стихи, 20.00.

(Прочая информация по секциям.)

Октябрь 1987 года

Совещание редакторов и представителей независимых изданий Ленинграда, Москвы и Риги

План клуба на октябрь

Поэзия:

9. Вечер сатирической поэзии. Читают В. Гаврильчик, Е. Макаров, В. Уфлянд, Э. Шнейдерман. Поэзия «Красного щедринца». Читает С. Завьялов. Отв. Иванов.

14. Новые стихи читают О. Бешенковская, З. Эзрохи, А. Илин. Отв. Шнейдерман.

28. Вечер памяти поэта Роальда Мандельштама. Воспоминания, чтение стихов. Вечер ведут Н. Подольский, С. Коровин.

Проза: 21-го читает А. Бартов. Отв. Адамацкий.

Критика: 26-го продолжение лингвистического семинара В. Кушева. Отв. Бутырин.

Переводы:

Новые переводы в 13-м номере «Предлога». Ведут С. Хренов, С. Завьялов.

Правление проводит открытые заседания 16-го и 28-го.

Начало мероприятий – 19.30.

24–25 октября

На Петра Лаврова состоялось совещание редакторов и представителей независимых изданий Ленинграда, Москвы и Риги: «Бюллетень христианской общественности», «Бюллетень московского клуба „Перестройка“», «Бюллетень СМОТ», «Бюллетень Федерации социалистических общественных клубов», «Бюллетень клуба „Община“», «Вестник Совета по экологии культуры», «В полный рост», «День за днем», «ЛЕА», «Меркурий», «Митин журнал», «Обводный канал», «Петербург», «Поединок»,

«Предлог», пресс-агентство «СМОТ», «Третья модернизация», «Точка зрения», «Часы», «Экспресс-Хроника». Во встрече принимали участие представители клубов «Дельта», «Аделаида», «Община», «Свидетель», Клуб-81, ТЭИИ, московского и ленинградского клубов «Перестройка».

Были приглашены представители официальной печати: корреспонденты газет «Известия» – Ежелев, «Литературная газета» – В. Голованов, «Смена» – Д. Запольский, журналов «Сельская молодежь» – К. Сочнев, «Аврора» – А. Цеханович, «ЭКО» – П. Филиппов, от горкома ВЛКСМ – С. Пилатов.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 24 октября

Елена Зелинская (журнал «Меркурий») так объяснила цель встречи: «Сегодня, когда мы наблюдаем, что для многих авторов самиздата открылись возможности печататься в официальной прессе, число самиздатских изданий увеличивается. Давайте определим задачи неофициальной печати во время перестройки».

Кирилл Бутырин: «Редакция „Обводного канала“ не считает возможным заниматься политической деятельностью ни в период застоя, ни в условиях перестройки, потому что считаем, что говорить полуправду… это еще хуже, чем говорить ложь. Тем не менее мы, следуя известному завету русской философии, – за целостное мировоззрение, за целостную личность, воля которой, мысль и чувство пребывают в единстве. Мы с надеждой смотрим на возникшие самиздатские общественно-политические журналы… Если пресса должна быть зеркалом общественного мнения, то не проще ли дать общественному мнению выплеснуться на страницы газет и журналов без посредников?

Культура, религия, нация, бытие – вот ценности, которым старается служить наш журнал».

Михаил Талалай (редактор журнала «Вестник Совета по экологии культуры»): «„Вестник“ более оперативен, чем городская печать, многие темы он поднимал до того, как они находили отражение в официальной прессе, например вопрос о возвращении исторических названий, проблемы сохранности кладбищ, церковных памятников».

Выступающий поразил собравшихся количеством периодических изданий, выходивших в дореволюционном Петербурге: «До 1914 года выходило 47 газет, в том числе такие, как „Против течения“, „Газета чиновника“, „Утро России“, существовала газета „Голос Москвы“. Издавались 12 библиографических, военных – 17 (среди них „Вестник русской конницы“), 6 журналов, посвященных воздухоплаванию, в том числе журнал „Летун“, детских – 9, исторических – 2, коммерческих – 24, литературно-художественных – 72,

медицинских – 37, журналов мод – 12, музыкальных – 7, научных – 53, педагогических – 16, религиозно-нравственных – 21, спортивных – 12, театральных – 6, технических – 37, юмористических – 7, кроме того, издавались журналы на других языках: 2 – на еврейском, 1 – на литовском, 9 – на немецком, 1 – на польском, 1 – на татарском, 1 – на финском, 2 – на эстонском, 4 – на французском… Всего – 438 журналов… Все эти журналы пришли в упадок лишь в начале 30-х годов».

(Удивляться не приходилось – идеальному тоталитарному государству нужен вообще один журнал, один автор, одно фото на развороте, а его жители, рьяные на него подписчики, издают свои неофициальные журналы, машинописные и рукописные, призывающие всех подписываться на главный журнал.)

Я рассказал о журнале «Часы», о мотивации издания:

«К середине 70-х годов сформировались независимые писатели, которые могут составить славу нашей литературы, но они чувствовали себя совершенно ненужными обществу, более того, власть пыталась их убедить в том, что они не только не нужны, но и опасны для общества. Люди впадали в депрессию, эмигрировали… В этой ситуации я считал, что нужно создать микромодель нормального общества. Писатель должен почувствовать, что он нужен обществу, что есть журнал и люди, которые хотят публиковать и читать его вещи, что, кроме него, есть другие литераторы, – уже одно это изменит одномерную и безнадежную картину мира.

Второе: в наших условиях журнал должен быть спокойным, спокойствие – эта та атмосфера, в которой нуждается пишущий человек, он верит, что издатель не подставит его под удар. Нужно было готовиться к бегу на длинную дистанцию. „Часы“ спокойно пережили политические заморозки. Сам факт существования журнала легализировал культурное движение, показывая его преемственность и закономерности его развития. Авторы создавали тексты, тексты находили читателя, и те и другие вместе с журналом создавали новую среду, среда – новую культуру.

Третье: журнал должен принадлежать всему культурному движению, а не какому-то кружку лиц. Он был и остается открытым всем веяниям независимой гуманитарии – критикам, историкам, философам, художникам».

Я сказал, что к критическому осмыслению нашего общества сейчас примкнули государственные издания. «Но нужно понять, что до тех пор, пока в нашем обществе не сформируются личности нового культурно-этического типа, исполненные личного достоинства, с независимыми суждениями и

способностями противостоять государственному унифицированию людей и манипуляции ими, мы будем строить общество на песке. Мы можем и должны передать современникам свой опыт противостояния казенщине, неправедному насилию, сохранять присутствие духа в самые мертвые годы».

Елена Зелинская аргументировала необходимость существования самиздата. «Те огромные запасы идей, мыслей, информации, которые накопились в обществе в годы безмолвия, невозможно реализовать через скуднейшее количество официальных изданий… Да, я знаю, я могу напечататься в „Литературной газете“, но надоело быть просителем, надоело знать, что твой материал обкромсают, что ты не вправе распоряжаться своей информацией, своими мыслями. Хочется самому делать свое дело». Зелинская возразила против изданий, в которых все содержание свалено в кучу. «Журнал, раздираемый противоречиями, – это не „гласность и демократия“, а отсутствие собственной позиции». «Плюрализм изданий – единственная возможность обеспечить одну из важнейших конституционных свобод – свободу слова».

Корреспондент газеты «Смена» **Дмитрий Запольский** убежден, что в новых условиях настало время для новых взаимоотношений официальной и неофициальной печати. В неофициальной он видит разнообразие точек зрения и форм подачи материалов, хотя тираж одной «Смены» превышает тираж всей оппозиционной печати города. Он признал, что в его среде встречаются коллеги, которые пишут с конъюнктурной оглядкой, и тем не менее «Смена» готова публиковать материалы от неофициальных групп и авторов, «хотя работа с любым самиздатским изданием – колоссально тяжелая работа, к которой официальные журналисты не привыкли. И самое лучшее, чтобы ваши материалы пришли к нам».

Выступление Запольского часто прерывалось вопросами. Он отказался конкретно обсуждать проблемы, которые ветераны самиздата будут ставить до тех пор, пока они не будут решены.

В. Сквирский (Москва, журнал «Поединок»): «Мы пишем о людях, которые годами не могут восстановиться на работе, которых держат в психушках по политическим причинам. Тех, кто размножает наши материалы, преследуют не по политическим, а по уголовным статьям за использование государственного ксерокса и казенной бумаги. В нашей редакции – Л. Волохонский, отсидевший два срока, сам я отсидел четыре, В. Борисова выдавили в эмиграцию».

Редактор «Экспресс-Хроники» **Александр Подрабинек** (Москва) в начале своего выступления поздравил питерцев с

вручением Нобелевской премии Иосифу Бродскому. Затем отметил, что «Экспресс-Хроника» заняла место известной правозащитной «Хроники текущих событий», чьи издатели были репрессированы. В условиях перестройки «Хроника» продолжила распространять по Союзу информацию, которую если государственное издание и публиковало, то обязательно исказив и переврав. 100 экземпляров «Хроники» рассылается по 30 городам, используется в передачах «Голоса Америки» и радио «Свобода». «Мое обращение в Моссовет о создании кооператива было отклонено: „Ваше рассуждение о гласности не основано на марксистско-ленинской философии“, – был ответ».

Петр Филиппов (журнал «ЭКО», Ленинград) рассказал, что, несмотря на освобождение Горлита от цензурного досмотра социально-экономических материалов, это учреждение продолжает вмешиваться в их публикации. Сообщил, что готовится закон о праве каждой группы зарегистрировать свою организацию и выдвигать своих кандидатов на выборах, а свободу печати ограничивать лишь статьями конституции.

К. Сочнев (корреспондент газеты «Сельская молодежь») сказал, что видит задачу самиздата в том, чтобы подготовить общественное сознание к восприятию тех идей, ради которых мы готовы пойти на любые лишения. «Мы можем противопоставлять издательские политики, но не личные отношения официалов и неофициалов, так как мы все служим демократической идее. В этом заключается плюрализм».

Дмитрий Волчек («Митин журнал», Ленинград) представил свое издание как литературное, филологическое, ориентирующее на *левую литературу*. Журнал по объему конкурирует с такими официальными ленинградскими журналами, как «Нева» и «Аврора».

«Литература новаторская, авангардистская рассматривается как политически нелояльная, а лояльной навязаны эстетические нормы столетней давности. Или возьмем статистику официальных переводов. В переводах с английского на первом месте стоит Джеймс Олдридж, которого не знают ни английские филологи, ни читатели, его в Англии не печатают, а у нас издают огромными тиражами. Те книги, которые на Западе ценят и издатели, и читатели, до нашего читателя не доходят, их у нас читают в самиздате». Волчек сказал, что журнал уделяет большое место архивным публикациям.

На вопрос, как самиздату решить свою острейшую проблему – тиражирования изданий, Волчек ответил: «В частном владении должна находиться копировальная техника. Я не требую, чтобы государственные типографии печатали мой журнал. Нужен

только закон, по которому, например, можно привезти ксерокс из Америки, и я буду размножать тексты дома».

Александр Сержант (редактор журнала «Третья модернизация», Рига): «Я раньше сам работал в газете и хорошо понимаю, о чем говорил представитель „Смены“. Такие речи я слушал в редакции с утра до вечера. Нас призывают превратиться в лоббистов, но из этого ничего не выйдет». Затем он ответил на вопросы присутствующих. Сказал, что журнал русскоязычный, латышские коллеги еще не преодолели свой страх перед властью. За восемь месяцев вышло два номера. От многих вопросов Сержант отделывался шутками. «Правда, что в Риге скоро состоится правозащитная демонстрация?» – «По этому вопросу обращайтесь к нашему руководству, в „Голос Америки“. Как они скажут, так мы и сделаем…» (*Смех*.)

Сергей Хренов (журнал «Предлог», Ленинград): «„Предлог“ – уникальное издание, это единственный в СССР самиздатский журнал, который полностью посвящен переводам. За три года вышло 13 номеров. Основные рубрики: „Изящная словесность“, „Поэзия“, „Проза“, „Театр“, „Изобразительное искусство“, „Кинематография“, есть раздел „Хрестоматия“ (посвященный основателям современного искусства) и „Иные традиции“…»

В. Гурболико́в (Москва) рассказал об издании двух бюллетеней: «Община» публикует материалы общественно-политического и исторического характера, о малоизвестных социалистических учениях немарксистского плана, бюллетень «Свидетель» будет впредь заниматься оперативной экспресс-информацией.

Лев Волохонский (информационное агентство «СМОТ», Москва) сообщил, что из Америки приехал советский эмигрант Гольдфарб, друг Дж. Сороса. Он просил передать об организации Соросовского комитета, который будет рассматривать некоммерческие предприятия, культурные программы с целью их финансирования.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 25 октября

Р. Астахов (журнал «В полный рост», орган Ленинградского отделения Всесоюзного социально-политического клуба (ВСПК)) сказал, что его журнал близок по стилю к московским журналам «Точка зрения» и «Община», рассчитан на распространение в группах КДД и сриде членов ВСПК. Объем – 25 страниц. Выходит один номер в месяц. Главная проблема – трудности тиражирования.

Сергей Пилатов (заведующий сектора досуга ленинградского РК ВЛКСМ): «Поскольку любая творческая инициатива необычна, ей приходится пробиваться с большими сложностями, и все-таки

многое уже делается. Например, в Ленинградском дворце молодежи впервые состоялись устные выпуски двух самиздатских журналов „Рокси“ и „РИО“, которые считались самыми экстремистскими».

Валерий Трубицын (редактор журнала «Петербург») отметил, что совместное участие в первом дне заседаний официалов и самиздатчиков создало представление о состоянии той и другой прессы. Художники боролись за право выставлять нетрадиционную живопись и добились этого, теперь нужно добиться перемен в области слова. «Меня поражает сытое самодовольство творческих союзов, в частности Союза писателей. Я думаю, что главные события у них впереди». О журнале «Петербург» сообщил, что только что вышел первый номер объемом в 150 страниц. В состав входит как публицистика, так и художественные произведения.

Александр Огородников (редактор «Бюллетеня христианской общественности», Москва): «Мы сообщаем о церковной жизни в СССР, помещаем материалы о ее положении, о будущем Церкви в нашей стране. Поскольку Русская православная церковь молчит, нам пришлось взять инициативу в свои руки. Есть положительные последствия – некоторые советские газеты начали осторожно касаться проблем, которые мы освещаем. „Московские новости“ и „Литературная газета“, в частности, сообщили о явлении Богородицы в селе Грушево».

Отвечая на вопросы участников встречи, Огородников рассказал, что в издании журнала принимают участие священнослужители. На вопрос: «Намечаются ли какие-нибудь перемены в положении Церкви и верующих в СССР» – ответил: «Мы составили свой проект о необходимости нового закона. Есть косвенная реакция: на Венской встрече советские представители говорили, что РПЦ получит статус юридического лица, будет позволено религиозное воспитание в воскресных школах, облегчение процедуры регистрации общин. Запад хочет получить разрешение на массовую засылку в СССР адаптированной и иллюстрированной Библии для детей».

Б. Дубров (редактор «Ленинградского еврейского альманаха») рассказал, что журнал издается шестой год, вышло 14 номеров. Материалы связаны с историей евреев в России. В последних номерах помещены статьи об отношениях журнала к обществу «Память» и переписка Астафьева с Эйдельманом. Объем – 90 страниц, тираж – 100 экземпляров.

Алексей Зверев (редактор журнала «Точка зрения», Москва): «Журнал издается с марта 1987 года группой московских интеллигентов социалистического направления. Часть из них

объединились вокруг клуба „Перестройка“. Мы работаем в направлении создания плюрализма в нашем обществе. Для этого мы хотим работать не в оппозиционном самиздате, а найти полуофициальную платформу, на которой могли бы выступить правозащитники.

Дело в том, что многие правозащитники сейчас не хотят себя так называть. В отличие от клуба „Перестройка“, мы взяли на себя задачу налаживать отношения с различными группами правозащитников. Вышло два номера журнала, объем каждого – 60 страниц. Мы обращаемся к советской интеллигенции, которая поддерживает перестройку. Мы стараемся вести с властями цивилизованную полемику».

Николай Хромов (редактор журнала «День за днем», Москва): «Это скорее не журнал, а бюллетень группы „За установление доверия между Востоком и Западом“, которая существует с 1972 года, бюллетень выходит с января 1987 года. Журнал выходит раз в месяц тиражом в 30 экземпляров. Мы освещаем не только деятельность группы „Доверие“, но и всего независимого пацифистского движения в СССР. Пока наши публикации носят информационный характер, но планируем публиковать публицистику против милитаризма, милитаризации советского общества и системы военно-патриотического воспитания, против войны в Афганистане. Наша постоянная рубрика – „Узники мира“: о людях, лишенных свободы за их борьбу за мир. Рубрика „Молодежная контркультура“ освещает проблемы пацифистского движения, раздел „Поверх границ“ – о сотрудничестве посредством мирных акций с мирным движением других стран (польский „Свободный мир“, „Хартия-77“ в Чехословакии, „Мир“ в ГДР и др.)».

В заключение выступил **Юлий Рыбаков**, рассказавший о деятельности Товарищества экспериментального изобразительного искусства, ознакомил с документами Инициативной группы содействия созданию мемориала памяти жертвам сталинизма.

Заключительное коммюнике встречи редакторов и представителей независимых изданий

Мы, редакторы и представители 17 независимых периодических изданий Ленинграда, Москвы и Риги, настоящим коммюнике подводим некоторые общие итоги встречи.

Мы считаем нашу встречу в Ленинграде 24–25 октября полезной как для нас, так и для судеб независимой печати в стране.

На встрече выявились различия в позициях и оценках по вопросам культуры, политики, религии у различных изданий.

Мы считаем это не только естественным, но и полезным, даже необходимым условием плюралистического общества, каким мы и хотим видеть то общество, в котором распространяем наши издания. Однако при всех наших различиях мы выявили и то, что нас объединяет.

Мы все испытываем затруднения одного характера при распространении свободного печатного слова. Эти затруднения вызваны во многих случаях негативным отношением к нам со стороны государственных органов и неопределенностью или несовершенством законодательства. Мы считаем необходимым, чтобы государственные учреждения признавали за каждым независимым изданием права юридического лица. Мы должны иметь возможность регистрироваться в качестве кооперативов или каких-либо других общественных организаций. Это даст нам правовой статус, необходимый для стабильного и успешного функционирования.

Редакторы и сотрудники независимых изданий заняты работой, которая по своему объему и общественному значению не уступает работе в государственных учреждениях. Поэтому социальный статус людей, выпускающих независимые издания, должен быть официально признан государством, и эти люди должны быть надежно защищены законом от обвинений в тунеядстве и преследований. Кооперативная или какая-то иная хозрасчетная форма организации независимых изданий не только позволит вести достойное существование этим изданиям и их сотрудникам, но и покажет общественную полезность нашего труда.

Признанный за нами правовой статус позволит вести организационную и хозрасчетную деятельность на основании правовых норм.

Мы, участники ленинградской встречи редакторов и сотрудников независимых изданий, пришли также к общему мнению о необходимости открыть для всех желающих широкий доступ к множительной технике. Только это по-настоящему способно обеспечить реальную и практическую свободу печати в стране.

Предстоит обсуждение закона о печати. Мы считаем, что проект закона должен быть вынесен на широкое обсуждение общественности. При принятии закона должны учитываться мнения независимых издателей. В официальной печати должны быть опубликованы альтернативные проекты и обсуждения закона о печати.

Мы все надеемся, что наше сотрудничество продолжится. Мы считаем его целесообразным и многообещающим.

Коммюнике подписали все участники встречи, кроме официалов, которые в заседании второго дня участия не принимали.

Сохранившийся отчет об этой встрече показал, что все промежуточные проблемы свободы слова и публикаций – за семь лет до принятия новой Конституции – были Клубом-81 поставлены. Более того, были разработаны документы, предусматривающие правовые принципы тех плюральных взаимоотношений, на которых основывается культурная политика в демократических странах, предложены организационные модели и технические средства. Левый фланг культурного движения объединился с общественно-политическим Ленинградским народным фронтом и вплотную подошел к идеологической границе, которую обороняли КГБ, судебная система, милиция, весь бюрократический аппарат, включая «творческие союзы», и пирамида бесчисленных партийных организаций, насчитывающих около 19 миллионов членов, – вскоре эти миллионы людей ощутят, как из-под их ног уходит земля. Пройдет еще год – и из КПСС начнут уходить. Им не нужно будет прятаться, их не станут судить, лишать работы за «идеологию», расправляться за иные политические воззрения.

На Петра Лаврова все больше встречаешь незнакомых людей. Как правило, это молодые люди 23–25 лет без собственных планов, но с большими ожиданиями. «Эпицентр» принимает их, но от этого не становится массовой организацией. Я меньше стал заниматься делами клуба. Секции не требуют вмешательства, организацию выступлений на стороне берут на себя либо сами выступающие, либо наш менеджер Игорь Смирнов. Просьбы групп предоставить им возможность провести собрание в помещении клуба решаются просто: вспоминаешь план работы на этот месяц и соображаешь, кому можно поручить ключ и проследить за порядком, если сам будешь отсутствовать. Журналы стали требовать больше работы – в «Часах» увеличилось число материалов, связанных с культурным движением, «Красный

щедринец» стал выходить чаще.

Пытаюсь убедить коллег, что нам необходима большая организация, ибо такие лоскутные организации, как КДД, работают по своим частным программам, своими частными силами.

Из моего дневника:

1. *Только в большой организации можно преодолеть синдром «малых групп».*

2. *Только большая организация может обрести большой общественный вес.*

3. *Только большая организация способна в городских условиях осуществлять масштабные значимые акции.*

4. *Только в большой организации мы создадим этику и правила, необходимые для идеологической терпимости, для свободной конкуренции идей, научимся формировать общие позиции, представляющие интересы организации в целом.*

5. *Только в большой организации мы можем научиться мыслить широко и на уровне общенациональных проблем.*

Создание большой организации позволит нам сознательно подойти к проблемам, разделяющим нашу только что родившуюся общественность, сознательно решать их, понимая, что новый мир, который мы будем строить, должен вместить всех – все нации и верования, все вкусы и устремления, и в этом строительстве расти масштабно и духом, и мыслью. Только в большой организации мы можем преодолеть свои амбиции – и начать служить общему делу. Группы, которые готовы принять участие в борьбе за большую организацию, будут приняты в «Эпицентр».

6. *Только в большой организации общественность сможет опереться на интеллектуально выдающиеся и профессиональные силы.*

7. *Только в большой организации можно преодолеть тенденции к элитарности и узости.*

22 октября стало известно, что Бродскому присуждена Нобелевская премия. Эта весть за считаные минуты обошла всех участников культурного движения. Словно в мире, в котором мы жили, исторический суд установил высшую справедливость. Мы выросли в своих глазах, и жалкими стали наши всесильные противники. Немедленно последовало предложение: провести по этому поводу торжественное собрание в Клубе-81.

План мероприятий на ноябрь

Поэзия:

13 – Группа «Сенатская площадь»: Татьяна Никольская, Алексей Попов, Иван Беззлобнов (отв. Илин).

18 – Вечер, посвященный Иосифу Бродскому (отв. Шнейдерман).

21 – Творческий вечер Виктора Кривулина. ДК Ильича (отв. Смирнов).

25 – выступают Дмитрий Григорьев, Борис Пузыно, Денис Москвин (отв. Шнейдерман).

Проза:

11 – читают А. Михайлов и Л. Бабанский – гости клуба (отв. Адамацкий).

Критика:

3 – обсуждаются темы работ наших критиков. Выступают А. Шуфрин, Г. Беневич, Б. Иванов (отв. Бутырин).

Иные мероприятия:

16 – Редакция и поэты. О прохождении рукописей в издательстве «Советский писатель» – Елена Игнатова.

Сценарий и писатель: в гостях редактор сценарного отдела Ленфильма Е. П. Шмидт.

28 – «Дельта» и «Дамба». Сообщения, опыт, планы (отв. Кожевников).

18 ноября клуб переполнен. Чувствовалось, что это событие так или иначе коснется всех нас. Выступили Э. Шнейдерман, В. Беломлинская, Я. Гордин, Б. Иванов, В. Кривулин, В. Уфлянд и другие[96].

Собрание открыл Эдуард Шнейдерман. Он с подробностями рассказал о суде над поэтом, расколе литературного сообщества на слуг системы и защитников независимого стихотворца. В истории советской литературы не было такого мужественного противостояния, в которое оказались бы вовлечены ученые-филологи и газетчики, юристы и литературная молодежь. Власть наносила подлый удар: ей не нужна литература, не обслуживающая ее интересы, она буквально обесценивала творчество, обрекая непечатаемого литератора на нищету. «Этот суд останется заметным моментом если не всей отечественной литературы нашего времени, то уж ленинградской наверное».

Шнейдерман рассказал об истории неосуществленного издания сборника Бродского «Зимняя почта», так напоминающую историю публикации сборника «Круг». За полтора года книга получила семь рецензий, все рецензенты сходились на том, что

книгу нужно издать. Еще через год издательство заговорило о заключении договора. Прошло еще полгода – и в публикации книги было отказано. «То же самое было задумало с „Кругом“, но рецензия Хренкова лишь на время парализовала движение сборника». Шнейдерман процитировал из записки Бродского в редсовет издательства «Советский писатель»: «Я не собираюсь устраивать *ночь длинных ножей*, да и вообще поднимать гвалт вокруг этого дела. До сих пор я – так или иначе – но вполне обходился без изобретения Гутенберга».

О встречах с Бродским рассказали прозаик Анатолий Михайлов, филолог Татьяна Никольская.

Виктор Кривулин говорил о том, как повлиял Бродский на творчество и духовное становление поколения шестидесятников. «Если мы теперь думаем о рубеже 1950-х–1960-х годов, водораздел между либералами и консерваторами кажется чемто очевидным… С одной стороны – носороги-сталинисты, которые травят все живое и свежее в литературе, с другой – либеральная интеллигенция, которая ценой собственного благополучия защищает все новое и необычное. Но перед моими глазами такая сценка: Бродский вышел на эстраду и начал читать, а точнее, выкрикивать, петь, задыхаясь и дрожа в конвульсиях, „Еврейское кладбище“.

И вот реакция тогдашней либеральной интеллигенции: то ли Давид Яковлевич Дар, впоследствии исключенный из Союза писателей, то ли Глеб Сергеевич Семенов, учитель и наставник всех более или менее заметных ленинградских поэтов, – оба срываются с места с криком: „Уберите хулигана!“ Скандал был как-то мгновенно замят… А что же собственно произошло? Зал разделился надвое – не по принципу либералы – консерваторы, а какой-то иной, новой черте… В зале были те, кто услышал новую, свою музыку, – и те, кто не просто остался к ней равнодушен, но воспринял ее как нечто враждебное, ненавистное, чуждое».

Кривулин сопоставил Бродского с Пушкиным как поэта великого, «но если величие второго из них… содержательно, сущностно, то величие первого есть прежде всего воля к величию, постоянное отстаивание права человека *быть великим* – независимо от содержания творческой работы». «Устойчиво звучит в его поэзии одна нота – тема собственной избранности, тема собственной судьбы, и здесь он способен предвидеть, но предвидеть лишь то, что произойдет с ним самим».

Кривулин говорил: «Мы воспринимаем Бродского как русскоязычного поэта, забывая о том, что он занимает в литературе XX века то же место, которое Пушкин занимал в литературе прошлого века… Пушкин называл себя… „министром

иностранных дел“ русской словесности… Специфика Бродского в том, что он адаптирует для русского советского читателя достижения новой англоязычной поэзии (Одена, У. Б. Йетса, Элиота). Здесь его самые мощные поэтические прорывы. Именно Бродский расширяет горизонт русского поэтического слова, насильственно суженный к пятидесятым годам до состояния Твардовского и Маршака…»

И наконец, эгоцентризм поэзии Бродского и эмиграция, обусловленная в большой мере драматическими событиями в его жизни, – и «пути новой отечественной поэзии разошлись»… «Зимой 64-го года, после распространения стенограммы процесса, сделанной Фридой Вигдоровой, Бродский стал поэтом, который занял собственную нишу в истории русской поэзии, сам сделался историей… Я думаю, что сейчас, когда мы чествуем Бродского, когда говорим о Бродском… который удостоился Нобелевской премии, – мы на самом деле имеем в виду другого поэта – Бродского 60-х годов».

Я рассказал о тех моментах в своей биографии, когда судьба Бродского касалась меня. Был возмущен, когда узнал, что поэт арестован. Молодое поколение писателей в квартире прозаика Игоря Ефимова составляет протест, замечательная акция. Письма в защиту Бродского писали и известные ленинградские и московские литераторы. Власти должны были сократить срок его ссылки. Как в этой истории был слышен голос времени, так и в стихотворении поэта «Разговор с небожителем», где поэт возвращает свой дар Богу, я понял, что «со временем произошло что-то чрезвычайно важное и трагическое. Время оказалось связанным через судьбу поэта с бытием – с важнейшими значениями экзистенциального смысла». В повесть «На отъезд любимого брата» я включил притчу о том, что может случиться с человеком, «вышедшим из дома», – сочинил ее накануне встречи с Бродским. Один из вариантов притчи: человек слишком удалился от дома, чтобы в него вернуться. Иосиф внимательно выслушал мой пересказ и согласился с этим вариантом. Так и получилось.

Яков Гордин внес поправки в рассказы о Бродском почти всех выступивших. Его связывали с поэтом многие годы дружбы. Можно было почувствовать, насколько изменятся, углубятся наши знания и понимание поэта через несколько лет. Гордин закончил свое выступление рассказом о судьбах гонителей Бродского. Прокофьеву «это стоило не только поста, но и жизни, на перевыборном собрании выходили люди – и только что не плевали ему в лицо. Прокофьев сидел весь вечер красный, не поднимая глаз, а в перерыве снял свою кандидатуру, даже не баллотировался в секретариат… Вскоре он умер». Евгений

Воеводин, представлявший на суде Союз писателей, «спивающийся, разлагающийся, ничтожный, подвергся остракизму и до конца жизни чувствовал это клеймо. Ну а Авраменко вообще был дурак набитый… Так где сейчас эти люди?.. А Иосиф Александрович – нобелевский лауреат, будет печататься в наших журналах».

Нобелевская премия Бродского – гонимого, преследуемого и признанного человечеством – просигналила о наступающем конце советской эпохи. Но будущее страны еще оставалось загадкой.

Ю. Новиков, размышления о причинах упадка клуба (письмо правлению Клуба-81).

«Что дает повод для таких размышлений?» – задает Ю. Новиков вопрос и перечисляет причины. В первые год-два интерес к клубным вечерам привлекал новых посетителей, не всегда клуб был в состоянии принять всех, – имелся в виду зал музея Достоевского. Литературные вечера украшали художественные выставки, выступления таких музыкантов, как В. Чекасин, Б. Гребенщиков, С. Курехин.

Незаинтересованность дирекции музея в дополнительной нагрузке, неприятности, связанные со случайной публикой, и выступления, «не выдержанные идеологически», лишили нас возможности пользоваться залом музея. В неприглядное помещение на Петра Лаврова, 5, респектабельный посетитель литературных и театральных вечеров не шел.

Отсутствует широкая информация о проводимых мероприятиях, «не было удовлетворено желание узнать, как выглядит эта самая *неофициальная литература*». «*Концертное* чтение прозы затрудняет ее восприятие». Новиков призывал каждое выступление снабжать комментариями, разрабатывать некоторые эпизоды сценически. Размещать объявления об авторских выступлениях на стендах в союзах писателей, композиторов, художников, в Университете, ДК имени Ленсовета и других учреждениях, завоевывать новые площадки. Предложил проводить обсуждения выхода в свет новых номеров журналов «Часы», «Обводный канал». Клуб должен расширить свои контакты с журналами и издательствами, а не ждать, когда они станут навещать нас, использовать все виды тиражирования и публикаций.

Причины, названные Новиковым, с одной стороны, выявлялись в сопоставлении с первыми годами существования клуба, замечательными тем, что наши совместные мероприятия с музыкантами и художниками дали возможность заявить о себе *неофициальной культуре* в широком объеме, что для многих горожан было откровением. И уже это обостряло отношения с

музеем, а главное, для членов клуба были важнее не концертные выступления, а тесное профессиональное общение на заседаниях секций, на конференциях, а также проблемы публикаций, чем мы и занимались на Петра Лаврова. Мы были заинтригованы творчеством наших московских коллег; встречи с ними вызвали дискуссии, размещение их произведений в наших самиздатских журналах. Их выступления на Петра Лаврова «литовке» не подлежали, но вызвали раздражение у начальства. Что касается журналов, то у каждого из них был круг своих читателей,

На призыв к членам клуба устанавливать контакты с учреждениями культпросвета, журналами, газетами, издательствами я уже два года назад сформулировал ответ: это призыв учиться «ходить на цыпочках» по коридорам этих учреждений и выслушивать советы от людей, которые убили российскую литературу и продолжают давить в ней все живое. Ю. Новиков, невзирая на наш богатейший опыт, продолжал верить в Утопию-1. Он не сумел разглядеть, что аппаратная «перестройка» – не более того, что все стихийно возникшие в последние два года организации и группы должны получить управленцев от аппарата, методистов-воспитателей и т. д., что с такой подробностью описано в уставе московского клуба «Поэзия». Члены нашего клуба были свободны. Они сами научились договариваться о выступлениях в Культпросвете и разносить свои рукописи по издательствам.

План Клуба-81 на декабрь

9.12. Поэзия: вечер памяти А. Галича, исполнитель Л. Израэлит (отв. Илин).

14.12. Поэзия: в гостях молодые голоса.

16 . 12. Новости московские. Рассказывают В. Кривулин, Д. Волчек, Б. Иванов (отв. Бутырин).

21.12. Сатира в прозе. Читают И. Адамацкий, Б. Иванов, А. Бартов (отв. Смирнов).

24.12. Критика: клубы старого Петербурга. Выступает В. Герасимов.

25.12. Переводы: из книги эссе И. Бродского. Выступают П. Логинов, С. Хренов.

25.12. Встреча с представителями ТЭИИ, рок-клуба и других объединений.

Правление

ОБЩЕЕ ОТЧЕТНОЕ СОБРАНИЕ СОСТОИТСЯ 9

ЯНВАРЯ 1988 ГОДА

Напоминание: просим до конца декабря уплатить членские взносы.

Объявление

10 декабря – День прав человека, проводимый по инициативе ООН, поддержанный в СССР.

10 декабря в 19.30 в Михайловском садике состоится митинг.

Группа «За установление доверия между Востоком и Западом» призывает общественность Ленинграда поддержать митинг.

К освобождению и реабилитации всех политзаключенных СССР!

Вернуть в стране право на пацифизм!

Прекратить войну в Афганистане!

Предоставить право на инакомыслие!

Из моего дневника:

15 декабря

Приехал в Москву 12-го. Уверенности в том, что семинар дадут провести, не было. В портфеле вез почти всю прозу, которую хотел предложить московским журналам. Около дома С. Григорьянца на улице Гарибальди подошли два пенсионера спросить, почему Григорьянц не дает им читать «Гласность», ведь приходят люди, про журнал спрашивают. Я обещал передать их жалобы.

Доклады носили исключительно конкретный характер. Григорьянц – первый, кто говорил о «парадоксальности нашего времени». Мне повезло, что я выступал после него – кое-какие мои мысли с его мыслями перекликались. За стратегическую часть опасался, здесь я излагал принцип плюрализма: мирное завоевание культурного пространства страны независимыми издательствами, приводил примеры податливости власти стихии перемен. Читал быстро, кое-что пропускал. Получилось неплохо, аплодировали и хвалили.

Д. Волчек сделал прекрасное сообщение о цензуре по эстетическим соображениям. У меня осталось ощущение, что мы, ленинградцы, выступили с наиболее интересными мыслями…

На второй день было много иностранцев. Обсуждался проект профсоюза независимых журналов. Я сказал, что не считаю для себя возможным вступить в действительные члены Международного союза журналистов и тем самым обладать тем, чем не обладают мои коллеги. Григорьянц предложил издать дайджест советского самиздата с ориентацией на Запад. Дайджест я представлял иначе: отобрать лучшее из издаваемых

журналов и распространить по стране, из этих материалов отобрать для иностранцев им интересное.

Григорьянц пригласил к себе домой. Грандиозная бутылка водки (из «Березки», наверно), компьютер [97] , картины… Звонит человек с Ленинградского вокзала… Приходит. Из группы Могилевского от Богданова. Вестник недоволен – мы занимаемся одними разговорами, он завязан на уличные акции.

Между семинаром независимых изданий и Комитетом по правам человека нет ничего общего. Для предполагаемого мной объединения нужна более широкая, универсальная фигура.

13 декабря мы приглашены участвовать в мероприятии правозащитников. Хозяин оставил большую квартиру – уехал в Израиль. (Милиция долго блокировала помещение.) Собралось человек семьдесят. Иностранцы. Из Чехии. Общая дискуссия. Две тенденции – движение независимое и изолированное, и движение независимое, но находящееся в диалоге. По-видимому, стоило бы здесь прочесть «стратегическую часть» из моей речи у Григорьянца, но ее экземпляра у меня уже не было.

Выступил с идеей – необходимо создать организацию. Лев Тимофеев дал мне отповедь: в программу семинара не входит создание какой-либо организации. (Московские коллеги боялись провокаций.) Сказали: «Если человек выступает из Питера, обязательно заговорит об организации». (В Ленинграде не только говорили, – за два года в нем стало трудно встретить активного земляка, не примкнувшего к какой-либо организации или группе.) Все устали, а впереди еще 18 выступлений, большинство – импровизации. Выступали из Грузии З. Гамсахурдия и М. Костава. Больная Л. Богораз.

Резюме

К 1987 году прояснилась расстановка сил: если перестройка тонула в партийно-государственном аппарате, то быстрорастущая активность граждан страны – в основном служивые интеллигенты, в той или иной мере солидарные с правозащитными группами и участниками культурного движения, – поддержала горбачевский курс. При этом сдерживающую роль выполнил травматический опыт страны: ни правые, ни левые, ни анархисты не считали возможным обратиться к революционным приемам борьбы с бюрократией. Общество перестает бояться политического насилия государства, а государство – бояться общества. (Что не исключало риторику взаимного запугивания.)

Задача официальности: во всех областях поддерживать неизменность существующего порядка. Стремление общественности: быть собой для себя, сознавать свои проблемы и решать их в контексте общего будущего. Общественность не знает отчуждения, здесь личная заинтересованность не воображается, не подчеркивается, а является мотивирующей частью дела. В переходные этапы переустройства социальное равновесие обеспечивает историческая *инерция*.

Клуб-81 давно уже вышел за уставные рамки – как камни в море обрастают водорослями, становятся прибежищем для живых существ, так клуб стал прибежищем для десятка организаций и групп. Если секции музыки, театра, общество «Экология культуры» заносились в документы клуба, то теперь он стал органическим пристанищем для всех участников культурного движения: художников, экологов, групп «Спасение», «Бюро экологических разработок», «Совет по экологии культуры» – 1986 год, «Возвращение исторических названий», «Дельта» – 1987 год, Общество христианского просвещения, «За Народный фронт» – 1988 год. Клуб-81 привлекал уже тем, что для всех сторонников демократии держал свои двери открытыми.

Клуб оказался на острие исторического конфликта. Обращаясь к Ю. Андрееву, в секретариат ЛО ССП, к издательству «Советский писатель», в обком КПСС, со всей откровенностью разговаривая с П. Коршуновым, мы, со своим скромным сборником и клубом на Петра Лаврова, 5, в сущности, производили разведку системы на способность к конструктивной реакции на проблемы времени. Клуб добивался от аппарата исполнения уже прозвучавших обещаний, установок, призывов. Девиз «Не бойтесь – смена караула!» требовал *открытости* наших проблем и лишал наши действия политической агрессивности. Но мы ощутили себя вправе возлагать на власть ответственность за будущее.

Мы предложили власти платформу, которой она могла воспользоваться для компромиссов в сфере культуры. За два-три года диалога конфликт между властью и культурной оппозицией не достиг бы такой остроты – подготовил бы политиков с той или иной стороны, способных к интегральному мышлению.

1988 год

План мероприятий в марте

6.03. Расширенное заседание правления – обсуждение проекта нового устава Клуба-81.

Общее собрание состоится 12 марта в 14 часов:

а) принятие проекта нового устава Клуба-81,

б) выборы правления.

16.03. Воспоминания. Шестидесятники: Б. Понизовский, В. Овчинников, Э. Шнейдерман и другие.

17.03. Устный выпуск независимых журналов «Рубикон», «Единство», «В полный рост».

28.03. Проза независимых художественных журналов: «Обводный канал», «Часы», «Митин журнал»…

29.03. У нас в гостях московские литераторы Г. Цвель, А. Альчук, О. Дарк, А. Хохлов.

Секция критики проводит подготовку весенней теоретической конференции «Ценности христианской культуры», посвященной тысячелетию Крещения Руси, – 18 марта, конференция – 22–24 апреля.

31.03. В. Герасимов. Клубы старого Петербурга.

Напоминание: вспомните, не должны ли Вы Клубу-81 членские взносы за прошлый год?

Прошел слух, что враги перестройки готовят переворот, в связи с чем «Красный щедринец» (№ 6) вышел с передовицей «Накануне» с эпиграфом:

«Он заслужиль розга и полючит розга».

Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.

– Что теперь будет?!.

– Будем подсчитывать, что успели сделать за эти оазисные годы…

– <…>

– Мы уйдем под воду с кличем «Товарищ, верь…»

– Уйдем в леса нового офонарения.

– В зоопарки культуры…

– В скиты самиздата.
– Мы будем умнее.
– Я сразу начну учить английский.
– Я пойду в мясники…
– и… в кооперативные дали.
– Вас там только не видали!
– Перестань! Меня тошнит от рифм… и т. д.
Фельетон заканчивается предложением:
«Расходиться по одному…»

Из моего дневника:

13 марта

В газете «Советская Россия» статья Нины Андреевой – преподавателя Ленинградского технологического института («Не могу поступиться принципами»), в которой самые чудовищные преступления режима получили оправдание. Нечто вроде манифеста армии советских казенных идеологов и бюрократов.

12 апреля

Интересно выглядели на собрании в одном контексте седые чиновные ученые и экологическая молодежь: молодежь задает сердито вопросы, ученые нервно отвечают, потому что за все отвечает власть, а ученые еще не умеют говорить с властью так, как молодежь с ними, учеными.

В газете статья художника: Союз художников сам заказывает себе работы, сам заказ выполняет, сам его оплачивает и сам складывает их в запасники. С литераторами-соцреалистами та же картина, только с другим финалом: книги отправляются в макулатуру. Макулатура за деньги сдается в утиль, с этими деньгами человек стоит в очереди, чтобы купить Пикуля.

21–24 апреля в Клубе-81 и в ДК работников пищевой промышленности прошла конференция «Ценности христианской культуры» (К 1000-летию Крещения Руси).

Обращение к христианству в 1960-х–1970-х годах молодых советских интеллигентов было явлением распространенным. Эта духовная реставрация была неотделима от экзистенциального вхождения в русскую культуру XIX–начала XX века. Именно ее воспитательное влияние разительно отделило эти поколения от других, особенно чувствительно в Петербурге. (Слово «Ленинград» избегалось.) Термин «вторая культура» скрывает эту подкладку, которая не была одноцветной. Стоит обратиться к поэзии Л. Аронзона, И. Бродского, О. Охапкина, В. Кривулина, С. Стратановского, Е. Шварц и А. Миронова, чтобы ощутить, насколько творчество этих поэтов решительно различалось по своим мотивам, и при этом в ментальности каждого из них обращение к христианству связано с духовной ориентацией. Я

назвал это «новохристианством» – не наследованным от предков, а обретенным в индивидуальных поисках смысла существования.

Открывая конференцию, я говорил: «Сейчас предпринимаются попытки реформировать советский социализм, внести поправки в его идеологию, в правовые нормы и социальный порядок. У нашей конференции есть подтекст: нам не избежать противопоставления „социализм и христианские ценности“. Некоторые гуманитарии связывают возрождение русского национального сознания с радикальным отвержением социализма, с христианизацией страны – со вторым Крещением России. Но это было бы возможно лишь при активном участии Церкви, в десятки раз усилившей свои культурные и нравственные позиции, свое материальное положение. В то же время реформация социализма как традиции осуществима лишь в той мере, в какой социализм осознает себя *частным вариантом* традиции христианской, на почве которой социализм вырос.

К основным ценностям христианской культуры относится ее язык. Христианский язык обладает способностью к глобальному охвату неба и земли, космоса и духа, страстей и созерцания, высокого подвига и мира инфернального. Сейчас трудно поверить, что ревнители российского социализма изгоняли из русской речи не только слово „Бог“, но и такие, как „дух“, „душа“, „грех“, „откровение“, „добро“, „милосердие“, „прощение“ и „покаяние“…

Монотеизм христианской религии был истоком европейской философии и этики, направлял поиски абсолютного и универсального, преодолевающего границы национального и классового, вечного и временного. Атеистический социализм полагал одной из главных своих целей распространение идеи смертельной классовой борьбы, гражданской бойни, экспроприации и насилия. Из его принципиального отказа сообразовывать свои действия с общечеловеческой моралью проистекли следствия антигуманного и преступного смысла. Пусть миллионы престарелых и увечных, получая похлебку от государства, страдают и умирают без утешения, но ни в коем случае нельзя допускать к ним людей христианского сострадания и добродеяния. Пусть спиваются миллионы тружеников, но не пустим на улицы и в дома проповедников трезвой трудовой жизни. Пусть народ развращается в повальном воровстве, но нельзя допустить, чтобы с амвона церквей раздавались проповеди нестяжания.

Нужно ли при этом возражать на обвинение христианской этики в отсталости? Как будто могли устареть заповеди НЕ УБИЙ! НЕ СОЛГИ!.. и настало время проповеди „УБЕЙ!“, „ЛГИ!“ и

„СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА!“. Христианские этические нормы – это *всеобщая конституция*, оберегающая христианские народы от сатанизма власти, насилия и амбиций слепых пастырей.

В нашем городе учреждено общество „Милосердие“, организаторы которого хотели объединить свою деятельность с Церковью. Власть этому воспрепятствовала. Бюрократия, если ей доверить проведение реформ, будет проводить их в „большевистском“ контексте. Наверное, уже написана статья, в которой примером милосердия служит Феликс Дзержинский: „А как же! он приказал по вокзалам, подвалам и кладбищенским склепам собирать беспризорников!“, после того как расстрелял десятки тысяч их отцов.

СОЦИАЛИЗМ при действительной реформации окажется на территории христианской культурной традиции. Из этого следует, что СОЦИАЛИЗМ и ХРИСТИАНСТВО станут фундаментальным фактом как идейного, так и культурного плюрализма в стране, что можно назвать „великим компромиссом“. Светская демократическая власть и Церковь не станут губить свои силы в межусобицах[98]. Общественность не должна поучать Церковь, но обязана ее защищать. При этом мы можем оказаться перед тем, что Церковь будет отказываться от защиты, чтобы внешними причинами оправдать свою внутреннюю деморализованность и потерю исторической ответственности».

В докладе «Время Церкви» **Владимир Зелинский** говорил: «В душах поколения, к которому принадлежу я, атеизм умирал от старости. Но нужно было еще преодолеть кризис культуры, кризис гуманизма, которые предлагали свои ответы на вопрос: „В чем смысл жизни?“». Со временем становилось понятным, что эти ответы далеки от духовных проблем человека.

«Христианство начинается со встречи с Иисусом Христом – с Его словом и даже с Его молчанием». Человек, вступив в Церковь, познает тайны мира. Но Церковь – не Царство Небесное, которое обретают лишь в опыте веры. Зелинский предупреждал, что путь к Богу не прост – он равен преображению человека, его новому духовному рождению.

«Русская церковь празднует свое тысячелетие, но ее земное тело остается скованным». Тем не менее исторические перспективы Зелинский оценил оптимистически: «Закончен грандиозный социальный и метафизический эксперимент над человеком, над обществом, над историей. Его итоги нам известны. Теперь началось время Церкви».

На конференции мы узнали, что в Москве в 1971–1981 годах выходил самиздатский журнал «Призыв» – издание экуменического движения. Его представительница **И. Языкова**

рассказала, что уже в 1975 году в журнале появилась постоянная рубрика «Навстречу тысячелетию Крещения Руси». «Мы проповедуем всеобщее примирение во Христе, наша цель – экуменизация, либерализация, евангелизация мира с вытекающим отсюда выводом: главное – единство, во второстепенных различиях – свобода, и во всем – любовь». Языкова считает, что историческая Церковь, настаивая на строгом разделении «мира и клира», слишком далеко отошла от свободы и жертвенности первых христианских общин, живших мыслью о принадлежности каждого христианина царственному священству.

Выступления на конференции подтвердили, что под колпаком надзора и культурной блокады в обществе тлел реформационный процесс. Власть, заказав «передовой науке» и искусству представлять действительность такой, какой она хотела ее видеть и какой навязывала подданным, увлеклась миражами. Слава тем, кто разгребал эти залежи лжи, чьи души и совесть служили правде и только правде! 70-е годы были для России годами просвещения. Российская интеллигенция ради правды и совести шла на жертвы. Умильные оценки правления Брежнева и Андропова смешны. Да, эти тихие вожди советской бюрократии не сажали сотнями за проволоку, но принуждали *просвещенный слой* десятками тысяч эмигрировать на Запад и в Израиль. Они следовали политике Ленина: интеллигенция – враг большевизма.

В принятом обращении участников конференции говорилось:

«Наше общество созрело для понимания того, что успехи культурного развития страны, нравственное здоровье народа, укрепление его духовного единства невозможны без ощутимой, живой, осмысленной связи с сокровищами христианской отечественной и мировой культуры. Указывая личности пути к нравственному совершенству, христианство вместе с тем есть мощное средство общественного развития, сотрудничества, взаимопомощи. Сегодня недостаточно признать, что наше прошлое – это то, что принадлежит народу, его исторической памяти, его культуре – в год Крещения Руси нужно со всей прямотой признать тот очевидный факт, что в нашем прошлом самое ценное – христианское прошлое».

В обращении также говорилось: «Успех настоящей конференции побуждает нас выступить с ответственной инициативой – призвать к созданию ОБЩЕСТВА ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ». Обращение было подписано Е. Пазухиным, Б. Ивановым, В. Аксючицем, В. Антоновым, В. Попковым, В. Порешем и принято 140 участниками конференции[99].

Массовое возвращение соотечественников к христианству

открыто включало мотив политической реставрации. Но проявлялся мотив в двух ориентациях: в прямом обращении к РПЦ – «воцерковлении», и в ожидании критической рефлексии церковной деятельности. Принадлежащие ко второму разряду верующие ждали от Церкви большей ответственности за нравственное состояние приходов в стране. (Первым шагом, как считали многие, должен быть переход богослужения на русский язык.) В работе конференции принимали участие филологи, философы, историки (С. В. Белов выступил с докладом «Христианский смысл „Легенды о Великом инквизиторе“ в „Братьях Карамазовых“ Ф. Достоевского»), которые открыли для себя труды Н. Данилевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Шестова, С. Франка, П. Флоренского, П. Федотова и других мыслителей, связывающих христианство с национальным самосознанием. Среди верующих были и активные участники экуменического движения.

После рабочей части конференции в кафе ДК состоялась свободная дискуссия. Кто-то из общества «Память» вызывающе заявил, что Иисус Христос не был евреем. «А Дева Мария? А Иосиф?..» – спросил я его. Зачинщик спора стал нести какую-то ахинею, слушать никто не стал. Ко мне подошел человек солидного вида и сказал, что при обкоме образовано что-то вроде курсов пропагандистов, куда они приглашают умеющих убеждать людей, намекнув на вознаграждение. Я был удивлен: вербовщик даже не поинтересовался, чем я занимаюсь и чего жду от перестройки. Советская культура была заказной, мой заказчик, видно, не сомневался, что его предложение меня обрадует, как актера, которому предложили сняться в кино.

Ленинградский народный фронт

В конце апреля в зале ДК имени Ленсовета клуб «Перестройка» провел очередную встречу с горожанами. Как всегда, свободных мест не было. Я прошел за кулисы. Из всех прослушанных выступлений два представлялись мне важными: Юрия Нестерова, который сообщил, что в Эстонии создается массовая политическая организация «Народный фронт республики», и одного рабочего, который в невнятной речи высказал ясную мысль: нужно создать Народный фронт в Ленинграде[100]. За кулисами познакомились, договорились: завтра Владимир Большаков (так его звали) принесет мне текст для листовки о Народном фронте.

На следующий день обсуждали и редактировали текст. В

листовку включили два призыва: 1) «Демократические организация города, объединяйтесь в единый Народный фронт!»; 2) «Формировать Народный фронт Ленинграда без бюрократических процедур!».

(Имелась в виду растянутая процедура приема в клуб «Перестройка»: нужно было заручиться рекомендациями трех членов клуба, выдержать кандидатский срок и получить согласие коллегиального совета клуба из девяти человек.) Я сел размножать текст через копирку, Владимир отправился домой заниматься тем же. На следующий день вечером позвонил взволнованный Сергей Магид: на Петроградской стороне, у памятника «Стерегущему» он присоединился к стихийному митингу. Ведущий митинг говорил о создании Народного фронта, отвечал на вопросы, раздавал листовки. Магид не знал о моей причастности к листовке, а я лишь от него узнал, что Большаков уже обратился с призывом к горожанам.

Через два дня мы с Магидом отправились в ДК Ленсовета на встречу с Ю. Нестеровым и оказались чуть не первыми в составе инициативной группы по созданию Народного фронта. Инициаторам предстояло разработать проект устава, сформулировать политические цели Фронта, привлечь к организации граждан, готовых приступить к решению этих задач. Под названием «За Ленинградский народный фронт» группа просуществовала несколько месяцев.

Первые заседания проходили в «Монако свободы» – на Петра Лаврова, 5.

Фронт формировался медленно. Во-первых, это организация политическая, а при существующем в СССР режиме, помимо КПСС, могли возникнуть только антисоветские партии. Во-вторых, массовое демократическое движение в Европе, включившее в свое название слово «фронт» («Рот Фронт»), было движением антифашистским, что намекало на сходство КПСС с фашизмом. Обком на появление организации реагировал с крайним раздражением.

Из моего дневника:

Идея Народного фронта – лучший ответ на статью Н. Андреевой в газете «Советская Россия». В «Литературной газете» письмо писателей, присягающих на верность перестройке. Народный фронт должен о себе заявить до партконференции. Мне нужно побывать в Москве – узнать, какие там настроения. (Подумать только, что у нас в Питере нет и десяти человек!) События, если идею удастся осуществить, пойдут неизмеримо быстрее. На партконференции возникнет коллизия: наверху появятся группировки, которые станут апеллировать к низам за

поддержкой. Нам, интеллигенции, придется выступить в роли народа по новому сценарию «Бориса Годунова».

7–8 мая: вторая встреча редакторов независимых изданий Москвы и Ленинграда.

Мы ехали в Москву одной командой – В. Трубицын, Кронов, Э. Чернова, Д. Волчек, Саша Богданов, Астахов. Я был уверен, что никаких препятствий встрече власть устраивать не будет. Саша Богданов к плакатам, которые вез, решил добавить новые – для этого взял с собой рулон чистой бумаги. Через пятнадцать минут все купе было в туши – и стол, и бумага. Больше всего пострадал «оруженосец» Богданова, которому в Москве пришлось использовать ванну одного знакомого диссидента для стирки одежды.

Первый день. Заседание вел А. Подрабинек, в помещении человек сорок. Редакторы журналов отчитывались в своей работе. Слушать коллег было интересно. Я говорил о «Часах». Рассказал об одной заводской стенгазете, в которой был помещен лик Богородицы, из чего сделал вывод, что независимая печать расширяет свои границы. Высказал свое убеждение, что успех демократического движения измеряется не масштабом разгрома своих противников, а переходом оппонентов движения на демократические позиции. Увидел, что такая позиция поддерживается большинством присутствующих. Побывали на съезде Демократической партии. Переговорили с Григорьянцем.

Он верно заметил, что сейчас есть вещи поважнее, чем выпуск журналов, – формирование политических партий. Действительно перестройка переходила от фазы идейной к фазе организационной. Я сказал, что идеологи перестройки главных своих противников видят в партийном аппарате КПСС и инспирируют активные действия снизу. Но таким фигурам в демократическом движении, как В. Новодворская, доверять нельзя: какую бы позицию они ни занимали, их цель – революция, и какая-то часть общества будет при этом втоптана в грязь. Григорьянц сказал, что наши точки зрения совпадают.

В Москве созрело ощущение, что журналы в сложившейся ситуации оказались в положении изолированных кружков. Как профсоюз Григорьянца, так и клуб Подрабинека не открывают перед движением новых перспектив. Наладить выпуск «Журнала журналов», организовать библиотеки самиздата, встречи активистов независимых изданий – предел возможных достижений. Значительность журналов в них самих, как значительность наших встреч – в значительности докладов. Клуб может пригласить интересных журналистов, наших и зарубежных, распространить анкету среди читателей независимых изданий

для выяснения их мнения по актуальным вопросам и т. п. И это все.

При составлении итогового коммюнике встречи главной темой стало выяснение отношений между Григорьянцем (профсоюз МСЖ), Подрабинеком («Экспресс-Хроника») и Л. Тимофеевым («Комитет и референдум»). Как я понял, Подрабинек и Тимофеев не вошли в профсоюз по разным причинам: Тимофеев не считает возможным войти в организацию, которой руководит Григорьянц, Подрабинек – потому, что в его уставе есть ссылка на Конституцию СССР. Григорьянц предлагал включить в коммюнике пункт об организации правовой помощи независимой печати, Подрабинек и Тимофеев возразили: Клуб независимых изданий сам может взять эту функцию.

Я предложил включить в документ пункт о сотрудничестве двух организаций. Теперь спор Григорьянца с Тимофеевым приобрел принципиальный характер. Тимофеев заявил, что не имеет смысла включать в общий текст то, с чем не все согласны. С «книжной» точки зрения он был абсолютно прав, однако общий политический фронт полемизирующих организаций должен был подтвердить право своих членов на личные точки зрения и их право участвовать в работе других демократических объединений. Огораживание руководителями своих организаций вело к их «приватизации» и раскалывало демократическое движение.

Я сказал, что буду говорить от лица провинции. «Приезжаем мы в Москву не потому, то этот город самый красивый и здесь живут самые умные люди. И не затем, чтобы наблюдать, как здешние лидеры не могут найти общего языка. Мы приезжаем с надеждой, что здесь, в центре России, нас могут научить объединять силы общественности. А видим – и я указал на Григорьянца и Тимофеева, – что Москва может научить лишь ссориться». Тимофеев потребовал от меня сатисфакции – я попросил его не вовлекать меня в мелочные разборки. Голосование показало, что с подавляющим большинством прошла наша с Григорьянцем формулировка.

«Гласность» посеяла в ленинградском обществе множество идей, среди них огромное количество лишенных какого-то ни было практического значения. Но как родители с улыбкой взирают на детские шалости, так и критика времен перестройки сдерживалась великодушием объявленной свободы.

Ю. Нестеров предлагает создать Народный фронт, но не учреждать его, с тем чтобы включить в него респектабельные силы – писателей, кинодеятелей, журналистов. Он боится, что Фронт с самого начала прослывет шарлатанским. Но этот

«респект» в большинстве своем труслив. Неформалы могут войти в организацию – есть опыт противостояния власти. Проблема, по-видимому, разрешится тем, что неформалы и перестройка будут вербовать людей на своих «частных участках».

25 июня. Демонстрация

Лето было напряженным. Горбачев уже не казался хозяином положения. Его противники накапливали силы в областных парторганизациях. Центральной фигурой оппозиции реформам генерального секретаря был Е. Лигачев. Обе стороны готовились к схватке на XIX партконференции.

Во второй половине мая я отправился в деревню. Огород, дела по хозяйству, рыбалка, а вечером не выключал транзистор. Эфир забит интервью, комментариями, сообщениями о политическом положении в СССР. С каждым днем напряжение нарастало, оппозиция явно набирала силы. В начале июня не выдержал – отправился в Питер. По пути на автобус встретил в соседней деревне знакомую. Она спросила: «Вы слушаете радио? Горбачева скоро снимут с его поста». Я с неожиданной для себя уверенностью сказал: «Мы этого не допустим!»

Клуб-81 отдыхал, но по-прежнему служил площадкой для встреч многих групп и одиночек – местом, где можно узнать политические новости. Всем, кто заглядывал в клуб, я говорил, что надо готовить демонстрацию против «ниноандреевцев» в защиту перестройки. Позвонил Регине Орловой: «Нужно писать лозунги». Она была замечательным «движенцем», так я называю людей, которые не принадлежат к конкретным политическим организациям и группам, но находимы, когда назревают *события*. Об идее провести уличную демонстрацию сообщил инициативной группе по созданию Народного фронта Ленинграда. На следующий день на Лаврова, 5, стали заглядывать знакомые и незнакомые. Еще через день были сдвинуты столы, от художников, работающих в учреждениях, поступила ткань для лозунгов, на деньги, собранные в нашем полуподвальчике, купили бумагу. Тут же придумывали тексты, пили чай, через окно, как черт из табакерки, впрыгивал Валерий Трубицын, чтобы ошарашить новостями, – еще один классический «движенец». Весть о том, что здесь идет подготовка к уличной демонстрации, распространилась по городу, и, как оказалось, реакция на нее была неоднозначной.

В ДК Ленсовета клуб «Перестройка» проводил очередную встречу с горожанами. В зале, как всегда, ни одного свободного

места. Сквозная и самая горячая тема: как развиваются отношения демократических организаций с властью. Важно все: что происходит в Прибалтике, что известно о стычках активистов «Демсоюза» с милицией… Выступает П. Филиппов, он объявляет о готовящейся провокации: председатель Клуба-81 Иванов хочет вывести людей на уличную демонстрацию. Я взял слово: «Если руководитель клуба „Перестройка“ Филиппов демонстрацию в поддержку отца перестройки Горбачева называет провокацией, тогда что же – запрет демонстрации и ее разгон будем считать нашей главной демократической задачей?..» Зал смеется.

Открываю 2-й номер журнала «Демократия и мы» (август 1988 г.), цитирую и комментирую свой очерк «Демонстрация 25 июня». Перестройка, выдвинув разумные цели, должна быть бескомпромиссно поддержана разумом народа. Иррациональный страх, недоверие к власти нам следует изживать в честном и прямодушном диалоге. Но человек, который в разумность власти не верит, будет стараться ее обмануть – синдром Иванушки-дурачка… вера в разумность власти была главным мотивирующим аргументом для последующих действий… Ровно за десять дней в Ленгорисполком была отправлена заявка на демонстрацию 25 июня». Заявка была подписана В. Большаковым, М. Макаровым, Д. Абелем, Г. Плюсниным. (Моя фамилия раздражала бы и КГБ и обком.)

Три дня со дня подачи заявки прошли без ответа… Власть нарушает правило, которое сама для себя установила… Выходило так, что демонстрацию нам придется делать из ничего. Отказ был бы чемто. Иисус Христос знал, что его ждет распятие, но это не имеет никакого отношения к истинности Его пути. Гигантские преобразования европейской Реформации были бы невозможны без независимости действия от вычисляемого результата: «Я здесь стою – и не могу иначе!» – как сказал Лютер. И то, что в поздние вечера мы втроем грунтуем картон, шутим, сочиняем призывы – имеет отношение к этой логике Лютера. Если хотите, перестройка *в нас,* а не где-то там – на страницах «Литературки» или «Огонька».

Напечатали на машинке сотни две листовок.

> ТЫ на стороне Горбачева или на стороне номенклатуры застоя?
>
> Ты тихо ждешь перемен – или вместе с нами в борьбе за демократию и перестройку?
>
> МЫ ВСЕХ собираем под лозунгом «ЕДИНЫЙ ФРОНТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ НЕПОБЕДИМ». Все на ДЕМОНСТРАЦИЮ 25 июня.

Свои наказы партконференции выноси на плакат, включи в свою речь, с которой выступишь на митинге, этим демонстрацию заканчивающем.

Сбор в 12.30 у Концертного зала «Октябрьский» (Лиговка).

Маршрут: к Смольному. Там митинг.

ОРГКОМИТЕТ, 25 июня

Из моего дневника:

Перестройка нам ничего не дала и, видимо, еще долго ничего не даст, кроме духовной свободы, уроков идеализма, навыков стоицизма, воли к борьбе… Но не верю даже во вредность провала.

За три дня до объявленной в листовках демонстрации в квартире М. Макарова раздался звонок. Товарищ из Ленгорисполкома сказал, что поступившая к ним бумага составлена неправильно, направлена не по адресу и что заявителям нужно сегодня же отправиться в Смольнинский райисполком для получения ответа. …Мы отправились в исполком с полной уверенностью разрешение на демонстрацию получить…

В исполкоме нас попросили заявку переписать, указать маршрут движения, численность демонстрантов, цель демонстрации. Власть интересовало, какие лозунги будем нести. Я ответил: «Легче назвать те, которые не понесем: противоправительственные и антипартийные, шовинистические и оскорбительные в чей-то адрес». Там же в коридоре заявку переписали. Потом долго – больше часа райисполком звонил в обком, – разыскивали первого секретаря, никто в обкоме на себя ответственность за разрешение демонстрации не брал. Но зачем тогда неделю держали нашу заявку в обкоме, а если перекинули в райисполком, почему райисполком трясется от выпавшей на него ответственности!

…Час ночи, два… а я не могу сочинить речь, которой завтра открою митинг. Я должен сказать лишь о том, что послужило поводом для нашей акции: о готовящейся XIX партконференции, столкновении двух позиций – Лигачева и Горбачева, и на чьей стороне мы – участники демонстрации. Предоставить слово желающим выступить и отойти в сторону. Все просто! Но мне казалось, что я должен сказать нечто большее: аргументированное, безусловное, лично важное… Только замучил себя…

Демонстрация стоила устроителям 20 рублей – на бумагу, гуашь, плакатные перья, такси, доставившее наши агитизделия к Концертному залу. В эту сумму входит и единственный портрет –

генсека Михаила Горбачева, купленный в ларьке «Союзпечать» за сорок копеек.

Устроителей всегда волнует вопрос: «Придет народ или нет?.. и сколько придет?» Сперва нас было мало, потом прибавилось. Расставили вдоль ограды сада прибывающие плакаты:

Гражданам равные права!

Культтовары вместо культа!

Нет андреевщине в политике и культуре!

Члены партии, станьте коммунистами!

«Правила временные»[101] – ежовщиной беременные!

Нет! – повышению цен на продукты питания!

Власть – народу!

Власть свободно выбранным депутатам народа!

Атеисты и верующие! Демократия – наша общая цель!

Отменим позорные статьи 70 и 190 УК РСФСР!

Сократим рабочий день женщин!..

Получилась необычная выставка: прохожие с интересом осмысляют лозунги. Из-за углов домов выглядывают «разведчики» – представители групп, проверяют «Никого не вяжут?» и бегут к таксофонам. Кинохроника энергично снимает историческое событие. Толпа растет, вопросы, споры и разъяснения. Раздаются голубые повязки стражам порядка. Кто-то приходит с собственным лозунгом. Кораблем раздвигает толпу тройка райисполкомовцев: «Кто тут главный?» Возбуждение в толпе нарастает, некоторые требуют, чтобы колонна уже строилась. У инспектирующей дамы не все в порядке с кровяным давлением – она обнаружила криминальный текст: «Милиция! Освободите Сашу Богданова!» Богданов, смешливый, находчивый и бесстрашный, – протестный дух питерских тусовщиков[102].

Наконец мы построились, подняли транспаранты и тронулись. Реутов растянул меха аккордеона – сначала марш, потом запели из революционного репертуара: «Вихри враждебные веют над нами», «Интернационал», «Замучен тяжелой неволей»… Звучало фальшиво, но не было и позднее не возникнет песен перестройки… Вижу: по тротуару шагают Филиппов и его коллеги из клуба «Перестройка» и «За ЛНФ». На улице Воинова активисты «Демократического союза» пустили в ход «кричалку»: «Долой КГБ!» К этому времени все транспаранты, запрещенные цензорами, давно уже подняты над головами…

Я смотрел на движущуюся посреди улицы колонну и думал: Что это – серьезное действие или игра молодых, мало знающих, максималистски настроенных людей, опьяненных своей смелостью, возможностью говорить перед толпой слова, которые еще недавно были запретными? Нет места пересказывать, что

«видел» и что «думал» В. Бармин, шагая вместе с нами (см. его корреспонденцию в «Вечернем Ленинграде» от 27.06.1988), но приходится говорить о политической линии его шефов, которых он обслуживает. Широкий спектр мнений, взглядов, общественных проектов, действий, который характерен для нашего времени, подвергается грубейшей классификации… На фоне провозглашенного плюрализма, гласности, демократизации общества такая пропагандистская линия выглядит как увековечивание политического тоталитаризма и интеллектуального застоя и примитивизма.

На митинге выступило более 30 человек, записалось значительно больше… Говорили о растущей роли общественности, об акциях Народного фронта, о преступлениях сталинистов, о трагедии Карабаха, о неконституционности «Временных правил», о практике заключения инакомыслящих в «психушки» и т. д. У каждого своя тема, свои предложения, свои ожидания. На такого рода собраниях наступает момент, когда никому из присутствующих уже не кажется «страшным» подойти и взять микрофон, – атмосфера искренности, открытости разрушает дистанцию между аудиторией и трибуной. Возникло такое ощущение, что хотят выступить все. Приходилось предупреждать, что записываться в список ораторов уже не имеет смысла: в 16.00 отпущенное для митинга время истекает. И тем не менее люди просили себя в него внести.

В статье Бармина все выступившие на митинге разделены на две категории: одни – это те, которые занимают твердое место в бюрократической системе: преподаватель Высшей партийной школы Ю. Лаптев, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома комсомола Н. Лебедев, депутат Смольнинского райкома А. Павлов, – только они, по Бармину, вещали с паперти Смольного собора истины (как маленькие сталины); все остальные, в том числе жертвы эпохи застоя и борцы с брежневской мафией, погрязли во лжи – и не без подталкивания врагов перестройки… Маленьких сталиных журналист изобразил героями митинга, борющимися за микрофон, чтобы сказать правду. В действительности все было иначе.

Стояли кучкой, кричали, перебивали выступающих. Им предложили выступить самим, а не скандалить. С большими трудностями удалось вытащить к микрофону Лебедева – из-за спин демонстрантов он шумел больше всех. Лаптев и Павлов поднялись к трибуне также по настойчивому приглашению ведущих митинг, но не из порыва «сказать правду», как писала газета. Газета опозорила себя в глазах двух тысяч демонстрантов… Партийная пресса сегодня – это желтая пресса.

Из «Красного щедринца»:

«Альтернативы»

– Я заметил большую разницу между тем, что обещает японский гороскоп, и тем, что с перестройкой на деле происходит.

– Разница, как между стулом и электрическим стулом.

– Точнее сказать, между кислыми щами и скисшими.

– А вы знаете, что есть два способа бороться с дефицитом?

– Какие же?

– Увеличить производство товаров – и очереди исчезнут…

– А второй?

– Второй, – ликвидировать стоящих в очереди. Итог один, но второй по технологии значительно проще.

Проведением июньской демонстрации, можно сказать, закончилась история Клуба-81 как заведения литературного. Фактически он стал клубом демократического движения Петербурга, а его члены – инициаторами и организаторами новых автономных образований, экологических, политических, религиозных, литературных…

Из моего дневника:

14 сентября

В помещении клуба состоялось учредительное собрание «Общества христианского просвещения» (инициаторы Б. Иванов и Е. Пазухин – председатель), которое несколько лет служило площадкой для общения групп и горожан, формирующих новую религиозно-христианскую среду Ленинграда.

18 сентября

В клубе прошло учредительное собрание организации «За Народный фронт». Проект ее программы включал основные принципы и гражданские свободы, которые затем вошли в Конституцию РФ. Собрание избрало правление, в которое вошли мы с С. Магидом. Фронту был нужен свой информационный вестник, и вскоре его выпуск удалось наладить. Журнал «Демократия и мы» также распространялся на собраниях организации. Магид основательно поработал над текстом программы «Народного фронта Ленинграда».

Наконец «гласность» коснулась и наших авторов.

Опубликованы прозаики А. Бартов, В. И. Аксенов, Б. Дышленко, Б. Улановская, Е. Звягин, поэты В. Шалыт, В. Кривулин, Э. Шнейдерман, О. Бешенковская, Е. Игнатова, З. Эзрохи.

8 ноября

М. Берг и М. Шейнкер провели учредительную конференцию ассоциации «Новая литература», которой удалось найти финансирование для своего издания.

Первый номер журнала «Вестник новой литературы» типографской печати вышел в 1990 году. В предисловии сообщалось, что издание столкнулось с немалыми препятствиями.

19–20 ноября

В Москве прошла третья встреча редакторов и представителей независимой печати.

23 ноября

Идут разговоры о создании комитета по организации юбилейных мероприятий, посвященных 70-летию Александра Солженицына. Клуб уже готовится.

Однако литература остается почти полностью в руках «образованщины», которая десятилетиями давит живое слово. Чего стоит хотя бы Холопов – редактор журнала «Звезда»! За десятилетие журнал не опубликовал ни одного писателя молодого поколения. Чиновная власть напрямую заинтересована в тупости и серости публикуемого – хорошая литература контрастировала бы с убогостью наших политических руководителей.

На моих глазах литература стала бумажным корабликом, который понесло в потоке политических событий. Перемены касались меня непосредственно – в 1988 году в дополнение к «Часам» и «Красному щедринцу» я стал издавать общественно-политический журнал «Демократия и мы»[103]. Постоянные разделы: «Хроника», «Вести из провинции», «Мнения, идеи, оценки», «По страницам независимой печати», «История русского демократического движения». В разделе «Хроника» объединялись информация, опубликованная в московском бюллетене «Экспресс-хроника» (бюллетень без перебоев поступал в Ленинград по нескольким адресам), информация о наших городских событиях, публикации из политического самиздата, материалы конференций, письма властям, реакция на официальную печать. В провинции появились несколько собственных корреспондентов журнала.

Большинство участников демократического движения не располагали элементарными знаниями о политической истории страны. Были опубликованы главы из монографии Револьта Пименова «Происхождение современной власти», посвященной

демократическому движению в дореволюционной России[104], перевод с английского глав из книги К. Поппера «Открытое общество и его враги»; с польского – «Неформалы и нелегалы», состоящей из интервью, взятых у лидеров польской «Солидарности» Борусевича, Буяка, А. Халля, Э. Шумейко и других (пер. Эрнста Орловского). Из публикаций под рубрикой «Вести из провинции» читатель получал представление о событиях в других регионах страны. Журнал обрел своих корреспондентов: Ирину Жуковскую, Валерия Трубицына, Сергея Магида, Вячеслава Долинина. Тираж – 40 – 50 экземпляров, расходился чаще всего на собраниях «За ЛНФ», иногда на митингах. Последние два номера – 15-й и 16-й – были напечатаны в Прибалтике тысячным тиражом, но качество было отвратительным.

Кроме журнала, теми же силами выпускался Информационный бюллетень «За ЛНФ». Любое массовое движение нуждается в собственной периодике, которая не только позволяет его участникам быть в курсе событий, нередко издание оказывается единственным материальным свидетельством его существования.

11 декабря – вечер, посвященный 70-летию А. Солженицына.

В истории клуба это совершенно особый по настроению вечер. Быть может, потому, что со стен взирал сам Александр Исаевич, а вынесенные на плакаты его заповеди призывали к гражданскому стоицизму. Журнал «Сумерки» выпустил машинописный сборник, посвященный Солженицыну, монтаж вырезок из советских газет разных времен о писателе подготовил Игорь Андреев. В помещении не то, что сидеть – стоять негде. Много незнакомых лиц.

Свой доклад я назвал «Универсальность писателя». Цитирую выдержки:

> Обратим внимание: Радищев, Пушкин, Чаадаев, Лермонтов, братья Аксаковы, Тургенев, Достоевский, Герцен, В. Соловьев, Данилевский, Ремизов, Бердяев и многие другие представители российской культуры подвергались репрессиям. Если их миновала каторга и солдатчина, то отбывали ссылку, если не лишались званий, профессионального заработка, то были лишены возможности публиковать свои произведения на родине. Этот список можно расширить, включив в него цвет русской интеллигенции, погубленной в годы сталинщины, имена десятков талантливых поэтов, прозаиков, художников нашего времени и, разумеется,

нашу гордость – Иосифа Бродского. При этом мы называем имена не боковых культурных ветвей, а основного культурного ствола России.

Тайна Солженицына прежде всего в том, что он смог выжить. Его могли во время коллективизации переселить в Сибирь за принадлежность к крепкому крестьянскому роду, убить на войне, замучить в лагере за неосторожные письма товарищу, подорвать здоровье ссыльными испытаниями, он мог опуститься, спиться среди безнадежного быта, без общения, без нужных книг, без духовных учителей… Он описал ухищрения, которыми человек защищает себя: как пронес в барак карандаш величиной в полспички… как на воле спасал свой шедевр «Архипелаг Гулаг». Жизнь с непомерными испытаниями и задачами, которые человек ставит перед собой, формирует *универсальный* тип.

Человек российской культуры дышит воздухом порогового риска, ожиданиями больших душевных испытаний. Творчество как гражданский акт и экзистенциальный порыв ведет к появлению особой литературы – литературы самиздатской, тамиздатской, труднопечатной, создающей в культурном пространстве *особые значения*, связанные с гражданской позицией, с проблемами личного мужества.

Что же гнетет русскую литературу, независимую мысль и личность? Гнетет государство. Его присутствие сопровождает творчество всех, кто ранее был назван, – от Радищева до Бродского, его изображают персонажи в сатирах Гоголя и Салтыкова-Щедрина, это судья Савельева из суда над Бродским. У Солженицына ГОСУДАРСТВО – всеобъемлющее существо, которому мы принадлежим – независимо от того, хотим мы этого или нет. Книги Солженицына фантастичны, но не вымышленностью фабул, а тем размахом, с которым он дал анализ и образ Российского государства… На всеобъемлющее порабощение народ отвечает всеобщим конформизмом и… радикальной политической индифферентностью.

Народный тип Солженицына (Иван Денисович) имеет с толстовским типом… «принудительное единство», которое проистекает из законов русского социального бытия. Но если в глубине толстовского народного типа – стихийная религиозность, то в глубине Ивана Денисовича – стихийная витальность. Для власти

народный тип подозрителен. Не потому, что он что-то замышляет, а потому, что власть полагает, что человек (из народа) скрывает, утаивает то, что принадлежит по праву власти: *свой ресурс жизни, тайны своего выживания*. Насилие власти не предполагает, что встретит сопротивление, и потому насилие не имеет нравственного смысла, как не имеет его и наказание. В этом одно из глубочайших следствий террора против народа.

Будучи математиком по образованию, офицером по месту службы, писателем по призванию, мыслителем по необходимости, Солженицын занял в оппозиционной культуре исключительное положение. Он понял свою миссию вне задач советской интеллигенции, образованного класса вообще… Понимая себя носителем *народной правды*, он говорил от лица народа – с властями, с интеллигенцией, говорил о России миру, миру от лица России.

Между «народным типом» Солженицына и гражданской позицией писателя – огромная разница. Если народный тип, не разделяя грехов системы, сохраняет витальное пространство для здравого смысла, то в позиции Солженицына конформизм заменен *реализмом*, жизненная тактика напоминает то, что называют «разведкой боем». Он выявил всю систему подавления в стране свободного голоса. Если жертвы травли замирали или уходили в подполье, он сделал каждый шаг погромщиков достоянием публичности, писал письма, давал интервью зарубежным журналистам, выступал с речами, которые распространялись по стране… Это было невиданным, безумным нарушением всех существующих до сих пор правил поведения жертв преследования.

Солженицын отделил национальное содержание от политического. Идеология внушала миллионам, что русский народ – носитель идей коммунизма, что он – беспартийный коммунист… Такое же убеждение прививалось всем народам СССР… Солженицын утверждал, что человек, действующий не считаясь с национальными традициями, способен на самые бессмысленные, бесчувственные, злодейские дела. Такой вывод не является преувеличением: ленинско-сталинский геноцид, гигантские концентрационные лагеря, разорение самых насыщенных культурной

традицией слоев – крестьянства и интеллигенции – подтверждают неправедность, безнравственность и бездуховность нашей политической власти.

Жизнь и творчество А. И. Солженицына – это разоблачение во лжи целой советской эпохи и героический прорыв к правде, не уступающей по значимости религиозным откровениям…

В докладе «Солженицын в русской культурной традиции» Николай Симаков называл имена тех, кто оказал влияние на формирование мировоззрения писателя. Его путь: марксизм, христианство, православие – аналогичен тому, который прошли Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, И. Ильин. «Значение Солженицына прежде всего в том, что он соединил концы с началами, образовал связь времен, которая была потеряна на многие десятилетия. Он пытается найти главную линию русской религиозной, нравственной мысли», в литературе – продолжил традицию русского антинигилистического романа XIX века Достоевского («Бесы»), Лескова – «На ножах». Главным его произведением с этой задачей стал «Архипелаг Гулаг».

После «Гулага» оценки мировой общественностью марксизма и советского опыта социализма резко изменились. Симаков считает первым русским интеллигентом Радищева, увидевшего, в каких условиях живут крепостные крестьяне, и решившегося об этом рассказать. Позорным концом интеллигенции он считает поездку советских писателей во главе с М. Горьким на строительство Беломоро-Балтийского канала[105].

С докладом «Пророк и отечество» выступил Глеб Анищенко, соредактор московского журнала «Выбор». Он коротко охарактеризовал современные общественные движения, заметив о христианском движении, что по своему масштабу оно все меньше уступает движению правозащитному. «Проблему национального самосознания» докладчик отнес к самой горячей; общая черта сегодняшних общественных движений – их радикализация, бескомпромиссность, призывающая пересмотреть всю нашу 70-летнюю историю, в неофициальной прессе все больше говорится об «инфернальности всех этих лет».

Докладчик считает, что во всех этих проявлениях ощутимо влияние творчества Александра Солженицына. Его романы поспешили напечатать потому, что они «стали высшим выражением нынешнего перестроечного сознания». Но такие произведения, как «Архипелаг Гулаг», «Бодался теленок с дубом», «Ленин в Цюрихе», «Красное колесо», в полной мере будут оценены позднее. Анищенко предложил рассматривать «Красное

колесо», «Архипелаг Гулаг» и «Бодался теленок с дубом» как трилогию – эпопею русской народной жизни XX века. Рассказал о врагах писателя, о попытке замолчать его роль в становлении национального сознания России, о клеветнических наветах. «Я свой доклад назвал „Пророк и отечество“ – пророк вне отечества и отечество вне пророка. Когда произойдет это соединение?» Анищенко упомянул о письме Солженицына, полученном редакторами журнала «Выбор». На их вопрос, когда писатель вернется в Россию, Солженицын ответил: «Это никак невозможно *до* напечатания в СССР моих главных книг».

Резюме

К 1988 году власти предприняли попытку взять под государственную опеку всю разнородную массу стихийно возникших групп – создать Ассоциацию общественных организаций страны. Вся эта махина должна была держаться на оплачиваемых руководителях организаций, поддерживаемых разными льготами, и… на лицемерном демократизме. Власти связывали легализацию с верностью партийным богам КПСС. Клуб-81, категорически отказавшийся от идеологического ошейника соцреализма, так и остался, похоже, единственным легализованным учреждением. Мало-мальски оформившиеся группы если еще не вошли в состав таких свободных объединений, как культурно-демократическое движение, Народный фронт, «Демократический союз», то следовали их примеру.

Клуб, который непосредственно участвовал в создании Совета культурно-демократического движения, уже давно перестал быть узколитературным. П. Коршунов заметил, что такая политика идет клубу во вред. Но аппарат не может продемонстрировать ни культурных, ни моральных, ни экономических способностей решать назревшие проблемы – их предстоит решить силами гражданских организаций.

Общественные организации не знают отчуждения, здесь личная заинтересованность не воображается, а является мотивирующей частью самого дела. Но общественность может существовать и развиваться лишь при условии четких правовых гарантий. Обещанные гарантии не являются заменителем гарантий правовых. Вспомним историю с Молодежным культурным центром, в который влились сотни энтузиастов, привлеченных Положением о любительских объединениях[106], и были вышвырнуты нежеланием профсоюзного ведомства

предоставить площадку для социальных романтиков. Вступившие в МКЦ не обрели ни гарантий, ни чувства независимости, ни веры лицам, ответственным за следование букве Положения.

Многие гражданские инициативы были датированы 1988 годом – политические, культурные, кооперативные, религиозные. Расширение в предшествующие годы круга религиозной общественности – часть общего явления: естественного роста новой социальной ткани.

Но где тот новый Иоанн Кронштадтский, который мог бы говорить с десятками тысяч оглашенных!

1989 год

4 января. Собрание в Доме писателя общественного комитета «Выборы-89».

Народу набралось около 250 человек. Интересная часть – высказывания кандидатов о своих программах. В целом выступления были умными и достойными. Большаков выступил против Филиппова. Нестеров обвинил Филиппова в беспринципности, а Большакова в переменчивости.

Моторин предложил включить в список кандидатов меня, я свою кандидатуру отвел. К этому времени я уже представлял специфику депутатской работы: заседания партийной фракции, участие в заседаниях Думы, перманентная борьба за голоса на всех уровнях – и неучастие в исполнении реальных решений.

Комитет «Выборы-89» утвердил предвыборный список из 35 человек (Д. А. Гранин, М. М. Чулаки, В. Г. Рамм, В. Н. Монахов, А. А. Дольский, Б. Н. Никольский, П. С. Филиппов, М. Е. Салье…).

Из моего дневника:

8 января

В Гавани открылась художественная выставка «От неофициального искусства – к перестройке».

11 января

Отчетное собрание клуба за 1988 год.

В отчете был раздел «Общественная активность членов клуба». Клуб принимал участие в обсуждении многих тем – экология природы, экология культуры, выступал на литературных вечерах различных площадок, принимал у себя самиздатчиков других городов, делал заявления по вопросам, на которые должны быть получены ответы в результате демократической перестройки. Я говорил об успехах наших конференций: «Культура и идеология», «Традиция и авангард», «Ценности христианской культуры», на которых заслушивалось до тридцати докладов. Упомянул и о конференциях «Новые языки в искусстве», которые провели А. Драгомощенко и Б. Останин в Ленинграде и Москве, привлекая все более широкий круг литераторов и ученых. Представители клуба учредили «Общество христианского просвещения». Члены клуба регулярно выступают в литературном кафе ДК пищевой промышленности «Бибигон», – ведущий В. Кривулин.

Но несмотря на многочисленные отклики в стране и за рубежом на сборники «Круг», «Круг-2» продолжают пылиться в издательстве «Советский писатель». Трудности публикаций сохранялись. Большинство удовлетворялись публикациями в

машинописных изданиях. Члены клуба издают 9 машинописных журналов: продолжают выходить «Часы» (ред. Б. Иванов, Б. Останин), «Красный щедринец» и «Демократия и мы» (Б. Иванов), «Обводный канал» и «Мост» (К. Бутырин, С. Стратановский), «Митин журнал» (Д. Волчек), журнал секции переводов «Предлог» (С. Хренов), журнал для детей «ДиМ» – («Девочки и мальчики»), журнал общественно-политической тематики «Меркурий» (Е. Зелинская). Общий объем рукописей, публикуемых этими журналами в течение года, составляет около 250 печатных листов.

Затем выступил Ю. Андреев, обвинивший меня в авторитарности, – вероятно, рассчитывая получить поддержку среди членов клуба, – он никак не хотел поверить, что все сколько-нибудь значимые решения предлагают, обсуждают и принимают члены правления и общие собрания. Именно это объясняет тот факт, что ежегодные выборы сохраняют почти неизменный состав правления клуба, отказывая в доверии тем, кто его своими поступками не заслужил. В мою защиту выступили С. Коровин и И. Адамацкий. Адамацкий рассказал об эпизоде с черной «волгой», связанном с попыткой Андреева, которую поддержали СП и КГБ, на место председателя поставить другого – «ручного» члена клуба. Коровин обвинил его в том, что он продолжает пользоваться клеветой и сплетнями Нестеровского и его собутыльников.

Андреев сказал, что не держится за кураторство, что он подавал в секретариат СП заявление об освобождении его от обязанностей куратора, но принято оно не было. Во внутреннюю жизнь клуба вмешиваться он не будет, но останется «литературным консультантом». (СП, очевидно, хотел сохранить за своим представителем право цензурировать наши выступления за пределами клуба.)

Кривулин, Берг, Зелинская, Уфлянд говорили о необходимости коренного преобразования клуба и разработке нового устава. Четких предложений не последовало, разве что избирать не правление, а президента, который сам назовет тех, с кем хочет работать. Это предложение имело ту же цель, что и прежнее, исходившее от кружка Кривулина: выделить в клубе элиту и передать ей право решать все клубные проблемы. Такое предложение собрание заведомо никогда не приняло бы. Клуб при всем своем сложном человеческом составе шесть лет сохранял свое единство именно потому, что в его правление входили представители разных литературных групп [107] *. Здесь же предлагалось передать руководство шестью десятками членами клуба одному из новых кружков.*

Я говорил, что общественная влиятельность клуба возрастет,

если мы создадим более широкую организацию, в которой клуб стал бы ядром. Собственно, этим я и занимался вместе с ТЭИИ и другими молодежными группами. КДД – культурно-демократическое движение города уже выходило за интересы какого-либо кружка и тем более честолюбивых претензий лиц…

На правление никто не нападал. Новикова, который подготовил пространное выступление, – после «дела Нестеровского» никто слушать не захотел.

На ноте: клубу нужен новый устав, учитывающий новые условия существования и его новые задачи, – собрание закончилось. Выборы нового правления было решено перенести до принятия нового устава.

Ю. Андреев, однако, не отказался от попыток рулить нашим объединением. Он объявил нам, что договорился представить клуб питерским телезрителям. Клуб этой новостью был удивлен и воодушевлен. После совместной с куратором подготовки эта передача могла бы стать событием и, возможно, восстановить доверительные отношения с Андреевым. Но он решил составить программу передачи сам, с клубом ее даже не знакомить. Похоже, куратор готовил интригу. Я с коллегами подготовил текст, в котором были названы имена выступающих и темы их выступлений. Из имен помню В. Кучерявкина и С. Коровина. Список предназначался для Андреева как ведущего программы, что позволяло ему высказаться самому и дать слово литераторам клуба.

Помещение, выбранное для телезаписи, и члены клуба, разместившиеся по его периметру, производили внушительное впечатление. В середине аудитории за небольшим столом уже сидела команда Андреева: Кожевников, поэты Дмитриев и Шалыт, еще кто-то. Я подошел к столу и положил перед Андреевым наш список: «Мы подготовили несколько выступлений…» Он грубо меня прервал: «Заберите! Нам не нужно то, что вы тут написали…»

Все расселись, пора было начинать, ко мне вдруг подошел телевизионщик и потребовал, чтобы я пересел во второй ряд за спины коллег.

М. Берг начал говорить о *новой литературе*. Андреев тут же ему заявил, что вся его речь будет вырезана. Все молчали. Я встал и покинул этот спектакль. Поддержал меня только поэт Саша Горнон…

Еще раз подтвердилась моя пропись: «Официал любое хорошее дело умудрится обгадить»… «Спектакль» доктора наук провалился. Грубо и нагло он хотел превратить членов клуба в статистов своего торжества. Как просто такие номера удавались

столько лет нашим начальникам, которые единственный микрофон они держали в своих руках, а клака была прикормлена!

Потом Андреев объяснял свой провал происками Иванова.

12 января

Как-то нужно на свинство Андреева ответить: письмо в СП? в телестудию? выразить недоверие от членов клуба? Правление решило провести опрос: Как вы оцениваете кураторскую деятельность Ю. Андреева: «положительно», «отрицательно» или: «от оценки воздерживаюсь»?

14 января

Наметилась конфронтация с издателями. Против публикации «Круга-2» выступают Назаров, секретариат ЛО СП, Андреев и рецензент А. Арьев. Если Андреев все-таки поддержит сборник и проведет его через секретариат, тогда опрос отложим: в защиту Андреева появится аргумент. Сейчас он проваливается без препятствий.

16 января

Встреча с поэтом Дмитрием Бобышевым – первый случай, когда эмигрант из нашей среды свободно приехал в СССР.

Во время встречи над лестничной площадкой дома лопнула водопроводная магистраль. Поток воды обрушился сверху, у входной двери в наш подвал собралась вода. Кто-то сказал: «Бобышев привез нам привет от Ниагары…» Никогда на наших встречах не было такой веселой атмосферы. Мы – выжили!..

21 января

Начался опрос.

23 января

Подсчет сделан: 1/2 членов клуба от оценки деятельности Андреева воздержались, 15 % оценили положительно, 35 % отрицательно.

После этого опроса Андреев в клубе больше не появлялся. Мы были не нужны друг другу. Так Утопия-2 навсегда закрыла свои глазки.

26 января

Были у Бариновой. Официальность и общественность. Взаимное недоверие. Возможно, я не придаю значения некоторому новому тону в общении – например, готовность тотчас провести встречу неофициальных объединений с издательствами. Но, очевидно, напор общественности должен возрасти, чтобы принудить номенклатуру строить отношения с людьми на правовой основе. И разговор нужно вести в терминах права.

1–4 февраля

Мне кажется, как бы ни был ущербен СП, наша изолированность от государственных институций такова, что

только в том же Союзе мы можем встретить хотя бы минимальное понимание. Союз еще может «поделиться» чем-то, – он стар, бесплоден и может снискать славу лишь патернализмом.

Общение, особенно беспорядочное телефонное и визитное, – вот что разоряет день. Чувствую, сделать за день могу многое и разное, но общение – это психоз.

Прочел статью А. Нуйкина «Интересы и идеалы». Потрясен. Ничего не читал в официальной прессе подобного… Важно высказанное убеждение: неизбежна смертельная борьба с бюрократией.

Высшая номенклатура действительно сейчас неподотчетна ни партии, ни народу.

24 февраля

Вечер в Доме кино и в Клубе Ильича. В Доме кино в Большом зале выступили Кривулин, Игнатова, Бешенковская, Уфлянд, И. Смирнов, Адамацкий. Я прочел рассказ «Бедный Кнок». Вечер велся плохо, но вытянули стихи и проза. Успех порядочный.

2 марта

Арьев перестал получать деньги как референт клуба.

6 марта

Сегодня обсуждали два варианта нового устава клуба: будем придерживаться своего учредителя – ЛО СП или попытаемся стать общественной организацией, то есть зарегистрироваться как отдельное самостоятельное объединение.

Мое убеждение: клуб прославился тем, что в его уставе было положение о следовании «традициям великой русской литературы», и своей способностью в век трусости и пресмыкательства оказать моральную поддержку неофициальному творческому человеку и привить ему некоторые общественные навыки. Клуб стал школой социальной активности, сопротивления деградации, угрозе которой был подвержен ненужный, одинокий со своим творчеством человек… Одним словом: «нужда заставила калачи есть».

В жестко структурированном обществе выпасть из системы – впасть в небытие. Но, будучи частью системы, имеешь возможность генерировать новую общественную ткань. Мы приютили Горошевского – и он обрел самостоятельное положение. Мы опекали Курехина и Гребенщикова, когда им была нужна наша поддержка. Они стали знаменитостями. Мы издавали журналы и послужили повивальной бабкой для Совета экологии культуры и «Дельты». Клуб активно участвовал в создании в Петербурге нового культурного пространства.

30 марта

В «Вечернем Ленинграде» помещена статья Е. Алексеевой

«Удобнее в тени?» с подзаголовком «Заметки о судьбе Клуба-81».

Как всегда в «партийной» печати, все перевернуто с ног на голову: большинство членов клуба голосованием выразили куратору Ю. Андрееву недоверие, но об этом в статье ни слова: как будто Андреев, которому клуб, как писала газета, был всем обязан, сам отказался от кураторства.

> **Из письма И. Адамацкого в редакцию газеты «Вечерний Ленинград»:**
>
> Драматическая судьба клуба в воображении Е. Алексеевой становится святочной картинкой разливанного моря неусыпной заботы, где купался якобы «неблагодарный клуб». То она сюсюкает о «хороших» и «нехороших» членах клуба, борющихся между собой за признание, а ниже о «непонятной страсти» этих же членов к монолитности, украсив свой текст изящной цитатой: «всякая стадность – прибежище бездарности». На пленуме обкома КПСС выявилось аварийное состояние литературы: средний возраст писательской организации переваливает за пенсионный, прием в Союз писателей проходит с неодолимыми трудностями, качество литературной продукции низкое. Вместо того чтобы исследовать причины застоя, с которым многие годы борется молодая литература, Алексеева все ставит с ног на голову, свято веря в безнаказанность публичного вранья.

Диалог невозможен, если одна из сторон способна только врать.

Совет по экологии культуры по инициативе М. Талалая основал общественную библиотеку архива самиздата. На собрании Талалай привел такие цифры: в настоящее время в СССР издаются – 323 периодических издания, либерально-демократических – 149, марксистских – 54, молодежных – 33, христианских – 36, национальных – 39, пацифистских – 4, экуменических – 4.

В газете недавно вычитал, что в СССР катастрофически мало издательств – чуть более двухсот. В США – свыше 2000, в Италии столько же. Говорится и о безобразии при распределении печатной бумаги.

26 марта прошли выборы депутатов в Верховный Совет СССР.

Накануне дня, который должен был определить будущее страны, я дежурил в котельной. Подумать только, что завтра состоятся первые, пусть не совсем демократические, но все же свободные выборы! С последних свободных выборов в

Учредительное собрание России прошло более семидесяти лет.

К вечеру не выдержал – закрыл котельную и поехал к станции метро «Елизаровская», где должен был пройти предвыборный митинг.

Было известно, что на последнем Пленуме обкома КПСС обсуждались меры «по противодействию политике гласности и критике партийно-государственного аппарата» как антисоциалистической и антипартийной кампании «безответственных элементов». Это походило на поучение куратора нашего клуба «тихо ходить по административным коридорам» и стараться нравиться тем, кто сидит за дверями кабинетов.

Я опоздал, митинг уже прошел, но следы его остались: площадь истоптана, окурки, бумаги, появляются такие, как я, на митинг опоздавшие. Несколько угрюмых пожилых коммунистов предлагают свою газету. На краю слякотной площади знакомое лицо: участник культурно-демократического движения Георгий Иванов держит большое бумажное полотно с призывом голосовать за демократов. Край полотна надорван – были попытки плакат порвать.

Моему промокшему однофамильцу две девушки принесли горячий кофе. Было видно, что он будет стоять здесь до конца… К площади подъезжает спецмашина с громкоговорителем. Бодрая музыка и речь о славном кандидате в депутаты Верховного Совета СССР тов. Соловьеве. Слушатели узнают о близости первого секретаря Ленинградского обкома КПСС рабочим и о его личном мужестве. В его деятельности был такой эпизод: он спустился на строящуюся станцию метро и во время беседы с коллективом вдруг погас свет. Послышались испуганные крики, затем наступила тишина. В тишине и во мраке, – продолжал читать диктор, – прозвучал уверенный голос секретаря обкома: «Спокойно, товарищи! Начальник смены, ваши действия!»

И меня вдруг озарило: мы победим! Мы не можем не победить на выборах.

И сейчас, когда я встречаю Георгия, не могу не вспомнить площадь у метро: мрачных коммунистов с пачками невостребованных газет, бравурную музыку и речи из агитавтобуса и моего однофамильца – подвижника свободы.

В выборах участвовало 90 процентов избирателей. В Ленинграде потерпели поражение все ведущие партийные и советские работники…

Утром звонок: «Вам звонят из пожарной части. Вам известно, что в помещении вашего клуба был пожар?.. Приезжайте, будем составлять протокол».

Пожар возник ночью. Кто-то разбил окно в нашу маленькую комнатушку и устроил поджог. Тревогу подняли жильцы дома. Сгорело все, что там было, изнутри обуглилась дверь.

Пустым и заброшенным клуб выглядел после выборов и этого пожара, он напоминал покинутую солдатами казарму. Клуб растворился в ассоциации «Новая литература», «Новые языки в искусстве», в Обществе христианского просвещения, Высшей религиозно-философской школе… Здесь прошло первое учредительное собрание организации Народного фронта – тогда еще «За Ленинградский народный фронт». В последнее время здесь собиралась группа поддержки Б. Н. Никольского, в маленькой обгоревшей комнатушке – коммунисты не простили демократам победу на выборах – устроили пожар… «Нет, – сказал Никольский, – скорее всего, это дело рук „Памяти“, – они считают меня евреем…»

Новое время

Мы начали жить в окружении людей, которые не знали – что-то слышали, но не больше – про какие-то машинописные журналы, какую-то неофициальную культуру, правозащитников, что и неудивительно. Нас было очень мало, наши митинги и демонстрации даже в последнее время собирали тысячу, десять тысяч, тридцать тысяч горожан – и это в городе с четырехмиллионным населением! У нас не было оружия, и не строили мы баррикад. Будущий статистик подсчитает, сколько было авторов самиздатских журналов – поэтов, прозаиков, переводчиков, – от силы четыре-пять сотен, художников – две-три сотни, правозащитников, включая их «пособников», еще меньше. Самая многочисленная политическая сила в Петербурге – ЛНФ – насчитывала накануне выборов в 1989 году около 600 членов.

У некоторых неофициалов уже вышли книжки, кто-то ушел в журналистику, кто-то – в эмиграцию, кто-то продолжал ходить на дежурство в котельную с пишущей машинкой… И этот период его участники пережили. Имена членов клуба можно найти в энциклопедических словарях «Самиздат Ленинграда» (М., 2003) и «Литературный Санкт-Петербург. XX век. Прозаики, поэты, драматурги, переводчики» (СПб., 2011).

Новое время смело́ утопистов-1 вскоре после того, как культурное движение рассталось с надеждой на Утопию-2.

Из моего дневника:

12–14 апреля

В помещении Центрального лектория «Знание» прошла

конференция «Независимая культура Ленинграда 50 – 70-х годов», организованная творческой лабораторией «Поэтическая функция». С докладами выступили Б. Иванов, Вл. Эрль, В. Уфлянд, В. Долинин, С. Ковальский и другие.

25 апреля

Пленум ЦК КПСС. Критика М. Горбачева. Выход из состава ЦК 110 его членов, кандидатов и членов Ревизионной комиссии.

Апрель

Вышел первый номер информационного бюллетеня «Северо-Запад».

15 мая

Митинги в Абхазии в поддержку независимости от Грузии.

25 мая

Сегодня, после почти каждодневных заседаний, я понял, что созданная нами структура, увы, привлекает к себе обезличенных людей. Слышал по радио их речи, гул зала: заявка на митинг наконец получила удовлетворение. Легко могу представить себя на этом митинге… Почувствовал, что наступило время поворота в судьбе, как после выхода сборника «Круг» почувствовал, что мы не проложили путь в будущее, наши надежды не оправдались, от вежливой дипломатии пора отказаться – наступило время политической борьбы. Когда движение подчиняется законам движения массы, места для личностей в нем не остается. Они, в согласии с правилам игры, оказываются в меньшинстве.

1 июня

В городе введены талоны на мыло и чай.

12 июля

Первым секретарем обкома избран Б. В. Гидаспов.

«Раньше и теперь»

Раньше тебя высаживали из «скорой помощи» в коридор больницы имени Карла Маркса или Фридриха Энгельса – и лежи. Из сортира веет ледяной сквозняк – хоть ветряк ставь, по кафельному полу круглосуточно калеки протезами допотопными гремят, и редко кто до сортира аммиак доносит. А каша! – асфальт. А градусники! Одни трубки ртутные – градуировки нет, чтобы не соревновались болезные с лекарями в диагностике.

Недавно выхожу из коматозного состояния – батюшки мои! – что это? Кажись, наконец преставился.

Все позади – три войны, две денежные реформы, очереди и стройки коммунизма. Хватит, надоело! Да и голова ослабла. Кто Лигачев, кто Горбачев, и другие лики мелькают, а тут еще Нагорный Карабас неведомо откуда объявился. Ну а как телевизор забарахлил – так я, Опанас Пивнюк, и преставился.

Приглядываюсь, куда же я попал. Да это же рай! Одеяла мяконькие, новенькие, подушечка пухленькая. А мимо ангелы пролетают со шприцами одноразовыми. Из радиоточки женщина поет басом о Волге просто и сердечно: «Пусть сады растут, цветут, колышутся…» И вдруг слышу: «Товарищ, друг, а вы с какого предприятия?»

Голову поворачиваю – Гидаспов! Большой человек. Неужто, – мысль у меня проскочила, – секретарь обкома в одночасье со мной преставился! Пижама на нем такая же, как на мне. И судно мое с фаянсовыми цветочками его судну не уступает. Никак не может в моей голове вместиться: я – и он, я – «фреза Коломенского завода», 120 рэ – и он, хан номенклатурный, обитающий в преддверии коммунизма.

Он мое состояние разгадал:

– Да, дорогой товарищ, мы пошли на это. Сперва закрома спецхрана открыли, потом списки репрессированных с 1917-го по 1988-й – читай, знакомься, радуйся. Никому не запрещено говорить о наших преступлениях, грехах, ошибках, заблуждениях, о тайных замыслах по захвату мирозданья, о глупой нашей борьбе с Господом Богом, ибо поняли, что простому человеку было труднее попасть в Смольный, чем верблюду в рай… И вот больничные халаты с суднами поровну с беспартийными разделили.

Август

Образовался Христианско-демократический союз Ленинграда.

6 октября

Макет «Демократия и мы» вернули – нет полиграфических возможностей.

Адамацкий говорит, что кооператив готов нас признать издательской группой. Если перспективы выхода на тираж у «Демократии и мы» нет, следует заняться издательством всерьез с самого начала, привлекая профессионалов: критиков, редакторов, художников-оформителей.

7 ноября

Колонна демократических сил прошла от Пионерской площади до Дворцовой. 50 тысяч человек.

21 ноября

Пленум горкома и обкома. Гидаспов выступил против радикалов из ЛНФ.

В «Неве» № 9 опубликована моя повесть «На отъезд любимого брата».

Возвращаюсь к литературе.

Борис Рогинский
Послесловие

«Выходи по одному и бросай оружие на снег!.. А теперь Горбатый! Я сказал: Горбатый!» – иного разговора с бандитами быть не может. Так это представлялось по советским фильмам. По западным детективам сделалась известной профессия переговорщика. Если хочешь сохранить жизнь заложникам, с преступниками надо беседовать, успокаивать их, оттягивать время, договариваться, меняться. Принимать какие-то их требования, выдвигать собственные и добиваться их выполнения. И не снайперы, не вертолеты, не группы захвата решают в конце концов дело, а этот спокойный, подготовленный, мгновенно сопрягающий все обстоятельства и принимающий решения человек. Переговорщик – стратег и тактик освобождения заложников.

Именно эту роль в конце 1970-х годов взял на себя автор этой книги Борис Иванович Иванов. От имени непризнанного властью культурного сообщества Ленинграда он вместе со своими соратниками и союзниками Игорем Адамацким, Юрием Новиковым, Борисом Останиным, Аркадием Драгомощенко, Налем Подольским и другими начал переговоры с КГБ. Переговоры о вещи тогда почти немыслимой – о выходе из подполья, создании того, что будет названо Клубом-81. Только за переговорщиком не стояли бронированные автомобили, вооруженные до зубов люди, локаторы и прослушка телефонов. Все это было у «бандитов». А переговорщик был сам из числа заложников, и никто, кроме заложников, ему не помогал. Еще одно отличие от детективов – Борис Иванов всегда брал с собой на переговоры одного или нескольких товарищей. Для того, чтобы «бандиты» понимали: они имеют дело не с чудаком-одиночкой, а с общественным движением. И чтобы у других членов клуба не возникало сомнений относительно честности и открытости переговоров.

А между тем трудно представить себе более не склонных к переговорам заложников, чем представители ленинградской неофициальной культуры рубежа 1970–1980-х годов. Сведя свои отношения с государством к минимуму (устройство на работу оператором котельной, сторожем, лифтером), поэты, художники, музыканты, режиссеры, критики, философы, не имевшие надежды на выход к широкой аудитории, в большинстве своем вроде бы и не испытывали в нем потребности. Вариться в собственном котле

или, если угодно, обитать в катакомбах, творить для узкого круга ценителей вошло в привычку и сделалось нормой. Всякая организация представлялась либо опасной, либо бессмысленной. Любая договоренность с КГБ, да просто переговоры с ним, казались коллаборационизмом. Стержнем катакомбной культуры того времени был индивидуализм, и люди зачастую с подозрением относились ко всему открытому и общественному, видя в нем посягательство на «тайную свободу» личности. Такие заметные фигуры независимого культурного движения, как Тамара Буковская и Владимир Эрль, так и не вошли в клуб.

Поэтому переговорщик оказывался между молотом государства и наковальней неофициальной культуры. Как Борису Иванову и его единомышленникам удалось заразить идеей клуба стольких петербургских мечтателей и чудаков – непонятно. Может, это было кем-то в конце 1970-х смутно ощущаемое, кем-то ясно осознанное чувство кризиса? Может, решающим оказалось слово «клуб», ассоциировавшееся не с советскими кружками по интересам, а с Английским клубом, а может, и с Пиквикским – действительно, собрание эксцентриков! Может, рождение Клуба-81 подготовили конференции независимого культурного движения, религиозно-философского семинара, устроенного Виктором Кривулиным и Татьяной Горичевой, самиздатские журналы и в первую очередь «Часы», издаваемые Борисом Ивановым бесперебойно в течение четырнадцати лет (1976–1990), но также и «37», и «Северная почта», и «Обводный канал»? Ведь многолетнее и регулярное сотрудничество авторов и редакторов, постоянные рубрики – это уже форма организации разобщенных писателей, путь к читателю, хоть и немногочисленному, хоть и знакомому, но все же выходящему за пределы круга самих авторов. Да, именно в постоянстве, спокойствии, непременности хода «Часов» при любых обстоятельствах видел редактор главное их значение. Собственно, «Часы» и Клуб-81 имели для Бориса Иванова сходные цели: и то и другое он связывал с самосознанием культуры, с ее, как он это называл, институализацией. Без общности нет культуры, так он считал. И если в середине 1970-х годов авторов можно было собирать под одной обложкой, то к концу потребовалось место, где они встречались бы друг с другом и читателями, где звучали бы стихи, проза, доклады, проходили бы дискуссии. И это должна была быть не квартира (квартира просто не вместила бы всех желающих), а легально предоставленное помещение.

И здесь мы касаемся еще одной причины возникновения Клуба-81, возможно, решающей. Дело в том, что к концу 1970-х годов отношения интеллигенции и власти окончательно зашли в

тупик. И те и другие были так утомлены и напуганы друг другом, что стало ясно: неизвестно как, но положение необходимо менять. Девиз Клуба-81, не раз повторенный в воспоминаниях Бориса Иванова, звучал так: «Не бойтесь – смена караула!» Надо было обладать незаурядной политической интуицией, чтобы в ту эпоху, до смерти Брежнева, до подорожания водки, в начале Афганской войны, увидеть кризис системы, «смену караула» и связанную с ней растерянность КГБ, как раз и позволившую начать переговоры. Не менее, а то и более важной представляется первая часть девиза: «Не бойтесь!» Это значило: не бойтесь государства, его карательного аппарата, не бойтесь ставить условия и требовать законности, не бойтесь внешнего мира, не бойтесь выходить к широкому читателю, не бойтесь открыто встречаться и общаться, в том числе и с иностранцами, не бойтесь быть самими собой. Слова «Не бойтесь!» вполне могли стать и девизом «Часов»: пока журнал выходит, жизнь продолжается, есть единомышленники, есть преемственность культуры. Что-то вроде блокадного радио: пока слышен метроном, не все потеряно. Борис Иванов, переживший в отрочестве блокаду, возможно, так и чувствовал. «Не бойтесь!» – это и обращение Бориса Иванова к читателям его рассказов и повестей, которые он писал с 1960-х до последних лет жизни. Не бойтесь смерти, не бойтесь окружающей вас мертвечины, вы призваны разрушить ее вашим бесстрашным и осмысленным существованием. Можно предположить, что призыв этот выношен еще в студенческие годы, во многом под влиянием Камю, Сент-Экзюпери и прежде всего мужественной философии Рида Грачева, с которым Борис Иванов был дружен.

Насущной экзистенциальной потребностью конца 1970-х годов и было избавление от страха. Скорее всего, именно это стало важнейшей причиной возникновения и популярности Клуба-81. Эту эпоху и начало перестройки Борис Иванов сравнивает с Реформацией в Европе. Открытость культуры обществу можно сравнить с доступностью Библии, переведенной Лютером. Утрата коммунистической идеологией и аппаратом насилия монополии на политическую и культурную жизнь сопоставима с крушением всевластия католицизма и инквизиции. Необычайное распространение всяческих предрассудков и мракобесия как реакция на открытость Протестантской церкви сходно с популярностью мистики и разных оккультных учений и практик в последние годы советской власти: «*Вчера „на чердаке“ было отчетное собрание. Еще не все собрались, когда кто-то сказал: „Савелия Низовского отвезли в больницу: у него после тяжелого разговора в «Детгизе» случился инфаркт“. Андреев: „Товарищу нужно помочь… (Как?) Всех, кто готов участвовать в*

спиритическом сеансе, прошу собраться в одном месте“. Все взволнованы и заинтригованы. Андреев продолжает: „Внимание!.. Все начинаем думать только о Савелии и о нашем желании ему помочь, закроем глаза, – он там, на высокой горе, мы видим его… мы обо всем забыли… думаем только о нем… тихо, мы сконцентрировались… А теперь посылаем ему свою волю, энергию…“». Напомню, что Савелий Низовский – член Клуба-81, а Юрий Андреев – представитель Союза писателей и КГБ, курировавший клуб. Итак, в среду интеллигентов приходит человек из органов и предлагает «посылать энергию товарищу», которому «нужно помочь». И все соглашаются. И спиритический сеанс состоялся! Какое непредсказуемое было время!

Главный результат существования клуба не был заранее угадан и самим Борисом Ивановым. Еще в 1973 году он так определял задачу неофициальной культуры: «Освобождение индивидов от авторитарного типа мышления, от иерархически организованных отношений, осознание своего места в судьбе человечества, определение своей позиции, открытой нерегламентированному содержанию, полагая его своим правом и началом своей этики». В сочетании с «Не бойтесь!» и регулярными собраниями, выборами правления, развившейся культурой дискуссии это дало фантастический результат: многие члены Клуба-81 в конечном итоге превратились в по-настоящему ответственных и свободных граждан, ответственных и свободных нравственно, эстетически и политически. Сам же клуб стал зерном гражданского общества, первой, пробной и во многом по сей день образцовой общественной организацией. Недаром именно в Клуб-81 потянулись под конец его существования экологические, культурные, политические объединения демократической ориентации. Во второй половине воспоминаний мы наблюдаем, как ширится резонанс деятельности клуба: неофициальная культура Ленинграда – почти весь Ленинград – Москва – вся страна. И в конце 1980-х клуб как бы незаметно исчезает в лавине других общественных движений и организаций эпохи перестройки. Он исчезает, сделав свое дело, изменив нравственный и культурный облик жизни города и во многом – страны.

Прочитав почти любые воспоминания, мы задаемся вопросом: а что же все-таки для нас сейчас важнее и просто интереснее – описанные события, участником или свидетелем которых был автор, или личность самого автора? В случае с книгой Бориса Иванова трудно ответить на этот вопрос, настолько пути его внутренней и внешней жизни переплелись с историей клуба. Да, Иванов не был единственным создателем, воспитателем и

руководителем, наоборот, с самого начала основу работы он видел в коллегиальности, выборности, открытости, и именно так клуб и жил. Но не зря прозвище Бориса Иванова было Акела – вожак волчьей стаи из «Маугли». Без него, конечно, никакого клуба не было бы. Мы уже говорили о недоверчивости и воинствующем индивидуализме ленинградских независимых авторов 1970-х годов. Переломить их могла только совершенно особенная личность – *человек другой эпохи*.

В упомянутом в книге докладе Бориса Останина и Александра Кобака «Молния и радуга. Пути культуры 1960–1980-х годов» проводится типологическое различие между настроениями разных эпох. Иванов так передает его основную идею: «*Шестидесятые годы мыслились выстроенные* осевым событием, *эмоциональными взрывами, подвигами лидеров, создателями новых форм, их эмблематический образ – молния. Восьмидесятые – это энциклопедизм, историзм, интеллектуализм, цитатность, профессионализм, имперсонализм, эклектика, деидеологизация, игровая ориентация, прикладные формы, теория малых дел, эстетизм, гедонизм, примирение…»* В итоге, считали авторы, «образ радуги как эмблема мирного соседства красок всего спектра верно передает дух восьмидесятых годов». К этому следует прибавить, что промежуточные 1970-е, «средние века» были ближе к «радуге», только более острые и агрессивные – постмодернистские «имперсонализм» и «примирение» не очень-то были им свойственны. Клуб-81, в который входили и который посещали почти сплошь «люди радуги» и 1970-х годов, был все же создан «подвигом лидера» – человека эпохи «молнии».

Борис Иванов так говорил о Бродском: «Он был как ракета, отбрасывающая в полете ступени. Никогда не возвращался. Жил только в одну сторону». Это свойство он относил вообще к 1960-м годам. И сам Борис Иванов, сформировавшийся в 1960-е, во многом был таким. Он остро чуял надвигающиеся исторические сдвиги и мгновенно начинал работать «на будущее» в смысле глубинных потребностей культуры и ее носителей, еще не всеми осознанных. И видел свое место впереди: *«Первые, казалось бы, ничего не изменившие в стране события, уже запустили в ход почти невидимые внутренние процессы. В ожидании перемен сознание забегает вперед и начинает плести паутину будущего. Это целиком относилось ко мне, когда я проектировал „толстый“ самиздат, затем конференции и наконец клуб. Я предчувствовал, что все это мне удастся, именно мне, потому что нужен был организационный опыт и широкий взгляд на происходящее».*

И организационный опыт, и вообще вкус к организации общественной жизни, к политике, без чего не было бы никакого

клуба, тоже родом из эпохи «молнии», когда хоть изредка казалось, что власть можно изменить, улучшить, оказать на нее влияние, во всяком случае, быть услышанным. В первых строках воспоминаний Борис Иванов определяет две политические утопии – коммунистическую и либеральную, согласно которой путем совершенствования советской системы можно добиться идеальных или хотя бы существенно положительных результатов. Да, обе утопии терпят крушение, но важно то, что либеральная возникла и была популярна не столько в годы существования клуба, сколько опять же в эпоху «молнии». Без уходящей корнями в 1960-е годы веры Бориса Иванова в возможность осмысленного диалога с КГБ никакого клуба не было бы!

Но политический и организаторский азарт объясняет не все. В годы моего знакомства с Борисом Ивановым я то и дело присматривался к портрету Гегеля, висевшему над его рабочим местом, и недоумевал: Лютер был бы уместнее! Но сейчас мне стало ясно: во все эпохи советской и послесоветской жизни, во времена надежд, хаоса, призрачности, опасности, смен караула, снова надежд – Борис Иванов верил в разум. Не только в свой разум, но и в разумное устройство мира. Необычайно редкая и сейчас, и в начале 1980-х черта, делавшая в принципе реальным диалог с кафкианским «замком» – диалог, неизменно заканчивавшийся победой переговорщиков. И снова это черта эпохи «молнии», когда, казалось, что индивидуальное или коллективное усилие способно сокрушить стену абсурда.

Так о чем же и о ком эта книга? *«Много всего нового. Освобождение заключенных, предложение режиссеру Любимову вернуться в Россию. Ведутся разговоры о новых планах либерализации… „Зарубежные голоса“ слышны почти без помех… все радует, и щемит сердце, ибо на поверхность выходит драматургия жизни, трепетное переплетение человеческих слабостей и сил. Новый год предвижу драчливым»*, – это последняя запись автора за 1986 год. Мне кажется, здесь мелькает самое главное. Почему эпоха «радует, и щемит сердце»? Вовсе не из-за сдвигов в политике, культуре, социуме. Оказывается, вожак Акела, переговорщик, «человек молнии», умел видеть во всем, о чем он рассказывает, скрытую и выходящую на поверхность «драматургию жизни, трепетное переплетение человеческих слабостей и сил». И вдобавок – возможность подраться! Вот о чем переполненная идеями, спорами, страстями, событиями история Клуба-81, рассказанная Борисом Ивановым. Взгляд – чем не шекспировский?

notes

1

В журнале «Печать и революция» (1923, № 3) Н. Бухарин по-большевистски определенно выразил ее задачу: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике… Если мы хотим поставить себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно».

2

В ленинградском литературном мире публика различала паладинов Утопии-1 – Выходцева, Кондрашова, Ходзу и идеологов Утопии-2 – Д. Дара, Г. Семенова.

3

«Часы». № 20, 21.

4

См.: *Долинин В., Иванов Б., Останин Б., Северюхин Д.* Самиздат Ленинграда. М., 2003. С. 504; «Часы». № 22–24.

5

В докладе я обратил внимание на то, что все «лишние люди» русской литературы не «служат» – знаменитая реплика Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно», самостоятельно мыслят – Онегин и Рудин, пишущий «статьи». Даже Обломов занимался одно время переводами работ, полезных для ведения сельского хозяйства. Нонконформистов и «лишних людей», пытающихся на свой страх и риск решать духовные, культурные и социальные проблемы, ждала социальная отверженность, политические преследования, ссылки, эмиграция. (Из петербургских художников за границу выехало около тридцати процентов.)

6

Из публикации в «Посеве» мы с Останиным узнали, что ее организовали… В. Кривулин и Т. Горичева. На Западе, не зная организаторов акций, нередко привязывали их к известным именам. Так, из книги Л. Алексеевой «История инакомыслия в СССР» (Вильнюс–Москва, 1992) я узнал, что редакторами «Часов» являются В. Долинин и Ю. Вознесенская (!). Подобных неточностей трудно было избежать.

7

Цитирую главу «Узкая дорога к демократии» из своей книги «Часы культуры (По ту сторону официальности)» (*Борис Иванов*. Сочинения. Т. 2. С. 473. М., 2009).

8

После прекращения выпуска журнала «37» В. Кривулин вместе с С. Дедюлиным выпускали журнал поэзии «Северная почта».

9

Под феминистками имелась в виду группа, выпустившая альманах «Женщина и Россия». В нее входили Т. Мамонова, Н. Малаховская, Т. Горичева, Ю. Вознесенская, – все они были поставлены перед альтернативой либо предстать перед судом «за клеветнические измышления, порочащие общественный и государственный строй», либо в кратчайший срок выехать за пределы страны. См. «Самиздат Ленинграда», статьи об альманахе «Женщина и Россия» и журнале «Мария».

10

За составление письма в защиту арестованных А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и других меня в 1968 г. исключили из партии, уволили с работы и, разумеется, лишили возможности заниматься журналистикой и публиковаться как писателю. (Письмо, кроме меня, было подписано Я. Гординым, И. Муравьевой, М. Данини.)

11

О своем участии в независимом культурном движении я рассказал в книге «Часы культуры (По ту сторону официальности)», см. примеч. 7.

12

Позднее в переписке с официальными учреждениями я стал называть советскую литературу «традиционной», этим объясняя ее невосприимчивость к новому, иному.

Это должно было состояться при объединении двух самиздатских «толстых журналов» «37» и «Часы». Последний видел свою задачу, при опасности и трудности организации машинописного издания, представлять интересы самых различных идейных и художественных направлений и групп. «37», как кружковой журнал, был готов к объединению лишь на своих условиях.

14

В. Кривулин. «37», «Северная почта» // САМИЗДАТ (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–1980 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 79, 80.

«Часы». № 32, 33, 35, 36, 38.

16

Вступать в контакты с властями только группой стало в будущем нашим правилом. Индивидуальные контакты были специальным решением правления Клуба-81 запрещены.

Подробнее об этом проекте позже. Сейчас замечу лишь, что разрабатывался он на самом верху и на ленинградском областном уровне. Непосредственное отношения к нему имел первый секретарь обкома Г. Романов, входивший в состав Политбюро.

18

Пройдет несколько лет, и у меня не останется сомнений, кто информировал КГБ о наших действиях.

19

В 1980 г. из Иерусалима пришло известие о смерти Давида Яковлевича Дара.

20

В начале 1979 г. группа, в которую входили В. Абрамкин, В. Сорокин и другие, выпустила первый номер журнала «Поиски». Глубокие аналитические статьи были посвящены поискам выхода из тупика, в котором оказалась страна. В конце 1979 г. Абрамкин и Сорокин были арестованы и осуждены.

21

В 1940-х гг. советская литература получила в кругах критически мыслящих писателей определение – «бюрократический реализм». Это определение дал Давид Дар в письме Союзу писателей, выразив протест против исключения Александра Солженицына из Союза. И имел на это полное основание: вся официальная советская литература от «Поднятой целины» М. Шолохова до «Жатвы» Николаевой, от «Районных будней» В. Овечкина до романов и повестей Д. Гранина была проникнута квазирелигиозным упованием на партийно-бюрократические верхи.

22

В ноябре в городе появился московский поэт Александр Сопровский, который приехал с идеей «Союза независимых литераторов» и распространял анкету этого предполагаемого союза. Анкету многие заполнили и дали Сопровскому тексты своих произведений. Между тем за его визитом внимательно следило КГБ: когда Сопровский садился в московский поезд, его «повязали», отобрав и анкеты, и тексты. (Самого, впрочем, отпустили.) Случай этот не имеет прямого отношения к клубу, но красноречиво свидетельствует об атмосфере того времени.

23

Точнее было бы сказать: «имеет право принимать участие во всех мероприятиях Клуба», присутствие Ю. Андреева вовсе не требовалось, чтобы правление клуба могло собраться и принять свое решение. Мероприятия планировались и проводились, как правило, без его участия. Когда на заседании правления он присутствовал, его голос приравнивался к голосу члена правления.

Некоторые упрекали клуб за то, что в устав было включено выделенное курсивом положение, которое якобы обрезало путь рукописям на Запад. Клуб, как организация, за рубеж действительно ничего, кроме писем, не отправлял, но и не запрещал ничего членам клуба – рукописи попадали за кордон по личному волеизъявлению их держателей. При этом критики не удосужились поинтересоваться, есть ли в советских законах статьи, которые налагали бы наказание за своевольную публикацию за пределами страны. А.Синявского и Ю. Даниэля, В. Максимова, А. Солженицына и других осуждали за содержание публикаций. Пришить статью за «клевету», «пропаганду» и пр. – да, за сам факт публикации – нет. При этом КГБ стремился наказать каждого автора, получившего гонорар из-за рубежа, минуя систему специального советского посредничества.

25

В марте 1984 г. на расширенном заседании правления ЛО ССП, где обсуждался вопрос об издании сборника «Круг», Ю. Андреев, чтобы укрепить свою позицию, сказал, что еще в 1980 г. первый секретарь обкома КПСС Г. Романов спрашивал секретаря партбюро писательской организации А. Белинского, почему так много в городе писателей, которые публикуются где-то за рубежом. «Надо организовать дело так, чтобы талантливые люди, которые почему-либо не печатаются здесь, смогли публиковаться на родине».

Романов входил в состав Политбюро партии и наверняка вопрос о публикациях на Западе обсуждался в Политбюро, разумеется, не без участия М. Суслова. В городе ходил слух, что Клуб-81 был учрежден с его санкции. Таким образом, Утопия-2 была имплантирована в мозговые клетки областного аппарата.

26

Помещение находилось в двухэтажном флигеле двора этого дома, в котором поселяли горожан на временное проживание.

27

Наше с Б. Останиным участие в создании антологии – лишь в идее. Эдуард Шнейдерман, Светлана Вовина, Юрий Колкер и Вячеслав Долинин объединив свои усилия, собрали (1981–1982 гг.) и опубликовали антологию под названием «Острова», в которую вошли стихи 80 поэтов.

28

Выставка на Бронницкой улице состоялась в ноябре 1981 г., ее посетило около 2000 человек.

29

С Юрием Новиковым мы познакомились в начале 1978 г., когда предпринималась попытка объединения журналов «37» и «Часов». Установки журналов, увы, не совпадали: издатели «37» В. Кривулин и Т. Горичева хотели сделать свое издание партийно-кружковым, выражающим взгляды издателей, редакторы «Часов» мыслили их печатным органом всего культурного движения.

Издатели «37» недооценили талант Новикова видеть развитие изобразительного искусства и культурного движения Ленинграда в главном и целом – в контексте истории русского искусства, которую он прекрасно знал. На основе его очерков, заметок, обзоров неофициальной художественной жизни, которые «Часы» публиковали на протяжении десяти лет, написано множество статей, восстанавливалась история событий.

Как свидетель он привлекался по делу Револьта Пименова.

31

Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) – советский литературовед, один из теоретиков соцреализма.

Ограничение было – мы согласились в тех случаях, когда члены клуба выступали с чтением своих произведений перед аудиторией за стенами клуба, представлять их на просмотр Ю. Андрееву. В уставе об этой договоренности не указывалось. Выступавшие часто включали в свое чтение вещи, куратору не представленные, КГБ, после эпизода с Н. Подольским, цензурные функции не присваивал.

33

Манию преследования со знанием дела описывали неподцензурные прозаики – Борис Дышленко и Борис Кудряков. «Страх парализует и волю, и разум; если преодоление телесного страха требует отважного порыва, социальный страх – интроспективного исследования своего состояния и границ реальной опасности» (Б. Цукерман, член Комитета прав человека в СССР).

Такого рода оповещения секретари клуба рассылали по адресам членов клуба. На каждый месяц по предложениям секций составлялся план мероприятий, который рассылал по почте вначале Сергей Коровин, позднее Игорь Адамацкий. К сожалению, не все рассылки сохранились.

35

Ленинградское телевидение уже прокрутило ролик с покаянными заявлениями В. Долинина и Р. Евдокимова.

Заметим, мы заговорили о «новом времени», когда в Кремле заседал Ю. Андропов, его еще заменит К. Черненко, и лишь в 1986 г. прорежутся признаки либерализации политики, еще не названной *перестройкой*.

Потом я узнал, что Е. Игнатова участвовала в материальной поддержке находившегося в заключении Долинина.

38

«Товарищ из райкома» после доклада подошел ко мне и удивил полным согласием с тем, что услышал. При этом он так улыбался, как если бы был рад прогнозу смены государственной культуры культурой новой – культурой реализма и действительных проблем.

К сожалению, эти доклады не записывались.

«Часы». 1985, № 52.

41

Книга В. Ширали «Сад» была издана с предисловием Т. Гнедич (Л.: Лениздат, 1979).

42

Борис Корнилов, муж Ольги Берггольц, был расстрелян в 1937 г. Лесючевский был председателем правления издательства «Советский писатель».

Ситуация, как мне позднее стало известно, была несколько иной: квартет ROVA в Москве выступил, но до отъезда еще оставалось время, а новых предложений не было. И главное, музыканты не решились играть в Москве свою программу – у них сложилось впечатление, что аудитория ее не примет.

44

Присутствие *сайгоновцев* чувствуется – ведь доступ открыт для всех, стража не пускает только пьяных.

45

Роман В. Кривулина «Шмон» – фрагмент, состоящий из одного «сложно-сочиненного предложения», опубликован в 2004 г. // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период): 1980-е. СПб., 2004.

Б. Дышленко говорил мне, что Андреев настаивал на внесении в описание места действия и имена персонажей признаков некой латиноамериканской страны, – я предложил ему согласиться. Прозу Дышленко я стал относить к «условному реализму», когда автор воспроизводит реальные условия существования людей, а не уникальные приметы того или иного государства.

Клуб, помимо писем в защиту В. Долинина и В. Кривулина, выступал на стороне своих членов в коммунальных вопросах, при уличных инцидентах. Ю. Андреев был отзывчив на просьбы о такого рода поддержке.

С. Магид в конце 80-х гг. вошел в состав правления организации «За Ленинградский народный фронт», сотрудничал в журнале «Демократия и мы».

49

Б. Н. Никольский – в скором времени займет пост редактора журнала «Нева» и опубликует повесть Дышленко «Правила игры» (1985, № 3), со вступительной статьей Ю. Андреева. В «Часах» повесть была опубликована в 1981 г. под первым названием «Мясо».

Сохранился черновик текста.

51

Николай Лесючевский – директор Всесоюзного издательства «Советский писатель» – еще в довоенные годы обрел известность как критик-доносчик НКВД, ему обязан арестом и лагерем Н. Заболоцкий и расстрелом поэт Б. Корнилов. О нем в журнале «Звезда», № 11, 1998.

52

По слухам, в своей рецензии Лесючевский использовал в качестве литературоведческих терминов мат, поэтому издательство стесняется показывать ее публике.

Как видно, Клио водила моим пером, когда я высказывал эту мысль: впереди нас ждала эпоха малотиражных изданий. Клубная литература не относилась к литературе «массовой».

54

Против Алена Жмаева – аспиранта Герценовского педагогического института – было заведено дело, закончившееся отчислением его из аспирантуры, исключением из партии, трудностями с трудоустройством. Короткая жизнь талантливого филолога оборвалась пожаром в сельской школе, уничтожившим архив и собранные книги. В журнале «Часы» (1988, № 73, 74, 76; 1989, № 77) опубликованы главы из книги А. Жмаева «Туда и обратно (ретроспективный дневник)», принесенные его вдовой весной 1988 г.

55

Псевдоним Дмитрия Волчека.

Среди членов клуба были литераторы, поддерживающие дружеские отношения с редакторами издательства «Советский писатель». Через них мы получали информацию.

В литературной биографии поэта-нацмена публикация его стихотворений на русском языке была фактом его признания и союзного тиража. Для переводов, как правило, отбирались стихи с выражением советского патриотизма, дружбы народов и т. п.

Кажется, моя реакция на вопрос была все-таки вежливой. Рассказ Бариновой мне показался малоправдоподобным. Меня, после смерти от голода сестры и отца, также спасла мать, отчаянным неординарным поступком. Привела в кабинет врача поликлиники с криком: «У меня умерли все. Я не хочу, чтобы и сын умер на моих глазах!» – и убежала. Я полчаса лежал на полу кабинета. У меня была третья стадия дистрофии, цинготные язвы, пролежни, вши. Меня положили в стационар.

Через много лет женщина-врач опознала меня. Это была сестра матери Кривулина, которая рассказала Виктору историю с подкидышем. О «добровольной социальной поддержке» обезумевшие от голода и холода люди не могли и подумать – каждая семья боролась в одиночку.

Еще в 1960-е гг. тексты начали уходить за границу и там публиковались. От автора требовали либо признать свою вину в этой пересылке, либо выразить протест незаконными действиями зарубежного издательства, не получившего авторского согласия на публикацию. «Правильным» был такой ответ неофициала: я пытался опубликовать это произведение в СССР, но у нас его не оценили. Оставалось доказать, что его произведение не имеет антисоветского характера, а гонорар он не получил: в том случае, если деньги за публикацию к автору приходили не через ВААП, ему грозило уголовное преследование.

Александр Попов занимался вопросами литературы в обкоме КПСС.

«Часы». 1985, № 55, 56.

62

Эпитет «советский» никто в докладах не употреблял, использовался другой – «официальный».

63

Сказку «Приключение маленького стекольщика» еще в 1968 г. Владимир Соловьев, тогда заведующий литературной частью Театра юного зрителя, советовал поставить на сцене. Но в это время мое исключение из КПСС оглашалось по городу как серьезное политическое событие, и сказка была отвергнута.

64

См. «Часы». 1986, № 61, 62.

Е. Пазухин – по образованию филолог, стал известным как авторитетный знаток Писания, активный участник и докладчик семинара «Религия и культура» 1974 – 1981 гг., организатор других просветительских начинаний. Вместе с В. Антоновым вел в журнале «37» религиозный отдел, несколько статей опубликовал в журнале «Часы». В 1991 г. эмигрировал, живет в Германии, автор книг и статей, опубликованных в эмигрантских журналах и газетах.

См. «Часы». 1987, № 67, 69.

67

Глеб Горбовский. «Мне говорят…» // Горбовский Г. Соб. соч.: В 2 т. Т. 1. Там же – поэма «Право на себя», написанная в 1957 г.

Владимир Ханан. Круги на почве культуры // «Часы», № 64, 1986.

В статье Ю. Новиков поставил «неофициальное изобразительное искусство» и все культурное движение в зависимость от его места в системе существующих социокультурных институций – на положение крестьянского фольклора и «фольклора городского типа». Он решал политическую проблему власти, ставя его под руководство и опеку советских учреждений, занимающихся вопросами «самодеятельности». Это толкование грубо противоречило самосознанию культурного движения, которое к этому времени было *современнее официальной культуры,* продолжавшей душить свободу творчества, изолируя его от развития мировой культуры и лишая свободного обращения к зрителям и читателям.

Парадигма социалистического реализма непригодна для анализа творчества, основанного на ценности личности и антропологической заданности индивида. Этим объясняется, что питомцы соцреализма либо отказывали субъективным произведениям в какой-либо эстетической ценности, либо относили их к подделкам буржуазной культуры. В состав сборника «Круг» в большинстве своем вошли произведения, написанные в 1960–1970-е гг., – испытавшие влияние литературы Серебряного века, и двадцатых-тридцатых годов, и возрастного романтизма.

71

«Положение о любительском объединении, клубе по интересам» будет опубликовано 13 мая. Бобров о сути этого документа знал, и его *смутная картина с ленинградскими отступлениями* на примере Клуба-81 должна была бы предупредить о том вреде, который принесет это «Положение» и клубы.

72

В кавычках цитата из газетной статьи того времени.

73

«Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа», подпольная антикоммунистическая организация, созданная в Ленинграде в 1964 г.

Из выступления на заседании правления клуба.

В. Кривулин после встречи с Л. Жуковым поставил московский клуб в пример правлению нашего клуба. В журнале «Красный щедринец» был опубликовал на эту тему фельетон.

Ленинградский дворец молодежи.

77

«Слюна и желчь о шести столбцах» (подписана: «А. А. Сидоров, член бригады коммунистического труда, формовщик») // «Часы». 1986, № 63.

78

Редакторы издательства для сборника «Круг» изобрели новую серию «Мастерская», с тем чтобы замять саму память о «Круге». Идея, скорее всего, принадлежала А. Помпееву, он руководил ЛИТО, в котором готовил, очевидно, публицистов-ленинцев. На следующий год вышла книга очерков этого ЛИТО, которая колоритно выразила вкусы и принципы его руководителя: серость как лучший показатель идеологической преданности авторов.

79

Рецензия на концерт опубликована в журнале «Часы». 1986, № 62.

Сергей Хренов. Показания соучастника // Митин журнал, № 8 (1986).

81

Юлий Рыбаков был осужден в 1976 г. по статье за «порчу культурного памятника» (дело о надписи на стене Петропавловской крепости).

82

1-я конференция «Новые языки в искусстве», проведенная 2–4 февраля 1987 г. творческой лабораторией «Поэтическая функция». В рамках конференции 2 февраля выступил режиссер А. Сокуров, был показан его фильм «Скорбное бесчувствие».

Записанные на пленку и авторизованные тексты докладов опубликованы в журнале «Часы», № 70, 1987.

Новое искусство в современной ситуации (стенограмма дискуссии от 14 марта 1987 г.); в этом же номере: «Создан Совет культурного демократического движения», «Положение о Совете КДД», «Пост общественной информации – защита общественности», «Обращение в Бюро обкома КПСС»; «Обращение, принятое на Экологическом форуме 17 мая 1987 г.».

Уже началось растаскивание госсобственности – помещений, оргтехники, запасов бумаги и картона – и передача ее в руки «своих», не операторам же котельных и сторожам! «Красный щедринец» в каждом номере откликался на тему коммунистической бюрократии и ее любви к личной собственности.

Сын поэта Александра Кушнера Евгений.

87

«Часы». 1987, № 66.

О творческой эволюции поэта в 1980–1090-е гг. в моей статье «Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса» // Петербургская поэзия в лицах. М., 2011.

Оказалось, что многолетнее административное руководство хозяйственными, кооперативными, торговыми отношениями, отсутствие на местах опыта самоорганизации и самоуправления привели к тому, что прежнее пришлось сохранить. Сама по себе колхозная система оказалась недееспособной.

90

Общественные организации, созданные по «Положению о самодеятельных организациях», учреждаются только представительными официальными организациями и несут ответственность за их деятельность.

91

В XIX в. в России образовалась прослойка независимых образованных людей, избегавших государственной службы. Они получили название «лишних людей».

Опубликованы в журнале «Часы». 1988, № 71.

Это объяснялось тем, что существующий режим был им чужд, и, чтобы сохранить льготный статус «писателя», им приходилось приспосабливаться к требованиям советской культурной политики. Они должны были обладать тем, что я назвал «щелевым мышлением», – угадывать конъюнктуру момента. Это унижало их, приходилось «на цырлах» ходить по издательствам и редакциям.

Современному читателю не понятна подоплека этого вопроса. Соблюдая «политическую гигиену», иностранцы должны были звонить из телефонных автоматов, а не с домашних или гостиничных телефонов. В гостиницах телефоны прослушивались.

Инициировал и организовал экологическую группу «Дельта» член Клуба-81 прозаик Петр Кожевников. В ее задачу входила инспекция экологически неблагополучных мест и объектов, определение ущерба и виновных в нанесении вреда окружающей среде, просвещение и обучение населения контролю и борьбе за чистоту природной среды. «Дельта» проводила на П. Лаврова, 5, собрания и дискуссии. Формально группа не обрела статуса филиальной группы клуба, но вскоре, вслед за «Дельтой», на скромной территории клуба получили возможность проводить свои организационные мероприятия больше десятка культурно и политически ориентированных групп и организаций.

96

Подробный отчет о торжественном собрании, посвященном присуждению Нобелевской премии Иосифу Бродского, напечатан в журнале «Часы» (1988, № 71).

Компьютер я и мои питерские коллеги видели впервые. Мы продолжали обсуждать наши проблемы, а в уголке принтер выстукивал, как машинистка, строку за строкой, подхватывал новый лист бумаги и продолжал работу. Так печатался тираж журнала правозащитника С. Григорьянца «Гласность».

Современная история наглядно демонстрирует кровавые тупики в борьбе ислама и светской власти.

99

Учредительное собрание общества состоялось 14 сентября в Клубе-81.

Нужно помнить, что к этому времени далеко не все освободились от страха, прошли месяцы, прежде чем наши осторожные сограждане осмелились заговорить о Народном фронте, – ведь было ясно, что эта торпеда нацелена в единственную существующую в стране партию.

101

К этому времени были опубликованы «Временные правила» проведения массовых мероприятий общественными организациями, которые вызвали резкую критику участников демократического движения.

Например, в Москве гэбисты подогнали к дому, где проходила конференция независимых издателей, спецмашину с подслушивающим устройством и для наблюдения за приходящей публикой. Саша сразу же деловито занялся заклеиванием ее смотрового окошечка газетой.

103

Журнал выходил до весны 1990 г.

Публиковались в № 3, 1988; №№ 5–8, 14, 1989. В типографском виде вышла в Москве в 1996 г.

Н. Симаков не увидел в той борьбе, которую вели с советским тоталитаризмом А. Сахаров, Р. Пименов, А. Синявский, сотни и сотни других представителей, – возродившейся российской интеллигенции. К ней принадлежал и А. Солженицын.

106

«Положение о любительских объединениях, клубе по интересам» было принято ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Министерством культуры СССР и опубликовано в мае 1986 г.

Тогда и сегодня я встречаю людей, которых просто бесит существование тех, кто тратит свое время и энергию на решение общественных проблем. Они легко узнают друг друга и, оказываясь в коллективе, разрабатывают политику, которая позволит им, поддерживая друг друга, войти в элиту.